КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXII.

1901 г.

ФЕВРАЛЬ.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго Университета Св. Вл
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улиц
1901.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 13 января 1901 года.

П. А. КУЛИШЪ.

(*Біографическій очеркъ*). [1])

Отъ редакціи.

Четыре года тому назадъ, когда получено было извѣстіе о смерти П. А. Кулиша, 2-го февраля 1897 года, нашъ журналъ далъ обѣщаніе постоянно удѣлять мѣсто на страницахъ своихъ матеріаламъ для всесторонней оцѣнки дѣятельности такого виднаго работника на родной нивѣ. Въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ, „Кіевская Старина“ выполняла данное обѣщаніе, печатая обширную переписку П. А. Кулиша со многими лицами. Переписка эта, по мнѣнію редакціи, есть тотъ первый матеріалъ, который болѣе всего умѣстенъ для печати, подготовляя всѣ данныя, на основѣ которыхъ только и можетъ быть составлена *впослѣдствіи* вполнѣ справедливая и безпристрастная оцѣнка какъ самой личности, такъ и ея трудовъ. Говоримъ *впослѣдствіи* потому, что дѣятели, подобные Кулишу, слишкомъ широко раскинувшіеся въ своей работѣ, игравшіе роль не только въ наукѣ, но и въ публицистикѣ, и даже въ политикѣ, не могутъ сразу

[1]) Настоящій очеркъ былъ провѣренъ вдовой покойнаго Кулиша, Александрой Михайловной, и покойнымъ его другомъ и родственникомъ В. М. Бѣлозерскимъ.

быть оцѣнены по достоинству современниками: слишкомъ еще живо, а иногда и болѣзненно, отзывается въ современности та активная роль, которая выпала на ихъ долю. Вотъ причина, заставившая насъ четыре года тому назадъ воздержаться отъ подведенія какихъ-бы то ни было итоговъ дѣятельности П. А. Кулиша и ограничиться напечатаніемъ маленькаго некролога, [1]) исполненнаго лиризма на почвѣ примиренія съ почившимъ и принадлежавшаго перу М. Т. Номиса (Симонова), некрологъ котораго мы помѣщаемъ теперь въ этой же книжкѣ.

Прошло четыре года—и мы все-же не чувствуемъ себя вправѣ рѣшить, что теперь наступилъ уже часъ высказать безошибочное сужденіе о личности и дѣятельности П. А. Кулиша: мало еще удалились въ область прошедшаго тѣ дѣла, съ которыми тѣсно были связаны жизнь и труды покойнаго. Единственно, что возможно сдѣлать теперь—это въ біографическомъ очеркѣ дать тотъ, болѣе или менѣе, объединенный матеріалъ, который поможетъ впереди нарисовать правдивый обликъ умственной и нравственной физіономіи виднаго общественнаго работника. Мы знаемъ, что, печатая теперь біографію П. А. Кулиша, составленную уважаемымъ нашимъ сотрудникомъ В. И. Шенрокомъ, мы оставляемъ много мѣста для внесенія въ эту біографію иныхъ страницъ, съ дополненіями и поправками, а также и съ инымъ освѣщеніемъ, но пусть все это будетъ сдѣлано впереди, пусть портретъ съ полной разрисовкой всѣхъ чертъ создастся постепенно, а пока-что читатель во всякомъ случаѣ получитъ хоть общій контуръ этой многозначительной для нашей Украины личности, этого почтеннаго сочлена знаменитой украинской тріады писателей середины прошлаго вѣка.

Ред.

Приступая къ описанію жизни извѣстнаго патріота и писателя Пантелеймона Александровича Кулиша, мы сознаемъ всю трудность взятой на себя задачи—въ виду, съ одной стороны,

---

[1]) 1897 г. № 3.

ея важнаго значенія, а съ другой—необычайно разностороннихъ дарованій и дѣятельности покойнаго. Мы далеки отъ самоувѣренной надежды дать въ нашемъ очеркѣ полное воспроизведеніе его духовнаго обликъ, и въ то же время намъ кажется желательнымъ и умѣстнымъ позаботиться о своевременномъ сохраненіи существующихъ данныхъ для изученія жизни этого, во всякомъ случаѣ, замѣчательнаго дѣятеля, имѣющаго несомнѣнное и притомъ многостороннее историческое значеніе. Покойный Кулишъ по многимъ причинамъ особенно заслуживаетъ вниманія, и притомъ вовсе не со стороны однихъ только малороссовъ,—уже потому, что это былъ рѣдкій подвижникъ умственнаго труда, труда неустаннаго, самоотверженнаго и согрѣтаго пламенной любовью къ родинѣ. Какъ понималъ Кулишъ призваніе всей своей жизни и дѣлалъ-ли ошибки, выполняя это призваніе,—это вопросъ весьма трудный и сложный, по поводу котораго неизбѣжно и долго будутъ возникать разногласія. Но теперь, когда его дѣятельность отошла уже въ исторію, невозможно отказать его кипучей энергіи въ значительной дозѣ чистаго идеализма. Это былъ дѣятель, несмотря на многія свои достоинства и заслуги, въ концѣ своей жизни въ значительной степени неоцѣненный и забытый. Причиной этому было, главнымъ образомъ, его раннее, въ силу обстоятельствъ, отстраненіе отъ широкой общественной и литературной арены, обособленность его научныхъ работъ послѣднихъ лѣтъ и погруженіе въ отдаленномъ хуторѣ въ трудовую отшельническую жизнь. Еще задолго до своего затворничества Кулишъ, съ ужасомъ предчувствуя возможность подобной перспективы, говорилъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ роднымъ: „Сердце мое содрогается отъ мысли, что я могу опуститься въ хуторѣ, какъ многіе другіе, начавшіе свою жизнь иначе. Нѣтъ, я такъ не кончу: и послѣднія мои минуты будутъ отданы—если не труду, то благороднымъ помысламъ и завѣтамъ". Эти слова, вырвавшіяся невольно въ самомъ заурядномъ и совершенно неинтересномъ въ остальныхъ отношеніяхъ письмѣ, по нашему мнѣнію, именно поэтому получаютъ особенное значеніе, и они въ самомъ дѣлѣ потомъ вполнѣ оправдались на дѣлѣ. Трудъ,

упорный и неутомимый трудъ, не смотря ни на что, наполнилъ всю жизнь Кулиша и продолжался до послѣднихъ дней его. И ничто не было въ силахъ сломить этой энергіи и остановить этой дѣятельности: ни всевозможныя нападенія и интриги періодической печати извѣстной фракціи и частныхъ лицъ, ни многочисленныя внѣшнія препятствія, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести и неизбѣжныя житейскія дрязги, особенно тяжелыя для бѣднаго человѣка, ни пожаръ, истребившій многолѣтними трудами съ любовью собранную библіотеку, ни временами постигавшая его ужасающая бѣдность, граничившая почти съ нищетой, ни, наконецъ, обидное полузабвеніе при жизни и невозможность печатать многіе и обширные труды, остававшіеся по годамъ въ рукописяхъ. И всю жизнь Кулишъ бился объ желѣзную стѣну и все спѣшилъ работать до надрыва, подавляемый сознаніемъ необъятности стоящихъ на очереди задачъ, какъ это неизбѣжно бываетъ удѣломъ людей, страстно преслѣдующихъ широкія цѣли. Въ другомъ, тоже незначительномъ письмѣ, мы находимъ еще слѣдующія любопытныя строки, похожія отчасти на отчаянный вопль: „я занятъ вѣчно и чувствую себя въ долгу у всѣхъ, кому бы слѣдовало показать вниманіе. Некогда жить на свѣтѣ!“. Все это, естественно, оставаясь въ тѣни при жизни Кулиша, имѣетъ, однако, огромное значеніе для правильнаго сужденія о немъ по смерти.

До составленія полной и исчерпывающей дѣло біографіи, конечно, далеко; для этого было бы необходимо предварительно привести въ извѣстность и издать всѣ сочиненія, переводы и письма Кулиша, словомъ, все оставшееся отъ него обширное литературное наслѣдіе, чтобы была передъ глазами и чувствовалась вся, едва ли многими предполагаемая, колоссальная громада имъ написаннаго, [1]) переведеннаго и задуманнаго, чтобъ имѣть возмож-

---

[1]) Въ одномъ письмѣ къ львовскому профессору Огоновскому Кулишъ перечисляетъ, напр., слѣдующіе свои переводы изъ Шекспира: «Король Лиръ», «Коріоланъ», «Ромео и Джульета», «Цезарь», «Мак-

ность не только вполнѣ разобраться во всемъ этомъ, но и изучить все, что должно пролить болѣе яркій свѣтъ на его личность и дѣятельность, словомъ, необходимо исполнить много предварительныхъ работъ, которыя, не говоря о томъ, что онѣ требуютъ многихъ лѣтъ, пока невозможны еще вслѣдствіе множества затрудненій. Только вооружившись всѣмъ этимъ историко-литературнымъ и біографическимъ аппаратомъ, можно было бы представить обстоятельную и всестороннюю оцѣнку и полный обзоръ дѣятельности Кулиша и обрисовать вполнѣ его личность и значеніе для украинской и русской литературъ. Не задаваясь такой обширной цѣлью, мы считаемъ желательнымъ въ нашемъ очеркѣ по крайней мѣрѣ приблизительно показать, какую замѣчательную личность и умственную силу представлялъ собой покойный, показать высоту его стремленій и идеаловъ, предоставляя другимъ оцѣнку его такъ называемыхъ „увлеченій", наконецъ, дать представленіе о томъ, какъ, не смотря ни на какія обстоятельства, Кулишъ вѣчно трудился и не зарылъ по собственной винѣ ни одного изъ многихъ данныхъ ему природой талантовъ, хотя многіе изъ нихъ, быть можетъ не проявились вполнѣ—по винѣ общественныхъ и другихъ внѣшнихъ условій. Желательно было бы, наконецъ, вызвать дальнѣйшія работы по изученію и изданію трудовъ Кулиша, чтобы не заглохли безплодно брошенныя имъ сѣмена, не погибли его оригинальные труды и переводы на малороссійскомъ языкѣ многихъ капитальнѣйшихъ произведеній всемірной литературы, и не остался въ неизвѣстности и забвеніи и самоотверженный подвигъ всей жизни этого несомнѣнно талантливаго идеалиста. [1])

бетъ», «Антоній и Клеопатра», «Мѣра за мѣру», «Много шума изъ ничего», «Гамлетъ» и проч.; называетъ также свои переводы изъ Байрона („Чайльдъ Гарольдъ") и изъ Гейне. Всѣ эти переводы частію уже напечатаны, а частію приготовляются къ печати. Обстоятельный перечень переводовъ Кулиша см. въ „Кіевск. Стар." 1899, IX, 366—379.

[1]) Въ «Исторіи Славянскихъ литературъ» Пыпина и Спасовича Кулишъ прямо названъ „наиболѣе ревностнымъ защитникомъ малорусскаго интереса въ литературѣ" (изд. I, 226).

Мы должны оговориться, что въ изложеніи событій, относящихся къ раннимъ годамъ жизни Кулиша до половины сороковыхъ годовъ, мы пользовались, за недостаткомъ другихъ данныхъ, уже напечатанными сочиненіями, именно воспоминаніями г. Чалаго въ „Кіевской Старинѣ“ (1897, V) и краткой біографіей Кулиша, напечатанной въ одномъ заграничномъ изданіи. [1]) Притомъ мы будемъ постоянно имѣть въ виду, главнымъ образомъ, личную жизнь Кулиша, какъ по указаннымъ выше соображеніямъ, такъ и потому, что окончательный трудъ по составленію біографіи Кулиша, по нашему мнѣнію, долженъ быть принятъ на себя спеціальнымъ знатокомъ малорусской и русской литературъ и политическихъ отношеній этихъ странъ въ послѣднія десятилѣтія. [2])

I.

Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ родился 27 іюля 1819 года въ мѣстечкѣ Воронежѣ, глуховскаго уѣзда черниговской губерніи, въ коренной Малороссіи, неподалеку отъ Новгородсѣверска. Предки Кулиша извѣстны со временъ Петра Великаго. [3]) Отецъ его происходилъ изъ исконнаго козацкаго рода. Хотя при императрицѣ Екатеринѣ II многіе изъ болѣе выдающихся козацкихъ родовъ начали получать дворянство и къ числу пожалованныхъ принадлежалъ также и дѣдъ Кулиша, несмотря даже на неимѣніе имъ чина, но отецъ нашего писателя, Александръ Андреевичъ, согласно Императорскому указу Николая I, въ качествѣ въ свою очередь невыслужившаго чиновъ,

---

[1]) «Правда» —журналъ, издававшійся въ Львовѣ 1868 г.

[2]) Характеристику литературной дѣятельности Кулиша читатель можетъ найти въ „Исторіи украинской литературы“ Петрова, Кіевъ, 1884, стр. 264—296 и въ „Исторіи русской этнографіи„ А. Н. Пыпина, т. Ш, стр. 188—222.

[3]) Одинъ изъ нихъ былъ при Петрѣ войсковымъ товарищемъ, другой сотеннымъ атаманомъ.

долженъ былъ считаться простымъ козакомъ. [1]) Родители Кулиша слыли за людей зажиточныхъ; они владѣли въ окрестностяхъ Воронежа кое-какими пустошами, лѣсами и полями. Но они были оба простые и неизбалованные люди, вели самый скромный образъ жизни, а отецъ даже самъ пахалъ землю съ наемными рабочими. Это былъ человѣкъ добрый, но вспыльчивый и суровый въ обращеніи, не спускавшій рабочимъ ни малѣйшей оплошности, за что и былъ прозванъ „горячій Кулишъ“. Прозвище это унаслѣдовалъ и его даровитый сынъ, но въ примѣненіи къ нему оно получило уже иное, болѣе почетное значеніе. [2])

Отецъ Кулиша женился на гораздо болѣе родовитой, чѣмъ онъ, воронежской дворянкѣ, но его первая жена вскорѣ умерла; оставшись вдовцомъ, онъ вступилъ во второй бракъ съ дочерью сотника Катериной Гладкой. Послѣдняя сначала не хотѣла выходить за вдовца, но упорное сватовство скоро привело къ желанной цѣли. Катерина Ивановна Кулишъ, урожденная Гладкая, сильно побаивалась своего мужа и, говорятъ, трепетала при звукахъ его голоса, но вмѣстѣ съ тѣмъ пользовалась вліяніемъ на него въ присутствіи постороннихъ людей, потому что при всемъ крутомъ характерѣ, Александръ Андреевичъ очень гордился умомъ жены и любилъ показывать, какъ онъ ее цѣнитъ и любитъ. Въ самомъ дѣлѣ, это была женщина простая и необразованная, но замѣчательно умная и добрая. Въ то время въ ху-

---

[1]) По этому указу правъ дворянства лишались лица, не выслужившія чиновъ въ двухъ поколѣніяхъ.

[2]) Кромѣ указанной черты характера, т. е. способности за все браться горячо и все принимать къ сердцу, Кулишъ унаслѣдовалъ отъ отца также необычайное, по истинѣ бенедиктинское, трудолюбіе и неутомимую жажду дѣятельности: какъ въ рукахъ отца спорилось всякое ручное и хозяйственное дѣло, такъ и у сына всегда кипѣла работа и чисто практическаго свойства, вплоть до столярнаго и переплетнаго мастерства и рисованья акварелью, сепіей, масляными красками, карандашемъ и гальванопластикой, но особенно всякое научное и литературное предпріятіе.

торскомъ быту еще никому не приходила мысль обучать грамотѣ дѣвочекъ, и если кто вздумалъ бы заговорить объ этомъ, то ему непремѣнно возразили бы: „а на что это нужно? чтобы она научилась любовникамъ „письма писать?!“ Но, не смотря на невѣжество, женщина эта была такъ богата природнымъ умомъ, что производила на окружающихъ самое внушительное впечатлѣніе. Говорятъ, что когда она посреди бесѣды стремительно вскакивала съ мѣста и дѣлала жестъ, призывавшій къ молчанію, всѣ утихали и слушали. Доброта ея уже видна изъ того, что она горячо привязалась къ своему грозному мужу и при одномъ ласковомъ взглядѣ его забывала горе и слезы, считая себя въ замужествѣ съ нимъ счастливѣйшей женщиной. Изъ многочисленнаго своего семейства Катерина Ивановна съ особенной нѣжностью любила сына Тимоѳея, котораго рано лишилась и потомъ всегда представляла себѣ въ своихъ грустныхъ грезахъ чуть ли не единственнымъ въ мірѣ ребенкомъ. Но не этому любимцу ея, а седьмому или даже восьмому по старшинству ея ребенку было суждено прославить дарованіями свою фамилію.

Мальчикъ Пантелеймонъ родился очень слабымъ; онъ казался чуть живымъ и очень поздно, на третьемъ году, едва началъ говорить, и то какъ-то особенно растягивая слова. Въ одной изъ его повѣстей, напечатанныхъ въ „Основѣ“ подъ заглавіемъ „Другий чоловік“, изображено празднованіе рожденія будущаго писателя; отецъ его зазывалъ на пиръ всѣхъ встрѣчныхъ, такъ что скоро дворъ превратился въ какую-то почтовую станцію, загроможденную экипажами. Когда мальчику было четыре года, умеръ его братъ Тимоѳей. Послѣ этого мать перенесла свою любовь на Пантелеймона, холила и лелѣяла его; отца же онъ побаивался и, подобно матери, дрожалъ, заслышавъ издали его голосъ. Съ своей стороны, отецъ не особенно благоволилъ къ своему, какъ ему казалось, неудачному ребенку, хилому и слабому, тогда какъ онъ особенно цѣнилъ физическія преимущества, обладая и самъ могучимъ тѣлосложеніемъ.

Въ этой малокультурной средѣ, гдѣ не вели толковъ ни о литературѣ, ни о политикѣ, росъ даровитый ребенокъ; впрочемъ

родители его умѣли находить себѣ достойныя развлеченія, и въ домѣ Кулишей, въ кругу близкихъ знакомыхъ, часто пѣлись украинскія пѣсни, разсказывались старинныя преданія. Особенно мать Кулиша славилась дивнымъ голосомъ; она умѣла привлекать къ себѣ своими артистическими наклонностями (разумѣется, достаточными лишь для скромнаго хуторскаго обихода), но еще больше добротой и обходительностью и умѣньемъ ободрить ласковымъ словомъ, подать совѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она была очень религіозна и, обладая замѣчательною памятью, хорошо знала Библію и церковную службу.

Кулишъ рано лишился матери [1]) и, по его словамъ, „взросъ одинокимъ мальчикомъ въ сообществѣ отца, который горячо любилъ его, но утомлялъ чтеніемъ Державина и ариѳметическими задачами". [2]) Этимъ, впрочемъ, и ограничилась его ученость, что не мѣшало ему, по словамъ сына, быть Аристотелемъ между сосѣдями, причемъ главными данными для такого отзыва служили его природныя дарованія. Кулишъ такъ характеризуетъ его въ своихъ „Воспоминаніяхъ дѣтства": „Онъ былъ отъ природы человѣкъ очень умный и отличный говорунъ. Жилъ онъ не щегольски, какъ и всѣ наши сосѣди; но въ его осанкѣ явно выражалось такое сознаніе собственнаго достоинства, которое было-бы въ пору какому-нибудь знатному барону [3]). О своихъ родителяхъ и ихъ вліяніи на себя въ годы дѣтства Кулишъ говоритъ такъ: „Кругомъ нашего хутора не было ни одного

---

[1]) Говоря о матери Кулиша, позволимъ себѣ здѣсь повторить легенду о томъ, что когда ребенкомъ онъ учился у какого-то дьячка и однажды ночевалъ въ школѣ, дьячокъ, проснувшись, увидѣлъ свѣтъ въ хатѣ и за столомъ пишущаго Панюшу; на вопросъ о томъ, что онъ дѣлаетъ, дьячекъ не получилъ отвѣта и вдругъ замѣтилъ, что свѣтъ погасъ, а мальчикъ спокойно спитъ подлѣ него. Мать считала этотъ сонъ пророческимъ.

[2]) «Воспоминанія дѣтства», стр. 119. Бахмутъ 1899 г.—Ниже вездѣ указаны точныя цитаты приводимыхъ мѣстъ выраженій, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онѣ взяты изъ ненапечатанныхъ писемъ.

[3]) Тамъ же, стр. 105.

значительнаго имѣнія, котораго владѣлецъ былъ бы знакомъ съ культурною жизнью большого города... Отецъ мой, какъ и его сосѣди, были прямые потомки тѣхъ козаковъ, которые пріобрѣли право дворянства, не усвоивши себѣ привычекъ образованной жизни. Они какъ будто вчера скинули старосвѣтскіе жупаны и надѣли запоздалаго покроя сюртуки... Я не очень сильно привязанъ былъ къ дому родительскому, потому что у меня не было матери: родной кровъ и мать—эти два понятія одно съ другимъ неразлучны" [1]). Но дѣтство Кулиша не было совершенно лишено сердечнаго женскаго вліянія; передъ нимъ мелькнула одна загадочная и оригинальная личность, Ульяна Терентьевна Мужиловская, сперва окружившая себя небывалой роскошью и блескомъ среди убогой простоты хуторскаго быта, гдѣ казалась чудомъ ея роскошная мебель, серебряная и фарфоровая посуда и картины на стѣнахъ, а потомъ все роздавшая бѣднымъ и не оставившая себѣ ничего изъ прежнихъ благъ. Хуторъ ея, казавшійся невиданнымъ въ провинціальной глуши дворцомъ, и сама владѣтельница, проникнутая строгимъ и идеальнымъ взглядомъ на жизнь, отказавшаяся потомъ отъ міра и постригшаяся въ монахини, произвела глубокое впечатлѣніе на душу воспріимчиваго мальчика и представлялась его воображенію какимъ-то высшимъ, почти неземнымъ существомъ. Кулишъ потомъ навѣщалъ ее въ годы студенчества, а когда сталъ зарабатывать достаточно денегъ, всегда помогалъ ей, и даже въ половинѣ 50-хъ годовъ, среди собственныхъ нуждъ, находилъ небольшія деньги, чтобы выплачивать назначенную пожизненную пенсію. Эту личность онъ изобразилъ въ своей повѣсти „Исторія Ульяны Терентьевны". Заграничная біографическая записка о Кулишѣ, приписывая важное значеніе вліянію Ульяны Терентьевны на зарожденіе въ его душѣ идеализма, называетъ ее второй матерью. Кулиша [2]) и указываетъ на сходство въ ихъ судьбѣ, именно въ

---

[1]) «Воспоминанія Дѣтства», стр. 119,

[2]) Это мнѣніе подтверждается собственными словами Кулиша, который въ «Воспоминаніяхъ дѣтства» называетъ ее „благодѣтельной

томъ, что оба они, увлекшись идеалистическими стремленіями испортили себѣ жизнь, если смотрѣть на дѣло съ внѣшней, практической стороны.[1]) Ульянѣ Терентьевнѣ Кулишъ былъ обязанъ и тѣмъ, что былъ отданъ въ гимназію въ Новгородъ-Сѣверскѣ. Не располагая большими средствами и не получивъ самъ образованія, отецъ Кулиша едва-ли могъ бы остановиться на этой мысли, но онъ не рѣшился отказать уважаемой имъ Ульянѣ Терентьевнѣ, и ей, такимъ образомъ, принадлежитъ заслуга спасенія мальчика отъ духовнаго мрака предковъ, въ который онъ легко погрузился бы, еслибы осуществились мечты его отца отдать его на службу въ повѣтовый судъ.

Такъ какъ Новгородсѣверскъ отстоитъ отъ мѣстечка Воронежа на разстояніи тридцати верстъ, то мальчикъ былъ отданъ въ чужой домъ. Его помѣстили у одной офицерской вдовы Хлопотовой, знакомой отца, но послѣдняя жила такъ далеко отъ училища, что мальчику приходилось съ немалыми затрудненіями добираться въ дождливую погоду до училища по грязнымъ буеракамъ и косогорамъ. Въ домѣ своей хозяйки увидѣлъ Кулишъ ту самую Ѳеклушу, которая была имъ потомъ изображена въ повѣсти того же названія, но авторъ отступилъ отъ истины въ изображеніи конца своей героини, которая у него топится въ рѣкѣ, тогда какъ настоящая Ѳеклуша выбросилась изъ окна („покинулась“).

феей“ и говоритъ о ней, что „каждое его воспоминаніе о ней проникнуто умиленіемъ и всѣ ея поступки обвѣяны дыханіемъ поэзіи» (стр. 196). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Не мужское дѣло воспитывать дѣтей: ихъ дѣло профессорствовать. Женщинѣ ввѣренъ драгоцѣнный долгъ питать и согрѣвать юную раскрывающуюся душу“ (242). Наконецъ онъ прямо говоритъ: „Съ умиленіемъ пишу о ней, пишу съ чувствомъ сына, молящагося на могилѣ матери“ (стр. 145). Эта тихая, сердечная и вмѣстѣ умная и образованная женщина отчасти способствовала даже пробужденію въ Кулишѣ научной любознательности (см. стр. 205, 206, 222 и пр.), но особенно имѣла благотворное вліяніе на его нравственное развитіе (245).

[1]) «Правда», Львовъ, 1868, стр. 32.

Въ училищѣ Кулишъ продолжалъ свою дружбу съ Чуйкевичемъ и сблизился съ новымъ товарищемъ Діонисіемъ Подпружниковымъ, а изъ учителей ему навсегда остался памятенъ Яковъ Яковлевичъ Игнатьевъ, изображенный имъ впослѣдствіи въ повѣсти того-же заглавія, большой оригиналъ „выражавшійся языкомъ, какимъ писались книги прошлаго столѣтія“.[1]) Онъ преподавалъ ариѳметику, нѣмецкій языкъ, чистописаніе и рисованіе. По старинному обычаю учитель требовалъ отъ своихъ питомцевъ не столько познаній и любви къ наукамъ, сколько доброхотныхъ приношеній живностью и мукой, и пока отецъ Кулиша не догадался объ этомъ, сынъ его не былъ на хорошемъ счету, но послѣ приношеній ученическая репутація мальчика стала быстро возвышаться, не смотря на то, что въ раннемъ возрастѣ духовныя силы его развивались туго и никакъ не позволяли пока провидѣть въ немъ будущаго литератора. Но рано дала себя знать артистическая жилка, сказавшаяся прежде всего въ мастерскихъ рисункахъ. Можно сказать, что Кулишъ отъ природы имѣлъ такое же призваніе къ живописи, какъ къ литературѣ и наукѣ; еще ребенкомъ онъ научился самоучкой чертить мѣломъ на стѣнахъ лошадей, церкви и т. п. Любопытно, что не только школьный учитель Кулиша, увидѣвъ въ первый разъ его рисунки, ни за что не хотѣлъ вѣрить, чтобы они могли принадлежать карандашу его ученика, пока не убѣдился въ томъ очевидностью; но и помощникъ попечителя кіевскаго округа Юзефовичъ, будущій покровитель Кулиша, впалъ впослѣдствіи въ такое же сомнѣніе и также былъ пораженъ искусствомъ. Впрочемъ въ годы ученія большой помѣхой для успѣховъ Кулиша въ рисованіи было невѣжество въ своемъ предметѣ его учителя рисованія Кириллова, который скоро принужденъ былъ сознаться, что онъ не въ состояніи руководить своего питомца. Но, сойдясь съ своимъ товарищемъ Глотовымъ, Кулишъ, по словамъ Чалаго, „заключилъ съ нимъ союзъ взаимопомощи: Глотовъ отлично рисовалъ пейзажи, а Кулишъ былъ искусный жан-

[1]) „Воспоминанія дѣтства“, стр. 27.

ристъ, ловко изображавшій живыхъ людей,—поэтому, не ожидая указаній со стороны преподавателя, они сами себя совершенствовали. Не посѣщая иногда уроковъ, они запирались въ квартирѣ и рисовали, поправляя одинъ другому свои работы.[1]) Мало пользы принесъ Кулишу и Яковъ Яковлевичъ, не умѣвшій толково разъяснять уроки ариѳметики, такъ что Кулишъ шелъ успѣшно, лишь пока проходили первыя дѣйствія, объясненныя ему еще дома, но встрѣтилъ потомъ большія затрудненія, когда дошелъ до дробей, тогда какъ его товарищъ Подпружниковъ, обладая сильной механической памятью, вполнѣ удовлетворялъ наставника своего. Къ обученію своему подъ ферулой Якова Яковлевича Кулишъ относился потомъ съ добродушной насмѣшливостью. Однажды, уже въ 1853 г., онъ писалъ И. С. Аксакову, выражая сожалѣніе о томъ, что ему въ дѣтствѣ мало удалось наслаждаться малороссійской деревенской весной: „Въ то время, когда бы мнѣ слѣдовало дышать запахомъ розъ,"—говорилъ онъ—„я дышалъ уличною пылью, а вмѣсто соловьиныхъ пѣсенъ слушалъ учительское объясненіе Якова Яковлевича". Не смотря на неблагопріятную обстановку, способности Кулиша стали быстро развертываться въ школѣ, такъ что, едва переведенный, единственно за красивый почеркъ, изъ приготовительнаго класса въ первый (ему сильно мѣшало тогда пониманіе книжнаго русскаго языка), Кулишъ сдѣлался потомъ первымъ ученикомъ и во многомъ опередилъ товарищей; онъ сталъ быстро рѣшать въ умѣ задачи, прекрасно владѣлъ языкомъ, а грамматика и правописаніе усваивались имъ со сказочной легкостью и быстротой, какъ будто ученіе сразу далось какимъ-то чудомъ. Но особенно замѣчательна была его способность писать и запоминать стихи и рано пробудившееся въ немъ эстетическое чувство. Любимымъ поэтомъ его всю жизнь былъ Пушкинъ, стихи котораго онъ часто цитировалъ въ устной бесѣдѣ и въ письмахъ, но на школьной скамьѣ онъ увлекался преимущественно балладами Жуков-

[1]) «Кіевская Старина», 1897, V, стр. 294.

скаго и отчасти стихотвореніями Державина.[1]) Въ своемъ преклоненіи передъ поэзіей онъ встрѣтилъ живое сочувствіе въ лицѣ товарища Сердюкова, который, будучи двумя годами старше его, при хорошей памяти, едва могъ равняться съ Кулишомъ своими познаніями въ области русской поэзіи, хотя превосходилъ его во всѣхъ другихъ предметахъ и нерѣдко, какъ бы заступая для него мѣсто учителя, помогалъ ему своими объясненіями. Изъ своихъ товарищей Кулишъ очень полюбилъ Чуйкевича и Подпружникова; Сердюкова же онъ уважалъ до того, что этотъ мальчикъ казался ему ученѣе ихъ общихъ учителей. Дойдя до четвертаго класса гимназіи, Кулишъ имѣлъ столкновеніе съ учителемъ алгебры, притѣснявшимъ учениковъ и вынуждавшимъ ихъ брать у себя частные уроки. Когда однажды Кулишъ замялся въ рѣшеніи одной задачи и получилъ отъ учителя замѣчаніе, онъ вдругъ рѣшительнымъ тономъ заявилъ: „Колы поставыте мене навколишкы, то закыну на викы алгебру, якъ же на сей разъ мени простыте,—буду добрымъ учнемъ“. Учитель, однако поставилъ его на колѣни, а Кулишъ бросилъ алгебру. На экзаменѣ въ присутствіи директора Тимковскаго Кулишъ сказалъ, что онъ ровно ничего не знаетъ изъ алгебры; но послѣдній, зная способности мальчика, выставилъ ему хорошій баллъ, взявъ съ него слово, что онъ займется этимъ предметомъ.

II.

Ранніе годы Кулиша прекрасно описаны имъ въ его „Воспоминаніяхъ дѣтства“, составившихся изъ повѣстей „Яковъ Яковлевичъ“, Ульяна Терентьевна“ и „Ѳеклуша“. Всѣ эти повѣсти біографическія и представляютъ значительный интересъ какъ по мѣткому и правдивому изображенію старинной жизни въ одномъ изъ незамѣтныхъ уголковъ Россіи, такъ и по мастерской обрисовкѣ нѣсколькихъ ярко очерченныхъ лицъ. Какъ въ зер-

[1]) См. „Воспоминанія дѣтства», стр. 164.

калѣ здѣсь отражается незатѣйливая простота провинціальнаго быта и нравовъ со всей своей безцвѣтностью и однообразіемъ; передъ нами проходятъ силуэты безхитростныхъ людей, обреченныхъ на безпросвѣтное прозябаніе въ мертвой глуши, прозябаніе, не свободное однакоко-жъ отъ бурь и страстей. Содержаніе всѣхъ повѣстей составляетъ задушевное воспроизведеніе впечатлѣній нѣжнаго и отзывчиваго подростка, сумѣвшаго тонко подмѣтить и оцѣнить въ окружавшихъ его заурядныхъ людяхъ много истинно-прекраснаго; разсказъ ведется ретроспективно, съ точки зрѣнія пытливой дѣтской наблюдательности. Психологически вѣрно изображена свѣжесть и чуткость дѣтскихъ впечатлѣній, живо схваченъ, такъ сказать, самый тонъ чувствъ и ощущеній мальчика лѣтъ 12—14-ти и живо представлено его положеніе въ кругу взрослыхъ. Передъ нами смышленый ребенокъ, одаренный живымъ воображеніемъ и зоркой наблюдательностью, еще вполнѣ живущій впечатлѣніями минуты и безпечно приглядывающійся къ старшимъ; онъ легко сживается съ ними и невольно располагаетъ къ себѣ своей чистой дѣтской привязанностью, а часто оказывается догадливѣе [1]) и даже проницательнѣе ихъ, вполнѣ сохраняя въ то же время свойственныя возрасту наивность и простодушное невѣдѣніе жизни. Авторъ имѣлъ поэтому право сказать, что въ дѣтствѣ ему „міръ представлялся свѣтлою духовною областью, въ которой все родное, все одинаково прекрасное тотчасъ взаимно чуетъ себя и спѣшитъ сблизиться“ и что его „душа была тогда довѣрчиво открыта любви и дружбѣ, какъ цвѣтокъ солнечному сіянію“. „Боже“—продолжалъ онъ—„какъ я не похожъ теперь на того цвѣтущаго всѣми силами ребенка, о которомъ вспоминать составляетъ для меня наслажденіе“. [2]) Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ: „все, что поражало мой глазъ и ухо, отражалось въ мой душѣ, живописно и музыкально. Поэтому я не могу вспомнить ни малѣйшаго

[1]) Забавно между прочимъ, какъ однажды онъ надоумливаетъ своего стараго учителя поцѣловать ручку у невѣсты.

[2]) «Воспоминанія дѣтства», стр. 111.

обстоятельства моего дѣтства, которое бы не пробудило въ памяти моего сердца гармоническаго сочетанія радости и грусти, веселыхъ и мрачныхъ впечатлѣній". [1]) Благодаря этимъ качествамъ, Кулишу удалось много извлечь для своего духовнаго развитія изъ самой скудной обстановки и потому онъ такъ страстно потомъ отыскивалъ возвратную дорогу въ тѣ годы, которымъ нѣтъ возврата„. [2]) Но всего привлекательнѣе было въ подросткѣ пробуждавшееся живое чувство красотъ природы и поэзіи и теплая отзывчивость сердца на доброту и ласку. Съ какою любовью, напримѣръ, онъ восхищался, какъ „вечернее солнце играло на сѣдыхъ волосахъ" [3]) старика и умѣлъ находить красоту въ самыхъ простыхъ пейзажахъ: „Какъ хорошо потянулись внизъ по рѣкѣ горы, на которыхъ бѣдные домики городка Н. усѣлись между садовъ, точно гуси на лугу. Какъ ярко сіяютъ монастырскія главы!" и проч. Благодатные природные задатки способствовали устраненію и смягченію всякихъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ вліяній, если вѣрить слѣдующимъ словамъ Кулиша: „Я одинокой своей жизни дома, скучному училищному быту и отсутствію материнской любви приписываю раннее развитіе во мнѣ симпатіи ко всему, что манитъ сердца". [4]) Какъ видно изъ одного признанія автора, онъ искалъ въ бесѣдѣ съ читателемъ сердечнаго отклика на дорогія чувства, желая въ то же время воздать честь памяти симпатичныхъ ему людей и подѣлиться этой свѣтлой памятью съ другими. Задача—дать почувствовать душевную красоту неэффектныхъ героевъ и заставить ихъ полюбить такъ, какъ любилъ ихъ связанный съ ними интимными воспоминаніями авторъ,—это задача не изъ легкихъ, и удачное ея разрѣшеніе дѣлаетъ въ нашихъ глазахъ большую честь какъ искусству его пера, такъ и краснорѣчію сердца. Читая эти воспоминанія, проникнутыя и согрѣтыя любовью, невольно думаешь, что не такъ

---

[1]) Стр. 117.
[2]) Стр. 388.
[3]) Стр. 118.
[4]) Стр. 130.

бѣдна человѣческая природа, какъ часто кажется, но что не всегда душа наблюдателя бываетъ одарена такою чуткостью ко всему доброму, какъ мы видимъ это у нашего автора.

III.

Еще въ школѣ Кулишъ дѣлалъ большіе успѣхи въ словесныхъ предметахъ; онъ охотно писалъ товарищамъ планы для предложенныхъ сочиненій, а исторію Кайданова, благодаря изумительной памяти, зналъ почти наизусть и даже, подъ вліяніемъ этого реторическаго руководства, въ отвѣтахъ употреблялъ напыщенныя выраженія, которыя при воспоминаніи возбуждали въ немъ смѣхъ въ зрѣлые годы. Раздѣляя съ нимъ любовь къ словесности, пріятель товарищъ его, Сердюковъ, охотнѣе изучалъ нѣмецкую литературу и увлекался поэзіею Гете, тогда какъ Кулишъ совершенно погрузился въ родную украинскую словесность и, отставъ отъ товарища въ начитанности, превзошелъ его раннимъ авторствомъ, пробуя свои силы на небольшихъ повѣстяхъ, какъ напр. „Цыганъ“, появившейся въ изданномъ Гребенкой въ 1841 г., альманахѣ „Ластівка“. Когда до Кулиша дошли первыя повѣсти Гоголя, восторгамъ его не было границъ; въ то же время онъ упивался произведеніями Квитки, особенно „Марусей“.

Но все это было ничто въ сравненіи съ тѣмъ упоеніемъ, съ той жаркой юношеской страстью къ народной поэзіи, которую зажегъ въ душѣ юноши случайно попавшійся въ его руки сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ Максимовича. Объ этомъ событіи въ своей жизни Кулишъ такъ говоритъ въ „Воспоминаніяхъ о Костомаровѣ:“ „Николаша“ (Костомаровъ), какъ мы всѣ, питомцы общерусскихъ школъ, въ началѣ пренебрегалъ хохлатчиною и думалъ на языкѣ Пушкина. Но съ обоими нами, на двухъ отдаленныхъ точкахъ Малороссіи, произошелъ замѣчательный случай. Ему въ Харьковѣ попалъ въ руки сборникъ украинскихъ пѣсенъ Максимовича, 1827 г., а я въ Новгородъ Сѣвер-

скомъ также случайно сдѣлался обладателемъ украинскихъ думъ и пѣсенъ того же Максимовича, 1834 г. Мы оба въ одинъ день изъ великорусскихъ народниковъ сдѣлались народниками малорусскими".[1]) Подѣлился Кулишъ своей радостью съ Сердюковымъ, и забыли они надолго обо всемъ, чѣмъ увлекались прежде, и скоро вѣсть о чудной находкѣ облетѣла всѣхъ одноклассниковъ-гимназистовъ. Кулишъ сталъ приносить въ классъ сборникъ и увлекалъ товарищей молодой, захватывающей душу, восторженной декламаціей. Сильно западаютъ впечатлѣнія въ ранніе годы, и цѣлый новый міръ обаятельныхъ поэтическихъ образовъ открылся воображенію юноши: національная старина ожила и получила глубокій смыслъ для юнаго патріота, и глубоко хватали его за сердце то разгульныя и бодрыя, то заунывныя, но всегда очаровательныя своей задушевностью украинскія мелодіи. Хмельницкій, Сагайдачный, Дорошенко, Коновченко безпрестанно мелькали въ его воображеніи и возбуждали въ немъ глубочайшую симпатію. Всю книгу выучилъ Кулишъ наизусть и никогда потомъ, не разставался надолго съ излюбленнымъ сборникомъ. Когда Кулишъ пѣлъ столь полюбившіяся ему пѣсни, въ звуки ихъ онъ влагалъ свою душу и своимъ увлеченіемъ неудержимо заражалъ слушателей.

Не смотря на свою любовь къ наукѣ и поэзіи и на быстро развивавшіяся способности, а частью, можетъ быть, даже благодаря имъ, Кулишъ, въ надеждѣ черезъ нѣкоторое время выдержать экзаменъ въ только что учреждавшійся кіевскій университетъ, противъ воли отца, оставилъ гимназію. Но какъ гимназистъ, вышедшій изъ пятаго класса, онъ могъ, по тогдашнимъ правиламъ, получить право на университетское испытаніе не ранѣе, какъ по истеченіи двухъ лѣтъ. Вслѣдствіе этого ему пришлось взять на себя обязанности домашняго учителя въ помѣщичьихъ домахъ. Тогда-то онъ началъ въ свободное время являться среди народа и, мастерски умѣя войти во вкусы и довѣріе своихъ собесѣдниковъ, затрагивалъ самыя чуткія струны

---

[1]) «Новь», 1885, № 13, стр. 63.

ихъ души. Его, обращенная къ нимъ задушевная рѣчь, его воодушевленная, льющаяся изъ души пѣснь легко пролагали себѣ дорогу къ ихъ сердцу. Кулишъ обращался съ простолюдиномъ, какъ другъ, забывая о своей принадлежности къ привилегированному сословію, и безъ всякихъ заднихъ мыслей, которыя, какъ бы ни были благородны и самоотверженны, всегда имѣютъ свойство возбуждать въ народѣ инстинктивную подозрительность и недоброжелательство. Кулишъ же обходился съ людьми изъ народа, какъ съ младшими братьями, не по принципу, а просто по побужденію сердца, чѣмъ и производилъ неотразимое обаяніе. Такимъ характеромъ отличались его отношенія къ народу отъ ясной зари до поздняго заката его дней. Слушая, какъ онъ декламируетъ на память думы, народъ чувствовалъ въ немъ своего искренняго, а въ звукахъ исполняемыхъ имъ мелодій ему слышалось что-то родное, кровное и невыразимо-дорогое. Въ такія минуты высокаго наслажденія забывались прозаическія заботы; душа пѣвца и слушателей сливались, переполняясь счастьемъ тихой грусти, которая дороже и выше всякаго веселья. Такъ устанавливалась между Кулишомъ и его аудиторіей столь сердечная связь, что о немъ сложилась наивная легенда, будто бы онъ—переодѣвшійся въ національный костюмъ царскій сынъ. Одинъ старикъ, сзывая своихъ сыновей слушать пѣніе Кулиша, въ отвѣтъ на обнаруженное ими удивленіе, такъ какъ дѣло было въ будни, сказалъ: „работа не уйдетъ, а *такого* гостя больше не увидимъ!“ То же наивное, но задушевное сочувствіе выразилось впослѣдствіи и въ хуторскихъ разсказахъ послѣ смерти Кулиша о томъ, будто бы онъ былъ похороненъ въ золотой трунѣ, т. е. въ золотомъ гробѣ.

IV.

Не сразу удалось Кулишу осуществить свою мечту о поступленіи въ университетъ: въ первый разъ онъ явился на экзаменъ, повидимому, съ недостаточнымъ научнымъ багажемъ, вслѣдствіе чего ему пришлось вновь обратиться къ занятіямъ домашняго

наставника; но черезъ годъ, вернувшись опять въ Кіевъ, онъ уже выдержалъ испытаніе и сталъ слушать лекціи сначала по словесности, а потомъ по юридическому факультету. Запасаясь такимъ образомъ разносторонними познаніями въ аудиторіяхъ, въ лѣтнее время онъ вступалъ въ живое общеніе съ народной массой и, становясь къ ней лицомъ къ лицу, обогащалъ свой языкъ складомъ народной рѣчи и глубокимъ знаніемъ народной жизни. По мнѣнію г. Чалаго, малороссійскимъ „языкомъ Кулишъ владѣлъ въ совершенствѣ, какъ никто изъ современныхъ ему писателей“ [1]). Около 1837—1838 г. Кулишъ, по словамъ его друга, В. М. Бѣлозерскаго, служилъ канцелярскимъ чиновникомъ въ правленіи лицея кн. Безбородко. Въ своихъ воспоминаніяхъ о Кулишѣ г. Чалый сообщаетъ далѣе слѣдующія подробности: „Въ 1839 г. былъ вновь открытъ университетъ св. Владиміра послѣ временнаго его закрытія, и П. А., хотя выдержалъ экзаменъ удовлетворительно, но по неимѣнію документа о дворянскомъ происхожденіи, не допущенъ формалистомъ ректоромъ К. А. Неволинымъ къ слушанію лекцій. [2]) О студенческихъ годахъ Кулиша г. Чалый, поступившій въ университетъ годомъ позднѣе, разсказываетъ такъ: „Встрѣтившись въ царскомъ саду съ студентомъ Ив. Долинскимъ, я, по его указанію, скоро

---

[1]) «Кіевская Старина», 1897, V, стр. 295.

[2]) Лишенный такимъ образомъ возможности получить университетское образованіе, въ одномъ изъ писемъ своихъ (на галицко-русскомъ языкѣ) онъ съ горечью вспоминаетъ объ этомъ прискорбномъ фактѣ: «Черниговскія власти могли бы, если бъ захотѣли, разыскать мои документы по моему указанію, «да мій панотець зставсь десятолиткомъ безбатченкомъ, тымъ и не зумивъ описля спонукаты героль-дію, колы и я отъ нычого не вдіявъ. Тымъ часомъ ректоръ Неволинъ—той, що не схотивъ бачыты рыдной матери, злыденной вдовыци-попадя и выславъ ій 25-рублевый папирець,—прысипавсь до мене, щобъ дворянськый протоколъ напысанъ бувъ въ Черныгови на мое, а не панотцеве имъя, а покы що, не дозволывъ мени слухаты лекціи, а я, рессиріагит causa, не мигъ узять на себе «гиркои по судахъ волокиты».

отыскалъ квартиру своихъ сѣверянъ, П. А. Кулиша и П. Е. Чуйкевича. Неразлучные друзья-земляки жили въ Графскомъ переулкѣ, позади извѣстнаго въ то время виннаго магазина Финке, надъ Провальемъ. Замѣтивъ изъ первыхъ же моихъ словъ, что я—совершеннѣйшій провинціалъ-простота, котораго на каждомъ шагу въ незнакомомъ большомъ городѣ каждый могъ обмануть, добрый мой землякъ П. А., отложивъ въ сторону своего „Огненнаго Змія“ (повѣсть, которую онъ писалъ для „Кіевлянина“),—поспѣшилъ накинуть на себя сюртукъ и отправился со мною нанять извозчика для перевозки засвѣтло моего скарба съ Подола. Пріѣхавъ на пристань и забравши сундукъ, я вернулся на квартиру студентовъ и остался у нихъ ночевать“. [1]) Эти строки рисуютъ добрый и обходительный характеръ Кулиша.

Въ университетѣ Кулишъ слушалъ по словесности лекціи Максимовича. Ему удалось, съ своей стороны, сдѣлать вкладъ въ его собраніе пѣсенъ, представивъ въ распоряженіе его тѣ, которыя были нѣкогда записаны имъ отъ матери; Максимовичу же для напечатанія въ альманахѣ „Кіевлянинъ“ передалъ Кулишъ и двѣ сочиненныя имъ легенды о воронежскихъ козакахъ. Полюбивъ талантливаго юношу, Максимовичъ сталъ приглашать его къ себѣ, и часто они вмѣстѣ пѣли украинскія пѣсни и читали Вальтеръ-Скотта. Юноша съ жадностью ловилъ объясненія любимаго профессора-словесника, и именно этому профессору онъ былъ больше всѣхъ обязанъ во всѣхъ отношеніяхъ, тогда какъ прочіе держали студентовъ въ значительномъ отъ себя отдаленіи и обращались съ ними съ олимпійскимъ высокомѣріемъ. Но при всемъ расположеніи къ Кулишу любимаго профессора, ничто не могло спасти его, когда съ одной стороны для молодого человѣка наступило время крайней нужды, а съ другой къ оставленію almae matris его побуждало неимѣніе нѣкоторыхъ нужныхъ документовъ, и Кулишу

[1]) «Кіевская Старина», 1897 г., V, 295—296.

не удалось окончить университетскаго курса, подобно тому какъ раньше онъ преждевременно оставилъ гимназію.

Стараясь всячески помочь Кулишу, Максимовичъ далъ о немъ самую лестную рекомендацію Юзефовичу, бывшему сперва инспекторомъ училищъ, а потомъ помощникомъ попечителя кіевскаго учебнаго округа. Онъ также оцѣнилъ съ своей стороны молодого человѣка; Кулишъ впослѣдствіи печатно отозвался о немъ, какъ о человѣкѣ, „которому онъ, въ первоначальномъ образованія своемъ, обязанъ больше, чѣмъ кому-либо, изъ предшествовавшаго поколѣнія". [1]) Юзефовичъ назначилъ Кулиша учителемъ въ луцкое дворянское училище, находившееся въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ, обладая прекрасной библіотекой, обогащенной „конфискованными, по распоряженію генералъ-губернатора Бибикова, библіотеками волынскихъ магнатовъ, съ дорогими и рѣдкими изданіями, и состоявшей изъ 1500 томовъ". „Эта библіотека", продолжаетъ г. Чалый,—„весьма много способствовала разширенію умственнаго кругозора Кулиша и дала ему возможность пополнить пробѣлы недостаточнаго образованія. Въ библіотекѣ, между прочимъ, находилось полное собраніе романовъ Вальтеръ-Скотта на французскомъ языкѣ". [2])

Въ Луцкѣ П. А. Кулишъ подружился съ своимъ новымъ товарищемъ, учителемъ Иваномъ Филипповичемъ Хильчевскимъ, который былъ десятью годами старше его; ему онъ также былъ многимъ обязанъ, какъ опытному руководителю и другу. Кулишъ оправдалъ здѣсь возлагаемыя на него Максимовичемъ и Юзефовичемъ надежды. Онъ не только безъ труда справлялся съ новыми обязанностями, но находилъ время и для изученія иностранныхъ языковъ, которое подвигалось съ большой быстротою: пріѣхавъ въ Луцкъ почти профаномъ въ данномъ отношеніи, что̀ и составляло тогда его слабую сторону, онъ незамѣтно научился свободно читать по-французски. Впослѣдствіи онъ въ совершенствѣ изучилъ, кромѣ малороссійскаго и русскаго, еще

---

[1]) «Новь», 1885, № 13, стр. 61.

[2]) «Кіевская Старина», 1897, V, 296—297.

польскій языкъ, также древнеславянскій, на которомъ любилъ потомъ говорить и переписываться съ Костомаровымъ, и хорошо узналъ нѣмецкій, итальянскій, испанскій, англійскій, а также латинскій. Вскорѣ онъ прочелъ на французскомъ языкѣ Вальтеръ-Скотта и, вдохновленный его романомъ, „Карлъ Смѣлый", написалъ и издалъ въ 1843 г. „Михаила Чарнышенка", своего литературнаго первенца (если не считать незначительные ранніе опыты).

Въ молодомъ Кулишѣ жизнь била ключемъ: по всѣмъ воспоминаніямъ, мы видимъ въ немъ, въ занимающую насъ пору, человѣка веселаго, не чуждаго увлеченій женской любовью, человѣка общительнаго и пріятнаго въ дружескомъ кругу и даровитаго работника на литературной аренѣ. Кулишъ писалъ такъ легко и успѣшно, что поражалъ близкихъ ему людей даромъ безъ малѣйшаго напряженія и безъ поправокъ излагать свои мысли въ красивой и изящной формѣ. Эта способность сохранилась у него до самой смерти. Кстати замѣтимъ, что онъ обладалъ также изящнымъ, щегольскимъ почеркомъ, и всѣ его рукописи были всегда такъ чисто и хорошо написаны уже начерно, что только нѣкоторыя вставки на поляхъ, дѣлаемыя имъ почему-нибудь въ видѣ прибавокъ на основаніи какихъ-нибудь вновь полученныхъ историческихъ документовъ, могли служить единственной причиной, вслѣдствіе которой Кулишъ имѣлъ иногда нужду въ перепискѣ, при чемъ эту работу онъ никогда не поручалъ другимъ лицамъ. Не менѣе удивлялъ онъ, по свидѣтельству г. Чалаго,—„и искусствомъ передавать на бумагѣ житейскія сцены и портреты окружающихъ лицъ" [1]).

V.

„При кратковременномъ пребываніи въ Луцкѣ"—разсказывалъ намъ со словъ Кулиша В. М. Бѣлозерскій—„Кулишъ пріобрѣлъ множество научныхъ свѣдѣній. Большая училищная биб-

[1]) «Кіевская Старина», 1897, V, 297.

ліотека въ 1500 томовъ много способствовала расширенію умственнаго кругозора Кулиша и пополнила пробѣлы недоконченнаго образованія".

„Между знакомыми Хильчевскаго было немало поляковъ, съ которыми онъ познакомилъ Кулиша, жившаго съ нимъ на одной квартирѣ. Живая и дѣятельная натура Кулиша влекла его и въ женское общество; онъ между прочимъ влюбился на короткое время разомъ въ двухъ дѣвицъ, извѣстныхъ у него подъ № 1 и № 2, недоумѣвая, которой отдать преимущество. Болѣе другихъ, повидимому его занималъ № 1, племянница бывшаго профессора Кременецкаго лицея, Зиновича. Кулишъ своей обаятельной личностью очень нравился Хильчевскому, воскрешая для него родную Малороссію; говорилъ онъ чистѣйшимъ украинскимъ языкомъ. Живя душа въ душу, друзья чувствовали себя вполнѣ счастливыми и довольными своей судьбой. Но спокойствіе и тихое теченіе ихъ жизни продолжалось недолго: въ срединѣ года въ училище былъ назначенъ новый смотритель, нѣкто Глыбовскій, изъ Чернигова. Несимпатичная, невѣжественная личность новаго начальника поселила между учителями разладъ; особенно ожесточенную войну съ смотрителемъ повелъ горячій и нетерпѣливый Кулишъ. „Я не люблю горячаго Кулиша", сказалъ однажды Глыбовскій. „Бо собакы не люблять гарячаго", отвѣчалъ Кулишъ.

Борьба началась изъ-за того, что смотритель сдѣлалъ неумѣстное замѣчаніе библіотекарю Хильчевскому за то, что онъ оставлялъ по цѣлымъ днямъ въ библіотекѣ Кулиша одного. Кромѣ того, учителя открыли въ Глыбовскомъ весьма неблаговидный порокъ: онъ бралъ взятки и отъ родителей, и отъ квартиросодержателей; поэтому учителя отправили попечителю, князю Давыдову, коллективную просьбу избавить училище отъ позора. Послѣдствіемъ было то, что Глыбовскаго куда-то удалили, но вслѣдъ затѣмъ Хильчевскаго понизили по службѣ, перемѣстивъ его изъ дворянскаго луцкаго въ роменское уѣздное училище, а Кулиша перевели въ Кіево-подольское дворянское училище, и

онъ оставилъ Луцкъ, прослуживъ тамъ всего одинъ годъ. [1]) Впрочемъ успѣхи Кулиша на служебномъ поприщѣ были въ сущности второстепенными: онъ написалъ цѣлый рядъ литературныхъ произведеній, какъ-то идилію „Орися“, поэму „Украина“ и проч. и при этомъ такъ быстро подвигался въ смыслѣ развитія и самообразованія, что интимный кругъ его друзей вскорѣ составляли уже такіе люди, какъ извѣстный польскій писатель Михаилъ Грабовскій, сразу оцѣнившій его талантъ и отнесшійся къ нему съ такимъ сочувствіемъ, что Кулишъ считалъ время

---

[1]) Семь мѣсяцевъ пробылъ Кулишъ преподавателемъ Луцкаго училища. Въ служебномъ аттестатѣ его находимъ слѣдующія свѣдѣнія о его первоначальной службѣ: „Въ службу вступилъ исполняющимъ должность учителя русскаго языка въ Луцкое дворянское училище 1841 г. февраля 10 дня; перемѣщенъ въ таковую же должность въ Кіево-печерское дворянское училище въ томъ же году августа 21; въ Кіево-подольское дворянское училище—въ томъ же году декабря 25; утвержденъ въ должности учителя русскаго языка и словесности 1842 г. сентября 15; командированъ для осмотра въ Кіевской губерніи всѣхъ архивовъ, находящихся при правительственныхъ мѣстахъ и монастыряхъ 1843 г. іюля 5; назначенъ учителемъ исторіи и географіи при томъ же Кіево-подольскомъ дворянскомъ училищѣ того же года октября 23; назначенъ членомъ сотрудникомъ при временной коммиссіи для собиранія свѣдѣній о предметахъ древности въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Кіевской губерніи того же года іюля 13; перемѣщенъ къ исправленію должности старшаго учителя исторіи въ Ровенскую гимназію 1845 г. августа 31; перемѣщенъ старшимъ учителемъ русской словесности въ пятую С.-Петербургскую гимназію того же года декабря 15; Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ 1 и 15 октября 1846 г. положено: отправить Кулиша для изученія славянскихъ нарѣчій въ Пруссію, Саксонію и Австрію, на два съ половиной года... 1886 г. октября 22“. Мы позволили себѣ привести эту длинную выписку потому, что, несмотря на сухость оффиціальнаго тона, она является въ высшей степени замѣчательной и краснорѣчивой въ смыслѣ яркаго доказательства *необыкновенныхъ успѣховъ* Кулиша на служебномъ поприщѣ, почти невѣроятныхъ *при отсутствіи протекціи и связей.*

своего знакомства съ нимъ во многихъ отношеніяхъ лучшей порой жизни.

Наконецъ, настала знаменательная пора перваго знакомства Кулиша съ Костомаровымъ и Шевченкомъ. О томъ и другомъ мы узнаемъ изъ не разъ названной статьи его „Воспоминанія о Костомаровѣ".

„Однажды"—говоритъ Кулишъ—„засталъ я у Юзефовича магистра Харьковскаго университета, Н. И. Костомарова, въ широковѣщательной бесѣдѣ о козакахъ, до которыхъ мы всѣ были большіе охотники, я же лично былъ преисполненъ такой любви къ ихъ подвигамъ, что лѣтописныя о нихъ сказанія и пѣсни хранилъ въ памяти, какъ малорусскую „Иліаду". Принявъ участіе въ бесѣдѣ, я привелъ цѣликомъ длинную тираду изъ какой-то лѣтописи. Костомарова поразило такое рьяное изученіе малорусской письменности, и мы съ перваго обмѣна мыслей сдѣлались близкими знакомыми" [1]). Скоро сближеніе дошло до того, что они „проговаривали напролетъ цѣлыя лѣтнія ночи и въ своихъ ночныхъ прогулкахъ, сопровождавшихся нестѣсненнымъ никакими еще страхами ораторствомъ",—продолжаетъ Кулишъ,—„стороннему наблюдателю мы могли казаться пьяными. Избытокъ мечтательности, основанной на любви къ лучшему (какъ мы были убѣждены) изъ народовъ, дѣлалъ насъ восторженными" [2]).

Оригинально было начало знакомства Кулиша съ Шевченкомъ. „Когда я сидѣлъ за мольбертомъ, утопая въ игрѣ линій, тоновъ и красокъ", разсказываетъ Кулишъ—„передо мною появилась невѣдомая еще мною фигура Шевченка, въ парусинномъ балахонѣ и въ такомъ же картузѣ, падавшемъ ему на затылокъ, подобно козацкому шлыку.

---

[1]) «Новь», 1885, № 13, стр. 61. Въ «Правдѣ» объ этомъ разсказано такъ: «Вдарило Костомарова, що Кулишъ напамъять проказавъ аргументъ свій изъ литописи. Винъ разомъ зъ нымъ выйшовъ видъ Юзефовыча и—скажемо такъ—*учепывсь ёму въ полу*». (1868 г. стр. 296—297.

[2]) «Новь», 1885, № 13, стр. 62,

— „А вгадайте, хто?“—это были первыя слова Тараса, произнесенныя тѣмъ очаровательно-веселымъ и беззаботнымъ голосомъ, который привлекалъ къ нему и женщинъ и дѣтей. Я отвѣчалъ: „Шевченко“.

— „Винъ“, отвѣчалъ Тарасъ, засмѣявшись такъ, какъ смѣются наши молодицы. Тогда онъ не носилъ еще усовъ и на лицѣ было много женственнаго.

— „Чы нема въ васъ чарки горилки?“—Это была вторая, услышанная мною отъ Шевченка, фраза. [1])

Съ Костомаровымъ Кулишъ особенно сошелся и жилъ съ нимъ душа въ душу, а Шевченко иногда коробилъ его своимъ цинизмомъ, тогда какъ, съ другой стороны, ультрадемократу Шевченку Кулишъ представлялся аристократомъ. Деликатный и сдержанный въ рѣчахъ, рѣдко позволявшій себѣ двусмысленности и цинизмъ, Кулишъ, хотя и любилъ Шевченка и охотно проводилъ время въ его обществѣ, особенно часто отправляясь съ нимъ въ бытность въ Кіевѣ на рыбную ловлю, но не могъ чувствовать въ немъ такую же духовно-нравственную личность и находить въ его обществѣ такое же глубокое удовлетвореніе, какъ въ обществѣ Костомарова.

В. Шенрокъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Тамъ же, стр. 64.

Очерки народной жизни въ Малороссіи во второй половинѣ XVII ст.

(Продолженіе [1]).

5. Козацкія насилія во время походовъ.

Если въ мирное время общественная безопасность въ Малороссіи была нарушаема разными „прибышами“ и „нетягами“, то въ военную пору, при переходахъ козацкихъ полковъ, такими нарушителями нерѣдко оказывались сами же козаки. Это зло—насилія военныхъ людей надъ гражданами своей же земли—было обычнымъ явленіемъ въ исторіи всѣхъ народовъ, а въ странахъ малокультурныхъ, напр. въ Турціи, Китаѣ и др., оно въ большей или меньшей степени не исчезло и донынѣ. Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ военное ополченіе состояло изъ людей наемныхъ, нерѣдко иноземцевъ, тамъ солдатскія своевольства и насилія обыкновенно достигали размѣровъ настоящаго народнаго бѣдствія, по своей тяжести мало уступавшаго ужасамъ непріятельскаго вторженія. Пальму первенства въ этомъ отношеніи безспорно заслужили польскіе жолнеры, неистовства которыхъ въ XVII—XVIII вв. вызывали непрерывный, хотя и безполезный вопль

[1]) См. Кіев. Ст. № 1.

негодованія у современныхъ писателей, сеймовыхъ ораторовъ и проповѣдниковъ; актовыя книги южнорусскихъ воеводствъ также полны вопіющихъ жалобъ на эти неистовства. Козацкое войско уже въ силу того, что оно являлось народнымъ ополченіемъ, не могло вести себя столь варварски по отношенію къ мирному населенію своей страны; даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда козакамъ приходилось дѣйствовать на территоріи, хотя принадлежавшей враждебному государству, но населенной ихъ же единоплеменниками, напр. на Волыни или въ Галичинѣ, они не забывали о племенной связи, соединявшей ихъ съ мѣстнымъ населеніемъ и, безжалостно истребляя евреевъ и поляковъ, грабя подчасъ имѣнія и южнорусскихъ пановъ, мало или вовсе не обижали мѣстное посполство. Надобно еще имѣть въ виду, что въ исключительныхъ случаяхъ, когда война принимала характеръ внутренней усобицы, наряду съ правильно организованными козацкими полками дѣйствовали еще партизантскіе отряды, подъ именемъ дейнекъ, левенцевъ и др., рекрутированные чаще всего изъ разныхъ „гультяевъ“, „нетягъ“ и тому подобнаго сброда и потому дозволявшіе себѣ разныя насилія надъ мирнымъ населеніемъ; но было бы несправедливо ихъ безчинства относить на счетъ козаковъ. Послѣдніе если и дозволяли себѣ въ походахъ нѣкоторыя своевольства, то они всегда были дѣломъ немногихъ отдѣльныхъ лицъ, а не цѣлыхъ отрядовъ, и происходили довольно рѣдко; по крайней мѣрѣ жалобы на нихъ почти не встрѣчаются въ актовыхъ книгахъ. Такія безчинства по большей части случались лишь въ началѣ похода, когда сотенное „товарыство“, угостившись не въ мѣру при прощаніи съ односельцами, выступало небольшими партіями; но лишь только козаки становились подъ свои хоругви, суровая дисциплина сковывала ихъ дѣйствія и не давала имъ возможности своевольничать.

Безъ сомнѣнія, и въ козацкомъ войскѣ существовалъ своего рода военно-полевой судъ, каравшій за нарушеніе дисциплины, порядка службы и другія преступленія, совершенныя въ лагерѣ или въ походѣ; но потерпѣвшіе отъ такихъ преступленій могли

привлекать виновныхъ и въ обыкновенные суды, именно въ полковые, въ составѣ которыхъ хотя находились и члены магистрата или ратуши, но преобладающая роль принадлежала полковой старшинѣ.

Для образца приводимъ двѣ „кримѣнальныя справы“ о козацкихъ своеволіяхъ, разбиравшіяся въ 1657 г. въ нѣжинскомъ полковомъ судѣ.

—

Олена Яцыха Шовкоплясыха, „селянка“ изъ с. Вишневки, бѣдная вдова, горько жаловалась, что когда козаки, ея односельчане, выступали въ походъ, то одинъ изъ нихъ Ничипоръ Яцковичъ безвинно нанесъ ея сыну Мартыну, „виннику“ (рабочему на винокуренномъ заводѣ), столь тяжкіе побои, что тотъ на другой день умеръ. Обвиняемый не отрицалъ своей вины и лишь тѣмъ оправдывался, что былъ въ то время пьянъ и совершилъ убійство безъ намѣренія, вслѣдствіе несчастливой „прыгоды“ (случая). По его словамъ, дѣло происходило такъ:

— Выйшлы-сьмо зъ Вышніовкы въ дорогу, до війска. Перенявшы насъ, другій атаманъ въ тимъ же сели, Мысько, запросывъ на горилку“. И въ то время, когда козаки пьянствовали въ дворѣ атамана, „небожчыкъ Мартынъ, надъишовшы протывъ насъ на улыци, свыснувъ, за который свыстъ нашъ атаманъ Маркоославъ небожчыка ималы (схватить). Межы иншымы и я, побигшы, хотивъ ёго взяты, а колы жъ винъ ся не дававъ, въ посвари тымъ обухомъ, съ которымъ мене атаманъ ославъ, неумысне, але съ пьянства и прыгоды ударывъ я Мартына у голову разъ, одъ которого разу ажъ дня другого у вечиръ змеръ“.

Быть можетъ, въ другое время судъ принялъ бы во вниманіе эти смягчающія вину обстоятельства и оказалъ бы подсудимому снисхожденіе, но въ то именно время подобныя козацкія безчинства повторялись очень часто, и потому судъ, „забигаючы дальшому сваволенству, поневажъ строкгая (ужасная) покилькакротъ сваволя зъ роспусты (вслѣдствіе распущенности) и пьянства тежъ оказалася и по дорогахъ розбои значныи почынено“, рѣ-

шилъ подвергнуть подсудимаго примѣрно строгому наказанію и постановилъ декретъ: „абы Нечыпоръ мечемъ на горли скараный бувъ, а атаманъ Марко абы головщыну [1]) жони забытого и выну (доходъ) на урядъ належную, зъ нагороженемъ сторони шкодъ, поплатывъ, и за змерлого душу священника за сорокоустъ и столы (поминальное угощеніе) той же Марко повыненъ погодыты, поневажъ за ёго неосторожнымъ посланямъ тое ся забойство стало".

—

Въ тотъ же день нѣжинскимъ полковымъ судомъ было разсмотрѣно и другое аналогичное дѣло о насиліи, учиненномъ выступавшими въ походъ козаками.

Въ воскресный день 31 мая батуринская мѣщанка Вивдя (Евдокія) Борисыха, вмѣстѣ съ своей сестрой и полувзрослой дочкой, отправилась пѣшкомъ въ сосѣднее село Пальчики. Въ пути ихъ нагнали три всадника. Завидѣвъ ихъ, женщины свернули съ дороги и пошли хлѣбами, не слушая приказа пьяныхъ козаковъ остановиться. Тогда двое изъ козаковъ, Василій Волошинъ и Мысько Татарченко сошли съ коней, поручивъ подержать ихъ третьему товарищу Мойсею Мульченку, и погнались за женщинами. Ударами обуха Вивдя и ея дочь были сбиты съ ногъ, а ихъ спутница убѣжала съ крикомъ о помощи, и хотя неподалеку были пастухи, Вивдя подверглась грубому насилію со стороны Волошина, а Мысько сорвалъ съ дѣвочки монисто „зъ московчиками" (привѣсными великор. монетами), стоившее около десяти копъ литовскихъ, и отнялъ готовыхъ денегъ копъ на три. Неизвѣстно, какъ и кѣмъ разбойники были задержаны, но на другой день они держали отвѣтъ передъ судомъ.

Главный преступникъ Василь Волошинъ, оказавшійся „выросткомъ" [2]) гетманскаго шурина Василія Золотаренка, бывшаго

---

[1]) Т. е. предписанное Лит. Статутомъ денежное вознагражденіе за голову убитаго.

[2]) *Выростками* именовались: а) пріемыши, питомцы и б) слуги, выросшіе въ домѣ. Въ какомъ смыслѣ употреблено здѣсь это слово, нельзя опредѣлить.

передъ тѣмъ (и впослѣдствіи вторично) нѣжинскимъ полковникомъ, „не признался до учынку и вымовлялся непамятью, же (что) былъ пьяный". Его товарищъ Мульченко оказался откровеннѣе. Онъ такъ „оповидавъ":

— Мы самотреть пидъ Пальчики йихалы. Обачывшы, що жинкы идуть бокомъ (стороною), Волошынъ, зсывшы съ коня, а мени давшы держаты, самъ погнався за жинкамы и Мысько за нымъ тамъ же бигавъ, де Васыль Борысыху бывшы по челюсти, гвалтъ ій пополнывъ".

Мысько Татарченко также „прызнавъ очевысто (въ глаза) на Васыля, що незбожный учынокъ гвалтомъ выполнывъ надъ Борисыхою".

Затѣмъ были спрошены свидѣтели, очевидцы преступленія. Пылыпъ, старый человѣкъ, обыватель с. Пальчиковъ, далъ такое показаніе:

— Шукавъ я шкапы своеи въ полю и иду до воды пыты, ажъ невиста (женщина) бигучы, гвалтъ волаючы, мене просытъ, оповидаючы, що еи сестри гвалтъ Васыль Волошынъ чынить. Я, надбигшы, выдилемъ Васыля надъ тою невистою на гвалтовнимъ учынку, тилко обавялемся (опасался) даты ратунку, бо воны, гвалтовныкы, пры оружи, а я съ голымы рукамы.

Другой свидѣтель, пастухъ Омелянъ, показалъ:

— Выдилемъ Васыля Волошына на тимъ гвалтовнимъ учынку въ полю, якъ и Пылыпъ, и Мыська Татарченка выдилемъ, що ся за дивчыною гонывъ и бывъ нагайкою, яко жъ и мене той же Мысько, набигшы, бывъ, абы съ чередою пречъ отогнався, и мусилемъ зъ боязни далеко одійты, а воны що хотилы тамъ полнылы.

То же подтвердилъ и Ѳедоръ, „чередныкъ" (стадникъ) батуринскій.

Судъ, „выслухавшы обохъ сторонъ контроверсій и оные добре у соби уважывшы, забигаючы такъ строкгому сваволенству подъ часъ тягненя войскового и прыхыляючыся до права писаного (т. е. Статута), въ роздѣлѣ 11-мъ, артикулѣ 2-мъ, и въ Саксонѣ (Speculum Saxonum) на картѣ 165-ой описаного," велѣлъ потер-

пѣвшей Вивдѣ Борисыхѣ „при свѣдкахъ поприсягнуть“ Василя Волошина и Мыська Татарченка, послѣ чего оба они должны быть „на горлѣ мечемъ караны“. Но тутъ произошло неожиданное затрудненіе: потерпѣвшая „гвалтовниковъ своихъ поприсягать не хотѣла“,—не потому, конечно, чтобы она усомнилась въ справедливости своей жалобы, а потому, что ей тяжело было вести людей на плаху; она заявила, что „даруетъ ихъ горломъ“, и „домовлялася“ только „шкодъ нагороженя, гвалтуи выкладовъ“ (судебныхъ издержекъ). Но судъ не согласился оставить насильниковъ безъ наказанія, хотя и уменьшилъ степень его тяжести: „забигаючы злій роспусти“, судьи новымъ декретомъ постановили, согласно „Порядку“ [1]) (карта 132), „абы Василеви и Мыськови мистръ (палачъ) по уху отризавшы, зъ миста посторонками высвидчывъ (веревкой позорно выгналъ изъ города), щобъ и въ полку тутейшимъ ни въ кого и нихто ихъ передержуваты не важывся, подъ горловымъ скаранемъ; а Мойсій Мульченко, при томъ же гвалтовномъ учинку будучій, що не давъ жадного ратунку, повиненъ будетъ Борысыси почтивое навязати ведле еи стану (т. е. уплатить положенную Статутомъ „навязку“—денежное вознагражденіе за безчестье), шкоды и выклады (расходы) понагорожати и вину на урядъ належитую (судейскій доходъ) заплатити“.

6. Обвиненіе священника въ убійствѣ.

Во вторникъ первой недѣли великаго поста, 9 февраля 1692 года, пришелъ изъ Павленокъ, что нынѣ предмѣстье Полтавы, убитый горемъ бѣднякъ, не имѣвшій даже фамильнаго имени или прозвища—въ актѣ онъ поименованъ: „Процыкъ, Савышынъ сватъ“—и заявилъ передъ полковымъ судомъ такую „плачливую“ жалобу:

---

[1]) Разумѣется извѣстная руководящая книга по магдебурскому праву: Porządek sądow y spraw mieyskich, служившая въ Малороссіи законною книгою.

— Панове! Мавъ я сына Семена, кравця (портного), который мешкавъ въ монастыру нашимъ полтавськимъ, у кравечни (въ портняжей мастерской). Сымы днямы, на масныци въ четвергъ, небожчыкъ сынъ мій, будучы на послушаніи монастырскимъ, зъ отцемъ Каріономъ, діякономъ, въ сели Петровци осынъ [1]) выбыралы и зайихалы въ Семянивку. Въ сели тимъ, не знаты, зъ якои прычыны, отъ отця Ивана Терпыла, священыка Семяновского, въ дому чернецькимъ, сынъ мій збытый зоставъ тыранско, одъ которого бою, колы прывезено ёго въ пятныцю до дому мого, третёго дня, въ недилю, рано, и Господу Богу духа отдавъ. Учора ёго и поховано".

Жалкій видъ Процыка, необыкновенно скорбный тонъ его жалобы, а болѣе всего необычайность преступленія такъ поразили судей, что они въ тотъ же день отрядили въ Семяновку, на мѣсто происшествія, двухъ бурмистровъ, „людей виры годныхъ", Петра Юревича и Процыка Соляныка, чтобы они „подлугъ самои слушности тому забойству вывелы инквизицію и, що належыть, порядне все казалы запысаты". Слѣдователи отправились сначала въ Петровку, взяли съ собою мѣстнаго атамана и двухъ „зацныхъ людей", въ качествѣ понятыхъ, и хотѣли ѣхать съ ними въ Семяновку; но имъ сказали, что петровскій асаулець [2]) Олыхвиръ (Елеѳерій) Бей сопровождалъ покойнаго Семена Проценка при сборѣ „осыпа", лично присутствовалъ при нанесеніи ему священникомъ побоевъ и можетъ дать подробныя показанія объ этомъ происшествіи. Онъ былъ боленъ въ то время, лежалъ въ постели, поэтому слѣдователи съ понятыми отправились къ нему въ домъ и записали съ его словъ слѣдующее:

— Панове! Прыйшовшы въ Семяновку, небожчыкъ Семенъ Проценко погнався, жартуючы, за Терпыловою дытыною, а вернувшысь, увійшовъ у корчму чернецькую, де отець Иванъ Тер-

---

[1]) *Осыпъ* – хлѣбный сборъ въ пользу монастыря, такъ какъ с. Петровцы было монастырскимъ имѣніемъ.

[2]) *Асаулецъ* или *асаульчикъ*—полицейскій урядникъ въ родѣ нынѣшняго десятскаго.

пыло, священыкъ семяновскій, сыдивъ. Заразъ ёго безъ жаднои прычыны ухопывъ отець Иванъ и ставъ давыты за горло, и давывъ ёго, небожчыка Семена, зъ годыну добрую, потимъ палыцею ставъ быты и палыцю всю на нимъ поламавъ. А колы-сьмо почалы Семена бороныты зъ Тымошемъ Ложечныкомъ, въ тимъ же рази винъ, отець Иванъ, и Ложечныкови руку тіею жъ палыцею перебывъ":

Послѣ этого слѣдователи отправились въ Семяновку и допросили сначала Тимоша Ложечника, который „тое жъ призвавъ, якъ и Олыхвиръ, слово въ слово". Затѣмъ была призвана шинкарка Евдокія Билка, въ корчмѣ у которой случилось „забойство". „По напомненю ій (какъ и другимъ свидѣтелямъ) боязны Божои", Билка такъ „посвидчыла".

— Мои ласкавіи панове! Одъ власныхъ рукъ Терпыловыхъ той Проценко зъ сёго свита пишовъ: очыма своимы бачыла, що бывъ ёго отець Иванъ Терпыло нещадно, безъ мылосты, и за горло зъ годыну давывъ. Все жъ тое дiялося, де я шынкую горилкою, въ дому чернецькимъ, де на той часъ бувъ пры тимъ побои и Тымишъ Ложечныкъ, и що ся тамъ чыныло одъ отця Терпыла, все тое по самій истынній правди передъ мылостямы вашымы высвидчаю".

Допросомъ этихъ трехъ свидѣтелей-очевидцевъ и ограничилось первое слѣдствіе. Самого отца Терпила къ допросу не привлекали.

Когда бурмистры, окончивъ возложенное на нихъ порученіе, возвратились въ Полтаву и въ открытомъ засѣданіи полкового суда доложили слѣдственный протоколъ вмѣстѣ съ устнымъ отчетомъ, ихъ сообщенія произвели большую сенсацію. Выходило такъ, что священникъ затѣялъ въ корчмѣ драку съ монастырскимъ слугой и причинилъ ему смертельные побои. Такое позорное преступленіе было, очевидно, весьма исключительнымъ, если не безпримѣрнымъ, въ тогдашней уголовной хроникѣ. Возникалъ вопросъ: какъ же поступить теперь съ „забойцей"? Не будь онъ посвященнымъ лицемъ, его немедленно бы „дали до вязеня" и затѣмъ судили бы въ полковомъ судѣ обыкновеннымъ

порядкомъ. Но по литовскимъ законамъ, духовныя лица по всѣмъ преступленіямъ подлежали исключительно духовному суду, т. е. митрополичьему, или вообще епархіальному, свѣтскому же уряду, именно гродскому суду, принадлежало лишь право принимать жалобы на духовныхъ, совершившихъ уголовное преступленіе, и производить по нимъ разслѣдованіе,—не предварительное дознаніе, котораго литовско-русское судопроизводство почти не знало, а такъ называемую „скрутенію“ (scrutinium), т. е. разборъ и оцѣнку доказательствъ, представляемыхъ въ судебномъ засѣданіи самими тяжущимися сторонами, съ примѣненіемъ всѣхъ пріемовъ состязательнаго процесса, послѣ чего потерпѣвшей сторонѣ выдаваема была формально удостовѣренная выписка изъ судебнаго протокола для представленія въ духовный судъ, который при рѣшеніи дѣла руководился данными, добытыми и разъясненными съ помощью „скрутеніи“. Тѣ же порядки остались и въ Малороссіи, съ замѣною лишь суда гродскаго полковымъ судомъ; но въ настоящемъ случаѣ старый порядокъ былъ нарушенъ, и дѣло получило весьма оригинальный ходъ и разрѣшеніе.

Когда полтавское городское духовенство, близко интересовавшееся дѣломъ своего собрата, ознакомилось съ результатами „инквизиціи“, произведенной посыланными на мѣсто бурмистрами, оно единодушно признало ее неполной, невѣрной и во всѣхъ отношеніяхъ негодной и, „хотячи самои истины дойты“, настойчиво просило „урядъ, абы выведена була“ вторая „инквизиція“, въ Полтавѣ, при совмѣстномъ участіи уряда свѣтскаго и духовнаго, для чего должны быть вызваны не только тѣ „свѣдки“, которые уже были допрошены бурмистрами, но и другіе, „хто тилко бувъ тому бою прытомный“ (очевидцемъ). Полковый урядъ удовлетворилъ желаніе духовенства, и вторичная «инквизиція» состоялась 11 февраля, т. е. черезъ два дня послѣ первой. Такая быстрота дѣйствія была возможна потому, что Семяновка и Петровка находились въ очень близкомъ разстояніи отъ Полтавы.

Не въ ратушѣ, обычномъ мѣстѣ судебныхъ засѣданій, а въ «братерскомъ дворѣ пречистскомъ», какъ мѣстѣ, болѣе при-

личномъ для честныхъ отцовъ, собрался урядъ духовный и свѣтскій «для выведенія» вторичной инквизиціи. Предсѣдательствовалъ полтавскій протопопъ Лука Симеоновичъ, «при бытности честныхъ отцевъ презвытеровъ парахіяльныхъ полтавскихъ, въ прытомностю уряду городового»: наказного полковника и полкового судьи „и при многихъ обчыхъ (стороннихъ) персонахъ". Ни войта, ни бурмистровъ, повидимому, не было въ составѣ слѣдственной комиссіи, если не разумѣть ихъ въ числѣ „обчыхъ персонъ". На аналоѣ были положены св. евангеліе и крестъ для привода свидѣтелей къ присягѣ, чего не дѣлали первые инквизиторы.

Первымъ былъ допрошенъ Олыхвиръ Бей, асаулецъ петровскій. Онъ былъ тяжко боленъ, и его съ трудомъ привезли изъ Петровки, рискуя, что онъ могъ и помереть въ дорогѣ, но духовенство особенно настаивало на его бытности. Олыхвиру напомнили, чтобы онъ „памятавъ на смерть и на судъ Божій" и говорилъ правду, и велѣли приложиться къ св. кресту и евангелію: въ этомъ и состоялъ краткій обрядъ присяги, хотя въ другихъ случаяхъ судебная присяга производилась по формѣ, близкой къ современной. Олыхвиръ Бей „вызнавъ тымы словамы:"

— Выбираючы мы осыпъ зъ небожчыкомъ Семеномъ, прыйшлы-сьмо на Семяновци въ двиръ шынковный чернецькій, де трапывся и сынъ отця Терпылы, прысланый зъ пляшкою по горилку. Купывшы горилки, винъ пишовъ до-дому, а небожчыкъ Семенъ, жартуючы, погнався за нымъ, а не вдарывшы ёго ни разу, вернувся и пишовъ до школы, [1]) а потимъ прыйшовъ до воза, и пойихалы-сьмо добираты осыпу. Потимъ другымъ разомъ прыйшлы-сьмо въ корчму чернецькую горилкы пыты. На скоримъ часи прыйшовъ до тіеи жъ корчмы чернецькои отець Терпыло и ставъ небожчыкови мовыты: „для чого ты гнався за моею дытыною?" и вхопывшы Семена за груды, ставъ давыты палцемъ у горло, ажъ я мусивъ ихъ розвесты. Отець Иванъ

---

[1]) Любопытное указаніе, что и въ такомъ маленькомъ сельцѣ, какъ Семяновка, была тогда школа. Ниже упоминаются и ея «школяри».

Терпыло сивъ на лави. Мало часу згодывшы, другымъ разомъ почавъ ёго быты палыцею, а бьючы, и кинець тіеи палыци уломывъ. А по тимъ бою пишовъ отець Терпыло до-дому и, осидлавшы коня, мивъ йихаты до началныка зъ скаргою на небожчыка. А мы збытого небожчыка, що не мигъ о своій сыли иты, взявшы, вынеслы-сьмо зъ хаты и въ визъ вложылы. Тутъ надъихавъ отець Терпыло и, выдячы небожчыка барзо збытого, надъ возомъ просывъ ёго о прощеніе, и попростылыся зъ собою, а небожчыкъ Проценко, пры прощеніи тимъ, давъ ёму и руку. И заразъ пойихалы-сьмо. Булы пры тимъ люды зацныи, меновыте: Тымишъ Ложечныкъ, Иванъ Байракъ, Иванъ Коробочка и шынкарка чернецькая прозвыськомъ Билка.

Слѣдователи „велилы Бееви, яко хорому, систы, а другого свидка призваты".

Призвали Евдокію, шинкарку. Поцѣловавъ крестъ и евангеліе, она „подъ сумненемъ завязанымъ повидала" тономъ, не столь увѣреннымъ, какъ передъ бурмистрами:

— Я, панове, не бачыла того, якъ небожчыкъ Семенъ за хлопцемъ отця Терпыловымъ гонывся, тилко тое мени школяри казалы; а що побой стався въ чернецькій хати, де я шынкую, тое вамъ по самій истыни повидаю, душу мою Господу Богу ховаючы, що отець Терпыло разъ тилко всёго того змерлого Семена затявъ кулакомъ, и то впередъ межы нымы стався посваръ за хлопця, за которымъ небожчыкъ гонывся, хотячы зъ пляшкою отняты горилку. За тое гоненя и ляканя хлопця ставъ отець Терпыло небожчыка лаяты, а винъ ще барзій ёго лаявъ, такъ передъ ударенямъ, якъ и по удареню Терпыловимъ, за що отець Терпыло и другымъ разомъ хотивъ небожчыка палыцею ударыты, але замахнувшы, по сволоку ударывъ. Ложечныкъ тежъ Тымишъ розважавъ ихъ; а такъ другій разъ отець Терпыло замахнувшы на небожчыка, нехотячы затявъ по руци Тымоша, и билшъ южъ бійкы не було. Що зась Олыхвиръ, асаулець, мовытъ, щобъ отець Терпыло небожчыка, взявшы за груды, давывъ за горло, то не есть правда: свидокъ тому Иванъ Коробочка, Тымишъ Ложечныкъ и Левко Куць, ктыторъ семяновскій,

которыи спилне зъ отцемъ Иваномъ въ дому чернецькимъ сыдилы. Могутъ и тіи мылостямъ вашымъ посвидчыты, що такого бою отець Терпыло не чынывъ надъ тымъ змерлымъ Проценкомъ, якъ то Олыхвиръ повидаетъ; и не выношено Семена зъ хаты, але самъ побигъ, насмихаючыся зъ отця Терпылы и лаючы, и похвалкы чынячы, за що мивъ отець Терпыло зъ скаргою до началныка на того жъ Проценка йихаты за свою зневагу, але за упрошеннямъ людей зацныхъ, наветъ и сёго жъ Олыхвира, отець Иванъ Семена, небожчыка, во всимъ простывъ и вже не йиздывъ зъ скаргою до началныка. Зъ которымъ то Семеномъ, небожчыкомъ, отець Иванъ, по прощеніи, и зъ тымы жъ людьмы, якіи отця Ивана за небожчыка просылы, увійшлы знову въ хату, и купывъ имъ Олыхвиръ за шагъ горилкы, иднанщыны,[1]) и въ хати повторне прощеня межи собою взялы. Поклонывся той небожчыкъ Проценко отцю Иванови и поцилувавъ въ руку.

Сказавъ это, Билка „обернулася до Олыхвира и рекла“:

— А чы не такъ було?

Олыхвиръ равнодушно отвѣтилъ:

— Правда. По прощени булы-сьмо въ хати, и купывъ я за шагъ горилкы.

Тутъ „урядовыи особы“ замѣтили Бѣлкѣ:

— А чому жъ ты такъ передъ тымъ не свидчыла, колы выводылы инквизицію посланци наши? Тебе тамъ запысано такъ, що ты повидала, що одъ власныхъ рукъ Терпыловыхъ зійшовъ зъ свита Семенъ, небожчыкъ, и що давывъ небожчыка отець Терпыло за горло зъ годыну и бывъ нещадно.

Билка немного смутилась, но тотчасъ отвѣтила:

— Высланыи зъ ратуша, которыи туда, на Семянивку зъйиздылы, найбарзій Олыхвировои мовы слухалы и тое пысаты

---

[1]) Въ текстѣ: *иднанщына*, т. е. мировая; могорычъ, распиваемый по случаю примиренія. Обычай и слово, существующіе и нынѣ въ народномъ быту.

казалы, що винъ повидавъ. А я и того часу самую истынную правду повидаты передъ нымы хотила, але мени не далы въ ричи моій виры, повидаючы: „неправду ты мовышъ—Олыхвиръ правду мовытъ", а напотимъ пидпысалы мене, якобы и я такъ посвидчала, якъ Олыхвиръ, а то есть неправда.

Призвали третьяго „свидка", Тимоша Ложечника, который показалъ:

— Сыдивъ и я, панове, въ дому чернецькимъ зъ господыномъ [1]) Терпыломъ и въ Иваномъ Коробочкою и зъ Левкомъ Куцемъ, ктыторемъ. Того жъ часу прыйшовъ Олыхвиръ и за нымъ заразъ небожчыкъ Проценко Семенъ. Ставъ мовыты тому небожчыкови Семенови отець Иванъ: „За що ты, прави, мого хлопця бывъ и гонывся за нымъ?" и налаявъ ёго за тое, а Проценко также отцю Иванови налаявъ прыкро. Отець Иванъ вставшы, ударывъ кулакомъ разъ усёго, а за горло не давывъ, якъ Олыхвиръ повидаетъ; не було того. Барзо ще й напотимъ межи собою сварылыся, и лаявъ Проценко отцю Ивану, за що хотивъ ёго отець Иванъ палыцек ударыты, а я, щобъ кровопролытя не було, уложывся (вмѣшался). Тоди винъ мене нехотячы въ той часъ палыцею ударывъ по палцяхъ. А щобъ давывъ за горло отець Терпыло небожчыка Семена, то не есть правда; и не выносывъ ёго Олыхвиръ до воза: самъ небожчыкъ, ще й похвалкы чынячы на отця Ивана, зъ хаты къ возови пишовъ. Дiялося тое на масныци, у вивторокъ. И потимъ пры насъ же и попрощалыся за поворотомъ зъ дому отця Терпыловымъ."

Далѣе выступилъ четвертый „свидокъ" Левко Куць, ктиторъ семяновскій. Онъ такъ сказалъ:

— Я за своею потребою мымо двиръ чернецькій тоди йшовъ, а не умыслне (нарочно) горилкы пыты, бо одъ запустъ черезъ увесь пистъ святый велыкій горилкы ныколы не пью, ажъ до Воскресенія. Обачывшы мене отець Иванъ

---

[1]) Почтительный титулъ, прилагаемый въ то время исключительно къ духовнымъ лицамъ и очевидно заимствованный изъ церковнаго поминанія: «господина (древн. *кирь*) нашего епископа»...

тикномъ, просывъ до себе, а я отповидавъ: „Я вамъ не допомогу, бо горилкы не пью“. А отець Иванъ реклъ: „Та ходы такы, хочъ такъ посыдышъ, о щось порадымось“. А такъ я вступывъ до ныхъ. А въ прудкимъ часи прыйшовъ Олыхвиръ Бей, пидпылый, которого отець Терпыло запытавъ: „Чы то вы хлопця мого скубъ и гонывся за нымъ?“ Отповидавъ Бей: ‚Я того не знаю“. А въ тимъ часи прыйшовъ и Проценко Семенъ, небожчыкъ, де ставъ мовыты отець Иванъ до ёго: „За що ты за моимъ дытыною гонывъ?“ А винъ одповидавъ: „То що жъ, що гонывся?“ А отець Терпыло, тымы словамы уразывшыся, налаявъ ёму, а Проценко ще гиршей зъ лайбою одозвався. Повставшы тоди, отець Иванъ пхнувъ ёго въ груды разъ всёго кулакомъ, а колы винъ не перестававъ лаяты отця Терпыла, отець Терпыло хотивъ ёго палыцею ударыты, але по сволоку ударывъ, а другій разъ замахнувшы, ударывъ по руци Тымоша Ложечныка, а палыци ни трохы не зламавъ. Тилько було всёго тіеи бійкы. И выйшовшы на подвирья, Проценко лаявъ отця Ивана и тамъ же прыпомынавъ и якіись подвязкы, а отець Иванъ пишовъ до дому, хотячы за безчестя свое пойихаты до началныка зъ скаргою. А Проценко прыйшовъ до хаты, которому ставъ я мовыты: „Небоже, не гаразъ чынышъ, що такъ священыка зневажаешъ; лиише бъ, колы бъ ты ёму укорывся та попросывъ о прощеніе“. Винъ на мою раду схылывшыся, запытавъ: „А куды отець Терпыло будетъ йихаты?“ Отповидалы ёму: „Не куды, тилко мымо сюю корчму“. И заразъ небожчыкъ ставъ мене просыты, щобъ зъ нымъ и зъ другымы сполъ сыдячымы перепросывъ отця Ивана. На прозьбу ёго выйшлы-сьмо вси на улыцю, а ото отець Иванъ ведется зъ конемъ осидланымъ, которого почалы-сьмо вси просыты, абы де бійка сталася, тамъ було и прощеніе. А такъ отець Иванъ, на прозьбу небожчыкову и нашу, попростывся зъ небожчыкомъ, и ввійшовшы до хаты, небожчыкъ ще й руку поциловавъ Терпылову, а Бей и горилкы купывъ“.

Пятый свидѣтель Иванъ Коробочка показалъ то же, что и Левко Куць, почему его „мовы“ и не записали, да и некогда было: „священныци спишылыся на службу преждесвященную, а

южъ було мало не ку вечеру". Такъ долго инквизиція продолжалась.

Отмѣтимъ одну существенную особенность настоящей „инквизиціи": она производилась безъ всякаго участія и даже, кажется, въ отсутствіи главныхъ лицъ во всякомъ процессѣ—обвинителя и обвиняемаго. Судъ самъ разыскиваетъ свидѣтелей, допрашиваетъ ихъ, устраиваетъ имъ очныя ставки, а тѣ, кого ближе всѣхъ касалось дѣло и кто могъ бы представить наиболѣе существенныя улики и оправданія, указать нужныхъ свидѣтелей, отмѣтить ошибки или намѣренную ложь въ ихъ показаніяхъ,—тѣ даже не присутствуютъ при гласномъ разслѣдованіи ихъ дѣла. Порядокъ судопроизводства, предписываемый Лит. Статутомъ, исключалъ самую возможность подобнаго слѣдствія; статутовые суды производили „скрутеніи" непремѣнно при личномъ участіи сторонъ, которыя сами приводили свидѣтелей, представляли улики и оправданія, вступали между собою въ состязаніе, а суду оставалось лишь, какъ въ современномъ гражданскомъ процессѣ, оцѣнивать силу и достоинство представленныхъ ему доказательствъ. Впрочемъ, и козацкіе суды обычно не устраняли обвиняемаго и обвинителя отъ участія въ производствѣ слѣдствія и не отказывались допрашивать тѣхъ свидѣтелей, на которыхъ стороны указывали или, чаще всего, сами же и приводили въ судъ. Бывало и такъ, что обвиняемый опорочивалъ предварительную „инквизицію", произведенную безъ его участія сотеннымъ или сельскимъ урядомъ, и требовалъ произвести ее заново, и судъ удовлетворялъ такія требованія. Въ дѣлѣ отца Терпила первая инквизиція тоже была опорочена, но не обвиняемымъ, а посторонними лицами—полтавскимъ городскимъ духовенствомъ, которое затѣмъ присвоило себѣ первенствующую роль при производствѣ вторичной инквизиціи. Это стороннее вмѣшательство и въ дальнѣйшемъ ходѣ процесса измѣнило его обычное теченіе.

Мы уже упомянули, что право суда надъ священникомъ, обвиняемымъ въ уголовномъ проступкѣ, по церковнымъ канонамъ и по прежнимъ польско-литовскимъ узаконеніямъ, принадлежало епархіальной власти; слѣдовательно, въ данномъ случаѣ слѣд-

ственное производство объ о. Терпилѣ нужно было передать для рѣшенія кіевскому митрополиту, епархія котораго обнимала тогда всю нынѣшнюю Полтавщину. На самомъ же дѣлѣ „справа“ о. Іоанна Терпила разсматривается и получаетъ окончательное рѣшеніе на мѣстѣ, въ Полтавѣ, въ соединенномъ засѣданіи „суда духовного и свѣцкого“. Судъ свѣтскій—это полковой, но безъ обычнаго участія въ его составѣ войта и бурмистровъ, а судъ духовный—это игуменъ мѣстнаго монастыря и всѣ городскіе священники. Правду сказать, такой смѣшанный судъ не предусмотрѣнъ ни церковными, ни прежними литовско-русскими законами и составляетъ исключительное изобрѣтеніе малорусской юстиціи. Мало того, собраніе городского духовенства, во главѣ съ протопопомъ, могло считаться законнымъ „духовнымъ судомъ“ лишь въ томъ случаѣ, если бы оно для разсмотрѣнія извѣстнаго дѣла получило спеціальное полномочіе отъ митрополита, которому одному принадлежало право духовнаго суда въ предѣлахъ своей епархіи; но въ данномъ случаѣ такое полномочіе не было испрошено. Въ этомъ сказалась давняя традиція южнорусскаго духовенства узурпировать, принадлежащее лишь епархіальной власти, право духовнаго суда. И въ прежній польско-литовскій періодъ, въ XVI—XVII в. в., мы часто встрѣчаемъ на Волыни и, вообще, въ правобережной Малороссіи случаи, что протопопы, а нерѣдко и простые приходскіе священники, самовольно совершаютъ разводы, даютъ разрѣшеніе на недозволенныя канонами браки, судятъ прелюбодѣевъ и т. п., и архіереи безуспѣшно протестуютъ противъ подобной узурпаціи. То же самое совершалось и въ гетманщинѣ до тѣхъ поръ, пока новое, синодальное управленіе завело и въ Малороссіи общерусскіе церковные порядки.

Какъ бы то ни было, 16 февраля, того же 1692 года, населеніе Полтавы съ утра уже толпилось въ „братерскомъ“ успенскомъ дворѣ, чтобы послушать, какъ будутъ судить семяновскаго священника за убійство „кравця“. За судейскимъ столомъ на самомъ почетномъ мѣстѣ сидѣлъ „превелебный въ Богу его милость господинъ отецъ“ Лазарь Бузкевичъ, игуменъ пол-

тавскаго монастыря, и съ нимъ его намѣстникъ „всечестный старушекъ“ отецъ Іеремія Свитайло; далѣе—„превелебный въ Богу господинъ“ отецъ Лука Симеоновичъ, протопопъ полтавскій, и „честные господинове отцы презвитеры полтавскіе“: святоуспенскій Іоаннъ Величковскій,—по свидѣтельству лѣтописца Самуила Величка, „мужъ благодати Божія и мудрости полный“, привѣтствовавшій въ 1687 г. гетмана Самойловича, при его проѣздѣ въ Крымъ черезъ Полтаву, высокопарными виршами „своеи композитуры [1]); спасскій Іоаннъ Свитайло, впослѣдствіи имѣвшій несчастіе впутаться въ злосчастную исторію Кочубеевскаго доноса и за то вынесшій жестокую пытку и затѣмъ сосланный въ Соловки; [2]) никольскій Іосифъ Нищинскій, срѣтенскій Тихонъ Филиповичъ и воскресенскій Іоаннъ Филиповичъ. „Зъ свицкого тежъ уряду“ присутствовали: полковникъ Павелъ Семеновичъ Герцыкъ, судья наказной Иванъ Красноперичъ, бывшій полковникъ п. Леонтій Чернякъ и сынъ его п. Иванъ Чернякъ, писарь полковый, „и много иныхъ зацныхъ особъ рыцерского и миського уряду“. Здѣсь же собраны были всѣ свидѣтели, допрошенные на предварительномъ слѣдствіи. Олыхвиръ Бей, „на смертелномъ лижку (постели) будучы, для тяжкои хоробы не могль самъ прытомне статы до суду, прето (поэтому) жона ёго Настя въ особи ёго зъ тымы жъ свидкамы стала“. О присутствіи въ судѣ о. Терпила и „акторской стороны“—Процыка, „Савышиного свата“, въ протоколѣ не упоминается; кажется, они опять отсутствовали, что являлось рѣзкимъ и непонятнымъ нарушеніемъ порядковъ, принятыхъ и въ козацкихъ судахъ.

Сначала была прочтена жалоба потерпѣвшаго Процыка и протоколы первой и второй „инквизиціи“, послѣ чего судъ „на

---

[1]) Лѣтопись Величка, III, 9.

[2]) Сохранилось преданіе, что когда этотъ попъ Свитайло и сотникъ Кованько послѣ пытки лежали на полу, прикрытые окровавленными рогожками, то Кованько сказалъ: «Отче Иване! Яка жъ московська пужка солодка! Купимъ іи жинкамъ на гостынець».—Бодай тебе, Петре, побыла лыха годына: хиба тоби трохы спыну спысалы»! отвѣчалъ Свитайло.

достовѣрнѣйшее всего того испытаніе", велѣлъ еще „всимъ свѣдкамъ, ставши, устне у голосъ повѣдати, що хто прызнавалъ". Прежде всѣхъ „пытано жону Олыхвѣрову Бееву, на мѣсцу мужа еи, що бы мѣла повѣдати именемъ мужа своего?" Настя такъ сказала:

— Панове! Мужъ мій хочъ було и подопьетъ, а еднакъ хороше дывится; а теперъ, по выбыраню того осыпа, прыбувшы до-дому, захоривъ и чомусь гостро ставъ дывытыся, и колы прыйиздылы посланыи на инквизицію, южъ бувъ хорый и, хорымъ будучы, не видаю, що тамъ винъ имъ повидавъ. Потимъ взято ёго, хорого, до Полтавы на инквизицію, и тамъ не видаю, що винъ повидавъ, тилко прыйихавшы, ще барзій гостро ставъ дывытыся и кошулю зъ себе скынувъ; що я постеригшы, пыльновала ёго, яко жона, въ тій тяжкій хороби и сусидъ просыла, щобъ мени въ тимъ допомагалы. А колы трохы прыйшовъ къ соби, пытала я ёго: „Шо ты тамъ свидчывъ а, чуты, и прысягъ есы?" А винъ одповидивъ: „Я не знаю ничого, що тамъ говорывъ". Поты моеи повисты".

Затѣмъ велѣно остальнымъ „свидкамъ" поочередно „мовыты", и всѣ они „повидалы тое слово въ слово, що у второй инквизиціи запысано". Послѣ этого имъ предложено еще разъ поцѣловать св. евангеліе и крестъ и тогда велѣно „выступити" (отойти).

Судъ, „порадившись" между собою, объявилъ, что четыремъ свидѣтелямъ: Тимошу Ложечнику, Левку Куцю, Ивану Коробочкѣ и Евдокіи Билкѣ онъ „даетъ зуполную виру, яко статечнымъ свидкамъ, а Олыхвира Бея, яко подъ часъ того бою бувшого подпылого и подъ часъ инквизиціи не въ зуполномъ уми зостававшого, а надто не единослова, яко ся показуетъ зъ обохъ инквизицій (здѣсь указаны несогласія въ его двукратныхъ показаніяхъ), не прыймуетъ за свидка, поневажъ въ двохъ ричахъ солгавъ, южъ такому и въ иншыхъ ёго свидоцствахъ довиряты не можемъ, звлаща, же (что) и жона его прызнаетъ ёму забытіе ума". Кромѣ того, и первую инквизицію „судъ не прыймуетъ для многихъ въ ней фалшиве попысаныхъ речій: шынкарку напысано

Настею, а вона Евдокія; Ложечныка написано Миськомъ, а имя ему Тымишъ" и т. п. Въ виду этого „тыхъ первыхъ инквизиторовъ, за неуміетность въ вывоженю инквизиціи, судъ нынѣшній велитъ карати вязенемъ (арестомъ), а честного отца Іоанна Терпыла, священыка семяновского, одъ тои напасти увольняетъ и симъ декретомъ наказуетъ, абы Процыкъ за тую нанесеную потваръ (клевету) и безчестіе отца Терпыла во всемъ перепросывъ. Варуетъ (предупреждаетъ) тежъ судъ нынѣшній подъ виною (судебнымъ штрафомъ) на архипастырскую милость (митрополита) ста таляровъ, абы нихто, такъ зъ духовныхъ, яко и зъ свицкыхъ не важывся николы безчестя того задаваты честному отцу Іоанну Терпылу, яко невынно напасть претерпившому; а хто бъ смивъ тымъ ёму прымовыты, таковый неотпустне выпреченую выну заплатыть".

Такъ энергично вступились полтавскіе пресвитеры за своего собрата,—не только обѣлили его, но и заградили уста всякому, кто былъ иного мнѣнія относительно „напасти", якобы „невинно претерпѣнной" отцомъ Терпиломъ. Это горячее заступничество, конечно, дѣлаетъ честь ихъ братской солидарности, но не судейскому ихъ безпристрастію. Вѣдь не съ добра же умеръ скоропостижно молодой Проценко послѣ іерейскихъ побоевъ. А что Проценко былъ избитъ, объ этомъ не было спора и на судѣ; тамъ шло лишь разногласіе о большей или меньшей интенсивности побоевъ.

А несчастный Процыкъ, Савышынъ сватъ, не только потерялъ сына, можетъ быть, единственнаго кормильца, но долженъ былъ еще „перепросить" о. Терпила „за потваръ и безчестье". Это совсѣмъ уже такъ, какъ разсказывается въ юмористической пѣснѣ:

Была жинка мужыка,
Пишла позываты:
Присудылы мужыку
Ще й жинку прохаты.

7. Убійца, прикованный къ гробу своей жертвы.

Крѣпко печалилась старая Кузьмиха, полтавская мѣщанка, вдова, что ея сынъ Тымко вышелъ не честнымъ ремесленникомъ, какимъ она надѣялась его видѣть, а „ледащомъ“ и забулдыгой. Учился онъ смолоду „гаптарству“ (золотошвейному мастерству) и могъ быть хорошимъ „гаптаремъ“, если бы поменьше волочился по шинкамъ да не связывался съ шинкарками. Надѣялась мать, что женитьба исправитъ безпутнаго сына, но и молодая жена не сумѣла привязать къ дому Тымка, и онъ снова принялся за старое: „День гаптуе—два гайнуе, часомъ въ шинку й заночуе“. Хорошо, что хоть извѣстно было, въ какомъ именно шинкѣ надо было искать его—„на братерскомъ пречистскомъ дворѣ“, гдѣ шинковала Гапка „чаривныця“. Кузьмиха твердо была убѣждена въ томъ, что Гапка „бавылась чаровныцтвомъ“, иначе—чѣмъ же другимъ могла она „прывабыты до себе“ ея сына? Ни „вроды“ у нея, ни „хысту“, да и „прыстаркувата“ уже, а объ ея „нецнотливомъ жытіи“ и говорить нечего. Кто же видалъ „цнотливую“ шинкарку? Недаромъ полтавскій отецъ протопопъ отказывалъ шинкаркамъ въ святомъ причастіи. А случится въ городѣ „злодійство“—у кого тотчасъ же „трусятъ“ (обыскиваютъ) краденое? У шинкарокъ. Развѣ и эту Гапку мало „трусылы“ и „у вязеню“ держали? И эта „нецнота“, эта, „злыдена нетипаха“ задумала было женить на себѣ Тымка! И едва не успѣла въ своемъ замыслѣ, да спасибу Вуцькѣ, другой шинкаркѣ, во время предупредившей объ опасности. Сколько тогда Кузьмиха пролила слезъ, умоляя и заклиная сына не позорить ихъ честнаго рода этой женитьбой и взять за себя другую дѣвушку, которую она сама же выбрала для него! Къ счастью, Тымко таки одумался, послушался матери и мѣсяцъ-другой послѣ женитьбы какъ будто и остепенился; но теперь снова пьетъ да гуляетъ и, кажется, опять „злигся“ съ тою же Гапкою. Охъ, чуетъ материнское сердце—не добромъ это кончится!

Предчувствія старой Кузьмихи сбылись скорѣе, чѣмъ она ожидала.

Наступилъ праздникъ св. Николая (9 мая 1700 г.), день ярмарки въ Полтавѣ. Тымко съ утра шатался по ярмаркѣ и привелъ съ собою къ Гапкѣ какую-то „черницю“ изъ Будищскаго монастыря, отрекомендовавъ ее своею родственницею. Потребовавъ угощенія, онъ пригласилъ за столъ Гапку; но Гапка, охмелѣвъ, стала ревновать Тымка къ „черници“ и довела его до такого бѣшенства, что онъ схватилъ рогачъ и попереворачивалъ въ печи горшки „зъ стравою“. Гапка, избитая, ревѣла въ пекарнѣ, со злости катаясь по полу. Не обращая на нее вниманія, Тымко забрался въ „кимнату“ (боковую комнату) и улегся спать; туда же поплелась за нимъ и пьяная черница, и черезъ нѣсколько минутъ изъ „кимнаты“ доносился уже усиленный храпъ. Тогда Гапка подкралась на цыпочкахъ, заперла на защепку „кимнатную“ дверь и завязала щеколду снуркомъ. Въ ея головѣ зародился предательскій умыселъ: дождавшись, когда въ шинокъ сойдутся люди, открыть предъ ними дверь въ „кимнату“ и потребовать, чтобы Тымку и черницѣ, какъ явнымъ прелюбодѣямъ, были обрѣзаны полы[1]) и ихъ самихъ отвели въ ратушу. Такъ бы оно и сталось, можетъ быть, но минуту спустя вернулась изъ церкви жившая въ томъ же братскомъ домѣ старуха Ганна Иваныха и, ничего не вѣдая, отвязала дверь и вошла зачѣмъ-то въ „кимнату“. Гапка въ ту минуту была въ сѣняхъ. Спохватившись, что Иваныха, открывъ дверь и разбудивъ спящихъ, разстроила ея планы, она сначала вбѣжала въ „кимнату“ и съ бранью начала гнать оттуда Тымка, но затѣмъ сообразивъ, что не все еще потеряно, Гапка быстро заперла дверь и хотѣла звать людей. Какъ ни пьянъ былъ Тымко, онъ разгадалъ, однако, предательскій замыселъ Гапки и сталъ бѣшено ломиться въ дверь. Вырвавшись изъ западни, онъ такъ неистово принялся колотить Гапку, что она подъ его ударами испустила духъ.

---

[1]) Обычный въ то время способъ позорнаго клейменія захваченныхъ на прелюбодѣяніи.

Сбѣжался народъ. Тымка связали и, какъ „забойцу, зъиманого на гарячимъ учынку", отвели въ ратушу, „до полкового уряду". Тамъ его немедленно подвергли допросу. Тымко такъ объяснялъ происшедшее убійство:

— Я, панове, въ тимъ двори пывъ, а вона, Гапка, безъ дання прычыны мене по щокахъ ударыла, чого я, пьянымъ будучы, не стерпивши, вдарывъ еи тилко всёго два разы, а Гапка, павшы на землю, заразъ и духа пострадала.

Судъ на „достовирнійшый доводъ тои справы" велѣлъ призвать свидѣтельницу убійства Ганну Иваныху, которая такъ показала:

— Прыйшла я до тіеи жъ господы въ двиръ братерскій и не застала въ хати никого, тилко самую Гапку, ажъ бачу— поставци на столи стоятъ порожніи и стилъ полытый. Спыталася я: „чы то въ тебе, Гапко, напытку нема? Позбирай зъ столу поставци". И тое ій сказавшы, пишла зъ хаты въ другую и обачыла, що горшкы въ печи зъ стравою поворочано, и пишовшы знову въ хату переднюю, нарикала я на Гапку за тое, що шкода есть, страву поворочано. Взявшы зъ викна желизне перехрыстя, хотила понести ёго въ кимнату, ажъ двери кимнатныи мотузкомъ завязани. Я ихъ одчыныла, увійшла въ кимнату и застала ёго, Тымка, зъ черныцею ніякоюсь зъ Будыського монастыря, а вернувшысь зъ кимнаты, сказала: „Гапко, чого винъ, Тымко, туда увійшовъ?" А Гапка отказала: „Не знаю для чого и колы—не бачыла", и почала ёго, Тымка, зъ кимнаты гоныты, а потимъ сама напередъ выбигши, защепнула двери защипкою, а Тымко почавъ двермы трусыты и велытъ отщепнуты. Скоро жъ вона отщепнула двери, а Тымко, выбигшы, почавъ іи, Гапку, быты, выговоруючы: „Сякая-такая нецного, чому ты на мене наволикаешъ безчестя?" и такъ тыранско бывъ, що ажъ заледво оную водою одлылы. Вона жъ, Гапка, прыйшовшы къ соби, схопывшыся, кынулася до Тымка, а Тымко знову іи затявъ два разы, которая впавшы на землю вмерла. И такъ одъ Тымковыхъ рукъ небожка свита пострадала".

Хотя фактъ преступленія былъ вполнѣ ясенъ и не нуждался въ разслѣдованіи, но судъ почему-то нашелъ нужнымъ отложить рѣшеніе дѣла „до указу пана зверхнійшого", т. е. полковника, котораго въ то время не было въ городѣ, а преступника велѣно было тотчасъ „пры тилу небожкы Гапкы прыкуваты, нимъ (пока) будетъ небожка погребена, а по погреби звычайнимъ до секвестру ёго, Тымка, даты" (т. е. взять подъ арестъ).

Фактъ, о которомъ идетъ рѣчь въ этомъ документѣ, т. е. приковываніе убійцы къ гробу жертвы, касается любопытнаго обычая, имѣвшаго въ то время общее распространеніе въ лѣвобережной Малороссіи, но, сколько извѣстно, не практиковавшагося на правомъ берегу Днѣпра. О немъ нѣтъ упоминанія ни въ Литовскомъ Статутѣ, ни въ Магдебургскомъ правѣ. По объясненію профессора М. Ф. Владимірскаго-Буданова,[1]) это—остатокъ древняго судебно-уголовнаго обычая, состоявшаго въ томъ, что убійцу, схваченнаго на мѣстѣ или даже подозрѣваемаго лишь въ этомъ преступленіи, привязывали къ ногѣ трупа и оставляли въ такомъ положеніи до суда, до офиціальнаго осмотра. Это имѣло значеніе или поличнаго (непререкаемой улики), или—пытки, которою вынуждалось собственное сознаніе; и нужно сказать, что такая форма пытки была одною изъ самыхъ дѣйствительныхъ, такъ какъ рѣдкій убійца могъ выдержать долго очень близкое сосѣдство съ жертвою. Въ такой формѣ этотъ архаическій обычай существовалъ и въ Великороссіи еще въ XVI ст.

Въ Малороссіи XVII и XVIII вв. приковываніе къ гробу потеряло уже правовой характеръ и получило значеніе ненужнаго додатка къ тому наказанію, какое окончательно потомъ предстояло убійцѣ. Правда, на Запорожьи, если вѣрить народнымъ преданіямъ, нерѣдко случалось, что убійцу заживо хоронили вмѣстѣ съ жертвою. Хотя въ гетманщинѣ эта жестокая казнь

---

[1]) См. интересную его замѣтку объ этомъ предметѣ въ «Кіев. Старинѣ» 1888 года, т. XX.

несомнѣнно не практиковалась въ XVII ст., но если только она когда-либо была въ обычаяхъ древняго народнаго суда, то въ такомъ случаѣ приковываніе убійцы къ гробу убитаго можетъ быть разсматриваемо какъ ея символъ, или пережитокъ, имѣвшій цѣлью позоръ и устрашеніе. Правду сказать, и въ этой смягченной формѣ данный обычай заключалъ въ себѣ много излишней, утонченной жестокости. Преступникъ оставался прикованнымъ къ гробу иногда въ теченіе нѣсколькихъ сутокъ и въ такомъ видѣ обязательно сопровождалъ его въ процессіи, когда мертвеца несли въ церковь и на кладбище. Легко представить, какія нравственныя муки онъ долженъ былъ испытывать, слушая вопли и причитанія родни убитаго и служа объектомъ негодованія со стороны окружающаго народа. Но этого мало. Обыкновенно покойника, наканунѣ погребенія, на ночь вносили въ церковь, и несчастный убійца проводилъ мучительнѣйшую ночь въ запертомъ храмѣ, наединѣ съ жертвою; а чтобы онъ, метаясь въ безумномъ ужасѣ, не опрокинулъ гроба, его нерѣдко связывали веревками и клали на ночь подъ „марами“ (носилками), на которыхъ помѣщался гробъ.

Въ такой формѣ этотъ ужасный обычай просуществовалъ въ Малороссіи почти до конца XVIII ст. Еще въ 1783 году въ одной изъ церквей Черниговской епархіи, послѣ панихиды надъ убитымъ козачьимъ сыномъ Іосифомъ Бѣденкомъ, была прикована къ его гробу козачья дочь дѣвица Христина Водяникова, при чемъ мѣстный священникъ не только не препятствовалъ этому, но самъ приказывалъ бывшимъ въ церкви людямъ вязать Христину веревками и связанную положить подъ гробъ. Этотъ случай побудилъ генералъ-губернатора графа Румянцева, циркулярнымъ письмомъ къ архіереямъ малороссійскихъ епархій, обратить ихъ вниманіе на это „странное и человѣчество уражающее (оскорбляющее) произъшествіе“ и просить о воспрещеніи столь жестокаго и противозаконнаго обычая, что и было исполнено [1]).

[1]) Тамъ же, указъ черниговскаго архіерея о воспрещеніи даннаго обычая.

Такую мучительную пытку долженъ былъ вынести и герой нашего разсказа Тымко Кузьменко и затѣмъ ожидать въ тюрьмѣ рѣшенія своей участи.

Ровно черезъ недѣлю „маестратъ миськiй полтавскiй“ [1]), „одобравшы отъ зверхнiйшого пана, властелина, одъ его мылости пана полковника, указъ цетоваты (рѣшить) тую справу подлугъ (по) належытого права“, велѣлъ снова „передъ собою поставыты того мужоубойцу Тымка не для выведеня инквизиціи, лечъ (но) для ферованя (произнесенія) декрету и укончeня справы“. Тутъ явилась въ судъ и „акторская сторона“, сестра убитой Гапки, и „домовлялася судового всказаня“ надъ убійцей. Справившись съ законами, судъ приговорилъ Тымка къ смертной казни; но въ эту минуту полученъ былъ другой „указъ“ отъ полковника: „за усыловнымъ кривавослезнымъ маткы Тымковои и тещи и жоны его прошеніемъ, дароваты ёго горломъ“, обязавъ лишь его „поеднаты духовенство за отправу погребу небожкы Гапкы и за сорокоустъ за душу еи“ и сверхъ того уплатить „кревнымъ“ ея предписанную въ Литовскомъ Статутѣ „поголовщину“. Такъ какъ покойная Гапка „жыла лезно, безъ мужа, и не мила ёго, а шынкомъ бавылася“, то судъ опредѣлилъ за голову ея низшій размѣръ платы, всего 50 золотыхъ. Наконецъ, Тымко долженъ былъ уплатить „выну врядовую“, т. е. извѣстный денежный штрафъ въ пользу судей.

А „вына панская“, т. е. полковничій доходъ, неужели была прощена? О нѣтъ, полковникъ тоже въ накладѣ не остался. Оказывается, что не однѣ „кривавослезныя“ мольбы несчастныхъ женщинъ подвинули его на милосердіе, а нѣчто иное, болѣе существенное. Такъ какъ у старой Кузьмихи и у ея свахи не было ни грунтовъ, ни пасѣкъ, ни даже „паровыць“ воловъ, то продолжительный торгъ за голову Тымка окончился выдачей полковнику формальнаго обязательства, по которому „оный Тымко,

---

[1]) Такъ титулуетъ себя въ данномъ декретѣ полковой судъ, собравшійся въ обычномъ своемъ составѣ: наказной полковникъ, полк. судья, городовой атаманъ, войтъ и бурмистръ.

выдячы такъ великое по Бозѣ его милости пана полковника отцевское надъ собою мылосердіе, ижъ (что) не тилко на здоровю не пострадалъ, и на худобѣ ненарушонимъ зосталъ,—во вѣчные и неуставаючіе роды зъ жоною своею поручилъ себе въ доживотную дому его панскому службу".

Честь изобрѣтенія такой, новой въ Малороссіи, кабалы всецѣло принадлежитъ полтавскому полковнику Ивану Искрѣ, тому самому, который семь лѣтъ спустя вмѣстѣ съ Кочубеемъ задумалъ было подставить ногу Мазепѣ. Прежніе полковники продавали милосердіе за меньшую цѣну.

---

8. Козачка, спьяна застрѣлившая работницу.

Раннею весною 1689 года козацкіе полки, вмѣстѣ съ гетманомъ, выступили въ Крымскій походъ. Ушелъ вмѣстѣ съ ними и Борзенскій козакъ Грыцько Плющенко, а дома осталась жена его Палажка съ малыми дѣтьми. Въ то время рѣдкая изъ козачекъ въ отсутствіе мужа вела себя „статечно" (благоразумно, воздержно), особенно въ городахъ: на базарѣ ежедневно съ ней встрѣчались кумушки да сестрички, охотницы повеселиться, звали къ себѣ или сами шли къ ней въ гости,—и изо дня въ день тянулись „бѣсиды" да пьянство, а съ пьянства возникали подчасъ и другіе грѣхи. „Не статкувáла", какъ видно, и Палажка Грыцыха: она тоже въ отсутствіе мужа предалась пьянству и дошла до того, что спьяна застрѣлила свою „наймычку".

Въ то время Борзна была сотеннымъ городомъ нѣжинскаго полка и въ ней, какъ и въ другихъ городкахъ, существовалъ „козацкій сполне и мѣйскій" судъ, немедленно собравшійся для разслѣдованія такого неслыханнаго проступка. За отсутствіемъ сотника, ушедшаго въ походъ, предсѣдательствовалъ въ этомъ судѣ городовой атаманъ, а съ нимъ засѣдали: войтъ, „значное товарыство" (козаки), бурмистръ и нѣкоторые изъ почетныхъ мѣщанъ. Обвинителями выступили родители убитой,

нѣкто Тышко Батюта съ женой. Они съ плачемъ жаловались, что Палажка Грыцыха, „будучы подпылою, чы зъ умыслу, чы зъ трафунку (случайно),—о томъ Богъ всемогущій знаетъ,—невидомо за якую прычыну, а зъ неналежного своего жоноцкого поступку, чого бъ ій не годылося чыныты, порвавшыся до ручныци (ружья), хочай не знала, що оная була заправлена (заряжена), наймычку свою а дочку нашу власную Катерыну на смерть зъ ручныци застрелыла".

Судьи спросили Палажку: „Для чого ты такый злый учынокъ учыныла: зъ якого ранкору (злопамятства), або за якый выступокъ смила на смерть забыты дивчыну, наймычку свою"?

— Що жъ, панове,—винилась Палажка,—грихъ мене спотькавъ. Тилко и було прычыны—за едну фанту[1]) кармазыновую старую, що удерто шматъ полы. Пытала-мъ: „чы то ты учыныла шкоду"? Тилко жъ вона, небожчыця Катерына, мовыла, що „я того непровынна: не знаю и не видаю, бо тое ще пры самомъ господареви (хозяинѣ), якъ до війска не йшовъ, учынылося ударътье". И за тую прычыну хотила-мъ пострашыты: поставыла-мъ еи на тій фанти, узявшы ручыцю съ килка, а правди не знаючы, що була заправлена. Якъ звела-мъ курокъ, безъ подсыпкы опустывся, невидаты зъ чого спалыло на пановци, и застрелыла-мъ небожчыцю на смерть".

Дѣло было ясно, въ дальнѣйшемъ разслѣдованіи не было нужды; постановить же приговоръ по настоящему дѣлу сотенный урядъ не имѣлъ полномочій, такъ какъ уголовные проступки, за которые могла угрожать смертная казнь, подлежали рѣшенію высшаго суда, полкового или генеральнаго. Поэтому Палажку Грыцыху, какъ „забойцю", судъ велѣлъ немедленно посадить въ тюрьму и занялся рѣшеніемъ вопроса о томъ, что сдѣлать съ трупомъ убитой Катерины.

---

1) *Фанта*—закладъ, залогъ; очевидно, рѣчь идетъ о кармазиновой одеждѣ, кѣмъ-то оставленной въ залогъ.

По обычаю, отчасти основанному на предписаніи Статута [1]), не принято было хоронить убитаго раньше, чѣмъ свершится судъ надъ убійцей. При необыкновенной быстротѣ козацкаго судопроизводства, когда преступникъ нерѣдко судился и даже подвергался казни не позже, какъ на другой или третій день послѣ преступленія, такой обычай не былъ очень стѣснительнымъ; но если дѣло грозило затяжкой, судъ обыкновенно постановлялъ раньше декретъ о преданіи убитаго погребенію, не ожидая рѣшенія судьбы убійцы. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ: принимая во вниманіе, что дѣло должно поступить на рѣшеніе высшаго суда и что трупъ въ лѣтнюю пору (дѣло происходило въ концѣ мая) нельзя долго держать, урядъ Борзенскій разрѣшилъ его „до гробу отпровадити".

Но при этомъ, согласно существовавшему въ Малороссіи обычаю, слѣдовало вести за гробомъ и убійцу, прикованную къ гробу жертвы. Тутъ выступили родственники Палажки и стали просить Тышка Батюту освободить ее отъ этой позорной церемоніи въ виду ненамѣренности совершеннаго ею проступка. Въ то время отъ воли потерпѣвшаго зависѣло многое въ участи подсудимаго, даже полное освобожденіе его отъ кары за уголовный проступокъ. И Батюта, уступая этимъ просьбамъ, оказалъ „милость" преступницѣ: „не позволилъ Грыцыхы до гробу при тѣлѣ дочки своеи явне вести", а затѣмъ, „за намовами людскими и прозбою" Палажки, „склонился и до згоды зъ нею" и заключилъ мировую, въ силу которой Грыцыха должна была нанять сорокоустъ за душу убитой и кое-чѣмъ вознаградить осиротѣвшихъ родителей, а послѣдніе отказывались отъ уголовнаго преслѣдованія ея за убійство ихъ дочери.

Обо всемъ этомъ сотенный урядъ былъ обязанъ донести высшему суду, именно полковому; но въ данномъ случаѣ онъ почему-то миновалъ эту инстанцію и непосредственно обратился

---

[1]) Разд. 11, артык. 2-й; изъ него видно, что до изданія 3-ей редакціи Статута, во всей Литвѣ было въ обычаѣ не хоронить убитаго до совершенія суда надъ убійцей.

въ войсковый генеральный судъ, прося у него „науки“, какъ поступить съ этой „справой“. Отъ генеральнаго суда послѣдовала такая „информація“: такъ какъ Палажка Грыцыха примирилась съ отцемъ убитой ею Катерины „и тое сталося зъ воли инстигаторской (обвинителя, истца), того южъ и мы въ той справи поеднаня судомъ нашымъ не розрываемъ. Однакъ, гриху и помсты Божои варуючыся (остерегаясь), безъ карности такого проступства, мимо законъ Божій, повинность наша судовая пустыты тую забойцю не повелѣваетъ; бо если право святое отцеви, который бы сына свого хотячы и не хотячы забывъ, указуетъ рикъ и шисть недиль у вязеню сыдиты, а другый рикъ въ собори церковномъ себе чтырикротъ на празныкы облычаты, [1]) а сеей забойци Грыцыси, которая, подпылою (пьяною) будучы, знаты зъ зухвальства своего надъ служебкою такее окрутное (жестокое) дило пополныла, овшемъ (тѣмъ паче) треба карности даты. Зачымъ абысте ей далы до вязеня, то есть до турмы, ежели на долгое вязеня способна, а ежели назбытъ прыкра (слишкомъ слаба), то въ якую комору крайную ей посадите, жебы сліота (непогода) не досаждала, де маетъ рикъ и шисть недиль, ведлугъ права (согласно закону), за свій выступокъ сыдиты; або выну пиняжную, ровную зъ нагородою укрывжоному, нехай намъ, суду, отдасть, ежели захочетъ фолкги (снисхожденія) и волности отъ сыдинья“.

Палажка, очевидно, предпочла уплату „вины“ продолжительному заключенію, потому что спустя нѣсколько дней Борзенскій урядъ получилъ отъ генеральнаго судьи Михаила Вуяхевича слѣдующее увѣдомленіе:

„Мои ласкавіи прыятели, пане атамане Борзенскій и пане войте тамушній зъ бурмистрами! Поневажъ Грыцыха, того свого злого учынку жалуючы, досыть тому укрывжоному отцеви забытои небожчыци учыныла, сорокоуста за душу ей уеднала, теды судъ нашъ, респектомъ и малыхъ ей дитей, и прыхылывшися на прозьбу отца Грыцышына и дядька, одъ вязеня ей уволняетъ,

---

[1]) Имѣется въ виду предписаніе Статута, розд. 11, арт. 7, § 2.

съ которого абысте ваши милости, южъ жадного датку не вытягаючы, ей выпустылы и въ домъ до дитей пойты и вольно мешкаты (памятаючы на грихъ той, щобъ до покуты ся доброволне удала) позволылы. При томъ, по васъ того пыльно хотячы миты, зостаю назавше вашмостямъ всего добра зычлывымъ прыятелемъ ихъ царского пресвитлого велычества Войска Запорозского енералный судя и наказный гетманъ Мыхаилъ Вуяхевичъ. Зъ Батурына, мая 28, 1689 року".

---

9. Жестокая жена.

Убійство женою мужа искони почиталось однимъ изъ самыхъ тяжкихъ преступленій и по степени уголовной отвѣтственности приравнивалось къ убійству родного отца или матери. Въ Литовскомъ Статутѣ опредѣлена была особая, необыкновенно жестокая, спеціальная кара за три преступленія: отцеубійство, матереубійство и убійство одного супруга другимъ. Первыя два преступленія, какъ совершенно противоестественныя, всегда были крайне рѣдки; скажемъ даже больше: ни въ уголовной практикѣ гродскихъ и магистратскихъ судовъ, насколько она извѣстна намъ изъ актовыхъ книгъ юго-западнаго края, ни въ актахъ козацкихъ судовъ мы не припоминаемъ ни одного случая такихъ преступленій. Но убійство между супругами лишь благодаря доктринерству старинной юриспруденціи могло быть включено въ одну категорію съ двумя первыми преступленіями; на дѣлѣ же, по самой природѣ своей, оно далеко не такъ, какъ тѣ, противоестественно, а неразрывность брачнаго союза, безправное положеніе замужней женщины и другія несовершенства семейнаго быта могутъ создавать на каждомъ шагу достаточные поводы къ этому ужасному преступленію. Правду сказать, малорусская женщина XVI—XVII в. в. меньше, чѣмъ всякая другая, имѣла поводовъ посягать на жизнь своего мужа: ея положеніе далеко не было безправнымъ; въ случаѣ неудачнаго брака не трудно было добиться развода; наконецъ, благодаря извѣстнымъ

свойствамъ малороссійскихъ нравовъ и характеровъ, женщина здѣсь всегда играла въ семьѣ такую роль, что чаще мужу приходилось терпѣть отъ нея, а не наоборотъ. Поэтому семейныя катастрофы были здѣсь явленіемъ чрезвычайно рѣдкимъ, почти исключительнымъ. Даже въ правобережной дворянской средѣ (XVI—XVII в. в.), сильно уже тронутой польскимъ культурнымъ вліяніемъ и утратившей патріархальную строгость и чистоту нравовъ, съ трудомъ можно указать лишь нѣсколько случаевъ мужеубійства, въ которыхъ напрасно было бы искать выраженія какого-либо протеста противъ супружескаго гнета: преступницами обыкновенно оказывались легкомысленныя или развращенныя женщины, желавшія путемъ убійства избавиться отъ нелюбимыхъ мужей и овладѣть ихъ состояніемъ. Въ уголовной хроникѣ козацкихъ судовъ намъ извѣстенъ пока единственный случай подобнаго преступленія, именно тотъ, который мы намѣрены разсказать; но и онъ, какъ увидимъ, если и даетъ поводъ говорить о семейномъ деспотизмѣ, то жертвой такого деспотизма, во всѣхъ отношеніяхъ, долженъ быть признанъ убитый мужъ, а отнюдь не убійца жена.

—

Дѣло происходило въ с. Мачохахъ, недалеко отъ Полтавы, въ первыхъ числахъ сентября 1700 года.

Жилъ тамъ нѣкій Дынысъ, бѣднякъ, не имѣвшій даже фамильнаго прозвища. Пробурлаковавъ всю жизнь, захотѣлъ онъ подъ старость обезпечить себѣ пристанище въ семьѣ и женился или, какъ говорится, „приставъ въ прыймы“ къ немолодой уже бездѣтной вдовѣ Ульянѣ Бурковчихѣ, имѣвшей и хату, и грунтъ, и небольшое хозяйство. Дынысъ оказался усерднымъ, трудолюбивымъ „господаремъ“, и казалось, что престарѣлой четѣ до конца дней было обезпечено спокойное и безбѣдное существованіе. Одно лишь горе: Ульяна обладала однимъ изъ тѣхъ несносныхъ и для совмѣстной жизни совершенно невозможныхъ характеровъ, о которыхъ такъ мѣтко говоритъ извѣстное народное присловье: „се така баба, що ій чортъ на маховыхъ вылахъ чоботы подававъ“. Безъ мѣры злая и сварливая, Ульяна

сразу же обратила мужа въ батрака и въ безотвѣтную жертву всегда ей присущаго желчнаго настроенія. Вдобавокъ, была у нея пріятельница Тетяна Яцыха, такая же фурія, пьянствовавшая вмѣстѣ съ нею и почему-то постоянно вооружавшая ее противъ Дыныса. Долго бывшій бурлака „понòсывъ“ отъ жены „многіи биды, досады и уничиженія“, наконецъ мѣра его терпѣнія истощилась, и онъ принялъ рѣшительное намѣреніе бѣжать отъ прелестей супружеской жизни и поступить въ „шпиталь“ (богадѣльню), въ это послѣднее убѣжище сирыхъ, недужныхъ и безпріютныхъ. Но такихъ, какъ онъ, даромъ въ „шпиталь“ не пускали, а требовали „вступного“ копу грошей. Какъ ни незначительна была эта сумма, но у бѣднаго „госпòдаря“, до изнеможенія работавшаго не на своемъ „господарствѣ“, никогда ея не водилось, а жена не давала и требовала, чтобы онъ раньше окончилъ уборку хлѣба и тогда уже убирался „хочъ пидъ тры чорты“. Дынысъ добросовѣстно исполнилъ и это требованіе, свезъ хлѣбъ до послѣдняго снопа въ токъ, сложилъ въ скирды и сталъ настойчиво просить жену отпустить его съ миромъ и дать ему копу грошей „для вкупленяся въ шпыталь“ и новую свиту. Но Ульянѣ не было никакого разсчета лишиться дарового работника, и она, грубо издѣваясь надъ мужемъ, прогнала его съ глазъ и ушла въ корчму къ пріятельницѣ. Вернулся несчастный бурлака на токъ, а тамъ стоятъ аккуратно сложенные стожки—его „кривавая праця“, плодъ неустанныхъ его трудовъ на чужую корысть. Невыносимо горько сдѣлалось на душѣ у Дыныса, и онъ „зъ велыкого жалю“, не помня себя отъ гнѣва и огорченія, взялъ да и поджегъ эти самые стожки, а самъ натянулъ на плечи драную свиту, нахлобучилъ шапку, махнулъ рукой и ушелъ „свитъ за очи“.

Когда надъ токомъ взвились клубы дыма, сбѣжались сосѣди и стали тушить пожаръ. Прибѣжала и Дынысыха. Она сразу догадалась, чьихъ рукъ это дѣло, и неистово кричала: „Ой дожените, ой прыведите мени того клятого палія, того старого собакý“. Когда пожаръ былъ уже притушенъ, двое изъ сосѣдей, особенно негодовавшихъ на Ды-

ныса за поджогъ, угрожавшій и ихъ усадьбамъ, сѣли на возъ и погнались за бѣглецомъ. Они догнали Дыныса далеко за селомъ, связали, привезли на мѣсто пожарища и первые стали бить палками. Прибѣжала затѣмъ Ульяна, схватила оглоблю и била связаннаго мужа до изнеможенія, потомъ позвала на помощь пріятельницу Тетяну и велѣла ей бить вилами. Бѣдный Дынысъ не былъ въ состояніи выдержать такого дружнаго боя и испустилъ духъ.

Собрался судъ для рѣшенія дѣла о такой неслыханной „злости". Въ качествѣ истцовъ явились племянники убитаго Каленикъ и Пылыпъ Науменки, жители сосѣдняго съ Мачохами сельца Хведорокъ, а обвиняемыми были: Ульяна Дынысыха, какъ „принципалка забойства" и помогавшіе ей: Тетяна Яцыха, Юско Литвинъ и Павло Билыкъ. Первымъ былъ допрошенъ Юско Литвинъ, ѣздившій въ погоню за Дынысомъ. Его спросили: „Зъ якыхъ миръ и съ кымъ ты Дыныса бывъ?" Онъ отвѣтилъ:

— Правда, панове, піймавшы ёго и прывизши до ёго току, я немного бывъ оного зъ Павломъ Билыкомъ, тилко жъ вышныною, и вдарывшы-сьмо по килка разивъ, оставыл-емъ оного, а самъ пишовъ до атамана оповистыты, що ёго, Дыныса, піймалы и прывезлы; и колы вже зъ атаманомъ прыйшлы-сьмо, засталы жону ёго Уляну Дынысыху та Тетяну Яцыху, которіи ёго былы: Уляна оглоблею, а Яцыха выламы, и такъ одъ того бою мало и жывъ будучы, якъ-бы годынъ въ дви чы въ тры умеръ, которого вже и розвязалы-сьмо нежывого".

Спросили Павла Билыка: „чы и ты тому бою прытомнымъ (участникомъ) бувъ?"

— А що жъ, панове—отвѣтилъ онъ—було тое, бо якъ прывизъ Юско зъ Педоромъ Деныса, пойманого, а я стеригъ вогню, щобъ не роспалонывся, тоди Юско веливъ мени дви вышныны выризаты, и такъ я, выризавшы ёму одну, а соби другую, былы-сьмо ёго потимъ, звязаного. Юско жъ до атамана пишовъ, а я стеригъ оного. Тутъ прыйшла Дынысыха, а взявшы зъ стрихы оглоблю, была ёго, Дыныса, тыранско. Потимъ прыйшла Тетяна Яцыха, и мало вже жывого заставшы, тежъ

была выламы, допытуючыся: „за що ты, мовытъ, злый сыне, на мене маешъ за зле и говорышъ, будто ты черезъ мене не маешъ мешкаты зъ жоною своею?“ И якъ вже прыйшовъ Юско зъ атаманомъ, засталы Дыныса тилко що жывого, однакъ вже не говорывъ, который того жъ часу и Богу душу отдавъ.

Тетяну Яцыху спросили: „За що ты Дыныса была?“ Она сказала:

— Правда, панове, що была-мъ ёго, бо винъ на мене бувало все говорытъ, будто черезъ мене зъ жоною своею мешканя не маетъ, и за тое ёго зъ килька разивъ палыцею ударыла; бо жона ёго Уляна, прыйшовшы до мене, сказала мени: „прывезлы, мовытъ, и того старого собаку, ворога нашого, который о тоби а о мени много чынывъ обговору и веславы. Будетъ мене памятаты: частовала мъ ёго оглоблею добре; пойды и ты а свого жалю помстыся надъ старымъ псомъ“. Послухавшы ій, пишла до току и была-мъ ёго палыцею, тилко не одъ мене смерть ёго постыгла.

Сама Денысыха Ульяна ограничилась короткимъ объясненіемъ:

— За тое я ёго была, що винъ мое добро, пашню въ току запалывъ. Тилко жъ того бою не я, панове, початкомъ: Лытвынъ зъ Павломъ впочатку, скоро ёго прывезлы, піймавшы, былы въ дви палыци.

Спрошены были въ заключеніе и свидѣтели, очевидцы происшествія. Они показали:

— Юско впочатку зъ Павломъ Билыкомъ былы въ дви палыци, перестаючы, и колы просывъ Дынысъ пыты, Юско знову веливъ ёго наповаты палыцямы, и насъ заставлявъ быты, але жъ мы ёго быты не хотилы; тоди Юско знову зъ нымъ же, Павломъ, ёго, Дыныса, былы. Потимъ прыйшла, жона ёго, Дынысова, и взявшы оглоблю, была ёго оглоблею нещадно; а по ній Яцыха прыйшла а, взявшы выла, оного жъ была. А Юско, видячы, що вже Дынысъ кончытся, пишовъ до атамана, и вже зъ атаманомъ прыйшовшы, жывого Дыныса не засталы, але вмерлого вже розвязалы.

Судъ нашелъ, что дѣло вполнѣ выяснено „и жадного болшъ доводу не потреба, поневажъ самы обжалованныи злость

свою на себе вызналы". Прежде всего судьи постановили, чтобы тѣло убитаго, остававшееся, какъ всегда, до производства судебнаго слѣдствія не похороненнымъ, было предано землѣ „подлугъ звычаю", затѣмъ приступили къ составленію приговора относительно Ульяны Дынысыхы, признанной виновной въ мужеубійствѣ, и ея случайныхъ помощниковъ. Справившись съ Литовскимъ Статутомъ, нашли въ 6 артык. 11-го разд. прямое предписаніе, что жена, умертвившая „доживотного пріятеля своего, не толко горломъ маетъ быти карана, але и почтивость и всю маетность тратить, а тоею карностью ганебною (позорною) маеть быти карана: по рынку волочачы, клѣщами тѣло торгати, а потомъ въ мѣхъ скуряный (кожаный), всадивши до него пса, кура, ужа и кошку, зашити и где найглубей до воды втопити; тымъ же тежъ обычаемъ и помощники маютъ быти караны". Слѣдуетъ замѣтить, что этотъ слишкомъ сложный и вычурный родъ казни едва ли примѣнялся и въ самой Литвѣ, по крайней мѣрѣ на Волыни извѣстные намъ процессы о мужеубійствахъ оканчивались обыкновенною смертною казнью отъ руки палача; тѣмъ меньше этотъ родъ казни могъ примѣняться въ лѣвобережной Малороссіи. Не остановились на немъ и члены полтавскаго полкового суда: „А поневажъ (читаемъ далѣе въ декретѣ) въ насъ того обычаю не заховуютъ, теды, запобигаючы мы такій злости, абы промежъ людьмы, а звлаща межи малженствомъ, оная не множылася, якая на Уляну Дынысыху показалася, що вона, не памятаючы на почтывость стану малженского и жадного никóлы пошанованя мужеви своему не чынячы, овшемъ (а напротивъ) завше его пры старости унычыжала, зъ дому ёго гонила, а наостатокъ, якъ зъ инквизиціи показалося, свиты едной и копы грошей для вкупленяся въ шпыталь ёму не дала, и тымъ злость взгнитывшы, що винъ пашню свою запалывъ, о смерть ёго зъ помощныкамы своимы прыправыла,—маетъ вона подлугъ нынѣшнего декрету киньмы по рынку волочена и клищамы торгана, а наостатокъ маетъ смертелне четвертованемъ скарана буты сама одна, а помощныкы еи повынни головщыну кревнымъ Дынысовымъ платыты и выну панскую и врядовую".

Постановляя этотъ суровый приговоръ, судьи не могли не сознавать, что въ данномъ преступленіи, въ сущности, не было

преднамѣреннаго убійства, а было лишь причиненіе жестокихъ побоевъ въ состояніи запальчивости, вызванной опрометчивымъ поступкомъ самого пострадавшаго; вотъ почему остальные участники преступленія подверглись легкой карѣ, какая положена была за неумышленное убійство, между тѣмъ какъ Ульяна Дынысыха, въ сущности не болѣе ихъ виновная, была присуждена къ лютой казни, назначенной въ законѣ за предумышленное мужеубійство. Но судьи въ этомъ случаѣ могли невольно поддаться тому тягостному и крайне невыгодному для подсудимой впечатлѣнію, какое было произведено раскрытой при слѣдствіи картиной отношеній Дынысыхы къ ея покойному мужу, и въ своемъ приговорѣ они явились какъ бы мстителями за всѣ униженія и поруганія, какія терпѣлъ несчастный Дынысъ отъ злой жены.

---

10. Женоубійца.

Совсѣмъ иначе отнесся тотъ же судъ къ аналогичному преступленію—убійству жены мужемъ.

Въ началѣ 1700 г. присланъ былъ въ полтавскій полковой судъ „на декретъ“ житель г. Переволочной, Юхымъ Рѣзникъ, обвиняемый въ томъ, что онъ, „запомнивши боязнь Божую и встыду людского, тиранско замордовавъ жону свою ажъ до смерты“. На судѣ его спросили: „Що тому забойству за прычына була“? Онъ такъ отвѣтилъ:

— А що жъ, панове, такъ то мене грихъ поткавъ и вседушевный непрыятель до того мене прывивъ. Воля ваша що хотиты зо мною чыныты, тилко якъ передъ Богомъ вамъ ся открываю, що вона, небижка, завжды пьянствомъ ся бавыла и статковаты не хотила, и мене не слухала, и ганебне було вексуетъ[1]), диты зъ дому розгоныть, и такъ зъ неосторожности своеи хотивъ еи покараты, а до смерты прыйшло“.

---

[1]) Старинное польское *wekswać* (отъ лат. vexare)—надоѣдать, мучить.

Въ Литовскомъ Статутѣ за женоубійство опредѣлена была та же самая лютая казнь, что и за мужеубійство; если же въ преступленіи Юхыма Рѣзника нельзя было усмотрѣть умышленнаго убійства, то и въ дѣлѣ Ульяны Дынысыхы, какъ мы видѣли, тоже не было основанія приписать ей злой умыселъ, однако ее покарали по Статуту, какъ умышленную мужеубійцу. Но въ данномъ случаѣ судьи, вопреки обычаю, даже не „взглянули у право“ и безъ всякой ссылки на статьи закона постановили слѣдующій приговоръ: „Судъ, выдячы тое, що за убыйство ёго (Рѣзника) и инстикгаторовъ (обвинителей) жадныхъ немае и диты на ёго не настоюютъ и зъ выны вымовляютъ, полицаючы (поручая) сіе забойство праведному судови Божому, даруетъ его (Рѣзника) душею и одпускаетъ на покаяніе, щобъ за еи, небожкы, душу духовного отца за сорокоустъ погодывъ и за свое прегрішеніе старався до кончыны своеи покутоваты“.

Здѣсь судъ вступилъ въ явное противорѣчіе съ закономъ: въ Лит. Статутѣ убійство между супругами отнесено именно къ числу тѣхъ немногихъ, особенно тяжкихъ преступленій, за которыя судъ былъ обязанъ по собственной иниціативѣ и своими средствами преслѣдовать виновнаго, хотя бы дѣти или близкіе родственники не желали возбуждать дѣла или даже готовы были простить убійцу [1]). Очевидно, что этотъ Рѣзникъ былъ дѣйствительно несчастливымъ мужемъ, но заботливымъ отцомъ, и у судей изъ чувства человѣколюбія не поднялась рука, чтобы обрушить на него громы правосудія и окончательно осиротить его несчастныхъ дѣтей. А въ подобныхъ случаяхъ члены козацкихъ судовъ, какъ непрофессіональные юристы, не стѣснялись слѣдовать исключительно велѣніямъ своей совѣсти, пренебрегая требованіями положительнаго закона.

Ор. Левицкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) Раздѣлъ 11, артыкулъ 6, § 2.

УКРАИНСКАЯ ВѢДЬМА.

(ОЧЕРКЪ).

Внѣшность вѣдьмы. Испытанія ея и подготовленіе къ дѣятельности. Превращенія, полеты, сборища вѣдьмъ; вредная дѣятельность послѣднихъ, направленная на личность и собственность. Оберѣги отъ вѣдьмъ, поимка ихъ, испытаніе водой, сожженіе, побои, увѣчья, конфискація имущества. Естественная смерть вѣдьмы.

Отвратительная, зловѣщая старуха, съ загнутымъ носомъ, красными, опущенными внизъ глазами—таковъ портретъ вѣдьмы въ малорусскихъ и западно-европейскихъ этнографическихъ сборникахъ [1]). Устные народные разсказы Лубенскаго уѣзда прибавляютъ къ этому портрету еще слѣдующія черты. „Видьма въ лыци миняста, жовта, очи чорни—глыбоко. Поглядъ у неи негарный. Ии по очамъ пизнають. Вона на сонце праведне не буде дывыться и въ церкви усе дывыться унызъ.“ Кромѣ лица, главнымъ отличительнымъ признакомъ вѣдьмы признается хвостъ, и убѣжденіе въ существованіи хвостатыхъ людей распространено между отдаленнѣйшими арабскими, африканскими, меланезійскими пле-

---

[1]) Чубинскій. Тр. Экспед. т. 1, в. 1. 197. Ивановъ. Народн. разсказы о вѣд. въ Сб. Хар. Ист.-Филол. Общества, т. III, 164. Канторовичъ. Среднев. проц. о вѣд., 20. E. Monseur. Le Folklore Wallon. Bruxelles., 85.

менами[1]). Другой внѣшній признакъ вѣдьмъ—черная полоса волосъ отъ затылка до пояса (какъ у вятки) попадается только среди народныхъ представленій о вѣдьмѣ въ Харьковской губерніи[2]). Перечисленныя особенности только и могутъ, конечно, принадлежать „родовытій“ вѣдьмѣ; ученой-же—дѣлается каждая женщина, выдержавшая испытаніе. Это испытаніе, какъ видно изъ печатныхъ источниковъ[3]) и устныхъ народныхъ разсказовъ, записанныхъ мною въ Лубенскомъ уѣздѣ, заключается, кромѣ поруганій святыни,[4]) еще въ образномъ представленіи будущей дѣятельности вѣдьмы и ея грядущей судьбы. Испытываемая подходитъ въ полночь къ рѣкѣ, откуда вылазятъ пресмыкающіяся, [illegible]орыхъ будущая вѣдьма доитъ и беретъ зубами; затѣмъ пресмыкающіяся жадно расхватываютъ сыръ, какъ впослѣдствіи разорвутъ вѣдьму или ея душу. Нѣсколько отличенъ искусъ вѣдьмы въ слѣдующихъ народныхъ разсказахъ. „Жинка просыла своеи кумы: „навчы й мене видьмыть“. А кума каже: „не выдержышъ“.—Выдержу.—Прыходь завтра“. У вечору прыйшла та жинка до кумы и кума повела на ихъ собраніе. Здохла кобыла, и въ кобылы и гады, и черепахы, и жабы; и туды тій куми пролазыть. Вона те побачыла та й назадъ и ти видьмы навелы ій прычыну и вона ошалымоныла, ума тронулась“. (Отъ кр. с. Пѣсокъ И. Рябича).

„Одна жинка другу вчыла, повела до колодкы, а у тій колодци червы ворушатся,—и сказала: „Якъ ты вывчышся видьмою, такъ отакъ на тимъ свити будуть твою душу червы точыть. А якъ поведу тебе до ричкы,—щобъ ты не бочлась, стояла“. Повела, трычи свыснула. Выскочылы нечысти. Сталы воны ій розважать,—ту, шо вчылась, казать: „поступай до насъ, и буде

---

[1]) Comte H. de Charancey. Le folklore dans les deux mondes. Paris. 1894. 264, 268.

[2]) Ивановъ. 164.

[3]) Чубинскій. Тр. 1., в., 1., 198, 199. Чернявская. Обр. и пѣсни с, Бѣлозерки, Херс. губ., 4; Кіев. Старина 1894 г., Ш, 553.

[4]) Ивановъ. 168, 172.

тоби хороше жыть". И та женщына перелякалась, не схотила". (Отъ кр. м. Снѣтина Д. Сизѣненковой).

„Въ Хитцяхъ йе баба, уси кажуть—видьма. Вона и другихъ обучала. Узяла соби двохъ молодыць и узяла паляныцю и повела ихъ до комашни; узяла розломыла надвое паляныцю и половыну устромыла у комашню, а другу половыну переломыла ще разъ на два куска и ти молодыци танцювалы кругомъ комашни и йилы той кусокъ. А видьма прыказуе имъ: танцюйте, танцюйте, а то и поклониться тій комашни. Потимъ сказала: идить до-дому и не оглядайтесь назадъ, покы ажъ до-дому не дійдете, а въ ранци встанете до схидъ сонця и пидете туды до комашни и той шматокъ возьмете. А чоловикъ ишовъ тай чувъ ихъ розговоръ та взявъ той шматокъ вынявъ та собаци и оддавъ. Всталы ти молодыци утромъ, пишлы до тіеи комашни, довбалысь, довбалысь, нема ничого—уже взято. Пишлы воны до тіеи, що вчыла, и давай іи допрошувать: „на що ты взяла? сама клала, сама й узяла!" А вона имъ божыться, шо не брала. Давай воны спорыться и за косы водыться, такъ, шо и люде взналы. Жинкы ти кажуть видьми: сяка-така дочко! то хочъ яке-небудь було молоко въ нашыхъ коровъ, а теперъ нема ніякого". (Отъ кр. с. Хитцовъ Дм. Погорилого).

„Чоловикъ бачывъ, якъ дви видьмы у саду поскыдалы запаскы и очипкы и ходять до вышни, або груши, мовъ до коровы". (Отъ кр. м. Снѣтина. К. Прихидькиной).

Много свѣдѣній, необходимыхъ для дальнѣйшей дѣятельности, получаютъ вѣдьмы, сорвавъ цвѣтокъ папоротника. „Воны ходять на Ивана Купала и ждуть, якъ цвите папорочъ. Вона тилько половыны ночи цвите, а то сейчасъ же опада. Розризуютъ долонь и запынають пидъ шкуру, шобъ все знать." [1]) Въ основаніи всякой дѣятельности вѣдьмъ находится умѣніе превращаться въ неодушевленные и одушевленные предметы, безъ чего самая дѣятельность эта не всегда была-бы возможна. Спо-

---

[1]) «О томъ же» Чернявская. Обр. и пѣсни. 19. и Очер. демон. малор. въ Москвитянинѣ 1842 г., XII, 115.

собность къ превращеніямъ мѣстами ограничивается лишь двѣнадцатью видами предметовъ, въ которые обращается вѣдьма,[1]) мѣстами-же такая способность признается почти неограниченной[2]). Вѣдьма превращается, между прочимъ, въ собаку съ женскимъ лицомъ,[3]) кошку, крысу, мышь;[4]) въ птицъ,[5]) змѣй,[6]) жабъ,[7]) лягушекъ,[8]) насѣкомыхъ[9]). Тѣ-же превращенія вѣдьмъ извѣстны и въ иностранномъ фольклорѣ. Шотландскія вѣдьмы преслѣдуютъ парней въ видѣ кошекъ;[10]) итальянки особенно часто превращались въ началѣ XVII в. въ кошекъ[11]), валлонки и фламандки въ собакъ, кошекъ, воронъ и сорокъ[12]), сициліанки въ жабъ и лягушекъ[13]). Какъ въ этихъ превращеніяхъ, такъ и особенно при полетахъ вѣдьмъ важное значеніе принадлежитъ мази, приготовляемой по западно-европейскому рецепту изъ человѣчьяго, особенно дѣтскаго жира, стружекъ отъ алтарей и церковныхъ часовъ[14]); по малорусскому—изъ кошачьяго мозга, собачьей кости и человѣчьей крови[15]) или только майскаго масла и сажи[16]). Уже

---

[1]) Сумцовъ. Культ. переж. въ Кіев. Стар. 1889 г., XII, 601.

[2]) Ивановъ. 195.

[3]) Ib. 180.

[4]) Ib. 162, 196.

[5]) Ib. 197., Москв. 1842 г., XII, смѣсь 112—120, Афанасьевъ. Рус. Нар. Ск.. изд. III, т. II, 329, Кіев. Стар. 1883 г., XI, 395.

[6]) Ивановъ. 176.

[7]) Зап. Имп. Рус. Геор. Общ., V, 19, 60.

[8]) Чуб. т. I, в., I 205

[9]) Ивановъ. 197.

[10]) Тэйлоръ. Первоб. культ. I, 289.

[11]) В. Поповъ. О колдуньѣ; Мишле. Время 1863 г., II, 65.

[12]) E. Monseur. Le folkl. wal., 85, 86. Is. Teirlinck. Le folkl. flamand. 102.

[13]) Arturo Trombatore. Folk—lore catanese. Torino 1896, 12.

[14]) Поповъ. О колд. 57, 61, 68, Канторовичъ 16, 70, 71.

[15]) Ивановъ. 170. Въ одномъ изъ разсказовъ Сборн. Иванова (171) вѣдьмы натираются корой осины.—Какъ согласить такое свѣдѣніе съ общеизвѣстною боязнью вѣдьмъ осины?

[16]) Манжура. Сб, Харьк. Истор. Фил. Общ. II, 138, 139.

въ сказкѣ Апулея „Золотой оселъ“ Памфила, натершись подобной мазью, превратилась въ сову и улетѣла; затѣмъ французская вѣдьма, смазавшись мазью, кричитъ: emen hétan! и улетаетъ на лозинѣ;[1]) нѣмецкая вѣдьма, вымазанная мазью, летитъ нагая на помелѣ, кочергѣ, метлѣ;[2]) фламандскія вѣдьмы летаютъ на козлѣ, рѣшеткѣ, вилахъ, палкѣ, метлѣ. Вылетая, тоже кричатъ: „чрезъ трубу! выше деревьевъ, домовъ, выше всего!“.[3]) И малороссіянка, помазавъ подъ плечами „пурхне, якъ горобець, у-верхъ“ на коромыслѣ, чаще на мечикѣ изъ терницы.[4]) „Якось ночю зійшлысь видьмы у хату до хазяйкы, а наймытъ не спыть, дывыться. Мотаются воны по хати, наварылы варенькивъ и, хто ихъ зна, у-вищо вмочалы. Кажна зъисть варенька и летыть уверхъ“. (Отъ кр. м. Снѣтина Д. Сизоненковой).

Шумной, безпорядочной толпой, какъ въ „Фаустѣ“ Гете, спѣшатъ вѣдьмы всѣхъ странъ, темной ночью, едва освѣщенной луннымъ, красноватымъ блескомъ блудящихъ огней на Guy de Dôme, Бараону, Брокенъ, Лысую гору въ свои собранія. Свѣдѣнія о малорусскихъ сборищахъ вѣдьмъ кратки и блѣдны, вѣроятно по незначительности процессовъ о колдовствѣ. Предсѣдательствуетъ видьмачъ, иначе вовкулака,[5]) приказчикъ,—вообще

---

[1]) Поповъ. Колд, 57, 61, 68. Гейне. Германія. Ш, 136.

[2]) Ib. 29, Кантор. 5.

[3]) Teirlinck. 106, 116, 117.

[4]) Номисъ. Укр. прык., 3.

[5]) Слово вовкулака имѣетъ разное значеніе. Такъ называютъ: 1. жертвъ вѣдьмъ, но не тѣхъ вѣдьмъ, о которыхъ рѣчь, а болѣе искусныхъ, приближающихся къ типу Цирцеи. Иногда онѣ обращаютъ въ волковъ цѣлые свадебные поѣзды (Ивановъ. 205, 223, 224), чаще отдѣльныхъ лицъ. По-бѣлорусскимъ повѣрьямъ женщина обращаетъ въ волка на срокъ до семи лѣтъ (Романовъ. Бѣлор. Сб. IV, 103). Теща обратила зятя въ волка за побои дочери. (Желѣзновъ. Библ. для чт. 1861 г., Ш, 11—16). Дѣвка, бросивъ ленту на измѣнившаго ей парня, обратила послѣдняго въ волка. (Кіев. Стар. 1894 г., VI, 543—545) Женщина достигла того-же, навязавъ на шею человѣку веревку (Чуб. Тр. I, в. I, 223). Вовкулаки этой категоріи, будучи жертвами вѣдьмъ, не могутъ имѣть надъ послѣдними

умѣряющій дѣятельность вѣдьмъ. Послѣднія только любезничаютъ съ чертями, не имѣя связи, танцуютъ, играютъ въ подобіе войнъ, въ куклы даже, согласно мѣстному разсказу.[1]) Въ западноевропейскомъ фольклорѣ, гдѣ вѣдьмачъ—ничтожество (Michilet. La sorcière), предсѣдательствуетъ самъ сатана въ собраніяхъ вѣдьмъ въ видѣ козла съ человѣческимъ лицомъ. Вѣдьмы садятся за ужинъ изъ кушаньевъ, не приправленныхъ солью, послѣ ужина танцуютъ въ маскахъ, рубашкахъ или голыя (молодыя, по замѣчанію Гете), обращаясь другъ къ другу спиной. Послѣ пляски идетъ месса на изнанку, а затѣмъ участники предаются физическимъ излишествамъ и противоестественнымъ порокамъ. Въ заключеніе сатана сжигаетъ себя, а вѣдьмы берутъ пепелъ для новыхъ злодѣйствъ.[2]) Дѣйствія вѣдьмъ разно-

---

никакой власти. 2. По общечеловѣческимъ вѣрованіямъ, есть люди, способные къ оборотничеству вообще и къ частной формѣ послѣдняго—превращенію въ волковъ. Кромѣ классическихъ разсказовъ о такихъ оборотняхъ, еще Денны въ Америкѣ управлялись тиранами, обращавшимися въ собакъ; по ирландскимъ преданіямъ принцъ блуждалъ въ видѣ собаки. (C—te de Charencey. Le folk. dans le deux monde. 274). Дикари вообще вѣрятъ въ оборотней, обращающихся въ льва, тигра, гіенну и т. д. Въ судебныхъ процессахъ XVII в. обвиняемые показывали, что, натершись мазью, обращались въ волковъ, разрывали и ѣли дѣтей. (Спенсеръ. Основ. соціологіи 356, 357. Тейлоръ. Первобыт. культ. 288, 289, Канторовичъ. Среднев. проц. 77—81). Въ Катаніи жена отпираетъ дверь мужу вовкулакѣ послѣ троекратнаго требованія, иначе будетъ разорвана въ куски. (A. Trombatore Fl. cat. 18). Валлонскій вовкулака изорвалъ зубами передникъ жены (E. Monseur. Le Fl. wal. 85). Парень, замѣченный своимъ отцемъ въ видѣ волка, перекинулся волкомъ и навсегда убѣжалъ (Бѣньковскій. Кіев. Стар. 1894 г., XII, 495—497). Хозяинъ обращался въ волка, перекидываясь черезъ пенёкъ (Кулишъ. Зап. о Ю. Руси. II, 35). О вовкулакахъ этой послѣдней категоріи народъ замѣчаетъ: «видьмамы заправля самый главный вовкулака, або видьмычъ» (иногда отаманъ, упырякa). (Ивановъ. 173. Манжура. 140).

[1]) Чубинскій. I, в. I.. 197, 205; Манжура, 140, Ивановъ. 215, 221, Ефименко. Судъ надъ вѣдьм. въ Кіев. Стар. 1883, XI, 378.

[2]) Гейне. Герм. III. 29, 137—143. Поповъ. Колд. 61, 72. Канторовичъ. Ср. проц. 6. Teirlinck. Fl. flam. 107.

образны; порой онѣ представляются невинной шуткой, шалостью, какъ въ слѣдующихъ народныхъ разсказахъ.

„Старыкъ ишовъ зъ шынку пизно. Колышня ёго бье по ногахъ, винъ пада. Доходыть до свого двора,—валомъ пересновано улыця. Якъ уплутавсь винъ у той валъ, крычыть: „рятуйте!“ Два чоловика вывелы ёго, довелы до дому, кажуть: „Парасю! визьмы свого чоловика.“ Тимъ же чоловикамъ не було валу, а старыку есть—обмарыло“. (Отъ кр. м. Снѣтина Н. Ивахненка).

„Пишлы мы на риздвяныхъ святкахъ на досвиткы, на грыще, на Дивынщыну [1]). Дійшлы на солонци. Морозъ—ажъ скалкы скачуть. Мисяшно. Насъ чотыри йде. Де взялась горохова копыця, коло насъ кругомъ вертыться; що мы ступымъ, то вона не дае ходу, а въ насъ ни въ одного нема й палыци. Мы й просымъ: „пусты насъ, дай намъ ходъ.“ Вона й посунулась на кладовыще“. (Отъ него-же).

Къ менѣе опаснымъ дѣламъ вѣдьмъ можетъ быть причислена ѣзда на парняхъ, какъ въ Гоголевскомъ „Віи“ и параллельныхъ ему народныхъ сказкахъ [2]), и принужденіе людей летать съ помощью тирлича (volantia minor) [3]). Но, затѣмъ, уже ассирійская вѣдьма, вкрадываясь въ дома, отравляетъ пищу, изводитъ людей глазомъ, языкомъ, узлами, зельями, питьями, чарами [4]); западно-европейская—также умерщвляетъ, похищаетъ,

---

[1]) Снѣтинскій кутокъ.

[2]) О ѣздѣ вѣдьмы на парняхъ см. въ моемъ очеркѣ «Къ вопросу объ источн. Віи» (Кіев. Стар. 1896, IX, 46—48). О распространенности главнаго мотива «Віи» свидѣтельствуетъ, между прочимъ, сказка племени Ба-Ронка, живущаго по берегамъ Делагоа, о принцессѣ, поставленной въ гробу въ церкви. Принцесса съѣла нѣсколькихъ солдатъ, пока послѣдній охранитель не накормилъ и не напоилъ ее виномъ, чѣмъ избавился отъ смерти. (Junod. Les chants et les contes des Baronca. Lausanne. 1897. 317—322).

[3]) Черняв. Обр. 19, Квитка. Конот. вѣдьма. 228—230. Номисъ Укр. Пр. 5, Кулишъ. Зап. о Ю. Руси. II, 39.

[4]) Вс. Миллеръ „Ассир. Закл.“ Рус. Мысль 1896 г., VII 72—73.

портитъ дѣтей, содѣйствуетъ выкидышамъ и рожденію уродовъ; отымаетъ производительныя силы супруговъ, поселяя семейные раздоры между ними, по ночамъ душитъ людей въ видѣ Nachtmaar [1]). И малорусская вѣдьма ходитъ [2]) по ночамъ съ ведромъ и точитъ кровь изъ сонныхъ, умерщвляетъ людей, похищаетъ или портитъ дѣтей, „очыма ихъ йисть"; пожираетъ трупы [3]). Переходомъ отъ вредной дѣятельности вѣдьмъ, направленной исключительно на личность къ имущественному вреду, является заламываніе закрутокъ на болѣзнь, смерть, падежъ, убытки, усыханіе лѣса [4]), порчу хлѣба [5]). По мѣстнымъ сказаніямъ закрутки дѣлаются такъ. „Видьма бере зверху пашню, скрутыть навпакы, переламуе пополамъ, загне до кореня и до земли у кустыкъ заткне. Не можна зжынать; хто зажне—заболіе, або вмре." Закрутки дѣлаются на зарѣ въ одной рубашкѣ [6]). Въ узелъ залома кладутъ золу, соль, землю съ кладбища, яичную скорлупу, зерна, уголь [7]). Похищеніе звѣздъ вѣдьмами можетъ быть также разсматриваемо, какъ убыточное дѣйствіе. „Звиздохватка знима свитову и полунишню зирку, шобъ не було дощу и для того, щобъ пивни не спивалы, щобъ їй вильно ходыть цилу ничъ". „Дивка полизла на небо та зняла зирку, такъ са-

---

[1]) Teirlinck. Le fl. flam. 103, Monseur. Le fl. wal. 85. 86. 89, Trombatore. Fl. catan. 15; Кантор. 4, 71, 99.

[2]) Во всѣхъ этихъ случаяхъ вѣдьма блуждаетъ или какъ обыкновенная женщина, или же летитъ одна ея душа, а тѣло остается на мѣстѣ. (См. мою «Зам. по поводу вал. и сиц. фолькл. сборниковъ въ Кіев. Стар. 1898 г. VII, VIII, 3—5). По нашимъ народнымъ, также сицилійскимъ и средневѣковымъ французскимъ повѣріямъ, душа вѣдьмы, возвратясь и найдя тѣло перемѣщеннымъ, не можетъ уже войти въ него. (E. Langlois. Origines et sources du Roman de la rose. Paris. 1891, 167).

[3]) Очер. демон. Малор. Москв. 1842, XII, 112—120. Чуб. т. I, в. I, 204 и т. II, 410. Ивановъ 207.

[4]) Литвинова. Кіев. Стар. 1899, III, 140.

[5]) Антоновичъ. Тр. Эксп. I, в. I, 348.

[6]) Литвинова 140.

[7]) Даль. О повѣр. 71.

рана и вылетила,—одъ того и повелась"—разсказываютъ крестьянки. Для того, чтобы снять звѣзду, вѣдьма лѣзетъ на крестъ вверхъ ногами [1]), или—вверхъ по острію ножа [2]); снятыя звѣзды хранятся закопанными въ кувшинахъ или горшкахъ [3]). Давно уже наука сблизила это похищеніе звѣздъ малорусской вѣдьмой съ общечеловѣческими повѣрьями объ уничтоженіи, поврежденіи и кражѣ свѣтилъ во время затменій. Дикіе тогда вопятъ, шумятъ, стрѣляютъ, желая отогнать враждебный духъ, угрожающій свѣтилу. Въ лѣтописяхъ затменія разсматриваются какъ ущербъ или погибель свѣтила. Лоухи заключаетъ въ скалу солнце и луну, одессалійская колдунья послѣднюю въ коробку [4]). Флоберъ, приводя въ „Искушеніи св. Антонія" различныя вѣрованія, между прочимъ замѣчаетъ: „La lune tremble sous l'incantation des sorcières." По народнымъ представленіямъ вѣдьмы наносятъ значительный вредъ произвольнымъ управленіемъ стихіями. Такое представленіе принадлежитъ къ древнѣйшимъ и наиболѣе распространеннымъ вѣрованіямъ. Коринѳъ, напримѣръ, содержалъ укротителей вѣтровъ [5]). У кафровъ колдунъ называется дѣлателемъ дождя [6]). Въ современной Бельгіи народъ вѣритъ, что вѣдьма движеніемъ руки [7]) или метлы сводитъ молнію, производитъ бури, опрокидывающія дома и мельницы, срывающія крыши, деревья [8]). И наша украинская вѣдьма насылаетъ грозу, градъ, вихри, мятель, снѣгъ, морозы, отымаетъ

---

[1]) Чубинскій I, в. I, 198.

[2]) Въ моемъ соч. «Объ источ. Вія». Кіев. Стар. 1896, IX, 47.

[3]) Сумцовъ. Культ. пер. Кіев. Стар. 1890, I, 60, Манжура 134, Москв. 1842, XII, 112.

[4]) Аѳанасьевъ. Зоомор. бож. III, 6, 8, 9, 12; Сумцовъ. Культ. пер. Кіев. Ст. 1890 г. I, 61. Даль о повѣр. 61.

[5]) Сумцовъ. Кіев. Ст. 1889. I, 77.

[6]) Comte Goblet d'Alviella. L'idée de Dieu d'apr. l'anthrop. et l'hist. Paris, 1892, 95.

[7]) Ср. въ «Конот. вѣдьмѣ» Квитки: Пазька... куды махнула рукою, туды и хмары пійдуть. (203, 204)

[8]) Monseur. 88; Teirlinck. 106, 107.

росу и запираетъ дождевыя тучи въ комору или горшокъ въ видѣ лягушки. Однажды парень, вынувъ по указанію вѣдьмы колъ, вызвалъ обильный дождь [1]). Вѣдьмамъ иногда приписываютъ и порчу полей воробьями, гусенью, ржавчиной, садовъ—плодожорками [2]).

Наконецъ особый видъ вреда, причиняемаго вѣдьмами, составляетъ порча ими скота вообще и тельныхъ коровъ въ особенности. Она отымаетъ молоко у послѣднихъ не только непосредственно, но и на разстояніи. Въ одномъ изъ народныхъ разсказовъ, записанныхъ въ Лубенскомъ уѣздѣ, невѣстка отомкнула чопъ въ сохѣ, откуда полилось молоко, а свекровь прибѣжала, крича: „усю череду повалыла“ [3]). Вѣдьма, кромѣ коровъ, доитъ еще: собакъ, кошекъ, жабъ, ящерицъ, гадюкъ [4]), почему и въ маслѣ, приготовляемомъ вѣдьмой, есть „гадюче, жабьяче, черепаше“. Такимъ образомъ кругъ дѣятельности вѣдьмъ, по народнымъ понятіямъ, весьма значителенъ, но есть извѣстные разряды лицъ, по самой природѣ своей изъятые изъ этого круга; таковы перворожденные [5]), послѣдніе въ семьѣ и седьмые, какъ видно изъ слѣдующихъ народныхъ разсказовъ.

„Ишла я зъ матирью. Собака била, а очи червони, сыдила пидъ тыномъ. Може-бъ вона матирь зяняла, такъ воны идуть та просять: „не займай, я тоби ничого не заподіяла. А я у матери сёма, такъ мене не займе. Первого, сёмого и мызынкы—не займа“. (Отъ М. Скрыпчиной, м. Лукомья).

„Ишла я зъ поля, думала, шо буркунына цвите. Дойшла, колы кишечка лащыться до мене, а занять не займе. Ишла за мною ажъ до-дому, а не займе—шо я сёма“. (Отъ нея-же).

Остальное человѣчество предохраняетъ себя отъ вѣдьмъ различными средствами и пріемами. Макъ, конопля, крапива и

---

[1]) Москв. 1842 г., XII, 112—120. Аѳанасьевъ. Зоомор. бож. III, 13, 16. Даль. О пов. 61, Ивановъ. 214, Чернявская, 5.

[2]) Москв. 112—120, Канторовичъ 5, Teirlinck. 103.

[3]) О томъ же у Чубинскаго, I, 203. Иванова, 178.

[4]) Квитка. Кон. вѣдьма, 203.

[5]) Ивановъ. Раз. о вѣдьм. 190, 192.

др. средства обороны малороссовъ, шиповникъ—грузинъ, звѣробой (hypericum perforatum. L., l'hypéricon), лютикъ (polygonatum multiflorum. L.)—западно-европейцевъ [1]). Въ Римѣ въ Иванову ночь продаются метлы, предохраняющія отъ вѣдьмъ. Въ Падуанской провинціи женщины въ ту-же ночь катаются по росѣ, предохраняя себя такимъ образомъ отъ вѣдьмъ [2]) Грузинъ и бѣлоруссовъ предохраняютъ тогда-же отъ вѣдьмъ костры [3]). Охраняющими отъ вѣдьмъ животными признаются: перворожденная собака [4]) и пѣтухи, какъ видно изъ слѣдующаго. „Той пивень, шо манисенькимъ спива и у ёго три пирьины бильшыхъ, и видьмы ти пирьины вырываютъ, шобъ не рано спивавъ". „Пивень почакунъ, шо найперидъ спива; якъ винъ заспива, то вси пивни спивають". „Баба зибрала у мирку тихъ курчятокъ, шо тыждень якъ вылупылысь, и взнала, де пивныкы, де курочкы. Тоди давай заразъ валашыть пивныкы; а ти москали, шо стоялы на кватыри, пытаются: „на шо ты, бабушка, такъ дѣлаешъ?" Вона говорыть: „оце на то я, диточкы, роблю, шо той пивень, шо валашеный [5]), за дванадцять дворивъ не допустыть видьмы до осели. Якъ видьма иде, то винъ почуе, та заспивае, такъ вона николы не дойде до того двору." Къ выгодамъ первородства принадлежитъ возможность увидать вѣдьму безъ всякихъ особыхъ приготовленій; другіе, желающіе ее увидѣть, должны засѣдать за тѣнью: „проты тини вона не побачыть." Лучше всего засѣдать за бороною, начатою утромъ и конченною до захода солнца [6]), хотя борона и не всегда

---

[1]) Сумцовъ. Культ. пер. Кіев. Ст. 1889. V, VI, 305 и VШ, 425, Сумцовъ. Совр. этногр. Кіев. Ст, 1892 г. II, 212, Чуб. I, 8. Кіев. Стар. 1895 г., VII и VШ. Докум. 12, Даль. О пов. 63. Teirlinck. Le Fl. flam. 109.

[2]) Tuchmann. La fascination. въ Melusine 1899. T. IX, Mai—Iuin 200.

[3]) Вѣстн. Евр. 1868. II, 552, Зап. Имп. Геогр. Общ. V, 61, 721.

[4]) Чуб. I, 53, Ивановъ. 177, 180, Кіев. Стар. 1894. Ш, 553.

[5]) Каплунъ.

[6]) Кулишъ. Зап. о Юж. Руси. II, 37.

можетъ предохранить отъ внушенія. Напримѣръ: „Чоловикъ засидавъ за бороною. Видьма прыйшла и пытае: „сыдышъ за бороною, то й говоры изо мною". Винъ окамянивъ и сыдивъ. Выйшла ёго жинка, борону остановыла и въ хату ввела". (М. Снѣтинъ).

Подобные же разсказы приведены въ вышеуказанныхъ сборникахъ: Кулиша (38) и Иванова (177, 180 и др.) Увидѣвъ вѣдьму, нужно схватить ее сзади, „ловыть за вьязы, або за волосья, бильшъ ни за вищо не вдержышъ; брать треба зверху, рукою на выдли. Якъ возьмешъ видьму, то рукы не росправляй и не переминяй, такъ и держы; якъ росправышъ—кона выскочыть—и нема, пишла". „Бувъ парубокъ и ходывъ на улыцю. Его видьма не разъ была, а винъ не знавъ, шо й казать. Сказавъ ёму батько: „хватай ии на выдли, то прынесешъ. Выйшовъ винъ; клубокъ ставъ проты ёго котыться. Винъ схопывъ на выдли; прынисъ до дверей, ставъ у другу руку брать,—незнать, де й дилось. Батько сказавъ: „не переминяй у другу руку; якъ узявъ, такъ и несы". Винъ понисъ у хату, поставывъ въ кочергахъ на швайку. Уставъ утромъ, ажъ сыдыть жинка, плаче". (Отъ Д. Сизоненковой, м. Снѣтина).

Вѣдьму ловятъ еще, вбивъ гвоздь въ то мѣсто на стѣнѣ, гдѣ легла тѣнь отъ вѣдьмы [1]). Непойманную на дѣлѣ, а только подозрѣваемую вѣдьму, подвергали прежде испытанію водой. Такое испытаніе, или ордалія, извѣстно повсемѣстно и не только средневѣковымъ, но и древнимъ, также дикимъ народамъ—полинезійцамъ, краснокожимъ, африканцамъ, и основано на убѣжденіи, что вода отвергаетъ виновнаго, почему онъ не тонетъ [2]). Въ XVIII, даже въ XIX в. еще купали вѣдьмъ въ правобережной Украинѣ [3]), но о купаніи ихъ въ лубенскомъ у., и, ка-

---

[1]) Москв. 1842 г., XII, 115.

[2]) Comte Goblet d'Alvilla. L'idée de Dieu. 196. Гейне. Германія. III, 30. Сумцовъ. Культ. пер. Кіев. Ст. 1889, I, 83—89.

[3]) Антоновичъ. Тр. Эксп. I, в. II, 346, 347. Ефименко. Суд. надъ вѣдьм. Кіев. Стар. 1883. XI, 387, Кіев. Стар. 1885, XI, 567—570.

жется, во всей центральной лѣвобережной Малороссіи, не сохранилось никакихъ историческихъ и этнографическихъ данныхъ. Топленіе вѣдьмъ было не только испытаніемъ, а и казнью [1]). Гораздо чаще однако колдовство въ западной Европѣ наказывалось сожженіемъ, особенно въ XVI и XVII в., а въ Польшѣ и въ XVIII. Еще въ 1793 г. сожжено 14 женщинъ возлѣ Кракова [2]). Польскимъ вліяніемъ слѣдуетъ объяснить случаи сожженія вѣдьмъ въ 1827 и 1831 гг. въ Галиціи въ засуху и холеру [3]). Бывали и въ Великороссіи рѣдкіе случаи сожженія колдуній [4]). Въ Бѣлорусскихъ пѣсняхъ сохранился намекъ на этотъ родъ казни:

Купальской ночи
Выпекли вѣдзьмы очи...
Забью вѣдзьму кочергою,
Спалю вѣдзьму головунею [5]).

Въ средней же Малороссіи, гдѣ народъ былъ предоставленъ нѣкоторое время самому себѣ, нѣтъ ни малѣйшихъ указаній на сожженіе вѣдьмъ. Повидимому здѣсь оно никогда не имѣло мѣста. Въ народной мѣстной расправѣ надъ вѣдьмами преобладаютъ побои, соединенные съ истязаніями, поврежденіями, рѣдко—со штрафомъ, какъ видно изъ слѣдующаго. „Одна хазяйка въ-ночи прокынулась,—бачыть: жинка безъ очипка и въ сорочци корову доить,—чуть, якъ молоко дзюрка. Хазяйка та взяла лопату, прыбигла, трычи вдарыла, та не влучыла по видьми, а по земли. Хто хоче влучыть видьму, хай бье по ii тини“ [6]). (Отъ Н. Ивахненка, м. Снѣтина).

---

[1]) Сумцовъ. Культ. Пер. Кіев. Ст. 1889 г., I, 83—89.

[2]) Антоновичъ. Тр. Эксп. I, вып. II, 325, 326, Ефименко. Кіев. Стар. 1883 г., XI, 388, 392—394. Канторовичъ. Средн. проц. 178.

[3]) Потебня. Объясн. Малор. пѣс. II, 436.

[4]) Канторовичъ. 210, 216.

[5]) Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. V, 426, 454.

[6]) У фламандцевъ сдоенное послѣ вѣдьмы молоко ставятъ въ печь и бьютъ по немъ палкой, вѣря, что эти удары получаетъ сама вѣдьма (Teirlinck. 103). О побояхъ и истязаніяхъ вѣдьмъ см. вышеприведенные сборники и статьи: Чубинскаго, Ефименка и Иванова.

„Одынъ вовкулакъ парубковавъ и дивка ёго любыла, а винъ ій не хотивъ. И хотила вона зъ ёго посміяться ночю; схватылась ёму на плечи, а винъ ій за передни лапы узявъ и пишовъ зъ хлопцями. Заходять на досвиткы, и винъ ій посадывъ на лавци. Дивкы сталы сміяться зъ тій собаки, хлопци хотилы быть. Винъ каже: „не быйте, хай гуля.“ Сыдыть вона на покути. Потимъ идуть на други досвиткы. Бере ій на плечи той парубокъ та й несе. Обносывъ уси досвиткы, и вона нагулялась, и тоди лапы взявъ передни та й порозризувавъ и сказавъ: „ступай соби, та бильшъ не зважуйсь того робыть.“ (Отъ И. Христича, с. Пѣсокъ).

„Зъ досвитокъ ишлы парубкы, душъ шисть, и де взялась сучка и вдарылась у ногы. Воны вси поторопилы и кажуть: „шо воно таке? Ловить ій.“ Упіймалы и занеслы на досвиткы. Вона давай скавучать, рукы лызать имъ. Той каже: „лапу ій одирвать,“ другый—„ухо одризать.“ А третій каже: „знаете шо?—ротъ розирвемъ.“ Розидралы ій ротъ и выпустылы ій. „Теперъ мы взнаемъ, хто такый“! И оказалась баба—лежыть, нездорова. Выйшла невистка на улыцю, пытають ій: „де-жъ маты?“—Лежыть больна.—Чимъ?—Ротъ болыть. Стала вона крыворота. Узналы, шо видьма настояща, а то тилько подейкувалы на неи“. (М. Снѣтина).

„Манчыха—була скажена баба: кача по дорози, гуде, свыню пидкыда. Чоловикъ пидъ коровою заставъ та й око выбывъ пидпорою“. (Отъ Г. Мартыщенка, с. Литвяковъ).

„Я вже дивчыною велыкою була, а въ мене титокъ дви. Воны ходылы на улыцю. Одна прыйшла ранійше, а друга прыстояла зъ хлопцемъ та иде посли до-дому, пизнійше. Иде, колы доить коровы щось у-ночи. Вона прыстояла, подывылась,—стоить жинка безъ запасокъ, безъ очипка, доить корову. Дійныця велыка, якъ дижка, и реминякою зачеплена за щыю. Пишлы хлопци та взялы видьму у загороди пидъ коровою, увелы въ хату. Дядько каже: „по'друбую рукы.“ А вона впала въ ногы, якъ узяла просыть, та'ддала имъ пивъ огорода свого и прынесла юпку билу, шобъ не явылы, шо вона була; дивци по-

дарувала дныще и сказала: „а молоко высыпте на тикъ и розметить митлою и прыбыйте осыковымъ килкомъ, то не то я вже не пиду, а нихто не пиде у вашъ двиръ.“ Якъ высыпалы молоко, такъ така калюжа—куды вамъ! мовъ писля дощу“. (Отъ К. Прихидькиной, м. Снѣтина).

И естественная смерть вѣдьмы тяжела [1]). Для облегченія страданій она должна передать свою силу кому-нибудь, напримѣръ дочери; послѣдняя тотчасъ дѣлается вѣдьмой [2]). Для облегченія предсмертныхъ страданій вѣдьмы сверлятъ еще чиринь на печи и срываютъ крайній сволокъ [3]). Послѣдній пріемъ представляется, быть можетъ, воспоминаніемъ о древнемъ обыкновеніи дѣлать въ могилахъ и гробахъ отверстіе для выхода души, оставшемся у готентотовъ, самоѣдовъ, краснокожихъ и фиджійцевъ [4]), для чего служила и посмертная трепанація черепа [5]). Мѣстные народные разсказы рисуютъ смерть вѣдьмы такими чертами.

„Видьма умирала трудно, провертилы стелю та впала глына ій на губы, вона й кончылась. Выйшлы жинкы зъ хаты, колы чорный собака выскочывъ спидъ стели“. (М. Якимовская, м. Лукомья).

„Въ одного чоловика маты була видьма. Вона стала вмирать, та шо збунтуется умирать—ніякъ не вмре. Чужа баба сказала: „прорубайте въ стели диру, вона вмре. Прорубалы,—вона й умерла“. (А. Ризниченкова, с. Волчка).

„Занедужала велыка знахурка и видьма, пролежала недилю, чы дви; потимъ прыйшлось розризняться души зъ тиломъ. Реве, языкъ вывалыла, якъ блюне кровью, ризаною [6]) такою, просыть: „зорвить стелыну, то я швыдче умру“. Узялы зирвалы

---

[1]) Ивановъ. 216.
[2]) Бѣньковскій. Кіев. Стар. 1896 г., IX, 242.
[3]) Мои Нар. обр. и пѣс. Луб. у. 166.
[4]) Comte Goblet d'Alviella. Lidée de Dieu 24.
[5]) Ib. 25.
[6]) Красной.

стелыну, то вона стала ревты, такъ якъ на рекговыщи скотъ. Люды повтикалы зъ хаты геть уси, поки вмерла." (Е. Купріева, д. Шекъ).

„Домаха заболила якъ и слидъ, а потимъ стала ничого не понимать; лежыть, а два ій сыны и дви дочкы держять за рукы и за ногы, а чуже боится прыступыть до неи. Лежыть вона, зареве, мовъ скотына, не людськымъ гласомъ, гавка, якъ собака, обома рукамы доить, мовъ корову. Воны мучылысь, мучылысь, но сумно людямъ чужимъ, та сталы чиринь вертить свердломъ, такъ якъ дерево, зрывалы й стелю. Вона й умерла. Братъ ридный ходывъ ій убирать, чужи боялысь; такъ зъ неи стала кровъ иты, бигла до порога; и ночвы пидставлялы пидъ лаву. Нагналө ій—така, якъ бочка..." (П. Кириленкова, с. Тишокъ).

„Якъ видьма умирала въ Кремянци, то за одынъ день не вмерла. На другый день уже зовсимъ умерла; сталы убирать—вона реве, якъ корова. Ій уси покынулы, поросходылысь и стелыну зирвалы. Колы на третій день дивка бижыть до сусиды, просыть: „идить, бо маты вмирае." Сталы ій вбирать, а вона було вмерла, а то зновъ не хоче. Уже на пьятый день прыйшла дивка зновъ и каже: „идить, уже маты вмерла." Узялы борошна, сала—чого треба, и пишлы. Посходылысь. До вечора диждалысь, заховалы ій. А вона—та, шо вмерла—прыйшла до дочкы и каже: „скыньте зъ мене запаску, бо не таку надилы". Имъ було-бъ надивать сыню, шо до плахты, а воны надилы чорну, ту, шо жинкы у будень носять. Ще разъ прыходыла вона до дочкы, ище щось зъ нею прыходыло биле. Такъ одъ того часу дочка уже не жыла въ тій хати—закляте мисто". (М. Романченкова, с. Волчка).

Изложенныя данныя приводятъ къ заключенію, что малорусскіе народные разсказы и повѣрья о вѣдьмахъ, сходясь въ мельчайшихъ подробностяхъ съ западно-европейскими, открываютъ любопытныя черты древнѣйшаго міросозерцанія человѣчества: вѣру въ оборотничество, основанную, по мнѣнію Спенсера, на постоянныхъ измѣненіяхъ растительныхъ и животныхъ

формъ въ самой природѣ; вѣру въ двойственное существованіе, т. е. въ дѣятельность души, отдѣльную отъ тѣла, основанную на представленіи о реальности сновидѣній; вѣру въ возможность произвольно управлять стихіями и похищать звѣзды, основанную на незнаніи законовъ природы и величины небесныхъ тѣлъ. Только правовыя западно-европейскія и малорусскія воззрѣнія на вѣдьму замѣтно расходятся. Нашему юридическому быту не былъ извѣстенъ такой исключительный порядокъ судопроизводства о вѣдьмахъ, какъ на западѣ, съ тюрьмой въ качествѣ единственной мѣры пресѣченія способовъ уклониться отъ суда, пыткой, исключеніемъ защиты, безапелляціоннымъ приговоромъ, усиленной смертной казнью, конфискаціей всего имущества у семьи обвиненной. Причины сравнительно снисходительнаго отношенія малорусскаго народа къ вѣдьмамъ заключаются, между прочимъ, въ представленіи о врожденности способностей вѣдьмы, исключающемъ злую волю; въ слабомъ развитіи въ народномъ воображеніи представленій о договорѣ съ дьяволомъ; въ отсутствіи въ украинскомъ прошедшемъ всякихъ ересей,—слѣдовательно и ереси колдовства, и отсюда въ полномъ невмѣшательствѣ духовенства въ вопросы о вѣдьмахъ.

В. Милорадовичъ.

НАША ДОЛЯ-БОЖА ВОЛЯ.[1]

V.

Окримъ Охрима, у Максыма Мыкытовыча Витряка було ще тры сыны, и старшымъ теперъ ставъ Якымъ. Це парень бувъ друзяка: здоровый, высокый, повновыдый, добрый роботяга, слухняный, моторный и непытущый. Якъ ще жывый бувъ Охримъ, то Якымъ гулявъ нежонатымъ, теперъ-же, якъ Охримъ умеръ и якъ ёго жинка Палажка одійшла одъ Витрякивъ до свого батька та до матери, треба було подуматы и про те, щобъ женыты Якыма. Ну що-жъ! Якъ женыть, то й женыть! Знайшлась швыдко и дивчына, десь ажъ у Нескушному, верстовъ, мабуть, за висимъ одъ Суныцивкы. Сырота вона соби була—ни батька, ни матери, а звалы ій Марѳою. Якымъ якось-то йиздывъ у те Нескушне до шаповала, щобъ виддаты ёму вовну та зваляты сукно зъ неи на свыткы, та тамъ и побачывъ у того шаповала ёго небогу, сыроту Марѳу. Дуже вона ёму прыпала до серця, бо була соби дивка высока, огрядна, здорова, весела и хоть не овси-то красовыта, такъ зате брава и дуже прыязна. Та шо тамъ за корысть зъ тіеи красы? Зъ лыця, кажуть, воды не пыть! Та й що тамъ изъ тыхъ грошей? Карбованець не гроши, абы чоловикъ хорошый.

Отъ-то такъ по осени, якъ люде зовсимъ упоралысь зъ хлибомъ, скоилось у Витрякивъ и весилля. Бильшъ усёго кло-

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1901 г. № 1.

поталась у такому дили Маруся: вона, якъ настало саме весилля, и молодыхъ на кожухъ садовыла, шобъ воны, бачъ, багатеньки та замижненьки булы; вона и замкы усяки замыкала, и ключи видъ ныхъ геть кудысь далеко кыдала, шобъ молоди дружно та ладненько про-мижъ себе жылы; вона и обводыла трычи молодого округъ воза передъ тымъ, якъ йихаты ёму до шлюбу; вона й розсыпала навкругы весильного пойизду цили прыгоршни вивса та вмисти зъ вивсомъ розкыдала мидякы грошей.

Отъ и звинчалы молодыхъ. Молода выйшла, якъ молода. Весилля одгулялы такъ, шо на все село. Булы и музыкы—дви скрыпкы ще й одынъ басъ; була и всяка страва,—и печене, и шмалене, а шо вже тіеи горилкы, такъ хочъ купайсь у ній. Ажъ цилыхъ два тыждни веселувалы люде у Максыма Витряка.

Пройшовъ одынъ рикъ писля весилля Якыма Витряка; пройшло ще пивроку. Молоди жывуть, якъ ти голубята: и не налюбуются, и не намылуются. Якымъ, якъ и ранійшъ, працювавъ та слухавсь батька, та гонобывъ у хазяйстви, такъ и теперъ однаково робывъ. Марѳа тежъ була роботяща та слухняна. Свекра та свекруху вона и любыла, и шанувала, и николы не чутно було, шобъ у Витрякивъ, якъ тамъ у другыхъ людей, чы свекоръ, чы свекруха лаялы за що-нибудь невистку, або докорялы іи. Маруся, може, якъ колы, то ще й погримае за що небудь на Марѳу, а шо вже Максымъ Мыкытовычъ, такъ той зроду николы. „Оце, дочко, не такъ, а ось якъ; а оце, доню, не годытся,—у насъ такъ не поводытся, а поводытся отъ такъ“, скаже було винъ невистци безъ серця и безъ лайкы, якъ побаче, шо молодыця чы не втрапыть зробыть до-путя чого-небудь по хазяйству, чы не такъ скаже, якъ треба. Черезъ те-то мабуть, Марѳа и була повсегда весела та балакуча така. Якъ йе зъ кымъ балакаты ій, то вона тому чоловикови розскаже, якъ у ихъ сторони, се-бъ то у Нескушному, за висимъ верстовъ одъ Суныцивкы, та все ынчи звычаи та ынчи обычаи, та ынчи попы и ынчи дякы, шо овси не таки, якъ у Суныцивци. А якъ нема

кому ій розсказуваты, або ій самій никого слухаты, то вона зразъ заведе яку-небудь писню та-й спива соби и спива, та такъ спива, шо писня ій лунае скризь и по всёму двору и по всёму току.

Такъ якось-то по осени,—а осинь тоди була така славна, деньки стоялы таки ясни, зъ ранку хочъ трошкы й свиженько, а проте, въ день такъ тепло та соняшно! такъ отъ-то кажу, якось-то по осени, такъ уже о пивдня, тре Марѳа на терлыци, у току пидъ тополею конопли и спива соби писню:

„Ой шо пры нывци, пры шырокій долынци,
Брала дивка билый лёнъ!
Ой, вона брала, тонко розстылала,
Всю долыну сходыла.
Ой, та не найшла парня молодого,
Которого любыла.
А вже-жъ того парня молодого
Та въ солдаты узялы,
Та й повезлы парня молодого
Все крутымы горамы.
Ой, выйшла дивка за нови ворота,
Вмывается слёзамы"...

Якыма у той день не було дома: винъ ще зъ вечора пойихавъ чогось у волость, ажъ у село Веселе. А Марѳа отъ-то тре соби конопли на терлыци та спива писню и не знае, яке лыхо пидкрадается до неи. „Марѳо! Марѳо! иды лышень у хату"!—клыче ій Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ. Марѳа, почувшы голосъ батька, покынула мняты конопли та швыденько побигла до хаты. „Иды, донько, скорійшъ"! Ось убигла вона въ хату та, переступывшы порогъ, тутъ же й стала, неначе вкопана. Якымъ ій журлыво сыдыть за столомъ, положывшы голову на руку и зныкъ ажъ до самого столу. Супроты нёго стоить маты Маруся и вся такъ и залывается слёзамы, шо й свита божого за нымы не баче. „Якыме! Якымочку! мамочко! таточку! Що це таке? Шо зробылось? Татусю, голубчыку, шо таке"?—

„Бильшъ ничого, донько, окримъ того, якъ твоёму Якымови упавъ жеребокъ у москали йты"! „Охъ, лышенько-жъ мени! Охъ, долечко жъ моя лыхая! Шо жъ це воно буде такого? Куды жъ мени теперъ диться у свити Божому? Пропала жъ я, сырота безталанная! На вики пропала"!—„Не бійсь, донько, не пропадешъ: молысь Богу, то все буде гараздъ. Теперъ яка тамъ служба москалямъ? Рокивъ тры-чотыри послуже та й до-дому прыйде, а ты тымъ часомъ у насъ такъ шануватымешся, якъ не шанувалась у ридного батька та матери: мы тебе й словечкомъ не зобидымъ, абы ты тилько сама жыла чесно та по закону; а тамъ, якъ дасть Господь мылосердный, Якымъ одбуде свій строкъ та звернется до-дому, то и все лыхо забудется... Э, якъ-бы винъ у насъ бувъ пысьменный, то друга була-бъ ричъ: ёму бъ и вильгота була и свитъ передъ очима бувъ-бы не той"! „Якыме! Якымочку, голубчыку мій! Поглянь же ты на мене, огляньсь та й озьмы и мене зъ собою! Я жъ безъ тебе не можу жыты! Я изсохну, я пропаду безъ тебе"!—„Та схаменысь ты, Марѳо, на мылый Бигъ, схаменысь! Хиба жъ таки воно де у свити дiется такъ, шобъ жинкы та ходылы за своимы чоловикамы у службу? Уже якъ-не-якъ, а треба згодыться, бо на вздогинъ, кажуть, дочко, не нацилуешся... Дасть Богъ, ты й не счуешся, якъ и пройдуть ти два-тры рокы, и якъ Якымъ повернется зъ службы до-дому. Господы, Господы, и чомъ таки у насъ нема школы? Отъ якъ бы винъ бувъ пысьменный, то друга-бъ и балачка була... Темнымъ та невыдющымъ людямъ скризь погано"!..

Такъ посумувалы та побалакалы надъ своимъ лыхомъ Витрякы, та й зъ тымъ, шо треба Якыма выряжаты до города. Боже, и слизъ же було, якъ розставалысь Маруся та Марѳа зъ Якымомъ! Якъ ухопе то одна, то друга ёго за шыю, якъ почне плакаты та прыговорюваты, то справди таки неначе пидъ нымы земля розступается. „Та годи тоби, стара! Годи вже! Хиба таки винъ на вiйну йде, чы шо? Годи тоби, дочко, годи убываться надъ нымъ! Чы ты ёго, боронь Боже, на смерть, чы на мýку яку, чы у Сыбиръ выряжаешъ? Чудно́ и дывно мени!

И яка вже тамъ у Бога теперъ служба москалямъ! Теперъ не те, шо за прежнёго царя, колы москали служылы по двадцять по пьять годъ! Буде вамъ голосыты!.. Ну, сынку, прощай! Служы Богу и царю праведно, не линуйсь, не пустуй, не забувай батька, матери та жинкы, прыходь до-дому зъ радиснымъ та легкымъ серцемъ!.. Прощай же, сынку! Помагай-би тоби на все добре!.. Та началства слухайсь! Началству не суперечъ! Чуешъ"?

— Чую, тату!..

Ото Якымъ Витряченко уже и въ москаляхъ. Уже бильшъ року мынуло зъ тіеи поры, якъ винъ служе москалемъ. Стоить винъ десь у Кышени-городи и що-мисяця пыше лысты батькови, матери и жинци, Марѳи Петровни, и двомъ братамъ своимъ, Петру та Павлусю Максымовычамъ, и сестри Орыси Максымовни, и всимъ сватамъ, и всимъ свашенькамъ, и всимъ сусидамъ, и всимъ сусидкамъ. И каже, шо ёму служба овси не важка, шо началство имъ дуже задоволено, жалуе и хвале ёго, пыше, шобъ батько не пеклувавсь высылаты ёму грошей, бо москали ни въ чому не маютъ нужды, а шобъ гонобывъ у свое хазяйство.

Якъ одберуть ото Витрякы лыстъ одъ Якыма, то зараз-же Маруся та Марѳа идуть зъ нымъ до дякона и тамъ уже и чытають и слухають того лыста. А чыта-жъ той дяконъ такъ не скоро, та такъ высоко, та жалибно, та такъ же жалибно!.. Слухаючы того лыста, Маруся та Марѳа такъ и облываются слизьмы. „Боже, Боже, Боже, и якъ то воно ёму, бидоласи, у тому чужому городи жывется? Де-жъ воно той городъ находытся, отець дяконъ"?—„Чы я-бъ вамъ и сказавъ, такъ, ій-же-Богу, и самъ добре не знаю. Мабудь, такъ, шо десь ажъ коло Турещыны"! „Ажъ, кажете, коло Турещыны! Охъ, моя-жъ годыно! Крый-же ёго, маты Божа"!..

И зновъ надишле Якымъ лыста, и зновъ Маруся та Марѳа идуть чытаты ёго до дякона, а отъ дякона пидуть ще до пысьменного хлопця, Петра Метеля, шо навчывсь пысьменства ажъ десь тамъ у Лыпцяхъ, чы ще дали.

Одначе, чымъ дали, тымъ Якымъ Витряченко ставъ чогось усе ридче и ридче пысать до-дому. А якъ колы и надишле лыста, то одно тилько й пыше, шо ёму трудно и, Боже мій, якъ трудно служыть! Такъ трудно, шо николы ни сорочкы чыстои узять, ни чобитъ перебуть,—такъ у чоботяхъ и спы; онучкы такъ геть чысто уси на прахъ и попріють на ногахъ. А що вже тіеи нужи, такъ такого, шо бодай тебе!.. А службу все-жъ такы знай: и коло коня ходы, и за конемъ „командёра“ гляды, и „мундеръ-церу“ годы. И важко-жъ, охъ якъ важко служыть! А найголовна ричъ, шо прыходытся дуже бидкаться безъ грошей, а тутъ на лыхо попалась така скажена коняка, шо кажнисеньку ничъ рве на соби уздечку, и ты хочъ роды, а шобъ у тебе була цила уздечка, а не буде цила, такъ такого тоби прочухана зададуть, шо не знатымешъ, на яку й ступыть: и на обахти высыдышъ, и лящивъ добрыхъ піймаешъ, и въ штрахну книжку попадешъ. А старшый, клятый чоловикъ, и не дывытся, яка то скажена коняка,—бье тебе по щелепахъ, та й край... Хочъ увесь тыждень сыды у конюшни та на коняку дывысь. Узявъ бы іи та хорошенько нагайкою нажавъ, такъ де тоби? Буде таке, шо!.. Беры іи близенько бороды та говоры до неи, неначе до чоловика, та гладь іи, та дывысь ій пыльно въ вичи, а вона, якъ скажена, такъ и скаче, такъ и скаче на тебе, та такъ усю сорочку и штаны геть чысто все на шмаття пошматуе. „Шо-жъ воно, може, и справди ёму, бидоласи, та служба дуже важка“, скажуть було Максымъ та Маруся, чытаючы Якымивъ лыстъ, та ото якъ спроможутся, то й пошлють ёму килька тамъ грошенятъ. А Якымъ якъ одбере лыстъ зъ гришмы, то одпыше до-дому, а якъ одбере самый лыстъ, безъ грошей, то й мовчыть и мовчыть, неначе ёго и на свити нема.

Такъ воно и шло, тыждень за тыжднемъ, мисяць за мисяцемъ. Колы ось пройшла чутка, шо руськый царь буде воювать зъ турецькымъ. Незабаромъ писля того прыйшовъ до Витякивъ и лыстъ одъ самого Якыма, де винъ пысавъ, шо скоро ёго повкъ выступе за Дунай. Боже, Боже, шо вже тоди слизъ було у хати Витряка, такъ и сказать не можна! Маруся та

Марѳа и молылысь, и плакалы, и ходылы до батюшкы найматы ёго правыты молебень, шобъ Господь Богъ заступывъ Якыма на війни, а наконець тóго пишлы ще до дякона за тымъ, шобъ винъ напысавъ лыста до Якыма у повкъ. И дяконъ напысавъ имъ такого жалибного та довгого лыста, шо якъ ставъ вычытуваты ёго въ голосъ, то Маруся и Марѳа такъ и облылысь слизмы... Довго того було!..

Напысавшы того лыста, Маруся та Марѳа заразъ же и одиславы ёго до Якыма, а сами ждуть и не диждутся видпысу. А одъ Якыма ни слуху, ни духу... Чы винъ жывый тамъ? Чы винъ здоровый? Чы, може, уже ёго давно убыто? Чы, може, винъ де потонувъ у тій ричци, у Дунаю?..

Недовго, одначе, йшла та война промижъ руськымы та туркамы: швыдко пройшла друга чутка, шо уже руський царь замырывсь зъ турецькымъ. Чують Витрякы, шо уже одынъ салдатъ, такый, шо пишовъ у москали умисти зъ Якымомъ, вернувсь у село; другый напысавъ до-дому, шо скоро буде; а третій переказувавъ черезъ людей, шо десь тамъ забарывсь у дорози, але-жъ такы спишыть та поспишае до своеи ридни; а одъ Якыма усе-жъ такы ніякои звисткы нема. Витрякы уже й не знаны, що имъ и думаты про це...

Була пиздня осиння доба. Люде давно уже попрыбиралы усе и зъ поля, и зъ огородивъ. Чоловикы,—якъ яки молотылы по клуняхъ та вывозылы зъ дворивъ гній, якъ яки возылы дрова зъ лису до-дому та мололы хлибъ у млынахъ. Жинкы якъ яки чыстылы та квасылы на-зиму бурякы, якъ яки сиклы сикачамы капусту та складалы іи у глыбоки дижкы по погрибахъ, тежъ такы готуючы добро на зимнюю добу; а де-яки то выбиралы кавуны та ховалы ихъ у полову на горище, шобъ додержаты циленькымы ажъ до зимнёи поры.

Тежъ саме робылось и въ хати Витрякивъ. „Господы, Господы, шо це про нашого Якыма нема ніякои звисткы? Уже-жъ ондычкы и Сёмка прыйшовъ, уже и Стецько вернувсь, а нашого усе нема та й нема. Отъ и батькови нашому треба-бъ було помочы, бо Петро хочъ и роботящый хлопець, такъ ще

молодый парубчакъ,—не те у нёго на думци, а Павлусь зовсимъ хлопчакъ. Хочъ бы таки Господь скорійше прынисъ ёго! И хазяйство жъ таки у насъ, хлалыты Бога, чымале, а помочы хазяину нема; до того, ще й хазяинъ нашъ щось уже постаривсь".

Такъ балака, сыдючы въ хати, на лави, стара Маруся. „Уже-жъ, мамо, и пора таки ёму прыйты", одповида Маруси Марѳа, сыдючы на тій-же лави, супроты шырокого шыритваса, куды вона складала сичену капусту. Марѳа и дни и часы и хвылыны личыла та переличувала, чы скоро скинчыться той строкъ службы Якыма и чы довго ій ще ждаты свого любого та хорошого чоловика. Вона ни на одну хвылыну не переставала думаты про нёго и такъ ёго щыро та вирно кохала, шо й на мысли у неи никого, окримъ Якыма, не було. А оце у ту недилю подавала вона у церкви на часточку помьянуты Якыма умерлымъ: ій сказала якась стара баба, шо якъ помьянуты жывого чоловика умерлымъ, то де-бъ винъ не бувъ и шобъ винъ не робывъ, а ёго заразъ же потягне туды, де ёго ждуть та бажають. Такъ оце уже скоро тыждень, якъ Марѳа помынала Якыма у церкви, а ёго усе нема, та й нема... А, може, таки, дасть Господь, шо й прыйде!..

Сиче Марѳа капусту, а сама и духомъ и слухомъ уся на двори. „Мамо, чы вы чуете, неначе шось пидйихало до воритъ"?— „А шо тамъ, донько, пидйихало? То, мабудь, нашъ Шокотъ пробигъ по прызьби та торкнувсь бокомъ объ стину".—„Ни, мамо, перехопыла Марѳа, таки неначе шось и ворота уже одчыня. А-ну-лышень, я выскочу зъ хаты та подывлюсь"! Не вспила, одначе, Марѳа пиднятысь зъ лавы, якъ ось двери у хати рыпнулы, и на порози зъявывсь москаль. Марѳа такъ и скрыкнула одъ радощивъ та такъ и кынулась до москаля. „Якыме, Якымочку, голубчыку мій"!.. И справди, то бувъ Якымъ Витряченко... Боже, якъ-же жъ тому зрадилы Витрякы, и стари и мали, а найбильшъ усихъ Максымъ Мыкытовичъ Витрякъ!..

VI.

Швыдко по всёму селу пройшла чутка, шо Якымъ Витряченко вернувсь изъ службы до-дому. Тутъ и вси родычы, и вси сваты, и вси кумы, и вси кумаси заразъ-же понашевкалысь до Максыма Мыкытовыча Витряка у хату, шобъ подывыться на Якыма Витряченка, якый то зъ нёго выйшовъ москаль. За-для такои оказіи Максымъ Мыкытовычъ доставъ изъ погреба городськои горилкы, а Маруся понастановыла на стилъ усякои стравы, и тутъ почалась учта и дорогого сыночка и хорошыхъ гостей, шо посходылысь дывыться на бравого москаля. Максымъ Мыкытовычъ не жаливъ горилкы и витавъ гостей щыро одъ усёго сердця. И ото якъ уже уси добре пидвыпылы та разбазикалысь, то тутъ и почалы пытать Якыма, де винъ служывъ, кого бачывъ, якъ переходывъ ричку Дунай, яка въ неи глыбыня, яка милына, якъ воювавъ винъ зъ туркомъ, и въ якыхъ „баталіяхъ“ буваръ.

— Розскажить-но намъ, Якыме Максымовычу, якъ воно у тій сторони люде жывуть?

— Якъ у тій сторони люде жывуть? Овси не такъ, якъ у насъ: тамъ замѣстъ хлѣба,—Якымъ Максымовычъ закыдавъ уже по-московському,—тамъ замѣстъ хлѣба йидять кукургузу.

— Кукургузу?

— Кукургузу!

— Шо жъ це воно за кукургуза така?

— Такая, значитъ, прымѣромъ будучи сказать, пшенычка, што вотъ и у насъ на вгородахъ растётъ.

— Онъ воно шо! Ну, а ще шо йидять?

— А дали йидять брындзу,—ѣто такой уже, прымѣромъ будучи сказать, сыръ изъ овечого молока.

— Брындза, кажете?

— Брындза!

— Ну, а ще шо?

— А ще йидять чавку, по нашому сказать, просо; только воно, значыть, не простое, а турецькое просо.

— Ну, и хрухту яку потребляють?

— Хрухту? Гм!.. Тамъ што етихъ абаркосивъ, такъ выдымо и невыдымо! Свынямъ кыдають, та й ти не йидять!

— Абаркосивъ, кажете?

— Тамъ што етихъ абаркосивъ!.. А што етого кавунячча! Гм!.. Та ще яки кавуны? Качается, наче той чавунный казанъ! Такъ, прымѣромъ будучи сказать, пудивъ тры буде одынъ кавунъ.

— Пудивъ тры одынъ кавунъ?

— Пудивъ тры одынъ кавунъ, колы не бильшъ!.. А што етой картопли? Падлець я буду, бадилля росте, наче той лисъ, а саме ядро завбольшкы та-якъ добрыхъ два кулакы. Отъ якъ!

— Тамъ-же десь и дешевына на все?

— А такъ што дешевына! Хранокъ, або пивхранка у руку взявъ, та й цилый визъ кавунячча накупывъ.

— Шо жъ воно за хранокъ такый?

— Гроши таки! Хранокъ, пивхранка, кгалакганъ, пивкгалакгана,—це все болгарськи гроши.—Есть и турецьки, зъ гадюкою, и пруськи, зъ трёма святымы. Усякого було!..

— Тамъ же десь и людямъ добре жыты?

— Гм!.. А то хиба добро у нашій обидраній сторони? У насъ хаты скризь такъ, што бильше небомъ укрыто, а тамъ...

— Якыме, шо це ты кажешъ? перехопывъ сына старый Витрякъ и зглянувъ на нёго якось-то прозоро.

— А шо я кажу? Батьку, покажы путь, якъ горилку пьють! Отъ шо я кажу!..

— Ну, а якый тамъ, Максымовычу, народъ жыве?

— Братушкы та туркы!.. „Берегысь мага́ биръ рюмка́ ара́къ“.—„Якши, якши“! „Берегысь мага́ тютюнъ“! „Тыръ ты сымыны“!—„Якши, якши“. „Мунынъ пулы аракъ“?—„Чокъ, чокъ“! „Яманъ, яманъ“! „Братушка, дай на мене икметъ кушать“! „Братушка, дай на мене тютюну попыть“.

— Онъ воно якъ! онъ якъ! Отъ скилько рокивъ панебрате, якъ я жыву на свити, а сякый-такый сынъ, хто ёго и чувъ, щобъ оттакечкы балакалы люде, якъ оце. Шо-жъ воно значе?

— Ето, прымѣромъ будучи сказать: „подать мнѣ рюмку водкы та трубку тютюну! Сдѣлать покурыть!“—„Хорошо, хорошо“! „А што стоить водка“?—„Дорого, дорого“! „Это не хорошо, овси не хорошо“! „Братушка, дай мени хлѣба поѣсть“! Братушка, дай мени тютюну попыть“! Не кажуть „покурыть“, а кажуть „попыть“... А то говорять и такъ:

„Давайте выпьемъ за отця до кинця, за неньку повненьку, а за жиночку симъ,—хай буде весело всимъ“.

— А, такы й воны пьють?

— Есть!

— Ото-жъ вы зъ тымъ туркомъ и воювалы?

— А зъ тымъ же туркомъ и воювавъ.

— И шо-жъ, и не пидстрелылы васъ ниде?

— Мене пидстрелылы? Гм!.. У насъ тоже горохъ у носи ёсть!..

— А десь и страшно було воювать?

— Гм!.. Батьку, крапнить, лышень, чарку того пекельного кыпелю,

Шо литомъ не кысне,
Зимою не мерзне,
Передъ обидомъ не суше,
Писля обидъ потуше...

Батько налывъ Якыму чарку горилкы, и Якымъ такъ одразу и проковтнувъ ій, неначе закынувъ за потылыцю.

— Дай, Боже, усе, шо гоже, а шо не гоже, поправъ, Боже, шобъ було гоже!.. Зразу ставъ, кумкы мои, на війну, такъ страшно було воювать, а потимъ обыкъ. Не дасть Богъ смерти—не визьмуть и черти... Одно слово, покы не воюешъ, то воно й страшно, а якъ визьмешъ у рукы ружжо, то забудешъ и ввесь страхъ: такъ и лѣзышъ, такъ и лѣзышъ у вагонь, неначе та свыня на вгорѣдъ. Инчому и руку по ликоть отсичуть, а винъ разгарячытся та тіею жъ куксою такы й дѣль-

ствуе, неначе штыкомъ... За то-жъ тилько й бьётся, што нашъ братъ—салдатъ, а што ети охвицери, такъ воны тилько, прымѣромъ будучи сказать, ховаются, по-за нашимъ братчикомъ—салдатомъ; оны толькы у мырное уремья камандувать нами хороши, а якъ на войну, то тутъ имъ и копъ, тутъ имъ и копъ! На войнѣ воны и курыть нашому брату дозволяють, и кисетъ роспростырають и табаку свого дають. Такъ и нашъ братчикъ тоже не дуракъ: якъ набрякается на якого охвыцерыка у тиснимъ кутку, то такъ пидправыть ёго штыкомъ, што у того и бурдюкъ изъ пуза выпаде геть: „Молысь Богу та отутъ и лежы“! А тамъ, прымѣромъ будучи сказать, запышуть у лапортъ, што на войнѣ турокъ зарубавъ. Тоди смычъ насъ за штаны!..

— Якыме, шо це ты кажешъ? Хиба жъ воно такъ навспражкы и бува, якъ оце ты говорышъ?

— Шо я кажу? Налый мени, отець, чарку горилкы!.. Пый пывоту, та выгонь лыхоту, шобъ тая лыхота не сушыла жывота! Отъ шо я кажу!

Батько зновъ, хочъ и дуже нехотя, налывъ чарку горилкы, и Якымъ упьять чабулькнувъ ій такъ, шо тилько денце у чарци блыснуло: „Дай, Боже, у цимъ дили що-недили“!

Дывытся Максымъ Мкытовычъ Витрякъ на свого сына Якыма та самъ себе и пыта, чы це ёго сынъ, чы не ёго: Якымъ же ёго зроду чаркы въ рукы не бравъ, а цей москаль глушыть горилку, якъ воду...

— Скажить-же, Максымовычу, яки вы городы проходылы?

— Проходылы?... Проходылы Дунай...

— Та тожъ, кажуть, ричка Дунай?

— Ну-да прымѣромъ будучи сказать, ричка... А потомъ проходылы Свыстовъ, Плёвъ-городъ, Шумъ-городъ, Костянтын-городъ....

— Эге, отака ловысь! Каже, Турещына, а городы звутся такъ, якъ и въ насъ.

— А черезъ те звутся такъ, якъ и въ насъ, што та турецькая земля, вона ще отъ сотворенія мыра була руського царя.

— Онъ бачъ якъ! Такъ черезъ те то нашъ царь и воювавсь зъ турецькымъ,—за свою землю!

— Не що! Древній планъ, будучи прымѣромъ сказать, найшовъ у своимъ дворци, и на тому плану усмотривъ, што вся турецькая земля, ще якъ тилькы народывсь мыръ, була за руськымъ царемъ. Отъ воно що, а не то що! Што говорять тамъ за болгаръ, за братушекъ, то это пустое...

— Боже, Боже, чого вы тилькы, Максымовычу, не выдалы, чого не чувалы, чого не пройихалы и чого не проходылы? Отъ де вже свита побачылы,—не то, що мы!..

— Пройшовъ и багато земель, пролизъ и багато дирéй, пройшовъ и Крымъ и Рымъ, и огни, и воды и мѣдніи трубы, попавсь було и чортови въ зубы, та, якъ бачыте, выйшовъ знову на свитъ.... Хи, разъ и страху було, якъ нашъ пойиздъ та найшовъ на другый! Такои товчій наробыло, що!.. Вагоны на вагоны цапа посталы, та—якъ жеребци, а паравозъ злипыло, якъ пырижокъ, а що вже народу побыло, такъ....

— Моя-жъ годыно! Черезъ що-жъ воно пойиздъ на пойиздъ найшовъ?

— Черезъ то, що по тій рейци, де намъ бигты, та джинджировавъ, будучи прымѣромъ сказать, манёвры робывъ, другый пойиздъ.

— Джинджировавъ, кажете?

— Джинджировавъ! Сюды-туды по рейци бигавъ.

— Ну, якъ-же вы добралысь до миста?

— А якъ? Силы на другый пойиздъ, тай на війну!

— Отъ де ще, мабуть, нашого брата гыне, на війни?

— На війни кули бильшъ бьють ляшкивъ, нижъ нашого брата.

— Черезъ що-жъ воно такъ?

— У ихъ вира не така, якъ у насъ,—отъ черезъ що! Хто, прымѣромъ будучи сказать, зъ нашою вирою идёть, то того и куля не берёть....

— Онъ воно якъ! Скажить-же намъ, Максымовичу, ще одно,—выбачайте уже у цёму слови, що пытаемо:—чы вы й гра-

моты у москаляхъ навчылысь, чы зъ тымъ, якъ булы, и до-дому звернулысь....

— А навчывсь! Буки-азба, види-азба, глали-азга, како-азка.... ять-ять-никому пиднять, юсь-юсь-я самъ пиднимуся, ыжыця-ыжыця-до чогось розка блыжытця-блыжытця.... А главна речь, я вернувсь изъ службы ни въ чымъ неповреждѐнъ.

— Це-жъ якъ?

— А такъ, што ни въ чому поганому незвѣстенъ: другипрочи тамъ то те, то се, а мы... гм!

— Ну, и чына-жъ вы доскочылы?

— А вже-жъ, доскочывъ! А толькы што онъ прыйдѐть навпоспя!

— Якъ-же то такъ, шо навпоспя?

— А такъ, што значыть, будучи прымѣромъ сказать, одынъ получа чынъ зразу, а другый навпосля,—дисцыплына така!

— Шо-жъ це воно за... дыс-ныц-лына така?

— А это такая штука, што по ній горилякы хрюкать!... Тату, а-нуте ще ухнить у чарчыну того дійва, шо пече губы, полощe зубы, пале въ жывоти, а ные въ костй! Ахъ, ахъ, хотя въ Москви не бывахъ, но горилочку пывахъ! Ахъ, ахъ!...

— Та, може-бъ, сыну, уже й годи?

— Э, батьку, батьку, хочъ пый-умрешъ, хочъ не пый-то ногы задерешъ! Та хиба ій якъ? Кусать, чы що? Ковтай тай тоди! Жалаимъ добра, шобъ выпыть до дна!

Тутъ Якымъ, уже не диждавшысь учты одъ батька, самъ налывъ здоровлящу чарку горилкы, та такъ и хыльнувъ ій одразу у ротъ...

А Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ усе дывыться на свого сына, и чуе ёго серце, шо то вже не ёго сынъ... Ну, та, може, це винъ такъ тилькы, зъ прыходу, а дали обійдется, прывыкне, та-й буде зновъ такый, якъ бувъ... Крый мене, маты Божа, отъ усякои биды!...

Було уже далеко за пивничъ, якъ уси родычи, уси кумы та кумаси покынулы господу Максыма Витряка и поросходы-

лысь по хатахъ. Якымъ, якъ сыдивъ за столомъ, такъ и повалывсь на лаву, такъ и захрипъ на ній....

На другый день, чимъ свитъ, Якымъ уже бувъ на ногахъ и заразъ-же за горилку.

— А шо, мамо, чы нема чарки тіеи жывыци-ледащыци, чымъ можна-бъ похмелыться?

— Якъ нема, сынку? На, та похмеляйсь та будь здоровъ!

Сивъ Якымъ за стилъ та-й давай похмеляться. Ось скороно недовго прыйшовъ до нёго де-хто изъ новыхъ гостей, и въ хати Максыма Витряка зновъ почалась весела бѣседа. И зновъ Якымъ розсказуе, яки „хрумты“ ростуть у „тій“ сторони, яки народы тамъ жывуть, яки гроши тамъ ходять, якъ винъ тамъ бывся зъ туркамы, яки проходывъ городы, якъ воюется „нашъ братъ“ салдатъ, и якъ стражаютця „ети охвыцери“. Розсказуе винъ та зновъ пье горилку, а дали, упывшысь, зновъ спыть ажъ до пивдня; а тамъ, тилькы шо прокынувсь, тилькы шо роздывывсь-розлупавсь, якъ зновъ за горилку. На третій день Якымъ идѣ уже самъ до якогось тамъ чы до свата, чы до кума, а тамычкы упьять тежъ саме робытся. На четвертый день винъ идѣ до кумы, а дали до свахы, та такъ увесь тыжденёчокъ. А Максымъ Витрякъ усе дывытся та самъ себе пыта, чы скоро воно оце все скинчытся, чы, може, цёму николы не буде й кинця.

— Ну, сынку, оце вже цилый тыждень, якъ ты прыйшовъ изъ службы додому,—теперъ треба уже и за роботу браться.

Отъ и взявсь Якымъ за роботу, та тилькы ненадовго: день поробывсь, поробывсь и другый, а на третій день, якъ батько лигъ писля обидъ спочыть, винъ опынывсь у „прохладныхъ“ кимнатахъ Кастіёна Петровыча Чубарка... Уже туды геть-геть, якъ зайшло сонечко и якъ зовсимъ стемнило, вернувсь Якымъ до-дому. Максымъ Мыкытовычъ неначе-бъ то й не баче того, а у самого такъ сердце и колотытся. Усю ниченьку винъ и на хвылыну не задримнувъ. Чуть свитокъ—винъ уже и вставъ. Уставъ и Якымъ; уставъ та й не дывытся ни на кого та прямо въ клуню та за ципъ. Ажъ ось за нымъ и батько въ клуню.

— Якыме, Якыме! Що це зъ тобою робытся?

— А шо, тату?

— А то шо ты зродá вику не ходывъ у той проклятый шынокъ, а теперъ...

— Та це я, тату, ще не одгулявсь.

— А колы-жъ ты такъ гулявъ? Та якъ уже хотивъ ты такъ гулять, то гулявъ бы дома, а не соромывсь по шынкахъ...

— Я, тату, бильшъ не буду! Будь вона трычи проклята, та горилка! И той поганый чоловикъ, хто ii выдумавъ!.. Я бильшъ не буду!..

— Чы правду-жъ ты говорышъ?

— Правду, тату!

— Ну, гляды!..

VII.

Пройшло ще днивъ зъ два, чы зъ тры. Якымъ и на двори, и въ клуни, и на току вештается, а тилько выдко, шо ёму дуже нудно на серци. Визьметься винъ за одно дило—покыне ёго. Визьметься за друге—и того не зробе; сяде йисты—покруте ложкою у мысци, покруте и покыне ложку; стане балакаты зъ жинкою—хто ёго зна чого и хто ёго зна за що розсердыться. Въ одному тилько й находе втиху, шо куре; усе кушпелыть, усе кушпелыть, усе смалыть, усе смалыть ти цыгарки, та такъ, шо ажъ давыться... .

Ось настало пущання на Пылыпивку. Якымъ вставъ раненько, надягъ на себе мундеръ свiй, накынувъ зверху шынелю, узявъ картузъ и пишовъ до церквы. Выстоявъ винъ службу Божу, выйшовъ изъ церквы та й иде до-дому. Иде, ажъ ось ёму у ливоручъ и веселенький шынокъ Кастiёна Петровыча Чубарка, та также гарно та прыязно дывыться! Синешни двери въ нёму розчынени навстяжъ и черезъ ныхъ уже не одынъ чоловикъ проскочывъ у середыну кимнатъ. „Хиба й соби зайты? А шо-жъ? Зайду, одну чарчыну выпью, та й швыденько до-дому загивлять... Якъ бы, одначе, старого не розгнивать? Чы зайты,

„чы“... Поснувавъ—поснувавъ Якымъ коло шынку та й зайшовъ... Якъ зайшовъ, та якъ засивъ, якъ засивъ, такъ забувъ и про пущання, и про батька, и про матиръ, и про жинку свою... А дома ёго ждуть и не сидають за стилъ. Ось уже и обидня пора настыгла, ось Маруся та Марѳа уже и обидаты налагодылы, а Якыма якъ нема та й нема... „Де це нашъ Якымъ дивсь? Чы не зайшовъ лыбонь до батюшкы? Чы не забалакавсь зъ кымъ, идучы зъ церквы“?

А у Якыма инчій стилъ и инча кумпанія, нижъ дома. У шынку коло нёго уже чымало зъявылось „братчиковъ“, такыхъ, шо и выпыть и закусыть та й побалакать и посміяться—хочъ куды! Одынъ Васыль Рябый чого стое! Цей друзяка славенъ на все село, якъ самый сылетельный чоловикъ и якъ велыкый мы́тець шобъ и поглузуваты зъ кого, и въ потылыцю накласты кому—на все гараздъ.

Сыдять за столомъ Якымъ Витряченко та Васыль Рябый, розсилысь-розчетверылысь, глушать горилку и усяки терѣвени-вени точать: то се та те, то те та се.

„А-ну, выпьемъ пивквартыводкы,
Зйимо дви селёдкы,
Хунтъ зъ рыбы икры,
Та булкы тры,
Закурымъ цыгары,
Дивчатъ по пари,
Добре запьемъ,
Ворота забьемъ,
Слюны роспустымъ,
Никого не пустымъ,
Самы́ будемъ гулять.

— Мужыкъ!

— Ну!

— Одолжы мени ароматного злаку, нарыцаёмого табаку, шо ёго вжывають и благородни и купци, и мужыкы, и шевци и кравци-молодци, тилько не вжывають старовѣры-падлеци. Хто

куре табачокъ, той хорошый мужычокъ; хто не куре табакы—не стое собакы. Славный мужычокъ, хто й нюха табачокъ: хто нюха, той трюха, а хто дывится, той туды жъ хылится.

— Та й славно-жъ ты й прыказуешъ, охота й слухать! И выдко, шо бувъ у москаляхъ!

— Не только што бувъ, а й Дунай переходывъ, и въ самому страженіи состоявъ,—чувъ?

— А чувъ! Ну, якъ ты такый хвабрый москаль, шо-жъ ты соби ни жоднои медали не заслужывъ? Онъ Сёмка Крыженко, такъ той уже й выдко, шо хвабрый бувъ москаль: заслужывъ соби два хресты та ще й медалю та кожни два мисяци по три карбованця пипціёну гребе, а ты шо соби заслужывъ? Чымъ ты свою хвабрость докажешъ?

— Я? Я, може, на мисяць десять карбованцивъ заслужывъ!

— Эге-жъ! Що мисяць—то десять, а на годъ пьятнадцять,—отъ такъ, мабудь, ты заслужывъ...

— Я? Я бувъ первой гыльдіи салдатъ! Та ты знаешъ, шо безъ меня, покы я не осмотрю позыціи, командёръ, прымёромъ будучи сказать, зъ мёста никуда не пайдётъ... Я? Я, може, на кожный штыкъ по три турка зразу сажавъ!.. Это есть моя прывелегія!..

— Хто й не сажавъ, якъ не ты? А мени чуется, шо ты бильшъ собакъ изъ-за вугла стрилявъ, нижъ турокъ на штыкъ сажавъ...

— Да это ты, прымёромъ будучи сказать, говорышъ про миня?

— А то жъ про кого?

— Эхъ, ты, мужыкъ, мужыкъ, а чы знаешъ ты, што такое есть салдатъ!

— А шо? Собача лобода,—ни що!

— Дуракъ! Въ отставцё пышется, шо шеснадцять мужыкивъ одного салдата стёють. А проты мене двадцять мужыкивъ ништо! Я чоловикъ прахтыкованный, а ты палиняка дровъ и большъ ничаво! Ты знаешъ, шо такое есть салдацькый отче-

нашъ? Якъ мы муку зъ артели продавалы, а денёгъ въ казну не давалы, то хто буде платыть за насъ?

— Шо ты, сапата свыня, на тры копійкы задаешся? Оце вашъ и отче-нашъ? Хто жъ тебе ёму навчывъ? Чы не анчутэи. шо пидъ греблею сыдять? Не протыкованный, а простякованный ты салдатъ—Солопій Ивановычъ,— бильшъ ничого! А настоящого отче-нашу ты знаешъ?

— А на што намъ ёго знать?

— Якъ на шо? А шобъ Богу молыться?

— А на шо-жъ ёму молыться?

— Якъ то, на шо? Шобъ Богъ здоровья давъ!

— А мени дохтуръ здоровья дасть!

— Ну, шобъ Богъ хлиба давъ!

— А мени каптенармусъ хлиба дасть! Шо мени! Хочъ сто конъ, хочъ одынъ сконъ, а салдату все тры хунты хлиба въ день полагается,—у ёго повсигда хлѣбный тукъ у жывоти ёсть...

— Отожъ у салдатъ черезъ той хлибный тукъ и пузо до верхнёи костыи прысу́шуется? Славный же зъ тебе, бачу, и салдатъ! Недурно жъ и кажуть, шо салдатъ, якъ прыйде зъ службы до-дому, то тры годы Богу не молыться.

— Шо зъ тобою, хамломъ, разговарювать? Ты поймы то, шо хорошый салдатъ—чорту братъ, поганый салдатъ—трёмъ чортамъ братъ, а пьяный салдатъ—усимъ чортамъ братъ... Я пидъ Плёвомъ бувъ! Я Свыстовъ бравъ! Я Шумъ-городъ воювавъ! Я Дунай перейшовъ! Бережысь, рябко, а то розшибу! Это есть моя прывелегія!

— Гляды ты у мене, салдацьке смиття́, якъ бы я тоби отъ-тутъ выволочкы, чы матлошкы не давъ? То ты у мене и свыснешъ, и плюнешъ, и зашумышъ, и Дунай ричку пишкы перейдешъ!..

— Хто? ты?

— А хочъ бы й я?

— Куды тоби, мазныци такій? Ты, прымѣромъ будучи сказать, салдацькои дисциплыны не понимаешъ? Вотъ скажы мени, сколько на свѣти погодъ?

— Це ще шо доброго выгадавъ,—куряча твоя голова? Ичъ якои юхы набравсь, якъ побувавъ у москаляхъ? Ось скажы мени ще шо, то я тоби такои чирвы дамъ, шо ты...

— Та ты шо? Я тебя, дурака, пытаю про погоды, яки, прымѣромъ...

— А я тоби, дурне салдацьке мнясо, и одвитъ даю!

— Такъ скилько жъ ихъ есть?

— А скилько?

— Девьять!

— А може жъ, десять?

— А я тоби кажу девьять! самъ командѣръ, прымѣромъ будучи сказать, задававъ мени таку загадку, а я ёму й говорю: „Вашъ-бродь, дайте мени тыждень подумать". „Думай". Я й почавъ думать...

— И де жъ ты думавъ? У шынку?

— Мовчы, мужыча твоя образына!

— Стій, кажу, не лайсь, а то лыхо матери твоій!..

— А я тоби кажу: стій, слухай мене! Я й выдумавъ, шо ихъ девьять. Счытай: метелица-шателица—двѣ; шатёть-метёть—чотыри, сухая-мокрая—шесть, теплая-холодная—восимъ, а девьятая крупка—подавай, мужыкъ, солдату трубку! Слухай сюды, небезобразованный мужыкъ! Скажы ты мени, у якыхъ часахъ есть трынадцятый часъ?

— Чы довго ще ты будешъ варнякать отутъ?

— У нимецькыхъ часахъ! Потому, выдышъ ты, безмозглый карбо, воны довшы руськыхъ, и въ ныхъ трынадцятый часъ набига. Понявъ? Чы де тоби понять? Ты знаешъ въ чомъ салдацька дисциплына состоить?

— У собачу кожу выбывать! Салдатъ у барабанъ бье та Настасью попадю выбыва: „Ты, Настасья попадя, ты Настасья попадя! Отожъ черезъ ту дыс—пыц—лыну у салдата на пузи чирякы...

— Брёшъ! Салдатъ, прымѣромъ будучи сказать, заразъ встаёть, ружье своё у рукы бырёть и на свою занятію идёть.

— Яку? Красты казенну муку?

— Стой! Какъ ты смѣешъ мени такъ говорыть, балваняча твоя голова? Если-бъ ты мени на команди попавсь, то я бъ зъ тебе кожу на барабанъ зидравъ! Это есть моя прывелегія!

— Хто? Ты зъ мене кожу бъ зидравъ?

— Я бъ и зидравъ!

— Ты, кажу, зъ мене бъ зидравъ?

— А я жъ!

— Ахъ, ты бруква гныла! Ахъ ты гарбувъ немиченый! Ахъ, ты собачый недоидокъ!

— Мовчать, куцый Рябко! А то я тибѣ какъ паднесу, такъ ты!.. Я подъ Плевомъ бувъ!

— Такъ постривай же жъ ты, канцелюга поганый, сперше я тоби пиднесу! Бережысь! Разъ! Два! Тры! Отъ якъ у насъ! У насъ скорійше Плёвъ беруть!..

Не вспивъ „хвабрый“ Якымъ и окомъ моргнуть, якъ Васыль Рябый пидставывъ ёму пидъ очи ажъ тры здоровенныхъ каганьця.

— А шо, пидрябывъ? Удостоивъ? Я тоби казавъ, помовчы! Ты думавъ, набигъ дурныка та й одурывъ? Эге жъ! Якъ хочешъ, я ще й краще пыку тоби наварю!

Не такивськый же бувъ и Якымъ, шобъ зразу очуняться та швыдче отстать одъ Рябого Васыля. Ни, винъ въ одынъ ментъ пидскочывъ зъ земли, вмыть пидбигъ до стола, схопывъ на нёму пусту пляшку и, розмахнувшысь рукою зъ усіеи сылы, пустывъ іи навкыдя у Васыля. Одначе, розмахъ ёго пропавъ ни за понюхъ табакы: Васыль одхыльнувсь одъ Якыма у бикъ, и винъ замисть того, шобъ улучыты у свого ворога, улучывъ нею у стину, а самъ такъ и хряпнувсь бокомъ объ стилъ. А

въ той ментъ Васыль Рябый завдруге якъ замахнется кулаѣмъ та якъ затопе Якыма у саму тварь, такъ той такъ стовбурà середъ хаты и ставъ, та ще й носомъ по доливци заоравъ,— ажъ повно хряпа ёму земли набылось...

Бачe Якымъ, шо не перевага, та тоди выскочывъ изъ шынку та й давай крычать калавуръ, и вмыть коло нёго зибралась цила юрба народу. Ось почулы той крыкъ и у Витрякивъ. Выбигла спершу Марѳа, тамъ Маруся, а тамъ и самъ Максымъ Витрякъ. „Хто и де ёго"?—„Васыль Рябый у шынку"! „За шо и якъ"?—„За те, що прахтику дилавъ та хотивъ ребромъ стилъ перебыть"!..

Отъ и повивъ бидолашный Максымъ Витрякъ свого сына Якыма изъ шынку до-дому. Прывивъ до-дому, увійшовъ у хату, сивъ за стилъ та такъ и залывсь слизьмы. Плаче Максымъ, а за нымъ Маруся, а за Марусею Марѳа...

Уже пизно, дуже пизно посидалы у Витрякивъ за стилъ, а ще пизнійшъ полягалы спаты... А Якымъ, такъ, не обидавшы и не загивлявшы, и повалывсь на пилъ та такъ ажъ до самого свиту и проспавъ.

На другый день, не свитъ-не зоря, якъ Якымъ уже сыдивъ у шынку и похмелявсь. Похмелявсь винъ ажъ до самого обиду, а тамъ прыйшовъ до-дому та й спать. На третій день те жъ саме. Та такъ що-божый день и що-тыждень. Йде бувало Якымъ изъ шынку до-дому пьяный-препьяный, ледве ногы переставля, не тямлючы добре, що винъ таке и на свити йе; иде та й писню салдацьку спивае:

Въ семдесятъ васьмомъ гаду объявывъ турокъ вайну,
Объявывъ турокъ вайну на Расѣюшку на всю.

Граймо славу трубой,
Мы дралысь, турка, зъ табой,
По горамъ твоимъ, Балканъ,
Прогремѣла слава намъ!

А пьятнадцятого юня ёдкрывався нашъ ёгонь,
Мыколай нашъ прызводытель, вонъ скрычавъ: „садысь на конь“!
Дымомъ горы покрывало, Дунай кровью облывало,
Ну, какъ турки волкомъ выли и клялы своихъ князей...
А нашъ Гурко сказавъ: Мы подъ Плевни пайдёмъ,
Мы падъ Плевни пайдёмъ, на шляху редуть найдёмъ“.
Мы падъ Плевни пайшлы—на шляху редуть найшлы,
Османъ въ Плевняхъ юкрывався, хатёлъ долго не пустыть,
Но онъ зъ голоду втомывся, на проломъ хотёлъ юйтыть.
На проломъ Османъ пайшовъ, сибѣ мѣста не найшовъ,
Оглянувся назадъ—ружья въ козлахъ стоять.

Стой! Сторонысь! Я пидъ Плёвомъ бувъ! Я въ Свыстови воювавъ! Я Шумъ-городъ бравъ! Розшыбу! Рознесу! Атэць, ты знаешъ салдацькый отче-нашъ? Ты знаешъ, сколько есть на свѣти погодъ? Адвичай мнѣ, у якыхъ часахъ есть трынадцятый часъ? Скажы мени, чы треба салдату молыться Богу? Понимаешъ ты, што такое салдацькая дисциплына? Равненіе на право кругомъ, аршъ!... Атэць, отдилы мене,—я не хочу зъ тобою жыть! Подай мени мое,—я самъ соби буду хазяиномъ жыть! Шо мени на чужыхъ робыть? Якъ батько та маты, такъ уже й то! Мени про васъ клопитъ? Отдиляй мене, кажу тоби!

Огъ такъ якъ пишовъ Якымъ каламутыть, якъ пишовъ, то все де дальше, тымъ бильше и тымъ гирше. Пробувавъ старый Максымъ Витрякъ зупыныть Якыма и ласкивостью, и сувористью, такъ де тоби?

Разъ прыйшовъ Якымъ изъ шынку увесь побытый, сыній-пресыній, роздутый, роскудовчаный, увесь у глыни, прыйшовъ до-дому та якъ счепывсь зъ батькомъ, якъ счепывсь, такъ бидный Максымъ Витрякъ не счувсь, якъ винъ ёму и вси петелькы у сорочци порвавъ. „Пусты! Пусты! Шо це ты робышъ? На батька руку пидіймаешъ? Пусты, кажу тоби“!—„Не пустю! Отдилы мене, тоди пустю“! „Якыме, схаменысь! Шо це ты робышъ“?—„Убью, а не пустю“! Тутъ Якымъ якъ стысне батька рукамы та якъ пидійме ёго у-гору. „Шо це ты? Шо це ты? Ахъ, ты жъ варваръ! Шо це ты робышъ? Будь же

ты за це... Охъ, охъ, шо це я кажу?.. Нехай же тоби за це Богъ помога! Я отдилю тебе! Жывы, жывы, де хочешъ и якъ хочешъ... Охъ, Господы мылостывый, просты мени мій тяжкый грихъ и заступы мени мои уста!.. Якыме, Якымочку, сыну мій, схаменысь, оханысь! Я жъ твій батько, я ридный твій батько! Шо це ты робышъ? На кого це ты пидіймаешъ свою руку? Беры все, шо тоби треба и йды, йды куды хочъ! Якъ я тебе не отдилявъ, то черезъ те, шобъ ты овси не згубывъ своеи душы"...

Якъ не бувъ пьяный Якымъ, а якъ почувъ винъ таки слова та якъ побачывъ, шо ёго батько плакавъ гиркымы слизмы, то такъ одразу и въ розумъ прыйшовъ и батька зъ рукъ выпустывъ. Поточывшысь якось то на бикъ, винъ важко опустывсь на дрывитню, закрывъ лыце рукамы та такъ и зарыдавъ. „Тату! Таточку! Простить мене окаяннаго! Це горилка, проклята горилка згубыла мене! Товарыши у москаляхъ вывчылы пыть, и я теперъ пропавъ, чую самъ, шо пропавъ. Вона мени ось такъ и кортыть, вона мене тягне до себе, вона простяга до мене рукы, и я бъ ій усе пывъ бы и пывъ, безъ миры и безъ кинця... Краще вже мене отдилить, то я хочъ душегубцемъ не буду...

Такъ и отдилывъ Максымъ Витрякъ свого сына Якыма. Выпрохавъ ёму у обчыства грунтъ, давъ ёму и коня, и корову зъ телямъ, и свыню, и птыци килька тамъ, давъ и соху, и борону, и возъ, и сокыру, и лису на хату; одно слово,—усе, якъ слидъ.

Отъ и выйшовъ Якымъ на Жабокрюкивку. Выйшла за нымъ и ёго безталанна жинка Марѳа, бо вже, якъ тамъ кажуть, куды голка, туды й нытка. Выйшовъ Якымъ на Жабокрюкивку, та тилько не довго винъ тамъ господарювавъ и швыдко звивсь на нивить-що: позбувавъ усю худобу, шо давъ ёму батько, и зоставсь, якъ той старець; а дали, покынувшы и ту землю, шо була ёму упала, подавсь геть ажъ у Харькивъ. Служывъ винъ тамъ спершу за дворныка, потимъ за водовоза, а потимъ неначе чы кризь землю де провалывсь, чы въ воду де впавъ. Де винъ бувъ и шо винъ робывъ, того нихто й не

знавъ изъ Витрякивъ. Уже черезъ два роки дійшла до ихъ чутка, шо Якымъ десь пьяный коло „Сабуровои дачы“ одубивъ, а ёго жинка, Марѳа, вернувшысь у ридне село та позбувавшы свою матерызну, пишла скризь мыркаты по свиту... И на сей день нихто не знае, де вона у Бога и шо зъ нею сталось...

Якъ дизнавъ про те Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ, то заразъ же пишовъ до батюшкы, наннявъ ёго одправыты панахыду по „новопреставленному рабу божому“ Якыму, помьянувъ ёго, якъ требуе законъ, та писля того якъ забравсь у стару хату, якъ сивъ кинець стола та й задумавсь. „Отъ и другого сына у мене не стало. А чымъ и не парняга бувъ? И роботяга добрый, и здоровый изъ себе, та й розумомъ Богъ не зобидывъ, та ба! згынувъ. А черезъ шо згынувъ? Тутъ и чужый и свій грихъ: одно те, шо салдатчына, де больше товарышивъ, и больше простору, и больше спокушенія, нижъ дома; а друге— своя воля, безъ батька та безъ матери, шо никому ни доглядиты, ни прыпыныты. Якъ бы ще винъ бувъ чоловикъ укрѣпленный, якъ други люды, або якъ бы винъ бувъ таки пысьменный, то, може бъ, узявъ чы святе письмо, чы другу яку книжку та й не пишовъ бы у той проклятущый шынокъ... И колы таки, Господы, у насъ заведется та школа, шобъ уже якъ не диты, то хочъ онукы наши учылысь грамоти та стереглысь недобрыхъ дилъ?.. Такъ... такъ, тутъ и свій и чужый грихъ: щастя чоловика и одъ насъ и одъ людей, шо коло насъ, а надъ усимы намы Богъ. Выдыме дило, одынъ Богъ. Навчы жъ мене, Боже, якъ мени жыты и якъ мени довесты до розуму другыхъ моихъ дитей!..

VIII.

Такъ стратывшы другого свого сына, Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ посумувавъ-посумувавъ, а дали зновъ узявсь за дило и узявсь зъ такымъ паломъ, неначе ёму и старосты не було. Теперъ у нёго бувъ добрый помишныкъ, третій сынъ,

Петро. Цёго вже не визьмуть у москали, бо винъ бувъ на одно око слипый, черезъ шо такъ и звався на сели, Петро Слипый-Витряченко.

Петро Витряченко своею хыттю овси не бувъ схожый ни на Охрима, ни на Якыма: це парень дуже жвавый, веселый, шпаркый, до роботы прыгравный, на усяки выгадкы, на прыкладкы, та кумедіи велыкый мы́тець. Якъ де вже проявыться було Петро Витряченко, чы на досвиткахъ мижъ дивчатамы, чы на лукахъ мижъ хлопцямы, то ото вже тамъ стоить такый смихъ та регитъ, шо ажъ земля горыть... Пры батькови та пры матери винъ було ходе неначе той святый, а якъ тилько батько, або маты куды-небудь одхыльнется, то винъ и не жывый, шобъ тутъ же не показаты меньчому брату, Павлусеви, языка, а маненькій сестри, Орыси, не скрывыты такои пыкы, шо вона, глядючы на нёго, и соби скрывыться та заразъ же въ плачъ.

— Чого це ты, Орысю?—спыта було батько.

— Та ондечкы Петро мене перекрывля та дражне!

— Пе́тре, ты все зъ вытивкамы! Шо ты тамъ выробляешъ?

— Ажъ ничогисинько, тату! То вона не знать шо выгадуе! Мени позихнулось, и я соби рота перехрестывъ,—тилько й було...

— Та ни-бо! Ты ще обома рукамы мени й дули засука́въ!

— Эге, дули! То я горихъ тоби показавъ! Скажы, Орысю, на чимъ горихы ростуть?

— На чимъ же? На оришыни!

— Эге, на оришыни! А може жъ, на лищыни? Якъ ты Орыся, такъ думаешъ, шо на тоби й горихы ростуть?

Отъ такый-то бувъ той Петро. Роботяга зъ нёго бувъ добрый; не чуты було, шобъ винъ и у шо погане укыдавсь: чы въ шынкъ заглядавъ, чы у карты гравъ, якъ оце теперъ позвыкала молбдяжъ скризь по селахъ грать, чы того зилля, шо тютюномъ звется, хапавъ. Батька та матери Петро слухавсь и поважавъ, та й меньчыхъ видъ себе не ображавъ, а тилько

инколы надъ нымы глузуваръ та шкелювавъ. Одынъ за нымъ тилько й бувъ грихъ,—це той, що винъ якось-то не любывъ дома сыдить: усе бъ ёму то побигты у лисъ, то выскочыть на самый найвыщый шпыль отъ тіеи горы, що промижъ Суныцивкою та Иванивкою стоить; то затарасуватысь мижъ вильхъ, що ростуть на болоти, ажъ въ кинци Иванивкы, по той бикъ горы; то пойихаты у городъ, погындлювать та пошвендяты тамъ по тому товчку, де тамъ товчутся та бадурятся зъ ранку и до самого вечера, крычать, репетують, сходятся и росходятся усяки людци: хто зъ одежою, хто зъ чобитьмы, хто зъ сластёнамы, хто зъ бублыкамы, хто зъ чымъ попало и якъ попало. Одначе, и цёго мало було Петрови: хотилось бы ёму дременуты кудынебудь ще подали,—чы у Таврію, чы отъ у Чорноморію. Тамъ же, Боже, и свита скилько! Тамъ-то десь можна надывыться та набачыться дывивъ! Тамъ десь и народъ овси не такый, якъ у Суныцивци, тамъ десь и сонце инакъ сходе, та чы такъ воно тамъ и заходе?.. Эхъ, що то за щаслыви ти люде, що скризь йиздять по свиту божому!..

Такъ ото чы ходе Петро по двору, чы молоте на току, чы ййде верхы конемъ де-небудь по полю, то все у нёго одна думка: якъ бы ёму выхопыться зъ дому та черконуты у Таврію.

— Що це у насъ, тату, що не годъ, то все плохше и плохше урожаи: ни дощивъ Богъ не дае, ни хлиба, ни травы, та й на вгородахъ мало що вырвалы—усе повыгоряло, а оплатки за подушне усе бильше и бильше росте. Наче жъ мы, мовлявъ, и туды робымъ и сюды, а выходе...

— Все одъ Господа, сыну: Винъ одынъ зна, якъ треба и якъ не треба робыть... Прогнивылы Бога, черезъ те Господь и мылосты своеи не посыла.

— Упередъ було, тату, у кого-у кого, а уже у насъ повсигда йе хлибъ, а теперъ ондычкы два токы,—одынъ коло клуни, а другый повыше картоплыща,—и обыдва стоять пусти. Та впередъ, покы лучче мылось у насъ, и шаноба намъ не така була одъ людей.

— Якъ бы було зъ кымъ та чымъ, сынку! Та якъ бы здоровья ще до того! А теперъ онъ, бачъ, рукы уже якось-то мало слухаются. Якъ жывый бувъ Охрымъ та якъ не ходывъ у москали Якымъ... Охъ, якъ же мени у груды шпыгонуло!.. И скрутно, и скрутно стало!..

— Може бъ, тату, мени питы на заробитку куды-небудь, чы у Таврію, чы у Чорноморію... Тамъ, кажуть, заробитнò добре... Онъ Иванъ Кандёръ, на що пидслипуватый та легкодухый парень, а й той ходывъ на роздобутку та ще й прынисъ стилько грошвы, шо каже: „мени теперъ и за рикъ не прожыть“.

— Воно шо такъ, то такъ, сынку, а тилько Таврія—це дуже далека сторона,—усе може трапыться чоловику, а ни видъ кого й ласкового слова почуты.

— А воно жъ, тату, кажуть и такъ, шо якъ вовка бояться, то и въ лисъ не ходыть.

— Шо кажуть, то кажуть, та тилько дома усе жъ таки краще, нижъ на чужій сторони: чы захворавъ, чы спиткнувсь якъ, то тутъ и батько й маты направлять; дома, сынку, кажуть, и трискы помогають, шобъ ты знавъ.

— А Иванъ Кандёръ збирается зновъ у Таврію...

— Збирается, кажешъ?

— А збирается, тату! Та ще такъ, колы не завтра, такъ сёгодня и на Харькивъ. Винъ, чуете, якъ дійде у степъ, то заразъ у байбары.

— Шо жъ це воно таке, байбары.

— Байбары? Ото винъ йисты варыть чабанамъ та лычманамъ, шо овець пасуть у степу. Та за те й гребе або пъятьдесятъ карбованцивъ гладко, або пъятьдесять два, чы тры. Тамъ же ёму й жысть попалась!

— Такъ винъ збирается?

— А збирается жъ!

— А батько жъ ёго, Андрій, шо?

— А шо? Пуска! Иды, каже, помижъ людей, ума набырайсь, заробляй гроши та до дому прынось.

— Гм! Треба про це зъ старою погомонить.

— Та я вже балакавъ, такъ маты кажуть, якъ батько.

— Ну, добре! Пидожды, сынку, до завтрёго: шо скаже ранокъ, те й буде.

Довго думавъ старый Максымъ Витрякъ. И такъ винъ прыкыне, и инакъ; выходе: и се и не те. Воно, правды ниде диты, годы теперъ дуже трудни: одно те, шо старіюся крипко,—уже й рукы не такъ служать; друге те, шо отъ уже третій рикъ, якъ у насъ урожаивъ нема,—не дае Господь Богъ дощу; а трете те, шо за подушне крипко тягнуть,—тамъ знать ничого не хотять,—подай та й квытъ! хочъ кровъ зъ носа. А шо ты тутъ дасы, колы ніякъ не стягнешся на гроши; ондечкы давно вже треба стару хату пересыпаты, такъ и не кажы... И сутужно, и сутужно жъ! Ще якъ я ставъ на свитъ, такъ такого не бачывъ: то овси ничого нема, а то хочъ и зароде Господь, такъ омолоть дуже плоха. А тутъ ще дорожнеча на все... Ну, и пустыть хлопця тежъ не зовсимъ гаразд: молодый, дуже баскый, попадется ледачымъ людямъ, ще въ биду яку ускоче... Онъ Охримъ та Якымъ и не таки выхватни булы, якъ Петро, а бачъ шо зъ нымы зкоилось. Охъ, сыны мои, сыны мои!.. И впьять же жъ не пустыть! Шо жъ винъ тутъ, дома, заробе? Осё-сь незабаромъ выйиде изъ волости старшына,—подушне дай та подай, а ёго нема. То все такы якъ заробе, то якась полегкисть буде... Ну, що Богъ дасть, те й буде: нехай зъ Богомъ иде...

Такъ усю ниченьку и проморочывся Максымъ Мыкытовычъ, перевертаючысь зъ одного боку на другый та все думаючы, якъ бы ёго не зробыть и соби и сыновы якого лыха. А якъ тилько почало на свитъ займаться, старый Витрякъ уже и вскочывъ на ногы, уже й пидъ повитку прыдыбавъ, де спавъ Петро.

— Петро! Петро! Чы ты тутъ?

— Тутъ, тату!

— Ну, якъ шо вже маешъ охоту иты на заробитки, то йды,—нехай тоби Богъ на все добре помага!..

Не довго збирався Петро. Узявъ винъ невелыкый мишечокъ, положывъ два куски сала, чымало сухаривъ, дви чы три сорочки, одни штаны, заховавъ за халяву три карбованьци грошей, почепывъ мишокъ черезъ плече, узявъ у рукы ципокъ та й подався. Батько та маты выйшлы провожаты ёго геть ажъ за село, мало чы не до Метелыка, и тамъ уже якъ прощалысь зъ нымъ у останній разъ, то й хрестылы ёго, и прыказувалы ёму, шобъ, якъ прыйде до миста и якъ наймется до кого, то шобъ найсаме-впередъ написавъ имъ лыста про свое здоровья; а якъ жытыме у кого, то шобъ не пустувавъ, хазяина слухавсь, чужого ничого не займавъ, гроши по дурному не проводывъ, зъ ледачымы товарышамы не братався, шобъ лыбонь не навчывсь чому поганому та черезъ ныхъ не прысипалы за те, чого й не бачывъ и не чувъ...

Отъ и пишовъ Петро, и пишовъ, скилько выдко. Батько и маты ёго пиднялысь на высоку могылу, дывлятся ёму у слидъ та все хрыстять дорогу, та все шепочуть молытвы...

Пройшло зъ пивмисяця. Ось Витрякъ уже й лыста одибравъ одъ свого Петра. Пыше Петро, шо винъ пройшовъ усю Катеринославщыну и половыну Тавріи и сягнувъ ажъ до города Марыополя (се бъ то Маріуполя) и тамъ нанявсь до якогось-то пана за отáмана. Панъ—добра людына, а пани ще добрійша. Ставъ винъ у строкъ до Покрова ажъ за пъятьдесятъ за пъять карбованцивъ, а робота ёму такъ: то въ степу, то въ току, коло машыны, а то зъ пшеныцею та зъ жеребцямы у Бердянку на ярмарокъ. Тамъ-то, у тій Бердяньци, усякыхъ дывивъ! Тамъ и цыгане, и нимци, и кгреки, и вирмены, и татары, и турки, а найбильшъ усёго жыдивськои хевры. Та все народъ промысловый та комерческый! И торгъ тамъ такый иде, що ажъ усе кыпыть. Отъ тамъ-то саме люде жыву копіёчку добувають!

Пройшло вже и лито. Ось и Иванъ Богословъ, колы суныцяне храмують у своёму сели. Ось и свята Покрóва на двори. Незабаромъ писля Покровы зъявывсь до-дому и Петро Витрячэнко. Шо то вже радощивъ було, якъ побачылы ёго батько та

маты! Не знають уже, куды ёго и посадовыть; не знають, шо ёго и спытать; не знають, шо ёму и сказать. Вернувсь Петро, дякуваты Богу, и здоровый, и щаслывый, и зъ гришмы, и зъ подарункамы. Усихъ, геть чысто всихъ удовольнывъ и никого не забувъ. Гроши, шо заробывъ, отдавъ батькови. И весело, и радисно було старому Витряку, шо у нёго такый моторный та бравый сынъ: и промижъ людьмы побувавъ, и батька та матиръ не забувъ, и гроши уси до-дому прынисъ.

А на села уже давно пробигла чутка, шо Петро Витряченко до-дому вернувсь, и шо винъ багато подарункивъ прынисъ, а шо вже грошей, такъ и не переличыть... И ставъ Петро Витряченко у велыкій моди на селі: парубкы зъ нымъ братаются, дивчата,—дарма, шо винъ на одно око слипый,—до нёго, якъ ти ластивкы, залыцяются. Якъ выйде винъ оце у вечери на вулыцю, то коло нёго такъ заразъ и збижыться юрба хлопцивъ та дивчатъ. Тутъ винъ и почне всихъ учыты новыхъ писень, шо чувъ самъ десь у далекій Тавріи. Поберутся за нёго хлопци та дивчата, одни зъ одного боку, а други зъ другого, та й ходять по вулыци у-ночи, ходять та все спивають писни,—не сыдять тамъ де-небудь, чы на призьби, чы на левади, пидъ вербамы, а вже по-новомоднёму, ходять по вулыци, та выводять писни та ще й выводять яки?

Та за ричкою, та за перевозомъ,
Думала, думала, думала, подумала,
Тамъ цыгане пылы та гулялы,
Думала, думала, думала, подумала.
Ёдынъ цыганъ не пье, не гуляе,
На цыганку скоса поглядае.
Ты цыганко, ты моя коханко,
Думала, думала, думала, подумала.
Ты, ёддай же ключи золотіи,
Думала, думала, думала, подумала.
Ёдимкну я сундукы новіи,
Думала, думала, думала, подумала.

Та й выйму я тысячу цилковыхъ,
Думала, думала, думала, подумала.
Та й выкуплю себе изъ неволи,
Думала, думала, думала, подумала.
Не разъ не два тебе выкупала,—
Думаю, думаю, думаю, подумаю.
Въ виконечко видъ тебе втикала—
Думаю, думаю, думаю, подумаю.
Въ вышневимъ саду сама ночувала,—
Думаю, думаю, думаю, подумаю".

Отакъ усю ниченьку ходе було Петро Витряченко по вулыци, а за нымъ уся ёго капелія, та все спивають нови писни та й зъ языка ихъ не спускають. Проспивають одну, тоди почнуть спивать другу; проспивають другу, почнуть спивать третю. Писля того, якъ уже вси добре наспиваются, Петро почне прыставлять „усяку усячыну". Почне показувать, якъ паны чай пьють: „винъ, той панъ, сёрбне чаю та й балака, сёрбне та й балака, а якъ я, ка́е, то якъ допадусь, такъ наче вилъ до калюжи: штукъ пятнадцять стаканивъ одразу опорю"... Дали почне показуваты, якъ паны танцюють полькы, або кандрёли, та озьме у рукы ослинъ та й танцюе зъ нымъ, наче зъ панею. Тутъ же „прыставе", якъ яка-небудь пани, роспустывшы хвоста, неначе той индыкъ, ходе по кимнатахъ та все оглядается на свій хвистъ та все любуе ёго; або якъ яка-небудь панночка ходе по свитлыци передъ панычамы та все видмахуется платочкомъ, а сама, буцимъ то и не вона, зачепе имъ якого-небудь паныча та ще й „мерсыкне" ёму. Писля усёго того Петро визьме де-небудь рогачъ, ляже середъ дорогы у-нызъ носомъ та й каже:

— А-нуте, хлопци, поставте мени оцей рогачъ поверхъ шыи, такъ шобъ винъ осидлавъ ін зверху, якъ йиздець коня, та держить крипко, яко мога, крипко, чы я вывернусь зъ-пидъ нёго, чы ни.

— Отъ же не вывернешся!

— Отъ же вывернусь!

Отъ и визьмется за рогачъ якый-небудь найздоровійшый хлопець, накыне ёго на шыю Петру та ажъ крекче та держыть ёго. А Петро лежыть пидъ рогачемъ та тилько рукамы воде по земли. Воде, воде, а потимъ якъ пійма того хлопця за ногу та напругомъ якъ сипоне ёго до себе, то хлопець зъ рогачемъ такъ и полетыть стовбура на дорогу та ще й развивъ тры перекынется черезъ голову. Смиха тоди наробе такого, шо ажъ вулыця застогне одъ реготу!.. Покыне Петро рогачъ, выйме изъ кышени колоду картъ, перемастыть іи, пиддывыться крадькома, яка карта ляже на самый спидъ колоды, та тоди й каже:

— А ну-те, хлопци, або вы дивчата, я оце одверну назадъ голову, а вы выбырайте карту, яку любля, та кладить іи на спидъ колоды, то я ту саму карту, яку положыте, и выкыну вамъ.

— А-ну я!

— А-ну я!

— Та кладить, хто хочъ!

Отъ якый-небудь хлопець и давай класты карту на спидъ колоды. А Петро стоить, одвернувшы назадъ голову, наче бъ то и не винъ. Потимъ того, якъ почне перекыдаты карты, якъ почне—усе по купкамъ, усе по купкамъ; перекыда, перекыда та й выкыне ту саму, шо парубокъ положывъ на спидъ колоды. Тоди-жъ и дыва наробе такого, шо неначе винъ выпустывъ на небо мисяця изъ свого рукава. Такъ округъ уси и обгорнуть ёго! А винъ стоить та ще й прыказуе:

А сходьтесь, молодци, а сходьтесь!
Рады послухаты, табакы понюхаты!
А сходьтесь! А сходьтесь!
Я, маненькый хлопчыкъ, родывсь въ вивторчыкъ,
У середу рано до школы отдано...
А сходьтесь! А сходьтесь!

— Хлопци, а чы зуміе хто зъ васъ выпыты чарку горилкы, не бравшы іи въ рукы, та ще й кынуты іи геть видъ себе черезъ голову?

— А якъ же ты іи выпьешъ, якъ не визьмешъ у рукы? Хиба хто ввилле тоби въ ротъ?

— Я й выпью!
— Овва!
— Выпью!
— Не выпьешъ!
— Ось посылай за пивквартою до Чубарка!
— А якъ же не выпьешъ?
— Самъ куплю цилу кварту!
— Ну, гляды-жъ, самъ поминывсь кварту купыть.
— А самъ же и поминывсь!

Ось парубокъ метнувсь до шынку; ось прынисъ винъ и пляшку горилкы и чарку. Постановывъ чарку на землю, налывъ у ню горилкы та й дывыться, якъ то Петро буде пыты зъ неи горилку. А Петро ставъ на-вколюшкы, заложывъ назадъ обыдви рукы, нагнувсь нызенько до чаркы, роскрывъ шыроко рота, узявъ чарку въ зубы, видкынувсь назадъ головою та такъ повагомъ и выцидывъ усю горилку, до капелюшечкы. И потимъ того прутко мотнувъ головою и перекынувъ черезъ голову чарку та прямисенько въ пыку тому хлопцеви, шо прынисъ горилку.

— Отъ дыковына, шо свыня не кована! А шо, чы бравъ я въ рукы чарку?
— Ни, не бравъ!
— Э, такъ бы й я выпывъ!
— А хто жъ тоби не веливъ?
— Такъ якъ бы жъ ты сказавъ!
— А може бъ ще й писню проказавъ?
— Яку писню?
— Та хочъ бы й таку:

Суныцивськи парубкы пойихалы на вловы,
Та вловылы комаря та повезлы до пана,
Сталы суды судыты, якъ комаря дылыты:
Сёму тому по стегну, а Йванкови голова,
А Йванкови голова—ёго дивка безъ ума,
А Васылькy телеса—ёго дивка нечоса,

А Семенку та нижка,—ёго дивка, якъ кишка,
А Петрови тулубець, шо хорошый молодець...

Прыказуе, прысвыстуе, выляскуе рукамы и тутъ же зновъ налье чарку горилкы, зновъ визьме ii у зубы, перехылыться назадъ головою та такъ усю до крапелыны и вытягне, та ще й языкомъ зробе такъ, мовъ винъ чымъ-небудь, самымъ ласымъ та смашнымъ, закусюе, а потимъ упьять за прыказкы.

„У Семенка на носу йидять чорты ковбасу".
Скочывъ козелъ на нашъ тикъ,
Та вытоптавъ винъ часныкъ,
Ще й чорную чорвушку,
Зеленую петрушку,
Ще й червони бурякы,
Наши хлопци козакы,
Суныцивськи дуракы".

Покыне Петро хлопцивъ, та до дивчатъ: выхопе у якои крадькома изъ-за пояса хустку та соби ii въ кышеню.

— Слухай, Петре!

— Петра дома нема!

— Та ну-бо, Петре!

— А шо, ну?

— Виддай бо назадъ!

— Та шо таке?

— Та хустку!

— Яку хустку?

— Та ту, шо вытягъ зъ-за пояса! Оддай бо!

— Та яку хустку? Я выдать не выдавъ, чувать не чувавъ, слыхать не слыхавъ! Ходывъ я де-що и гомонивъ про що, а щобъ я хоть що, або або-що, такъ нехай мени казна що, отъ що, а не то що! А ты кажешъ, шо що, або або-що!

— Хи, ты бисивъ парубокъ, це чысто зъ нымъ кумедія та й годи! Ты ёму одно, а винъ тоби друге! Ты ёму говоры, а винъ тоби каже.

А Петро нічого того й не чуе та зновъ за свои выгадкы. То розскаже винъ про царя Гороха, того, шо голова горохвяна, очи цыбуляни, нисъ буряковый, рукы капустяни, а ногы изъ зеленыхъ стеблынъ крученыхъ суныцивськыхъ парубкивъ (замистъ „крученыхъ панычивъ"). То розскаже про те, якъ баба Хымка Дудукалка, родыма видьма, ходыла до панського ставка праты сорочкы та нагнулась до воды, а у нея изъ пидъ чорной охвоты выскочывъ невелычкый хвостыкъ, а Петро хотивъ пиддывыться та на одно око и ослипъ. Отъ матери ёго Тарасъ!

— Ну, цёго Витряченка и до свита не переслухаешъ! О, бодай тебе морока преставляла! зарегочутся хлопци та дивчата та й ну розбигатысь до-дому зъ вулыци.

— Хлопци, хлопци, дивчата, пидождить! Я ще шось вамъ розскажу. А хто зъ васъ одразу може потрощыть цилый хунтъ сахарю, зъисты цилый кусокъ сала, а на закуску закусыты двома оселедцямы! Хто може?

— А ты хиба пробувавъ?

— А якъ же ты думавъ?

— Такъ сёгодня жъ, люде кажуть, пъятныця.

— А якъ пъятныця, то шо? Хиба якъ, хиба шо, хиба грихъ, чы що?

— Та докы сёго буде? Ёго й за тры дни не переслухаешъ!

— Слухай, Петре, виддай мени пъятака, шо зъ кышени вытягъ.

— Якого пъятака?

— А шо заразъ зъ кышени вытягъ?

— А на що тоби, такому розгамузи, така сума грошей? Гроши—сыла у розумного чоловика, а ты що?.. Визьмы тры копійкы.

— А ще жъ дви.

— То вже нехай собака погавка!

— Це якъ же жъ воно?

— А такъ: визьмы, колы хочъ, два пъятака! Та тилько шо ты зъ нымы зробышъ? Ты мени дай гроши, такъ округъ мене усе ажъ зашумыть!.. Хлопци, хлопци, а хто зъ васъ пройде такъ, шобъ пъятамы упередъ?

— А мы пятамы назадъ та й до-дому! Тебе й до свита не переслухаешъ!..

Такъ отакый-то хымерный та невгаючный бувъ той Петро Витряченко. И скризь и завше такый. Оце хто зимою воде по селу козу? Петро Витряченко! Зробе зъ хвостомъ, зъ рогамы, зъ чотырма ногамы та зъ мочуляною бородою козу; потимъ до неи довгоносого, цыбатого та высоченного журавля, знайде два, або тры бубны, зберe коло себе цилу юрбу малыхъ хлопцивъ, та тоди и гайда гвынчуваты скризь по селу. Та бижыть по вулыци та выгадуе усяки вытребеньки, та такъ и сыпле одъ себе веселощи та жарты, непаче хмиль изъ рукава. „Шо це воно такого? Шо це такого"? „Петро Витряченко козу воде!.. Тутъ, Боже мій, скилько народу збижыться на таке дыво! И чоловикивъ, и жиноцтва, и парубоцтва, и малои дитворы! Хи, матери ёго хыря! Тутъ шо смиху, шо реготу, шо крыку, шо галасу, шо выгадокъ, шо вытивокъ, такъ чысто тоби ажъ уся вулыця гуде... А Петро танцюе козою та хвистъ у-гору вадыра та мекекека, та трусе бородою, та пиднима то одну, то другу ногу та ще й то... морока ёго зна, й шо... А журавель соби! Танцюе коло козы та довбе ии по голови та прытуля свій хвистъ до ии хвоста та все танцюе, усе танцюе, ажъ поки коза не брыкне ёго ногою такъ, шо винъ и ногы вытягне на снигу, а носомъ пробуртыть снигъ ажъ до самои земли. А капелія малыхъ хлопцивъ, шо йде за козою та журавлемъ, шалено бубоныть у бубны, спива „козынячу" писню та соби танцюе:

Пане господарю, Господь зъ тобою,
Господь зъ тобою, идемъ зъ козою!
На гори коза зъ козынятамы,
Въ долыни вовчокъ зъ вовченятамы.
Де взявся вовчокъ, за козу чокъ-чокъ!
А вовченята—за козынята.
Де взявся заиць—ставъ козу лаить:
„Дурная коза, нерозумная,
Своимъ диточкамъ не господыня,

Своихъ диточокъ та й не кормыла,
Раннёю росою та й не поила".
Вхопыла серпокъ—побигла въ лисокъ,
Нажала травыци зъ овсяный снипокъ,
Своихъ диточокъ та й накормыла,
Раннёю росою та й напоила...

Отакъ скризь, зъ одного села та до другого и пройде Петро зъ козынячою комедіею, зъ спивамы, скокамы та играшкамы.

— Ну й сибирный же хлопець, цей Петро Витряченко! И чого тилько винъ не выгада, такъ урагова ёго й маты зна! оце скаже якый-небудь сусидъ, або Иванъ Крыженко, або Иванъ Вовченко, довго дывлячысь на вытивкы Петра.

— Эге, ще й не таке, добродіи, буде! Це винъ ще не вси рбзрывкы взнавъ, а якъ дизна вси, то... Тилько глядить, якъ бы ци смишкы та играшкы до чого лыхого не довелы Петруся!.. Якъ бы воно не сталось зъ нымъ, якъ тамъ кажуть: упавъ зъ вышни, та піймавъ черешню...—прошамка на таки слова стара баба Дудукалка та ще й на бикъ скрывыться, неначе той грихъ.

— Не такій, бабо, хлопець: ёго дванадцять товкачивъ улучало, та ни одынъ не влучывъ! Цей, кому взавгодно, прышвы прышые.

— Нехай до якого часу, а тамъ якыйсь товкачъ и ёго такы влуче...

— Винъ, кажуть, бабо, хутко у купци запышется, якъ шо вже й теперъ чы не купець.

— И я така купчыха, якъ винъ купець! И кризь пятеро штанивъ выдко, якого винъ колина...

А Петрови и гадкы нема до того, шо тамъ про нёго балакають на сели: якъ настане масныця, то хто носе ото по селу на высокій коляци колесо та спива зъ дивчатамы веснянокъ? Упьять же такы нихто, якъ Петро Витряченко.

А уже жъ весна, а уже жъ красна,
Изъ стрихъ вода капле, изъ стрихъ вода капле,—

Козакови та Петрови
Мандривочка пахне, мандривочка пахне,
Мандривочка пахне!

И справди, якъ тилько настала весна, такъ Петрови й шкода; такъ и потягло ёго чкурнуть куды-небудь, або въ Тяврію, або въ Чорноморію.

И Петро уже чкурнувъ...

Литомъ Петро уже упьять десь тамъ мижъ нимцямы, жыдамы, цыганамы, кгрекамы та вирменамы, а на Покрову винъ заявляется до-дому. Тутъ упьять винъ прыносе зъ собою и грошый, и подарункивъ, ще й прыводе панську собаку зъ „ожерелкомъ“ на шыи, а до тіеи собакы ще й добре „ружжо“ и до „ружжа“ усю прымусію; самъ уже ходе „пры часахъ“ и не въ свыти, а въ „пинжаци“, або въ „жукетци“, и не въ шапци, а въ плысовому картузи; носе уже не полотняни, а суконни штаны и рантови зъ рыпомъ на высокыхъ закаблукахъ чоботы; куре не люльку, а панськи папиросы; зна, шо таке ромъ и шо таке „коняка“ (се бъ то коньякъ), а изъ себе выдае уже бильшъ на купця, нижъ на мужыка; уже де-хто такъ велыча ёго не Петромъ, а Максымовычемъ. Други-прочи хлопци, шо вертаются зъ заробитокъ, прыходять до-дому частенько и голи, и боси, и безъ копіяхы грошей, а Петро Витряченко, той не такъ: винъ и самъ прыодягнется добре, и батька та матиръ отъ якъ гришмы звеселыть, та й передъ парубкамы та дивчатамы покаже себе такъ, шо всимъ оскому на зубахъ набье; особлыво якъ почне закыдаты або на нимецькый штатулъ, або на цыганську герготню,—одного спыта: „Васъ махтеръ“? другому скаже: „худъ морденъ“, а третёму: „Не ходы въ калантыръ, не пый цыпундры, не грай на баляндрасахъ“...

Одначе, далеко не вси сусиды вирылы Петрови: де-яки, дывлячысь на те, якъ винъ „пры часахъ“, зъ рушныцею та зъ собакою, идѐ на полювання, тилько кывалы у ёго сторону головою та потыхеньку осмихалысь. А найбильшъ усихъ моргала на Петра своимы гадючымы очыма баба Дудукалка, родыма видьма.

— Ой, гляды, хлопче, якъ бы ты часомъ не скопытывсь! Бо шось дуже вже ты почавъ брышкаты! И не таки кони бувають, та спотыкаются... Поменьше бъ пащыкувавъ, то краще було бъ... Онъ бувъ у твого батька, Витряка, и Охримко, бувъ и Якымко, та выйшло зъ ныхъ одно пхе. Ичъ якый иде напындюченый! Отъ тожъ недаромъ кажуть, шо теперъ уси люде паны посталы, а свыни никому пасты, то воно й правда. И хочъ бы вже бувъ парубокъ, якъ парубокъ, а то, скарай Боже, на одно жъ око слипый, а ты бачъ!.. Та чы жъ на трудовани гроши воно добуте, оте, шо на тоби йе? А якъ вы знаете, добродіи, чія оце на ёму уся одежа? Га? Або жъ то й справди ёму даремно дають?

— А бачъ же, бабо, дають!

— Ото жъ мени й на вдывовыжу, шо де винъ грошей таку суму бере, шо убрання на нёму, якъ на панычеви.

— Та винъ же каже, бабо, шо на Дону рыбу ловывъ, черезъ те й здобувся.

— Эге жъ! А зъ якои рукы ловывъ? Чы не зъ ливои часомъ?..

Та й самому Максыму Мыкытовычу Витряку шось не овси до вподобы було те, шо ёго Петро прыходывъ до-дому зъ панською собакою, зъ рушныцею та зъ годынныкомъ, шо винъ ходывъ у пиньжаци та въ суконыхъ штаняхъ, ще й въ плысовому картузи.

— Слухай, сыну, по правди тоби сказать, мени не дуже то до вподобы те, шо ты прыходышъ до-дому такый убраный, неначе той павычъ.

— Такъ мени жъ, таку, инакше не можна,—у мене дило таке.

— А яке жъ у тебе дило?

— По комерціи, тату! Я вже теперъ, якъ прыхожу у Таврію, то мене вси тамъ знають; тамъ уже де продать, де купыть, де проминять, то вже безъ мене ридко колы дило обходытся; черезъ те мени, тату, уже якось-то ніяково ходыты у свыти та въ мужыцькій шапци. Паны, де я жывъ, такъ таку

Уже совисть узялы, шо, було, якъ посылаты мене куды у ярмарокъ, то дають мени не визъ и не брычку зъ колыскою, а визокъ зъ табуркою, а кони таки, шо ажъ кыплять, ажъ мыло зъ ныхъ пада. И якъ йихаты мени, то я вже надиваю на себе не свыту, а жукетку,—надину та ще й почухаюсь. А якъ посяду на визокъ йихать, такъ одно слово, верстовъ симъ пробижу, неначе насиння злущу жменю... Якъ хочешъ ламать дила, то бильше пылу у вичи пускай... Воно скризь такъ помижъ купцивъ та панивъ поводыться,—я це теперъ товсто урозумивъ... Воно, тату, якъ-бы мени оце де-небудь доскочыть копыталу, карбованцивъ пъятьсотъ, або хочъ, на малу миру, двисти, то я бъ таку завивъ комерцію, шо куды тамъ къ лыхій годыни и нашому Кастіёну Петровычу Чубарку!.. Та я бъ ни за що мавъ и не такыхъ, якъ Чубарокъ... Я мижъ чужымы людьмы ухвалывъ лучче жыть, нижъ мижъ своимы,—та—якъ ото Таврыческа сторона: народу тамъ далеко меньчъ, нижъ у нашому краю, а простору того... хи! Куды вамъ! Отъ де добра можно доскочыть!

— Охъ, гляды, сынку! Краще бъ тоби працюваты коло плуга, та коло сохы, нижъ коло тіеи комерціи. Съ чого хлибъ йисы, того й гляды. Наше щастя не въ комерціи, а въ хлиборобстви.

— Шо жъ, тату, коло плуга та коло сохы? Не втикъ, не піймавъ! Ось вы уже кылько рокивъ працюете коло плуга та коло сохы, уже и рукы у васъ черезъ роботу поплюскылы, а хиба вамъ не выпада такъ, шо инколы ніякъ и за подушне знесты?

— Выпада, сынку! На те воля Божа! А все жъ я тоби скажу такъ: хто зъ чымъ рожденъ, той на те й гожденъ.

— А якъ же жъ, тату, хиба багати купци та все зъ купцивъ? Ось хочъ у насъ у Харькови, купець Пащенко? Та винъ же жъ зъ такыхъ, якъ и мы зъ вамы. Тутъ яка кому лынія упаде, якъ чоловикъ родыться на свитъ... Хиба я у Бога залышнёго кабана вкравъ, чы що?.. Эге, мени бъ тилько де-небудь копыталу добуть, а то-бъ я зашароборывъ! Я бъ и справжнимъ

купцямъ носа утеръ... Та що? Не то шо копыталъ, а якъ бы хочъ добра спроможнисть, то я бъ не тягався по гнояци отутъ, а забрався бы десь туды, де й совы очыма не лупають...

— Эхъ, сынку, сынку, не жадуй! Багатый не той, хто багато мае, а той, хто всёму миру знае. Шо, багацтво? Мана и тлинь,—бильшъ ничого! Головне—совисть.

— Совисть, тату, совистью, а якъ прыйде пора зносыты подушне, то тутъ уже одніею совистью ничого не поробышъ, а треба десь и грошій роздобувать.

— Це, сынку, ще не-съ-такъ велыка бида: де сокыркою цюкнувъ, де ципомъ помолотывъ, де тягломъ, чы сказать, скотынкою, поробывъ, отъ и все горе розвивъ,—абы було чымъ та съ чымъ. А то такъ у наймыты до пана Голованя: трыдцять два карбованця на годъ, та ще й одна штука у панській череди. Отъ и буде намъ, такъ шо слава Богу, чымъ заратуватысь... Намъ, сынку, не пышно, абы затышно!..

— На що жъ мени, тату, у наймыты йты, якъ у мене есть кебета въ голови? Адже жъ кажуть, якъ маешъ таланъ, то не загортай ёго у землю, а робы такъ, шобъ у тебе стало зъ одного та два... Що мени та сокыра? Шо мени той ципъ, шо за день не бильшъ копы зробышъ? Для мене, тату, друга робота есть.

— Ну, робы, сынку, якъ самъ, здоровъ, знаешъ, а тилько отъ шо: робы чесно та совисно, а головне—не заздры и не жадуй. А то ондечкы Васыль Полушка пожадувавъ та й у тюрягу попавъ.

— А що ёму, тату, та тюряга? Теперъ, кажуть, иде въ тюрьму—плаче, а йде зъ тюрьмы—скаче... Мени, тату, чуете, якъ бы копыталъ, то я бъ и не заздрывъ и не жадувавъ, —я бъ знайшовъ за яке мени дило зачепыться; я бъ шеменувъ такъ, шо!.. Отъ хочъ бы товарячи гурты,—хиба це, тату, не дило? Теперъ у насъ, тутечкы, быкы ни по чому, а ондечкы у Тавріи, ажъ пыщать та ніякъ не можуть ихъ занедать. Тутъ купы, дожены до Мариополя, чы до Бердянкы, продай,—отъ уже й гроши тоби, та ще й яки гроши? Сотъ тры

одразу стягъ та й паномъ дило жыве. А тамъ, продавшы быкивъ, повернувсь та купывъ пшеныци та на Кубань и зновъ продавъ,—тутъ тежъ копійку прыдбавъ... А дали и за трете яке-небудь дило зачепывсь,—не все жъ за одно: чы на чавунку поставу, чы панамъ заводськыхъ жеребцивъ. Вы, тату, и не подумаете того, якъ добре зъ тымы панамы дила ламать! Одно те, шо панъ николы не торжыться за копійку: винъ надае сто карбованцивъ, а потимъ одразу набаве пъятьдесятъ; а друге те, шо винъ, якъ уже шо продасть, такъ не вдержыться одъ того, шобъ не побенкетувать... Эхъ, жысть наша мотузяна! Шо це у насъ за жысть?—Отъ тамъ жысть, такъ жысть,—у панивъ та у купцивъ! Тамъ и ласо пойисты и хороше походыты. Люблю я те все йисты та пыты, шо йидять та пьють господа!.. Якъ бы грошей до сына, то я бъ... Я теперъ товсто урозумивъ дило...

— Не тоби бъ, сынку, таке казать, а не мени бъ таке видъ тебе слухать! Бережысь, якъ бы таки мысли та не перепенылы тоби дорогу до Бога!.. Я бачу, у тебе въ сердци якась нечысть сыдыть.

— А хиба, тату, и у всихъ панивъ, якъ воны такъ ласо жывуть, тежъ нечисть у серци сыдыть?

— На панивъ, сынку, не потурай: ты бильшъ на себе дывысь. Паны, колы ласо жывуть, то воны звыклы такъ жыть,—имъ те байдуже; а мужыкъ, якъ почне по-панськи жыть, то ото вже й погыбель ёму...

IX.

Не до смаку було Петрови слухаты таки речи батька, и винъ однымъ вухомъ слухавъ, а черезъ друге выпускавъ геть. Выдко було, шо у нёго засилы въ голови якись-то дуже велыки думкы, шо не давалы ёму и всыдить на однимъ мисти...

Такъ мынула зима, настала весна, и Петро зновъ подавсь у Таврію, та ще й подався якось такъ, колы батька и дома не було, а була тилько сама маты.

Старый Витрякъ, хочъ уже й звыкъ до мандривокъ Петра, але у це лито винъ дуже чогось ёго жде. Оце, якъ помыне лито, а зъ нымъ вернется до-дому и Петро, то теперъ уже годи ёму швендяты по заробиткахъ,—теперъ, хвалыты Бога, лучча доба настала, такъ шо й дома йе надъ чымъ попрацювать, та треба уже подуматы и про те, шобъ одружыты Петра. И шо це у нёго ци дни Петро зъ головы не йде? Такъ, шо бъ винъ ни думавъ и шобъ ни робывъ, а Петро у нёго ось передъ очима, неначе жывый, такъ и стоить. Хоче старый позвать свого Павлуся, а клыкне Петра; почне балакать зъ Марусею про дочку Орысю, а нагада ій про Петра.

— Шо це мени, стара, Петро не йде зъ головы?

— Та колы хочъ, старый, то и я оце чогось усе про нёго думаю: цю ничъ та якъ же й погано винъ мени снывсь, шобъ ты знавъ!

— Колы бъ, стара, якого лыха зъ нымъ не скоилось!

— Боронь насъ, Боже, видъ того! Чы вже жъ такы зъ насъ мало того лыха, шо було? Чы вже жъ такы усёго лыха, яке есть на божому свити, та не можна роздилыты промижъ усихъ людей, шобъ воно досталось не одному чоловику, а всимъ по троху? Тилько шо видпочылы видъ лыха, колы це зновъ уставай та прочынайсь. Та нехай на нёго пипъ зъ кадыльныцею, на те лыхо!

— Эхъ, стара, стара! Покійный мій дидъ, шо жывъ у Котлобуси за пасишныка, такъ той любывъ говорыть: „казало лыхо, шо добра не буде“... Такъ-то, стара! А проте—воля божа: може, Богъ дасть, ось, якъ не выдко, нашъ Петро и до-дому буде...

Такъ помиркувалы мижъ собою стари Витрякы, перехрестылысь та поросходылысь по своихъ куткахъ.

Було такъ уже на сходи лита, коло Пречыстои, а тилько стояла страшенна спека: такъ пекло, такъ крипко палыло, шо ажъ лысти на деревахъ скручувалось. То, якъ тамъ казалы, сонце прощалось зъ литомъ.

Максымъ Мыкытовычъ Витрякъ успивъ уже перевезты килька тамъ возивъ нового жыта и зложывъ ёго у клуни и

ото заходывсь, шобъ перепустыты килька тамъ кипъ. Выривнявъ винъ середъ клуни тикъ, наклавъ рядокъ снопивъ та й бье ихъ ципомъ. Коло нёго тутъ же мотаются ёго меньши диткы, хлопчыкъ Павлусь и дивчынка Орыся; одынъ выгриба зъ клуни кучечкамы солому, а друга насажуе у рядкы снопы батькови пидъ ципъ. Мотается дитвора коло батька та тутъ же й щебече ёму,—Павлусь про те, якъ винъ, якъ водывъ коней пасты у недилю пидъ Байракъ, та дравъ у лиси зъ хлопцямы граченятъ та варывъ зъ ныхъ кашу, и яка була солодка та каша зъ граченятамы; а Орыся про те, якъ вона, ще въ литку, умисти зъ велыкымы дивчатамы, несла марену до ставу та топыла ін у води та писля того спивала зъ дивчатамы жъ усяки писни.

— А якыхъ же ты тамъ, доню, спивала писень?

— Усякыхъ спивала, тату!

— Ну, та якыхъ жъ?

— Та спивала:

„Якъ прыйихавъ мій мыленькій зъ поля,
Та прывьязавъ коня до порога“.

— А ще якои?

— Багато жъ, кажу, тату, спивала! Ось и ціеи:

„Гей, у лузи калына, чомъ не рано зацвила?
А на тій же калыни сыдыть мале соловья,
Та нихто жъ того соловья, та нихто ёго не пійма.
Налетилы соколы зъ чужой дальней стороны,
Взялы, взялы соловья та на крылечкы свои“.

— Хто жъ тамъ найлучче всихъ спивавъ?

— А хто жъ, тату, якъ не Марійка Гекова!

— Та це жъ твоя прыятелька?

— А вже жъ!

— Та чы вміе жъ вона ще спивать? Я чувъ, шо вона овси и не тяме спивать...

— Шо це вы, таточку, кажете? Це на неи такъ нанесено! Та вона така спивлыва, шо проты неи ни одна дивка у Сунычивци такъ не заспива.

— Не заспива?

— Не заспива!

— Ну, якъ же жъ вона спива?..

Тутъ Орыся покынула тягаты снопы, стала середъ клуни та й давай спивать. Спива та выводе, та такъ выводе, та такъ пиднима голосокъ, шо батько, дывлячысь на неи, увесь берется веселымъ смихомъ, самъ радіе серцемъ та розцвита душею... Ёму здается, шо й винъ такый же малый, якъ ёго мала дочка... А вона черезъ те ще выще пиднима голосокъ та ще голоснійшъ выводе...

— А стривай-лышень, донечко! Шо це воно неначе дзвонькъ дзеленьчыть десь на вулыци? А побижы-лышень та подывысь, шо воно тамъ таке...

Орыся перестала спивать, метнулась на вулыцю и черезъ хвылынку прыбигла зновъ у клуню; прыбигла, а сама и слова не вымове.

— Шо тамъ таке? Шо тамечкы таке?

— Охъ, таточку—голубчыку! Тамъ... тамъ понайихало скилько панивъ, зъ яснымы гундзыкамы, а коло панивъ скилько людей, и тамечкы... нашъ Петро стоить, прывьязаный до оглобель...

— Якъ, Петро? За що?—не скрыкнувъ, а якось то ажъ неначе простогнавъ Витрякъ, а самъ такъ и охолонувъ, якъ камьяный марморъ, и духу ніякъ не може перевесты; прытулывъ ливу руку до грудей и зробывсь увесь билый, якъ стина; рукы, ногы, голова у борода такъ и затрусылысь у нёго, а языкъ неначе прырисъ до зубивъ: хоче винъ сказаты слово, а самъ ни жодною мирою не може сказать. Одно слово, той же каминь,—и сердце не бьется. Простоявшы такъ зъ хвылыну на однимъ мисти, Витрякъ кынувсь, якъ бувъ, зъ ципомъ у руци, изъ клуни и въ одну мыть опынывся на вулыци.

— Хто це? За шо це? Господы просты и помылуй!

— Стій, старый, стій! Це твій сынъ? Прыдывысь на нёго, добре прыдывысь!

— А мій, ваше благородіе! Мій же, мій!

— А якъ твій, такъ винъ у тебе хвалшывы гроши зъ цыганамы та зъ вирменамы збувавъ!

— Крый мене, маты Божа, одъ такого сорому! Такъ отъ якъ! Такъ отъ куды ты, блудяжный сыну, метнувъ!! А, такъ отъ такъ ты! Убью! Якъ гадюку ногамы ростопчу!—скрыкнувъ страшнымъ голосомъ Витрякъ и, якъ бувъ зъ ципомъ у руци, такъ и кынувсь прожогомъ до Петра.

А Петро стоить обирваный, обшарпаный, увесь побытый, въязаный веревкамы, прыкрученый до оглобень та чорный-пречорный, якъ земля. Згорнувшы рукы на грудихъ, винъ одъ стыда та одъ сорому утупывъ очи у землю и увесь трусыться, якъ на ножи...

— Бый, батьку! Бый! Я... я заслужывъ того! Тилько одразу бый! Ось сюды по голови... бый!

— Стій, старый! не рушъ! Теперъ уже не ты ёго будешъ карать, а каратыме закопъ... Старшына, староста, сотськи, поняти! Обдывиться у Витряка вси ёго куткы и вси ёго заулкы! скомандувавъ справныкъ,—бо той панъ „зъ яснымы гудзыкамы“ бувъ нихто, якъ самъ справныкъ зъ становымъ.

Тутъ, по слову справныка, кынулысь и поняти, и сотськи, и староста, и старшына и почалы скризь нышпорыть по всихъ куткахъ та суточкахъ у старого Максыма Витряка. Передывылысь и въ коморяхъ, и въ засикахъ, и въ винбаряхъ, и въ пуньци, и въ клуньци, и въ погриби, и на горищи, и въ комини, и въ дымари и скризь-скризь, де тилько можна було шонебудь и одъ кого небудь сховать.

— Прызнавайсь, старый, чы ты знавъ про дила твого сына? Може, и въ тебе де-небудь сховани хвалшыви гроши? Га? Кажы, то буде тоби тилько пивъ-кары.

— Хай мене Господь на цимъ самимъ мисци громомъ убье, якъ шо я знавъ про таке незвычайне дило моёго блудяжного сына! Суды Богъ, судить люде! Шукайте, люде судовіи, скризь, руйнуйте мое добро, кыдайте мене у темну темныцю, рижте мене, шматуйте, а тилько я увесь тутъ передъ вамы, якъ передъ самымъ Господомъ, и ни душою, ни тиломъ неповыненъ у грихахъ моёго сына. Сыну мій, сыну! Шо жъ це ты наробывъ? Осоромывъ ты мою сыву голову, на викы вични

и прылюдно и прынародно осоромывъ! Сыну мій, сыну! Хто жъ навчавъ тебе такому дилу? Хто тебе заставлявъ таке робыты? И чы знаешъ же, шо жъ тоби за такый вчынокъ буде?

— Тутъ, старый, буде не трыдцять три рокы вежы, якъ колысь у старовыну було, а цилый Сибиръ, вичня каторга,— отъ що!.. Поняти, глядить лышень скризь хорошенько! Глядить въ ожередахъ соломы, у застрихахъ лискы, у сувіяхъ полотна, глядить у подушкахъ, за халявамы чобитъ!..

И зновъ поняти, сотськи, старшына та староста кынулысь шукать. Довго воны шукалы, усе геть чысто поруйнувалы и поперевертали, а тилько не знайшлы того, чого имъ треба було; знайшлы тилько зъ десятокъ карбованцивъ грошей у прыскрынку, та й ти нихто не прызнавъ, шобъ воны булы хвалшыви.

— Шо це у васъ за чоловикъ такый, цей Витрякъ? Спытавъ справныкъ понятыхъ.—Кажить по щырій правди, якъ передъ самымъ Богомъ.

— Шо жъ, ваше благородіе, якъ по правди пытаете, то по правди и скажемо вамъ!—обизвавсь на такый спытъ справныка Иванъ,—такы старый Вовченко, спокійный, розсудлывый и непытущый чоловикъ, найблыщый сусида Максыма Витряка. Винъ у насъ самый справный и самый розумный надъ усима; винъ такый, шо въ рода-вику не зобиждавъ никого, не зачипавъ ничого чужого, не вжывавъ горилкы, жывъ по-божому, а до роботы такъ усимы жыламы бравсь, якъ тамъ кажуть, и сюды робывъ, и туды робывъ, черезъ те дуже сыльно, зажытно колысь жывъ, та отъ тилько у сынахъ щастя ёму якъ не було, такъ и нема... Шо жъ, ваше благородіе, *хорошъ* чоловикъ! Одно слово *хорошъ*! Грихъ и слово говорыть!.. Оце вамъ сказавъ, якъ передъ самымъ Господомъ. Не ймете виры, спытайте у другыхъ людей.

Справныкъ та становый спыталы де-кого ще про Максыма Витряка. Потимъ того якъ узялы пысать, якъ узялы соби пысать, спысалы те все, шо выслухалы про Витряка, виддалы старого на порукы тому жъ таки Ивану Вовченку, а

самы, закувавшы Петра Витряченка у зализа, въ тымъ и одъихалы геть изъ села...

Днивъ шисть, чы симъ писля того ходывъ Максымъ Витрякъ неначе несамовытый. Самъ винъ не боявсь ніякои кары, бо совисть ёго була чыста, якъ той крыштaль: винъ сумувавъ тилько за своимъ пропащымъ сыномъ, Петромъ... Пропавъ и третій сынъ у Максыма Витрякa. Шо жъ тебе таке згубыло? Згубыло тебе, сыну, те, шо ты не схотивъ жыты такъ, якъ жывъ твій дидъ та прадидъ та якъ жыве батько и пишовъ по инчій стежци та тутъ и спиткнувсь... Тоби мало було того, чимъ удовольнявсь твій дидъ та батько, тоби треба було шырше поле и шыршый шляхъ. Одного тилько ты не знавъ, шо той шляхъ не для селянъ: нехай по нёму ходе той, хто змалычку звыкъ ходыть, а мужыцькый шляхъ не до комерціи, а до сохы... Хто жъ тому выненъ, шо винъ пишовъ по новому шляху и спиткнувсь на нёму? Це моя прычина! Чомъ я ёго не вдержавъ коло себе? Чомъ я ёго не зупынывъ у останній разъ иты у Таврію? Чомъ я ёго не женывъ та не зоставывъ працюваты коло дому?.. И впьять же жъ, хиба можна чоловикови, хочъ бы й своёму ридному сынови, уставыты свій розумъ, свою совисть и свій хыстъ? У нёго е и своя воля, и свій розумъ, та ще й до того повсигда знаходятся товарыши, таки, шо напучають на все злее. Хиба таке дило робыться безъ товарышивъ?.. Отъ и пишовъ инчою стежкою, пишовъ та й згынувъ... Теперъ тилько одно й зостается тоби, заблудлывый сыну, покаятысь и передъ Богомъ, и передъ людьмы, и передъ самымъ собою. Нема у свити такого гриха, за якый бы Господь мылосердный не простывъ чоловика, абы бъ тилько чоловикъ щыро та свято покаявся передъ Господомъ у своихъ грихахъ и зновъ не гнивывъ бы Ёго злымы диламы.

Д. Яворницкій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Письма Мих. Матв. Лазаревскаго къ Т. Г. Шевченку (1857–1859 гг.)

Въ самой полной изъ напечатанныхъ до сихъ поръ біографій Т. Г. Шевченка, составленной А. Конисскимъ, мы не находимъ точнаго указанія, когда собственно началось знакомство поэта съ семьей Лазаревскихъ. Извѣстно, что съ однимъ изъ братьевъ Лазаревсккхъ, Федоромъ, онъ впервые встрѣтился 9 іюня 1857 г. въ Оренбургѣ, гдѣ Лазаревскій служилъ въ Оренбургской пограничной коммиссіи. [1]) Тогда ли началось знакомство и съ братомъ Федора, Михаиломъ Матвѣевичемъ, служившимъ въ 200 верстахъ отъ Оренбурга въ должности попечителя прилинейныхъ киргизовъ, точно установить, кажется, нельзя; но что съ нѣкоторыми изъ членовъ этой семьи онъ былъ знакомъ нѣсколько раньше, доказывается тѣмъ, что въ первой половинѣ 1847 года, еще до ссылки, Шевченко написалъ извѣстное свое стихотвореніе „Вечиръ“, посвятивъ его матери Лазаревскихъ. Вѣроятнѣе всего, что знакомство это началось съ того времени, когда Шевченко въ 40-хъ годахъ проживалъ подолгу въ Малороссіи и между прочимъ въ Черниговской губерніи.

Въ жизни Шевченка во время ссылки его играли не маловажную роль оба брата Лазаревскіе, постоянно приходившіе къ нему на помощь въ разныхъ случаяхъ и разными способами. Объ этомъ мы знаемъ, съ одной стороны, изъ мелкихъ замѣтокъ,

[1]) Кіев. Стар. 1899 г. № 2, стр. 152.

помѣщавшихся въ „Основѣ“ въ 1861 и 1862 гг., гдѣ печатался „Дневникъ“ Шевченка и переписка его съ разными лицами, а съ другой—изъ тѣхъ матеріаловъ, которые были напечатаны и у насъ, въ „Кіевской Старинѣ“ (напр. „Изъ воспоминаній Ф. М. Лазаревскаго о Шевченкѣ“, 1899 г. № 2) и наконецъ—изъ матеріаловъ, помѣщенныхъ въ біографіяхъ Шевченка, составленныхъ М. К. Чалымъ („Жизнь и произведенія Тараса Шевченка, Кіевъ, 1882 г.) и А. Кониссимъ („Жизнь украинскаго поэта Т. Г. Шевченка“, Одесса, 1898 г.). Среди этихъ матеріаловъ можно встрѣтить выдержки изъ писемъ Мих. Матв. Лазаревскаго къ Шевченку, относящихся къ 50-мъ годамъ, но письма эти въ полномъ видѣ до сихъ поръ не были опубликованы. Благодаря любезно доставленному намъ матеріалу нашимъ сотрудникомъ М. К. Чалымъ, мы печатаемъ теперь 13 писемъ М. М. Лазаревскаго къ Шевченку. Письма эти имѣютъ особенный интересъ, въ виду того, что относятся къ моменту, когда шли хлопоты объ освобожденіи поэта изъ ссылки и когда эта желанная свобода наконецъ состоялась. Во всемъ этомъ дѣлѣ М. М. Лазаревскій оказалъ большія услуги, пользуясь знакомствомъ своимъ съ вліятельными лицами въ Петербургѣ, гдѣ въ то время онъ состоялъ на службѣ. Лучшими комментаріями къ нимъ являются письма Шевченка къ М. М. Лазаревскому, напечатанныя въ „Основѣ“ 1862 г. № 3, такъ какъ почти на каждое изъ напечатанныхъ писемъ Шевченка находимъ отвѣтъ въ печатаемыхъ теперь, или наоборотъ.

В. Н.

I.

Когда началась переписка между Шевченкомъ и М. М. Лазаревскимъ, точно опредѣлить нельзя; извѣстно только, что 8 августа 1856 года Лазаревскій написалъ коротенькое письмо къ Шевченку (въ матеріалахъ его нѣтъ), на которое послѣдній отвѣтилъ 8 октября, а затѣмъ вторично 7 декабря; въ этомъ вто-

ромъ письмѣ, нѣсколько мистифицируя, Шевченко писалъ о своей повѣсти *Матросъ*, которая будто бы написана *Дармограемъ*.[1]) Отвѣтомъ на это и было слѣдующее письмо М. Лазаревскаго, хотя и не помѣченное 1857-мъ годомъ, но дата его точно опредѣляется содержаніемъ и связью съ указанными письмами Шевченка.

17 января (1857 г.) С.-Петербургъ.

Получивши твое первое письмо съ Матросомъ, я отдалъ его переписать; многіе жалѣютъ, что не на малорусскомъ языкѣ пишетъ Дармограй. Сію минуту воротился (12 ч. ночи) изъ театра и получилъ отъ Дармограя отъ 8 декабря.

На первое письмо не отвѣчалъ, ожидая сегодняшняго и ожидая окончательнаго результата о Дармограѣ.

Нехай молится Богу и дякуе Царю и добрымъ людямъ: о увольненіи его въ отставку уже послѣдовало разрѣшеніе Царя и сообщено объ этомъ Воен. Министру для исполненія; но виттиля чутки ще нема. Теперь, слава Богу, не до Матроса; теперь нужно думать да гадать, какъ выбратысь виттиля. Уже толковали, что на выѣздъ нужны деньги и, я думаю, хоть немного— скоро будетъ. Всѣ думаютъ, что гораздо лучше пріѣхать сюда, а не до дому, если только позволятъ это. Тутъ есть добрые знакомые, при помощи которыхъ можно устроить фотографич. и дагеротипн. станокъ и имѣть кусокъ хлѣба на всю жизнь. Если это ему не понравится, то можно найти 20 другихъ предметовъ къ жизни. И тамъ, въ Малороссіи, винъ не загыне, да тутъ все таки лучше.

Такъ думаютъ твои знакомые, которые тебѣ отъ души желаютъ добра. Я дома не былъ уже 7 лѣтъ и теперь собираюсь туда, взявши отпускъ на мѣсяцъ; послѣ завтра уѣзжаю и къ половинѣ февраля ворочусь. Я думаю, и безъ меня тутъ вышлютъ тебѣ денегъ для Дармограя, а если нѣтъ, то еще можно успѣть до лѣта.

---

[1]) «Основа» 1862 г., № 3, стр. 3—5.

Просьбъ его и твоихъ о разузнаніи о разныхъ лицахъ не справлю. Объ Осиповѣ я говорилъ Семену [1]) и самъ спрашивалъ, да не чуть такого тутъ. Писемскій въ Отеч. Запискахъ не участвуетъ, да его и въ ПБ. нѣтъ теперь.

Княгиня, кажется, теперь у Н. Д. Бѣл., съ которымъ буду видѣться и возьму. Отдалъ ее Кулишъ ему, а Кулишъ теперь въ Москвѣ, а его жена въ Малороссіи. В. М. Бѣл. уѣхалъ жениться, но скоро воротится. Вотъ еще слово, только пусть Дармограй не разсердится: ты знаешь, якъ я его поважаю; да и не я одинъ. Будь же ласковъ, скажи ему, чтобы онъ отъ радости не зробывъ чого нибудь непригодного. Поздравь его съ Царскою милостью и скажи, что мы такъ обрадовались ей, что ты и не повѣришь, да и онъ тоже.

Прощай же, мій любый, мій дорогій Тарасъ! можетъ быть: до свиданья и скораго! Молись же Богу.

Твой весь и всегда М. Л.

Чы получивъ ты мою посылку? Картина твоя, что ты сдѣлалъ когда-то для Езучевскаго, досталась мнѣ въ лоттерею. Многіе кланяются тебѣ низенько, а о желаніяхъ нечего и говорить.

II.

Только-что приведенное письмо отъ 17 января было получено Шевченкомъ въ Новопетровскомъ укрѣпленіи только 7 марта (см. Основа 1862 г. № 3, стр. 6), такъ-что М. Лазаревскій, не дождавшись отвѣта, написалъ ему второе письмо, 11 апрѣля 1857 года.

11 апрѣля (1857 г.) С-.Петербургъ.

Христосъ Воскресе! мій любый, мій дорогій Тарасе. Что ты такъ долго молчишь, не откликнешься до сихъ поръ? Я воротился уже давно изъ Малороссіи и началъ сейчасъ разнюхивать, что

---

[1]) Братъ Матв. Лазаревскаго.

и какъ, и только на дняхъ добился положительно, что докладъ о тебѣ и другихъ подобныхъ готовъ и будетъ представленъ къ Пасхѣ. Мнѣ тотчасъ-же обѣщали принести приказъ, но и до сихъ поръ его нѣтъ, и я боюсь, чтобъ не отложили опять до 17 ч. Давно уже я собираюсь писать къ тебѣ, но все откладывалъ, чтобъ сказать что-нибудь положительное; а сегодня не утерпѣлъ и пишу, хоть не окончательное, но положительное все-таки, что ты можешь скоро разсчитывать на милость; но какую и съ какимъ ограниченіемъ—еще не знаю. Можетъ быть черезъ недѣлю обрадую тебя. И тамъ, гдѣ я недавно былъ, сильно радуются привезенному мной туда извѣстію и обѣщали мнѣ помочь въ добромъ дѣлѣ; и здѣсь твои знакомые радуются милости Царя. Дай-же Боже намъ еще разъ увидѣться съ тобою, и въ лучшемъ положеніи для тебя. По полученіи этого письма сейчасъ-же пиши, что и какъ ты думаешь, какъ ты теперь живешь-поживаешь и въ чемъ и насколько бы примѣрно ты нуждался на проѣздъ, если милость Царя тебѣ объявится. Я слышалъ, что и другіе здѣсь хлопочутъ для тебя и хотятъ помогти.

Теперь пишу, лишь бы сказать словцо, а какъ получу извѣстіе—напишу тебѣ больше и подробнѣе.

2-го отдѣла твоего Матроса еще не успѣли переписать; но на дняхъ окончится она; а ужъ твой подлинникъ въ переплетѣ, и никому не уступится.

Прощай, а можетъ быть и до свиданія.

Дай Богъ, чтобы ты былъ здоровъ, счастливъ и богатъ.

Все и всѣ тебѣ кланяются.

Твой весь М. Лазаревскій.

Отвѣтомъ на это письмо служитъ 4-ое письмо Шевченка изъ напечатанныхъ въ „Основѣ“ (стр. 8).

III.

Послѣ долгихъ ожиданій, наконецъ М. Лазаревскій могъ извѣстить Шевченка о состоявшемся 17 апрѣля помилованіи,

что и видимъ изъ слѣдующаго письма его отъ 2 мая, отвѣтомъ на которое является 6-ое письмо Шевченка (Основа, стр. 10). Незначительныя выдержки изъ этого письма напечатаны были уже въ книгѣ г. Чалаго (стр. 95), при чемъ сличеніе текста въ кн. г. Чалаго съ подлинными письмами показываетъ, что г. Чалый не точно воспроизвелъ его, а почти пересказалъ своими словами, соединивъ два письма въ одно (письмо отъ 17-го янв. и 2 мая).

2 мая 1857 г. С.-Петербургъ.

Ну, поздравляю наконецъ тебя, дорогой мой Тарасъ Григорьевичъ, съ великою милостью Царя: Дай Богъ, чтобы ты воспользовался ею счастливо и чтобы жизнь твоя съ этого времени текла въ покоѣ и довольствѣ; а ты, я увѣренъ, сумѣешь заслужить и милость Царя, и доброе мнѣніе о тебѣ всѣхъ твоихъ друзей. Но безъ объясненій: я узналъ только, что третьяго дня послана бумага командиру Оренбургскаго корпуса, что ты, согласно просьбѣ Гр. Толстого и засвидѣтельствованію гр. Перовскаго, получаешь отставку съ предостереженіемъ избрать родъ и мѣсто жизни. Но такъ-ли это—не убѣжденъ, потому что самъ не видѣлъ бумаги и увижу ее только черезъ нѣсколько дней. Потерпи, дружище, немного и вѣроятно самъ узнаешь все вѣрнѣе, нежели я теперь пишу.

Я слышалъ, что гр. Толстой имѣетъ у себя для тебя нѣкоторую сумму денегъ, которую будто бы думаетъ передать тебѣ по пріѣздѣ сюда; вѣроятно онъ самъ будетъ тебѣ писать: я съ нимъ не знакомъ.

Я же посылаю теперь же въ особомъ конвертѣ на имя твоего начальника изъ числа переданныхъ мнѣ 75 руб. серебр. для возможнаго пособія тебѣ къ выѣзду.

Теперь-же я пишу въ Оренбургъ къ М. В. Ладыженскому, чтобы не задержалъ тамъ о тебѣ бумаги.

Пиши-же: ты совсѣмъ замолчалъ; а мы жаждемъ слышать объ тебѣ какую-нибудь вѣсточку; пиши подробно. Будь здоровъ и счастливъ и молись Богу.

Весь твой Мих. Лазар.

IV.

Слѣдующее затѣмъ письмо М. Лазаревскаго, отъ 12-го октября 1857 года, написано было Шевченку уже въ Нижній-Новгородъ и служитъ отвѣтомъ на 8-ое письмо Шевченка (Основа, стр. 12), извѣщавшее о непріятномъ осложненіи для него въ дѣлѣ прямого переѣзда въ столицу изъ ссылки, хотя, какъ видно, Лазаревскій зналъ уже объ этомъ случаѣ отъ Ир. Алекс. Ускова. Отвѣтомъ на печатаемое письмо Лазаревскаго является 9-ое Шевченка (стр. 14).

12 октября (1857 г.) С.-П. Бург.

Около мѣсяца назадъ я получилъ письмо отъ Ирак. Ал. о вышедшемъ тамъ недоразумѣніи и былъ въ сильномъ недоумѣніи насчетъ тебя, дорогой другъ. Полученное вчера вечеромъ твое письмо хоть нѣсколько успокоило за тебя. Жаль, что ты былъ боленъ. Пожалуйста, голубе сизый, береги себя и свое здоровье; ты не имѣешь права рисковать этимъ.

Прилагаю 2 письма Залѣсскаго къ тебѣ; а 150 р. сегодня отправилъ въ особомъ конвертѣ на имя Г. Овсянникова. Отъ Кухаренка ничего ни имѣю. По письму Ир. Ал. отсюда писали о тебѣ къ Катенину; писали и Алекс. Ник. Муравьеву. Усковъ сильно боится и безпокоится: напиши къ нему. Тебя здѣсь ждали съ нетерпѣніемъ.

Сейчасъ ѣду къ графинѣ Настасьѣ Ивановнѣ, съ которою я еще не знакомъ, но которая присылала Сигизмунда Сѣраковскаго узнать о тебѣ, и я посылалъ ей твое и Уск. письма; ее хвалятъ до чрезвычайности.

Едва-ли ты... (помѣшали).—Былъ у графини: она сильно безпокоится о тебѣ и благодаритъ тебя за письмо. По совѣту съ графомъ рѣшили, чтобы ты написалъ графу Ѳ. П.[1]) письмо, что ты сильно желаешь заниматься живописью и изучить ее, чего нигдѣ не можешь такъ достигнуть, какъ въ Академіи Художествъ, а потому просишь исходатайствовать дозволеніе на

[1]) Гр. Ѳ. П. Толстой, вице-президентъ Академіи Художествъ.

пріѣздъ въ Петербургъ. Гр. по этому письму будетъ просить Президента.

Ты, вѣроятно, дождешься въ Нижнемъ паспорта, и если получишь, то пробирайся сюда, т. е. поближе къ Петербургу, но въ Малороссію не ѣзди; а главное береги себя, о чемъ поручила мнѣ просить тебя и графиня; а ты ея просьбу долженъ исполнить: она о тебѣ заботится, какъ о родномъ; да и не одна она. У нея есть для тебя деньги, но она положила ихъ въ банкъ, до твоего сюда пріѣзда. Если бы тебѣ еще были нужны деньги, то пиши не стѣсняясь; скоро я еще буду имѣть для тебя деньги.

Вечеръ: Бѣлозерскій женатъ на родственницѣ Катенина и обѣщаетъ, что ему еще напишетъ о тебѣ, и онъ совѣтуетъ тебѣ не возвращаться, если можно, въ Оренбургъ, а ожидать паспорта въ Нижнемъ. Жду твоего письма. Крѣпко, крѣпко обнимаю тебя и отъ души желаю тебѣ здоровья и счастья.

Вполнѣ преданный тебѣ М. Лаз.

V.

Пятое письмо М. Лазаревскаго, датированное 19-го ноября, находится въ соотношеніи съ 10-мъ Шевченка („Основа", стр. 14), т. к. въ этомъ послѣднемъ находимъ всѣ указанія на то, что оно есть отвѣтное письмо на печатаемое нами теперь. Сомнѣніе видимое только въ датахъ: письмо Лазаревскаго помѣчено 19-го ноября, а письмо Шевченка—18 ноября; но тутъ можетъ быть одно изъ двухъ объясненій: или въ Основѣ сдѣлана опечатка—18, вмѣсто 28, или въ подлинникѣ письма Лазаревскаго надо читать 9 вмѣсто 19, тѣмъ болѣе, что въ этой датѣ сдѣлана очевидная поправка, а именно—вначалѣ какъ будто было написано 10, а послѣ изъ 0 сдѣлано 9.

19 ноября (1857 г.) Петербургъ.

Много виноватъ я передъ тобой, дорогой другъ Тарасъ, что до сихъ поръ не отвѣчалъ тебѣ; все это время у меня дѣло, какъ

въ котлѣ кипитъ, а сверхъ того, твое письмо я въ день полученія передалъ Пант. Алекс. и до сихъ поръ не могу вырвать; но на дняхъ освобожусь и тогда напишу побольше.

Что-жъ ты ничего не скажешь о себѣ? А я то съ нетерпѣніемъ жду каждый день отъ тебя извѣстій. Неужели изъ Оренбурга нѣтъ до сихъ поръ ничего? На дняхъ будетъ ѣхать изъ Вятки сюда черезъ Нижній братъ Федоръ; онъ вѣроятно будетъ видѣться съ Далемъ; постарайся и ты увидѣться и разскажи ему побольше, нежели на письмѣ. Всѣ здоровы.

Весь твой М. Лазар.

Пант. Алекс. тогда же обѣщалъ отправить тебѣ книги.

VI.

Письмо 6-ое есть отвѣтное на 10-е Шевченка, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ то *поличье* (портретъ), которое обѣщаетъ выслать Шевченко.

9 декабря (*1857 г.*) *С.-Петербургъ.*

Дорогой Тарасе! И Ѳедоръ сильно, сильно жалѣетъ, что не могъ отыскать тебя въ Нижнемъ (онъ не зналъ о твоемъ выѣздѣ въ Балахну), но дожидаться никакъ не могъ: онъ сильно спѣшилъ сюда.

Слава жъ Богу, что ты получилъ уже отставку: всѣ мы дуже, дуже рады этому. Вчера я былъ у графа: добрая графиня сама обѣщала писать къ тебѣ скоро и тоже рада за твою отставку; они говорятъ, что съ твоимъ письмомъ ничего не узнано, до полученія свѣдѣнія объ отставкѣ; а теперь при первомъ удобномъ случаѣ графъ будетъ просить Президента о дозволеніи тебѣ продолжать занятія при академіи. Какъ только будетъ что-либо похожее на милость, то я сейчасъ извѣщу тебя. Графиня показывала мнѣ твоего киргиза съ твоимъ поличьемъ и хвастала, что показывала многимъ и всѣ хвалятъ.

Сапожниковъ [1]) у нихъ не былъ и они ничего объ немъ не слышали. Письмо твое къ графу, какъ онъ говоритъ, написано хорошо. И Кулишъ, и Бѣлозерскій читали твое письмо; и послѣдній видѣлся гдѣ-то съ Воронцовымъ, но я не знаю, что это за человѣкъ, а слышалъ вчера, что онъ живетъ гдѣ-то на Васильевскомъ.

Пѣсни Метлинскаго посылаю тебѣ теперь же по почтѣ.

Уложи-ка хорошенько свой портретъ, чтобы не потерся, да пришли черезъ почту, а то долго придется ждать удобнаго случая; а мнѣ хочется скорѣе подывыться на тебя хоть на бумагѣ. Да чы похожъ?

У меня дѣла оч. и оч. много, но праздниками можетъ быть и вырвалъ бы дня два-три, чтобы съѣздить въ Москву и благодатный хуторъ, если онъ близко отъ Москвы. Да, я думаю, что тебѣ можно бы пріѣхать въ Царское Село и тутъ жить; тогда бы съ тобою много кто бы видѣлся и часто. Семена въ это время не видѣлъ.

У меня было твоихъ грошей 36 р., да недавно прислалъ 175 р. Алексѣй Мих. Жемчужниковъ отъ брата своего Льва и просилъ не говорить тебѣ, отъ кого они. Если тебѣ нужны деньги, то пиши; я сейчасъ же вышлю, сколько скажешь; только не забувай и чорного дня. Я встрѣтился здѣсь съ Кишкинымъ, [2]) который ѣхалъ съ тобой изъ Астрахани, и много съ нимъ говорилъ о тебѣ; онъ очень хвалитъ тебя.

Прощай, мій любый, мій дорогій друже. Крѣпко, крѣпко обнимаю тебя. Твой весь М. Л. Всѣ здоровы; Ѳедоръ скоро ѣдетъ въ Малороссію.

—

---

[1]) А. А. Сапожниковъ—извѣстный милліонеръ Астраханскій. Шевченко былъ знакомъ съ нимъ еще въ перв. полов. 40-хъ гг. Вмѣстѣ съ нимъ Шевченко ѣхалъ на пароходѣ «Кн. Пожарскій» изъ Астрахани до Нижняго.

[2]) Капитанъ парохода «Князь Пожарскій», на которомъ Шевченко ѣхалъ изъ Астрахани до Нижняго.

Узнай и скажи, откуда Павелъ Абрамовичъ?[1]) Вѣдь я самъ Конотопскій, но его фамиліи не знаю тамъ.

11 ч. вечера. Сейчасъ принесли твое письмо къ Кулишу, которое отправлю завтра.

VII.

Слѣдующее письмо есть отвѣтъ на коротенькое письмо Шевченка, отъ 4 яв. 1858 г. (Основа, стр. 15).

19 января 1858 года. С.-Петербургъ.

Спасыби тоби, велике спасыби, мой милый, мой золотый Тарасе, за твой подарокъ: *твое поличье*. Ты не могъ выдумать лучшаго подарка, и я ему такъ радъ, что не знаю, какъ и благодарить тебя.

Павла Абрамовича я увидѣлъ черезъ нѣсколько дней послѣ его пріѣзда, наговорились съ нимъ о тебѣ вдоволь: теплая душа у него и доброе сердце.

Ты пишешь: „дай Кулешови *куну* серебромъ". Я не видѣлся съ нимъ послѣднее время; на дняхъ побачусь и можетъ быть онъ разъяснитъ мнѣ это.

Мнѣ передалъ деньги Алексѣй Мих. Жемчужниковъ, живущій здѣсь, но объ этой передачѣ просилъ его братъ Левъ Мих. Жемчуж. (родомъ кацапъ, а душею чистый малороссъ). Онъ теперь заграницею, въ послѣднее время былъ въ Парижѣ, но, кажется, уѣхалъ уже въ Италію: онъ въ душѣ артистъ, хорошо рисуетъ и много ѣздилъ по Малороссіи, для снятія видовъ ея.

Графиню Настасью Ивановну давно уже видѣлъ я; одинъ разъ, какъ-то недавно, я ѣздилъ, но она была нездорова и не принимала никого, а теперь я не дуже здоровъ; но, можетъ быть, на дняхъ заѣду.

---

[1]) Кажется, Кочубей?

Потретъ твой уже у фотографа, и какъ только будутъ готовы копіи, то сейчасъ-же пришлю тебѣ 4 штуки.

Не нужно ли тебѣ отсюда что-либо такое, чего у васъ въ Нижнемъ нѣтъ? Напиши.—Овсянниковъ еще долго пробудетъ здѣсь, можетъ мѣсяца два, а потому письмо адресую на твое имя.

Прощай, мой добрый другъ. Будь здоровъ, счастливъ, веселъ и богатъ.

Всей душой преданный тебѣ Мих. Лазаревскій.

Василь и Ѳедоръ кланяются тебѣ. Вѣроятно, къ тебѣ заходилъ братъ Яковъ (котораго ты не знаешь). Онъ поѣхалъ на службу въ Вятку, и я просилъ зайти къ тебѣ, если Вятскій Губ—ъ Муравьевъ (родной племянникъ вашего), съ которымъ братъ поѣхалъ, пробудетъ въ Нижнемъ хоть полсутокъ.

VIII.

Письмо 8-ое стоитъ въ связи съ 12 и 13 письмами Шевченка, такъ-какъ оно есть отвѣтное на 12-ое, а 13-ое есть отвѣтъ на него.

10 февраля 1858 г. С.-Петербургъ.

Спасибо тебѣ мой сивый голубе Тарасе, что откликаешься изъ своего захолустья. Конст. Андр. Шрейдерсъ, [1]) спасибо ему, два раза былъ у меня, а завтра поѣду и къ нему съ этимъ письмомъ; съ нимъ посылаю 4 портрета; много есть охотниковъ, желающихъ и молящихъ у меня твоего портрета, и я рѣшаюсь заказать 50 штукъ, чтобы продавать съ барышемъ. Чрезъ недѣлю они будутъ готовы и, сколько получу за нихъ барыша—скажу, а гроши приложу къ имѣемымъ у меня твоимъ. Ты, друже, пожалуйста не сердись на меня за это доброе дѣло не для тебя, а для другихъ: гроши грошима, но главное не слѣ-

---

[1]) Пріятель Шевченка по Нижнему-Новгороду.

дуетъ отказывать въ такой теплой искренней просьбѣ о твоемъ портретѣ всѣмъ душевно тебя любящимъ.

Объ Овсянниковѣ я уже писалъ тебѣ; но послѣ того еще не видѣлся съ нимъ: и ему, и мнѣ некогда, но скоро мы съ нимъ увидимся.—Кажется, я тебѣ уже писалъ, что Кулишъ уѣхалъ заграницу, а если не писалъ, то теперь скажу; онъ уѣхалъ отсюда въ самыя заговины на постъ (2 ч.) въ Малороссію, а оттуда сейчасъ-же черезъ Варшаву въ Брюссель, гдѣ будетъ слушать лекціи въ Университетѣ, послѣ того въ Парижъ и еще кое-куда; думаетъ вернуться въ октябрѣ или ноябрѣ; твоихъ произведеній онъ мнѣ не показывалъ, т. к. я видѣлся съ нимъ наканунѣ отѣзда; у него было уже все уложено. Говорилъ, что тамъ займется всѣмъ и оттуда будетъ писать.

Шекспиръ въ переводѣ Кетчера рѣдокъ и стоитъ не меньше 25 р., а потому до твоего разрѣшенія я не купилъ его. Вовчка опять тебѣ послали (тутъ многіе имъ недовольны и говорили про Кулиша недобре); Беранже въ переводѣ Курочкина (славная вещь), говорятъ, есть у тебя, а повѣсть о временахъ Бориса Годунова и Дмитр. Самозв. (для дѣтей), хоть и Кулиша, да говорятъ, не стоитъ покупать: я не читалъ ее.

Прочитавши все это, скажи, что тебѣ нужно изъ этихъ книгъ, и я сейчасъ вышлю.

Овсянниковъ не былъ еще у графини Настасьи Ивановны; и я давно не былъ у нея; но вчера былъ у меня (при Шрейдерсѣ) одинъ знакомый и спрашивалъ меня отъ графини, когда будетъ у ней Овсянниковъ. Вчера былъ у меня и Семенъ и просилъ кланяться тебѣ; я говорилъ ему, чтобъ самъ написалъ тебѣ, но онъ хоть и обѣщалъ, да едва-ли исполнитъ: лѣнивый. Спасибо тебѣ, ты привиталъ моего брата Якова: онъ не нахвалится тобой, и изъ Вятки уже прислалъ твои письма. Прощай, дорогой, и люби по-прежнему вполнѣ преданнаго къ тебѣ Мих. Лазар.

IX.

9 ое письмо, напечатанное почти цѣликомъ г. Чалымъ въ его статьѣ „Изъ переписки Т. Г. Шевченка съ разными лицами“,[1]) перепечатывается теперь нами, какъ виду того, что нѣкоторыя строки въ немъ были пропущены, такъ и для полноты всей этой переписки. Оно находится въ связи съ 14-мъ письмомъ Шевченка (Основа, стр. 17), которое служитъ краткимъ отвѣтомъ на него.

20 февраля 1858 г. С.-Петербургъ.

Сегодня графиня прислала ко мнѣ Сѣраковскаго, чтобы я съ Овсянниковымъ пріѣхалъ къ ней. Овсянникова я не засталъ въ квартирѣ и былъ у нея одинъ, а къ Овсянникову сейчасъ послалъ письмо, что графиня ждетъ насъ обоихъ непремѣнно послѣзавтра.

Графиня прислала за мною, чтобы объявить, что по просьбѣ Графа Ѳедора Петровича тебѣ дозволено жить въ Петербургѣ (подъ надзоромъ полиціи) и подъ руководствомъ графа Ѳ. П. для продолженія изученія живописи при Академіи Художествъ.

Графиня чрезвычайно рада, что ты пріѣдешь сюда (ахъ, если бы ты зналъ доброту ея сердца и желаніе дѣлать какъ можно болѣе добра!), и проситъ тебя, чтобы ты поспѣшилъ, а главное, не обижался условіями, потому что это только форма. Она говоритъ, что ты долженъ представиться Президенту (Его Высочеству) Академіи, что тобою теперь интересуются всѣ художники и желаютъ скорѣйшаго твоего пріѣзда.

Зная изъ словъ Овсянникова и Шрейдерса, что ты свыкся уже съ Нижнимъ, я не знаю, какъ ты примешь настоящее извѣстіе, но искренно скажу, что я оч. радъ не потому только, (какъ и всѣ, которые знаютъ тебя только по слуху даже), что увижу тебя, но что ты здѣсь можешь жить и лучше и полезнѣе

---

[1]) Кіев. Стар. 1897 г. № 2, стр. 153.

для себя и другихъ—и въ физич. и въ нравств. отношеніи. Притомъ же, если бы ты послѣ и не захотѣлъ остаться здѣсь, то можешь уѣхать, куда и когда хочешь. А по всему этому и ты долженъ быть радъ дозволенію пріѣхать сюда.

Графъ Ѳ. П. просилъ Ея Высочество, и она докладывала, о чемъ Ѳ. П. третьяго дня получилъ письмо отъ Адлерберга, [1]) который извѣщаетъ, что объ этомъ сообщено Долгорукому, для извѣщенія Нижег. Губ—а. Графиня тебя проситъ не медлить, чтобы застать выставку и скорѣе явиться къ Президенту, чего будто она хочетъ. Поспѣшай же! Посылаю тебѣ въ особомъ конвертѣ 50 р. На дорогу станетъ, а то и здѣсь деньги нужны. Пріѣзжай же скорѣе! Наговоримся при свиданіи. Если не сейчасъ выѣдешь, то пиши; пиши и графинѣ и графу. До скораго свиданія.

Весь твой М. Лаз.

Въ случаѣ бы тебѣ не объявили еще объ этомъ оффиціально, то ты держи это въ секретѣ, и никому не разсказуй; такъ просила и графиня,—она боится, чтобъ не выдумали чего.

X.

Это письмо есть отвѣтное на 15-ое Шевченка (Основа, стр. 17), въ которомъ онъ извѣщалъ о своей болѣзни и потому о задержкѣ въ Москвѣ.

16 Марта 1858 г. С.-Петербургъ.

Надняхъ графиня Настасья Ивановна присылала за мною и убѣдительно просила, какъ только ты пріѣдешь—сейчасъ-же дать ей знать и привезть тебя самого. Сегодня я былъ опять у

---

[1]) Управляющій военнымъ министерствомъ въ концѣ сороковыхъ годовъ.

нея съ твоимъ письмомъ изъ Москвы: она чрезвычайно жалѣетъ о твоей болѣзни и боится, чтобы Михайло Семеновичъ [1]) не удержалъ тебя въ Москвѣ и на Пасху; она даже сомнѣвается въ твой болѣзни и думаетъ, что ты остался тамъ для Мих. Сем—ча.

Обдѣлалъ я изящно одинъ твой портретъ и поднесъ ей сегодня: она была оч. благодарна и проситъ тебя скорѣе пріѣхать сюда, если можно—къ Праздникамъ. Графа сегодня не видѣлъ, а третьяго дня онъ даже говорилъ, что ждетъ тебя съ удовольствіемъ. Пріѣзжай-же, друже, скорѣе—мы всѣ ждемъ тебя съ нетерпѣніемъ.

Овсянникова опять не видѣлъ нѣсколько вѣковъ и не знаю, здѣсь-ли онъ; но вчера послалъ ему по городской почтѣ письмо, чтобы онъ непремѣнно заѣхалъ къ тебѣ въ Москвѣ.

Рисунки, если и получу на дняхъ, то едва-ли фотографъ успѣетъ снять съ нихъ копіи къ празднику; впрочемъ, посмотримъ тогда.

Выздоравливай же скорѣе и пріѣзжай сюда; а то ужъ и намъ скучно такъ долго ждать. Прощай и будь здоровъ.

Семенъ и всѣ кланяются.

Тв. М. Лазар.

XI.

Слѣдующее письмо, не датированное въ подлинникѣ, писано въ мартѣ 1858 года, такъ какъ является отвѣтомъ на 16-ое письмо Шевченка (отъ 9 марта), въ которомъ онъ извѣщаетъ, что болѣзнь глазъ задерживаетъ его въ Москвѣ и что раньше свѣтлой недѣли докторъ не позволяетъ ему двинуться въ путь.

Христосъ Воскресе!

Мій дорогій Тарасе! жаль, что твое око наробило такъ погано; а мы ждали тебя сегодня непремѣнно. Пожалуйста не

---

[1]) Шепкинъ.

мѣшкай, когда выздоровѣешь. И третьяго дни, и вчера я былъ у фотографа; онъ говоритъ, что чрезвычайно трудно снять копіи съ твоихъ картинъ, что всѣ черныя мѣста не выходятъ, но обѣщалъ постараться и на дняхъ возвратить. Я ему говорилъ, что если фот. трудно, то пусть и не дѣлаетъ, но онъ непремѣнно хочетъ сдѣлать.

Завтра буду у графа и графини и разузнаю все. Посылаю тебѣ вчера полученное мною письмо страховое.

Третьяго дня я думалъ было махнуть въ Москву и уже было собрался, да обстоятельства измѣнились, и теперь мои дѣла въ такомъ положеніи, что изъ П.-Бурга я не могу выѣхать; впрочемъ м. б. на праздникахъ и удастся; но едва-ли. Поздравляю тебя съ праздниками и желаю тебѣ...

Весь твой Мих.

XII и XIII.

12-е письмо Лазаревскаго, писанное 13 іюня 1859 года, когда Шевченко былъ въ Малороссіи, стоитъ внѣ связи съ напечатанными письмами Шевченка. Что-же касается 13-аго письма, проще сказать записочки, писанной 17-го іюля 1859 г., то она имѣетъ отношеніе къ 17-му письму Шевченка (Основа, стр. 18). Въ виду отсутствія интереса этой записочки, мы не печатаемъ ее, а только указываемъ, что одновременно съ нею было послано письмо какой-то Марьи Александровны, о которой упоминаетъ Шевченко въ своемъ отвѣтномъ письмѣ.

13 іюня 1859. С.П.Б.

На дняхъ былъ у меня Брылкинъ [1]), пріѣхавшій сюда на сутки. Онъ сказалъ, что формовщикъ, которому ты заказалъ для Брылкина двѣ статуи, хоть и сдѣлалъ ихъ, но одну кому-

---

[1]) Управляющій пароходствомъ «Меркурій», въ Астрахани, гдѣ Шевченко впервые съ нимъ познакомился.

то раньше продалъ, а потому онъ самъ уже заказалъ у него-же двѣ статуи и самъ разсчитается съ нимъ. Просилъ тебѣ кланяться низенько. Я передавалъ объ этомъ Честаховскому, который тоже былъ у формовщика и убѣдился, что все это правда. Поэтому я 50 р. не получу отъ Брылкина. Новаго въ Петербургѣ ничего не слышно. Желяховскій [1]) завтра ѣдетъ и кланяется тебѣ.

О кн. Гагаринѣ есть уже въ газетахъ, а о Гр. Ѳ. П. нѣтъ ничего еще.—

Я уѣду, кажется, къ 1 іюля на мѣсяцъ.

Прощай, будь здоровъ и вертайся счастливъ.

Твой Мих.

---

[1]) Антоній Сава—польскій писатель; Шевченко какъ его, такъ и Сѣраковскаго впервые встрѣтилъ въ Орской Крѣпости.

Памяти В. С. Гнилосырова.

3-го ноября минувшаго года скончался въ г. Каневѣ *Василій Степановичъ Гнилосыровъ.* Совершенно неизвѣстный въ литературѣ подъ этой своей фамиліей и мало выступавшій вообще въ печати подъ своей псевдонимной подписью „*Гавришъ*“, покойный имѣетъ однако всѣ права на то, чтобы имя его было отмѣчено на страницахъ нашей культурной исторіи, если не для отдаленнаго потомства, то хотя бы для современниковъ и ближайшихъ къ нимъ поколѣній. Не говоря уже о тѣхъ симпатичныхъ чертахъ въ характерѣ покойнаго, которыя хорошо были извѣстны лицамъ, близко знавшимъ его; не говоря даже о тѣхъ качествахъ его, которыя, выходя за предѣлы личныхъ отношеній, касались разныхъ сторонъ нашей общественной жизни,—достаточно сказать только о томъ, что В. С. Гнилосыровъ, живя въ Каневѣ съ 1873 года, былъ „вѣрнымъ стражемъ“ могилы Т. Г. Шевченка, постоянно проявляя свою заботливость о сохраненіи ея въ порядкѣ, былъ живой лѣтописью всѣхъ тѣхъ событій, которыя связаны съ вопросомъ о реставраціи этой могилы въ 80-хъ годахъ. Въ этомъ отношеніи имя его хорошо извѣстно многочисленнымъ посѣтителямъ могилы нашего пѣвца Украины, т. к. на вопросъ ихъ о томъ, кто завѣдываетъ могилой, всегда былъ одинъ отвѣтъ—Василій Степановичъ Гнилосыровъ. Вотъ эта-то связь его съ именемъ Шевченка и заставила насъ, по полученіи извѣстія о

смерти его, отложить поминку о немъ до февральской книжки нашего журнала, всегда, въ большей или меньшей степени, удѣляющей мѣсто разнымъ матеріаламъ, имѣющимъ отношеніе къ имени „Кобзаря Украины". И вотъ теперь, въ 40-ую годовщину смерти Шевченка, мы и рѣшаемъ сказать нѣсколько словъ о томъ человѣкѣ, который всю свою сознательную жизнь прожилъ съ беззавѣтной любовью къ родинѣ, такъ чудно воспѣтой „Кобзаремъ", и который закрѣпилъ эту любовь къ ней другою любовью—благоговѣйнымъ отношеніемъ къ памяти того пѣвца, охрана могилы котораго составила одну изъ главныхъ задачъ въ его жизни.

Вас. Степ. Гнилосыровъ родился 21 марта 1836 года и происходилъ изъ мѣщанъ г. Полтавы. Какъ прошли первые годы его дѣтства и ученія, намъ не извѣстно; знаемъ мы только, что по окончаніи средней школы, онъ поступилъ въ Харьковскій университетъ на историко-филологическій факультетъ въ концѣ 50-хъ годовъ, гдѣ былъ ученикомъ, между прочимъ знаменитаго впослѣдствіи, но тогда еще молодого адъюнкта А. А. Потебни, съ которымъ находился въ отличныхъ отношеніяхъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ его письмо къ намъ въ 1899 году, сопровождавшее рукопись букваря Потебни [1]).

Увлеченный въ тѣ годы широкой волной народничества, В. С. Гнилосыровъ, будучи студентомъ харьковск. университета, предается народному дѣлу, распространяя, между прочимъ, среди сельскаго населенія малорусскія книжечки и преобразивъ себя на нѣкоторое время изъ студента въ „книгоношу", путешествующаго изъ села въ село по ярмаркамъ. Нѣсколько любопытныхъ страницъ изъ этого періода его жизни можно прочесть въ „Основѣ" 1862 года (№ 9), въ статьѣ „Пять день зъ життя Х—го студента", подписанной А. Гавришъ и разсказы-

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1899 г. № 8, приложенія.

вающей о студентѣ X—го университета В. С. Г. (Вас. Степан. Гнилосыровъ), но принадлежащей перу самого Гнилосырова. Помимо очень любопытнаго содержанія этой статьи, дающей рядъ живыхъ картинокъ въ изображеніи опыта торговли по ярмаркамъ малорусскими книгами при исключительной обстановкѣ (торгуетъ интеллигентъ, не скрывающій своего званія),—самый языкъ, которымъ статья написана, методъ разсказа, переполненнаго остроумными замѣчаніями и изреченіями—все такъ живо и своеобразно, что нельзя не увлечься чтеніемъ ея и нельзя сейчасъ-же не узнать въ авторѣ того-же самаго В. С. Гнилосырова съ его острой и оригинальной рѣчью, какого мы знали въ теченіе многихъ послѣднихъ лѣтъ его жизни. Этимъ увлеченіемъ живой работой для просвѣщенія массъ, должно быть, надо объяснить и тотъ фактъ, что В. С. Гнилосыровъ въ 1861 году, не окончивъ курса, покидаетъ университетъ и держитъ экзаменъ на званіе учителя русскаго языка, послѣ чего сейчасъ-же получаетъ мѣсто исправляющаго должность учителя того-же предмета въ Ахтырскомъ уѣздномъ училищѣ. Черезъ два года (въ 1864 году) былъ онъ переведенъ на ту-же должность въ Харьковское уѣздное училище, гдѣ прослужилъ до 1869 года, когда вышелъ въ отставку. Отставка его, вѣроятно, должна быть объясняема тѣмъ, что въ это именно время онъ увлекся организаціей „потребительныхъ обществъ“; по крайней мѣрѣ давніе кіевляне должны помнить его въ 1869 году въ Кіевѣ, гдѣ онъ принималъ участіе въ основанномъ здѣсь потребительномъ обществѣ, сразу вызвавшемъ было большое оживленіе въ публикѣ, но очень скоро, благодаря не совсѣмъ удачно поведеннымъ операціямъ, заглохшемъ и черезъ нѣсколько лѣтъ совсѣмъ прекратившемся. Очевидно, разочаровавшись въ этомъ дѣлѣ, В. С. Гнилосыровъ, въ концѣ 1870 года, вторично поступаетъ на службу учителемъ-же русскаго языка въ Звенигородское двухклассное городское училище, а въ 1873 году получаетъ мѣсто штатнаго смотрителя такого-же училища въ Каневѣ и остается въ этой должности до 1895 года, когда выходитъ въ отставку и остается на жительствѣ въ Каневѣ до самой своей кончины.

Не касаясь его служебной дѣятельности въ роли оффиціальнаго лица, мы считаемъ своимъ долгомъ, зная его за весь періодъ его каневской службы, отмѣтить ту страничку въ его педагогической работѣ, которая выходитъ за предѣлы оффиціальности, а именно—его личныя отношенія къ своимъ ученикамъ. Посѣщая его въ Каневѣ, намъ не разъ приходилось быть свидѣтелемъ той простоты и сердечности, съ какою онъ обращался къ своимъ питомцамъ, еще учившимся въ школѣ; тутъ не было и тѣни начальническаго тона, не чувствовалось и намека на излюбленную у педагоговъ дѣланность отношеній и оффиціальность разговоровъ,—все было искренно, просто, преисполнено чисто дружескихъ пріемовъ бесѣды старика съ мальчикомъ, при чемъ въ малорусской его рѣчи при этихъ разговорахъ, которая была его второй натурой, слышался всегда тотъ юморъ, безъ котораго нельзя нарисовать себѣ фигуру этого почтеннаго педагога. Еще болѣе сказывалась сердечность его натуры въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя сохранялись у него съ бывшими его питомцами: воспитывая въ нихъ съ дѣтства ту любовь къ родному, которая въ теченіе всей жизни была неразлучна съ нимъ самимъ, развивая ихъ въ этомъ направленіи еще въ школѣ, В. С. Гнилосыровъ не разрывалъ съ ними связи и въ дальнѣйшей ихъ жизни, по окончаніи школы. Лично намъ не разъ приходилось вести дѣловыя отношенія съ такими лицами—и всегда по порученію или рекомендаціи Василія Степановича; въ разсказахъ ихъ всегда слышалась та нота особеннаго почтенія къ своему учителю, которая не имѣетъ ничего общаго съ оффиціальностью, а звучитъ чистой лирикой, опирающейся на началахъ дружбы людей, раздѣленныхъ только годами. Для лучшаго освѣщенія этихъ отношеній мы воспользуемся выдержкой изъ письма къ намъ одного изъ бывшихъ учениковъ Василія Степановича, который вскорѣ послѣ смерти его писалъ намъ слѣдующее. — „Юношескій блескъ его глазъ, не смотря на шестидесятилѣтній возрастъ, и образная малорусская рѣчь его, то скрашиваемая своеобразнымъ юморомъ, то оттѣняемая острымъ сарказмомъ, производили симпатичное и надолго со-

храняемое въ памяти впечатлѣніе. А слушателями его была преимущественно та молодежь, которая выходила ежегодно изъ городского училища. Эта молодежь, ищущая на первыхъ порахъ по выходѣ изъ школы нравственной поддержки и помощи въ дальнѣйшемъ образованіи и развитіи, всегда находила такую поддержку въ лицѣ своего бывшаго учителя; если-же кто либо изъ этой молодежи обращалъ на себя особенное вниманіе Василія Степановича своими умственными и нравственными качествами, то послѣдній долгое время относился къ нему съ восхищеніемъ. Нерѣдко случалось, что такая личность, выбившись на самостоятельную дорогу, нравственно опускалась или измѣняла первоначальнымъ своимъ убѣжденіямъ, тѣмъ убѣжденіямъ, которыя служили связующимъ звеномъ между ученикомъ и его бывшимъ учителемъ,—но, не смотря на такія печальныя для Вас. Степ. „оказіи", ему еще долго не хотѣлось вѣрить такой, очевидной уже для другихъ, истинѣ. Такія „оказіи" тяжело ложились ему на душу, и онъ, какъ утопающій, хватался за всякую соломинку, желая оправдать, какъ въ собственномъ мнѣніи, такъ и въ мнѣніи другихъ, своего отщепенца-ученика, доказывая этой чертой своего характера все тотъ-же свой юношескій идеализмъ, не покидавшій его до могилы. Припоминая небольшую статейку покойнаго Вас. Степ. „Пять день зъ життя Х—аго студента" и сравнивая мысленно этого молодого студента съ отставнымъ уже учителемъ, черезъ промежутокъ времени около 40 лѣтъ, видишь все того-же молодого душой книгоношу, всю жизнь распространявшаго между молодежью идею народнаго самосознанія, и если слѣдствіемъ такого систематическаго, хотя повидимому и незамѣтнаго, сорокалѣтняго труда оказалось нѣсколько человѣкъ его послѣдователей, то о немъ смѣло можно сказать, что жизнь имъ прожита не даромъ, что у родины смерть отняла добраго ея сына, и что всѣ изъ оставшихся въ живыхъ, знавшихъ болѣе или менѣе близко духовную жизнь покойнаго Василія Степановича, обязаны помянуть его „незлымъ тихымъ словомъ".

Такими сердечными словами оканчиваетъ свое письмо къ намъ его бывшій ученикъ; этими-же словами могли-бы и мы окончить нашу замѣтку, если бы не чувствовали себя обязанными сказать еще о немъ хоть нѣсколько словъ, какъ о человѣкѣ, связанномъ съ нами единствомъ интересовъ въ нашей спеціальной области. Мы говоримъ о нашемъ журналѣ „Кіевская Старина". Сознавая, что изданіе это должно служить интересамъ дорогой для него родины, Вас. Степан. въ теченіе 19 лѣтъ существованія журнала поддерживалъ съ нимъ духовную связь: всѣ его письма къ кіевскимъ знакомымъ всегда касались вопросовъ, связанныхъ съ журналомъ. Хотя литературное его участіе ограничилось очень немногими страницами, напечатанными у насъ [1]), но это зависѣло отъ того, что жизнь въ захолустномъ городкѣ мало представляетъ удобствъ для литературной работы; между тѣмъ намъ достовѣрно извѣстно, что Василій Степановичъ все время слѣдилъ за ходомъ развитія и разрѣшенія всякихъ вопросовъ, связанныхъ съ культурной исторіей дорогой для него Украины, постоянно пріобрѣталъ на свои очень скромныя средства всѣ наиболѣе выдающіяся сочиненія по этимъ вопросамъ и дѣлалъ для себя разнообразныя выписки и замѣтки по поводу ихъ; извѣстно намъ также, что въ его бумагахъ сохраняются многія замѣтки съ воспоминаніями о тѣхъ или другихъ интересныхъ событіяхъ, какъ въ его личной, такъ и общественной жизни. Будемъ надѣяться, что все это не погибнетъ безъ слѣда, и тогда восполнится та литературная роль Василія Степановича, которая, при другихъ обстоятельствахъ личной жизни, несомнѣнно могла бы быть его удѣломъ, принимая во вниманіе его бойкую и умную рѣчь въ минуты оживленія, но которая, такъ сказать, заглохла въ немъ и сдѣлала его при жизни только писателемъ для себя. Считаемъ обязанными сообщить, что вдова покойнаго любезно предоставила намъ право на полученіе всѣхъ этихъ матеріаловъ, съ которыми мы надѣемся познакомить и нашихъ читателей, и тогда

[1]) 10-лѣтіе Каневск. публичн. библіот. 1889 г., № 8.

для всѣхъ будетъ видно, что покойный Василій Степановичъ былъ духовнымъ сотрудникомъ нашего журнала, какъ человѣкъ, всецѣло принадлежавшій интересамъ родного края.

Заканчивая нашу поминку о В. С. Гнилосыровѣ, скажемъ обычное малорусское „земля тоби перомъ"! Пусть же тѣло его мирно почиваетъ неподалеку отъ могилы Тараса Шевченка, а духъ его вѣчно будетъ витать подлѣ той самой могилы, вѣрнымъ стражемъ которой онъ былъ въ теченіе многихъ лѣтъ!

В. Науменко.

М. Т. Симоновъ (Номисъ).

(*Некрологъ*).

Первую книжку текущаго года намъ пришлось начать печальнымъ извѣщеніемъ о кончинѣ 26 декабря 1900 года хорошо вѣдомаго всей Украинѣ этнографа, беллетриста, педагога и общественнаго дѣятеля, *Матвѣя Терентьевича Симонова*, въ печати выступавшаго подъ псевдонимомъ *М. Номисъ*, что составляетъ обратное чтеніе его предковской фамиліи *Симонъ*.

Годъ тому назадъ мы закончили печатаніемъ въ приложеніяхъ къ нашему журналу *разсказы* его, помѣщавшіеся въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ въ „Русской Бесѣдѣ“, „Основѣ“, „Черниговскомъ Листкѣ“ и альманахѣ „Хата“, приложивъ къ нимъ и автобіографическія воспоминанія автора, написанныя спеціально для этого собранія его сочиненій. Ввиду этого, теперь, когда намъ приходится съ горестью печатать поминку объ этомъ почтенномъ нашемъ сотрудникѣ, мы не станемъ повторять болѣе подробныхъ фактовъ изъ его біографіи, а предложимъ читателямъ перечесть вновь его статью „Изъ дѣтскихъ и отроческихъ воспоминаній“ (Кіев. Стар. 1899 г. № 12), а также его брошюру „Замѣтки къ юбилейной, по случаю 25-тилѣтія Лубенской гимназіи, записки“ Кіевъ 1898 г. Мы ограничимся теперь только указаніемъ главнѣйшихъ моментовъ его жизни, чтобы отчетливѣе обрисовался умственный и нравственный обликъ по-

койнаго. Весьма сожалѣемъ, что не успѣли мы для настоящей книжки журнала изготовить и портретъ М. Т. Симонова, который будетъ приложенъ къ слѣдующему номеру.

М. Т. Симоновъ родился въ 1823 году въ с. Зарогъ, лубенскаго уѣзда, и до 1832 года жилъ и обучался дома, въ зажиточной семьѣ отца. Съ 1832 года онъ поступаетъ въ Лубенское приходское училище, въ которомъ остается 3 года и оттуда, до окончанія училища, въ 1835 году переводится въ Переяславское духовное училище, гдѣ остается до 1840 года, а затѣмъ опредѣляется въ 4-ый классъ гимназіи. По окончаніи гимназіи въ 1844 году, онъ поступилъ въ кіевскій университетъ, который окончилъ въ 1848 году по словесному факультету. Службу свою началъ онъ по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, преподавая русскій языкъ и словесность въ гимназіяхъ нѣжинской и немировской, затѣмъ перемѣнилъ службу и занималъ разныя должности въ государственномъ контролѣ въ С.-Петербургѣ, въ контрольныхъ палатахъ псковской, екатеринославской и волынской. Когда земство открыло на свои средства мужскую гимназію въ Лубнахъ, М. Т. Симоновъ приглашенъ былъ занять въ ней мѣсто директора. Въ 1877 г. онъ вышелъ въ отставку и немало поработалъ затѣмъ на пользу земскаго дѣла, будучи одно время предсѣдателемъ лубенской земской управы, и, наконецъ, съ осени 1890 г. былъ мировымъ судьей въ Лубенскомъ уѣздѣ и предсѣдателемъ тамошняго мирового съѣзда.

Его личная и служебная дѣятельность прекрасно охарактеризована слѣдующими строками въ Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ (1901 г. № 8). „Покойный принадлежалъ къ числу такихъ выдающихся дѣятелей на общественномъ и государственномъ поприщѣ, которые собственнымъ своимъ примѣромъ вносили въ окружающую ихъ среду, а въ особенности учащуюся—наглядныя понятія о честности, порядкѣ, трудолюбіи и состраданіи къ ближнему. М. Т., проходя свою службу въ указанныхъ выше учрежденіяхъ и въ послѣднее время, за нѣсколько лѣтъ до своей кончины, оставивъ должность миро-

вого судьи, не измѣнялъ ни прекраснымъ наклонностямъ своего сердца, ни простому образу своей жизни: до смерти онъ тратилъ на себя крайне мало, живя въ обыкновенной крестьянской избѣ, и почти весь свой заработокъ отдавалъ нуждающимся. Привыкнувъ къ трудовой, скромной жизни съ юныхъ лѣтъ, и стоя на разныхъ ступеняхъ общественной дѣятельности, онъ свободные часы проводилъ за своей излюбленной работой на столярномъ верстакѣ и токарномъ станкѣ, много времени посвящая обращавшимся къ нему за разнообразными совѣтами крестьянамъ, любившимъ его безгранично за его практическія и теоретическія знанія въ разныхъ вопросахъ, такой сложной въ настоящее время, деревенской жизни. Не забывалъ онъ и учившейся у него молодежи, часто являвшейся съ разными вопросами къ своему бывшему директору, „строгому, но справедливому". Время директорства М. Т. въ Лубенской гимназіи вспоминается бывшими воспитанниками этой гимназіи съ умиленіемъ, благодарностью къ бывшему ихъ директору".

Чтобы судить, насколько М. Т. Симоновъ былъ преданъ общественнымъ интересамъ и заботился о благѣ родной земли, надо указать на тотъ фактъ, что, продавъ все свое имущество, онъ въ 1895 году подарилъ всѣ свои капиталы (около 50 тысячъ рублей) Полтавскому губернскому земству съ тѣмъ, чтобы капиталъ оставался неприкосновеннымъ, а проценты съ него расходовались на разныя благотворительныя дѣла. Главнымъ изъ нихъ является содержаніе въ родномъ ему селѣ Зарогѣ особаго врача, обязаннаго безвозмездно оказывать медицинское пособіе жителямъ с. Зарога съ хуторами, а также выдавать безплатно лѣкарства.

Но помимо высокихъ качествъ покойнаго, какъ человѣка и общественнаго дѣятеля, онъ, какъ сказано уже, занималъ и въ наукѣ и литературѣ почетное мѣсто, какъ составитель сборника малорусскихъ пословицъ подъ заглавіемъ „Украинськи прыказки, прысливья и таке инше. М. Номисъ". Не будь ничего больше издано и напечатано М. Номисомъ—и въ такомъ случаѣ имя его сохранилось бы въ потомствѣ, т. к. трудъ этотъ составляетъ

вкладъ въ науку малорусской этнографіи не только по богатству матеріала, но и по способу обработки и систематизаціи, особенно принимая во вниманіе, что работа эта исполнена была около 30 лѣтъ тому назадъ. Но кромѣ этого этнографическаго труда, мы имѣемъ цѣлый рядъ разсказовъ М. Номиса въ беллетристической формѣ, въ которыхъ онъ обнаружилъ себя такимъ знатокомъ старыхъ народно-бытовыхъ чертъ своей родины, что чтеніе ихъ невольно переноситъ васъ въ ту обстановку малорусской жизни, которая теперь уже почти отошла въ область невозвратнаго прошлаго. Достаточно перечесть вновь такіе его разсказы, какъ „Отрывки изъ автобіографіи Василія Петровича Бѣлокопытенка“, „Риздвяни святки“, „Дидъ Мына и баба Мыныха“, чтобы почувствовать всю прелесть его простого и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оригинальнаго творчества.

М. Т. Симоновъ скончался въ любимомъ своемъ родномъ городѣ Лубнахъ, гдѣ и похороненъ 29 декабря. Изъ дома до кладбищенской церкви гробъ несли студенты разныхъ университетовъ, бывшіе во время праздниковъ въ Лубнахъ, а въ день погребенія изъ церкви до могилы—учителя гимназіи. На гробъ его возложены были вѣнки: 1) отъ Лубенской гимназіи первому своему директору; 2) отъ Лубенскаго дамскаго благотворительнаго общества; 3) отъ общества вспомоществованія бѣднымъ гимназистамъ; 4) отъ полтавской губернской земской управы; 5) отъ Лубенской уѣздной земской управы; 6) отъ неизвѣстныхъ „Дорогому учителю“; 7) отъ почитателей покойнаго; 8 и 9) сдѣланные руками дѣвушекъ Н. В. и А. С. Время не позволило намъ возложить на гробъ почившаго вѣнокъ отъ имени нашей редакціи, тѣсно связанной съ М. Т. Симоновымъ не только узами частныхъ отношеній, но и единствомъ общихъ интересовъ. Пусть же настоящая поминка будетъ выраженіемъ слабой дани того почтенія, которое мы всегда будемъ питать къ нашему почившему собрату и которое кладетъ на насъ обязательство въ будущемъ дать нашимъ читателямъ болѣе подробную характеристику какъ его личности, такъ и его трудовъ.

В. Н.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Нѣкоторыя данныя для біографіи Т. Г. Шевченка. Въ недавно вышедшей во Львовѣ (1900 г.) книгѣ Fr. Rawita-Gawrońskiego „Studya i szkice historyczne. Serya II», среди другихъ очерковъ, почти исключительно касающихся различныхъ малорусскихъ вопросовъ [1]), встрѣчается «*Kilka słów o rodzinie i miejscu rodzinnem Tarasa Szewczenki*» (стр. 211—224).

Что-же это за «нѣсколько словъ» и насколько эти «слова» для насъ новы и важны? Послѣдуемъ за авторомъ и разсмотримъ по порядку тѣ новыя данныя и новые выводы, къ которымъ пришелъ авторъ интересующаго насъ очерка.

Дѣло въ томъ, что у автора, въ его рукописномъ собраніи, оказалась одна рукопись подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «*Oblata aktu tradycyjnego na gruncie dóbr wsi Kiryłówki i innych w. Dębowskiemu służącego A° 1779, d. 27 Febr. In Cro Kijoviensi*». Это не что иное, какъ инвентарь с.с. Кирилловки, Педыковки и Козацкой долины (нынѣ с. Козацкое), принадлежавшихъ Ксаверію Любомирскому, полковнику русскихъ войскъ, составленный при передачѣ этихъ маетностей В. Дембовскому. Конечно, въ данномъ случаѣ главный интересъ представляетъ инвентарь с. Кирилловки, мѣста рож-

[1]) Здѣсь находятся: Losy wielkiej fortuny na kresach ukraińnych.—Filip Orlik, nieuznany hetman kozacki.—Prawo bartne XVI w.—Pogląd na historyę rolnictwa w Polsce.—Siabrostwo, jako forma władania ziemią.—Ludowe sądy kupne czyli kopne na Polesiu.—Przygoda jmć. p. Józefa Sieńkiewicza, namiętnika chorągwi tatarskiej.—Ludwika Sniadecka.—

денія поэта. Но прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію данныхъ инвентаря, авторъ намѣренъ сказать нѣсколько словъ о семьѣ Шевченка, «такъ какъ этотъ вопросъ (ta sprawa) и донынѣ не исчерпанъ».

Въ біографіяхъ Шевченка (у Чалаго и у Конисскаго) говорится, что Шевченко имѣлъ двойную фамилію—*Шевченко-Грушевскій*, и что дѣдъ, а можетъ быть—прадѣдъ, Иванъ былъ «шевцемъ», откуда и получилъ прозвище «Шевченко». Между тѣмъ оказывается, что въ спискѣ населенія с. Кирилловки *нѣтъ совершенно* фамиліи Грушевскихъ; «ни одинъ изъ прадѣдовъ, и даже дѣдовъ Шевченка не носилъ этой фамиліи». Остается допустить, что это—позднѣйшее, «панщизнянос», добавленіе, явившееся по неизвѣстной для насъ причинѣ, и оно-то, собственно, и является прозвищемъ, уличной фамиліей.

Перейдемъ теперь къ названію «Шевченко». Происхожденіе его, какъ нарицательнаго отъ «шевецъ», по крайней мѣрѣ въ отношеніи дѣда Шевченка, также не подтверждается. Въ инвентарѣ с. Кирилловки 1779 г. встрѣчается 4 названія одного и того же типа: «Васыль Швець, Андрій Швець, *Онысратъ Шевченко* и *вдова Iwania*(!) *Szewczyczuchowa*. Слѣдовательно, фамилія *Шевченко* въ это время уже существовала. Но гдѣ же дѣдъ Шевченка, Иванъ? Такъ какъ его имени не встрѣчается въ инвентарѣ, то авторъ считаетъ возможнымъ допустить «съ полнымъ правдоподобіемъ, что протопластомъ Тараса—дѣдомъ—былъ *Онысратъ Шевченко*» (?), хотя не исключается возможность родства по прямой линіи съ Iwanią Szewczyczuchową. Между тѣмъ, какъ намъ кажется, эта послѣдняя и есть не кто инан, какъ жена дѣда Шевченка, Ивана: на это указываетъ и несуществующее въ Малороссіи имя «Iwania», означающая просто—«жену Ивана» (Иваныху), и, еще болѣе, самая фамилія, образованная въ польскомъ духѣ—на «owa»: очевидно, она по смерти мужа оказалась «*Шевченчыха*» или «Шевчыха», а при записи полякомъ въ реестръ обратилось въ «*Шевчычухова*».

Слѣдующій затѣмъ спорный вопросъ—мѣсто жительства родителей Шевченка. Чалый въ своемъ трудѣ говоритъ, что отецъ Шевченка «переселился въ Моринцы», а Конисскій—«перешелъ на жительство», а въ 1816 г. снова возвратился въ Кирилловку. Авторъ нашего очерка не допускаетъ возможности послѣдняго (первое, само собою, не правильно) въ виду строгости административныхъ поряд-

ковъ того времени: можно было бѣжать, быть проданнымъ въ другое село, но добровольное переселеніе—не мыслимо...

Но въ данномъ случаѣ и Кирилловка, и Моринцы принадлежали одному и тому же владѣльцу,—слѣдовательно, послѣдній ничего не потерялъ бы, если бы его подданный, по извѣстнымъ соображеніямъ и на извѣстныхъ условіяхъ перешелъ на новое жительство въ его же владѣніяхъ. Впрочемъ, мы не настаиваемъ на своемъ утвержденіи, а лишь указываемъ на возможность и такого рѣшенія вопроса.

Какъ же авторъ объясняетъ путаницу въ данномъ вопросѣ? «Мать Шевченка была родомъ изъ с. Моринецъ, а отецъ былъ *не швецомъ и не плотникомъ*, но, какъ видимъ изъ упомянутаго инвентаря, земледѣльцемъ с. Кирилловки» (но могъ бы быть и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ?). «Произошла обычная исторія: мать Шевченка, чувствуя приближеніе родовъ, захотѣла отбыть ихъ у родителей—отбыла, дитя окрестила у родителей и вернулась къ мужу и хозяйству».

Прекрасно... Но почему же въ метрической книгѣ с. Моринецъ, гдѣ записанъ актъ о рожденіи и крещеніи Тараса Шевченка, сказано: «у *жителя* с. *Моринецъ* Григорія Шевченка и жены его Екатерины родился сынъ Тарасъ. Молитвовалъ и крестилъ іерей Алексѣй Базаринскій. Воспріемникомъ при крещеніи былъ Григорій Ивановъ Дяденко, *житель Моринскій*» [1]). — Или предположить, что священникъ допустилъ вольную или невольную ошибку? Однако мы и на этомъ не будемъ настаивать—вопросъ этотъ пока еще открытый.

Перейдемъ далѣе,—къ вопросу о зажиточности семьи Шевченка. Это наиболѣе оригинальная и наименѣе обоснованная часть въ его очеркѣ. Взявъ за основаніе слова поэта въ одномъ изъ его произведеній на великорусскомъ языкѣ: «Передо мною наша бѣдная, старая бѣлая хата, съ потемнѣвшею соломенной крышей и чернымъ «дымаремъ», а около хаты на „причилку“, яблоня съ краснобокими яблоками, а вокругъ яблони цвѣтникъ, любимецъ моей незабвенной сестры... За вербою клуня, а за клуней... „левада“,—авторъ съ достаточной наивностью утверждаетъ: «тамъ въ серьезъ о нуждѣ не могло быть и рѣчи, гдѣ лелѣютъ сады съ цвѣтами (но вѣдь этотъ маленькій цвѣтникъ—отъ собственныхъ трудовъ сестры Тараса?), гдѣ есть хорошія (?) хозяйственныя постройки (?) (клуня), гдѣ есть садъ у хаты, за садомъ огромное (?) паст-

[1]) Кіевск. Стар. 1891, № 2, стр. 315.

бище (левада)». Вообще же, по словамъ автора, причина изображенія въ мрачныхъ краскахъ жизни Шевченка какъ у біографовъ, такъ и у самого поэта, вызвана *«недоразумѣніемъ между простотой, нетребовательностью жизни и обычаевъ того времени и привычками и потребностями псевдо-цивилизаціонными»* (!!)

Наивность ли это, или что-либо большее?

Чтобы обосновать фактически свои утвержденія о зажиточности родителей Шевченка, авторъ ссылается на инвентарь с. Кирилловки 1780 г. (т. е. за 34 года до рожденія послѣдняго!) и находитъ тамъ, что и Iwapia Шевчычуха и Онысратъ Шевченко принадлежали къ наиболѣе богатымъ семьямъ, ибо первая платила чиншу 16 зл., а второй 32, и что въ то время вообще *панщины*, въ смыслѣ земельной повинности, *въ Кирилловкѣ не существовало*; что подати были очень малы и т. п. (стр. 221), а между тѣмъ раньше (стр. 220) одно лишь перечисленіе всевозможныхъ повинностей и платежей заняло чуть ли не полъ-страницы. Да и самъ авторъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 221), говоря о притѣсненіяхъ Любомірскаго, приводитъ свидѣтельство крестьянъ с. Кирилловки, что «дольше они поставлять подводы не будутъ въ состояніи»; «но это,—замѣчаетъ авторъ,—«была причина вовсе не экономическая, но попросту *злоупотребленіе*»!

Таковы новыя данныя о Шевченкѣ, найденныя нами въ очеркѣ г. Равиты-Гавронскаго. Въ сущности, новаго дано очень мало, но за то много раздраженія по адресу «lekkomyślnie operujących słowami biografów», по адресу «школы хлопомановъ и позднѣйшихъ ихъ поколѣній», безъ котораго, повидимому, означенный очеркъ ничего бы не потерялъ, а только лишь выигралъ.

В. Д.

Письмо А. Л. Метлинскаго къ Н. И. Костомарову о проектѣ общества для изданія малорусскихъ народныхъ книгъ. Печатаемое ниже письмо проф. харьковскаго университета Амвросія Лукьяновича Метлинскаго къ Н. И. Костомарову получено было въ Кіевѣ уже послѣ ареста Костомарова, обвиненнаго въ принадлежности къ славянскому кирилло-меѳодіевскому обществу. Съ Метлинскимъ Костомаровъ сблизился еще въ Харьковѣ. У пріятелей явилась мысль издавать сельское чтеніе для простого народа на малорус-

скомъ языкѣ; предполагалось, между прочимъ, переводить статьи изъ «Сельскаго Чтенія» кн. Одоевскаго. Костомаровъ писалъ объ этомъ Метлинскому, предлагалъ подыскать сотрудниковъ и жертвователей и разработать программу изданія для представленія властямъ на утвержденіе; предполагалось просить содѣйствія Министерства Госуд. Имуществъ въ дѣлѣ распространенія изданія между простымъ народомъ. Метлинскій въ письмахъ Костомарову усердно разсматривалъ вопросъ о правописаніи для малорусскихъ сочиненій; К. относился къ этому нѣсколько скептически; М. доказывалъ важность вопроса. При этомъ попутно поднимались вопросы объ исторіи малорусскаго дворянства, о поддержаніи народности и пр. Дѣло о кирилло-меѳодіевскомъ обществѣ, какъ извѣстно, окончилось печально для обвиняемыхъ, и издательское общество, организаціи котораго посвящено письмо Метлинскаго, не могло осуществиться въ то время. Сколько извѣстно, Метлинскій не былъ привлеченъ къ дѣлу, продолжалъ безпрепятственно свою преподавательскую дѣятельность въ харьковскомъ и кіевскомъ университетахъ до 1858 г. Въ 1854 г. онъ напечаталъ «Народныя южнорусскія пѣсни», создавшія ему почетное имя въ литературѣ.

Копія настоящаго письма отыскалась въ бумагахъ покойнаго Н. А. Ригельмана, любезно переданныхъ въ редакцію сыномъ его.

«Харьковъ при католической церкви. 28 марта 1847. Коханый ты мій Миколо! Давненько таки ты не калякавъ еси зо мною. Та силькись! Я не такій мудрый чоловѣкъ, щобъ и тобѣ оддячити за се довгою мовчанкою. Такъ почнемо на мову твою до мене де що казати. Саме важнѣйше зъ усего того, що ты до мене пишешъ, конечне е те за для тебе, що женишся: се змѣна въ житьтю чоловѣка на цѣлый вѣкъ и змѣна безпремѣнна для всѣхъ, окроме деякихъ людей, которыхъ небагато. Бажаю тобѣ зъ будущею жинкою, зъ твоею матерью, зъ усимъ родомъ доброго житьтя отъ Господа Бога, а далѣ здоровья и всякого другого счастя, бо теперь усе для васъ обще и одинъ безъ другого стало буть ничого не матимете. А я для тебе останусь также риднымъ, якъ бувъ и попереду, бо не маю и не матиму семьи, племени и роду особливого: такъ пишло житьтя мое, а може й не безъ Божого попущенія.

Панъ П. П. Артемовскій Гулакъ иногда хвораетъ, а дѣла не покидае: нагадать хочъ про адъюнктство я не мавъ случаю та и не знаю, чи послужило бъ до того. Коли хочъ, напищи до его. Письмо

твое дійшло до мене на страстній недѣли. Чувъ одъ Сементовскаго, що и винъ одъ тебе получивъ. Я не думаю, якъ ты писавъ и пишешъ, щобъ война за правописаніе була задаромъ: бо писаньня и вымова—знамя характера и существа народности. А що таке война за дворянство, не вѣдаю, а равно и що зъ того буде. Я предлагавъ, окромѣ правописанія, змѣну книжокъ и проче, и ничого на те не чую. Писавъ недавно до Срезневского, якій видно дуже... занявся, що тильки до родычивъ пише. Почувъ недавно, що Кулѣшъ за границею, а Шевченко зазнався зъ чарочками (шкода!). Чи не багато, пане брате, замышляешъ? купуешъ имѣніе: гляди, щобъ не *прогцьтстить*(?) [1] грошей задаромъ! [2]

Кулѣшъ просивъ збирать пидписку *на чорную раду на малороске* [3]); почавъ було збирать, а тіи рады немае! Писавъ еси про Хмельницкого: розпытувався, а про Хмельницкого нечути! Задумали есте изданьня для простого народу: чого бъ, кажу, лучше. Почавъ було и самъ я приглашать декого писати що можна для того благого дѣла изъ людей, знающихъ науку добре... такъ ни бо! Вже... щось инше! Хто жъ звѣриться на насъ, якъ буде на тыждень симъ пьятниць?

Общества для печатанія не гудю, только нужно его утвердити гаразд, а то нихто не пристане изъ постороннихъ, а колы мало буде, то выйде изъ усего пшыкъ! Совѣстно и казать (хоча казавъ), бо не вѣдаешъ, що одвѣтить на деяки необходими вопросы. Моя рада (и до нея приставъ бы де хто): збирается сумма (безъ всякаго *общества*... См. *сводъ угол. зак.)* для пособія при изданіи сочиненій, имѣющихъ предметомъ Южную Русь по языку и содержанію или принадлежащихъ южному краю Россіи въ этихъ отношеніяхъ и имѣющихъ цѣлію содѣйствовать так. обр. познанію своего отечественнаго и противодѣйствуя распространенію чужеземныхъ, несвойственныхъ духу и почвѣ народа мечтаній (еще что нибудь о народности, неразрывно связанной съ правосл. и самодерж.), послѣдуя примѣру Географическаго общества и тому подобное (ты понимаешь, что надобно оставлять что-нибудь и для размышленія читателю и

---

[1]) Очевидно въ копіи слово исковеркано: вѣроятно—*запропастить*

[2]) Н. И. Костомаровъ дѣйствительно думалъ было купить небольшое имѣніе въ Кіевщинѣ, но затѣмъ отказался отъ этого плана.

[3]) Вѣроятно—*по-малорусски*.

соблюдать не только раціональныя, но и оффиціальныя формы). Подписчикъ вноситъ 10 или 15 р. сер. *единовременно* (кто хочетъ, пожалуй и больше: тѣмъ лучше!). Капиталъ кладется въ Приказъ общественнаго призрѣнія въ Кіевѣ и Харьковѣ (для избѣжанія издержекъ при пересылкахъ), съ тѣмъ, чтобы проценты ежегодно выдавались въ Кіевскія или Харьковскія типографіи за напечатаніе упомянутыхъ сочиненій. Сочиненія должны быть одобрены, по крайней мѣрѣ, тремя изъ подписчиковъ, доказавшихъ свое знаніе языка и края, или избранными отъ прочихъ подписчиковъ. Подписчики получаютъ проценты (даже 10-й) на свою сумму книгами, изданными (ничего не теряютъ), а сверхъ того напечатанные экземпляры предоставляются автору въ пользу и распоряженіе (подписчики постоянные могутъ и должны бы помогать также сбыту).—Я надѣюсь быть лѣтомъ въ Кіевѣ. Если общество рѣшится на что-нибудь подобное, взнеси за меня: или отдамъ лично, или пришлю деньги, ежели дѣло состоится и найду участниковъ, а не то, буду подписчикомъ на Шевченка и хорошія сочиненія.

Кланяюсь панови Шевченкови и посылаю подарунокъ [1]). Де винъ бувае, Богъ его знае: перешли до его. Извѣсти, коли кому изъ щирыхъ знадобится моя книжка: багатому за гроши, а бѣдному за спасибо: идучи у Кіевъ, буде случай передать. Тугъ начинаютъ багато де хто говорить, а у мене есть довольно и писаного, больше чудного и, особливо по языку, дуже доброго. Якъ бы составився капиталъ, то навѣки нашлась бы дорога для слова и дарованія: уже на 300 единовр. пожертвованій можно бы мати проценты для невеличкои книжечки, а що больше, то лучче для кожного, и потому було бъ выгодно для кожного шукать пристаючихъ до сего дѣла.—Программу въ такомъ родѣ, какъ я отчасти накинувъ, треба бъ напечатать и роздать ревнителямъ въ достаточномъ числѣ экземпляровъ (печатное много значитъ!) Существо дѣла, напр., что печатать на южномъ языкѣ, подразумѣвать и кому слѣдуе объявить и соблюдать; въ печатной же программѣ нечего входить въ *мелочи* и *подробности*; они должны быть приняты *tacite*. Я готовъ бы може пристать и до вашого плану; но ты нычого про се опять не пишешъ и до

[1]) Къ письму приложено стихотвореніе Владиміра Александрова «До Т. Шевченка»: «Брате-голубе Тарасе! Счастливый ты въ Бога: Богъ давъ тоби слезы й слово—Спивай яко мога» и пр.

Сементовского. Да и какъ, опять, просить давать сочиненія *безмездно* кого нибудь? Свое готовъ бы, но чужое просить совѣстно. Но повторяю, чтобъ дѣлу доброму не помѣшать, на первый разъ 10 р. за мною, а дальшъ побачемо, якъ Богъ дасть».

Письмо В. В. Тарновскаго къ Т. Г. Шевченку. Письмо это, не датированное временемъ и мѣстомъ, касается какого-то произведенія Шевченка, которое В. В. Тарновскій, извѣстный дѣятель по крестьянской реформѣ,[1]) совѣтуетъ даже сжечь. Неизвѣстно, о какомъ сочиненіи идетъ рѣчь, но судя по тону письма, вѣроятно объ одной изъ повѣстей его на русскомъ книжномъ языкѣ, такъ-какъ совѣты, подобные даваемому В. В. Тарновскимъ, часто слышались отъ разныхъ лицъ по адресу его русскихъ повѣстей, какъ напр. въ 1858 г. отъ П. Кулиша и С. Аксакова.

«Когда Вы разсказывали мнѣ, милый другъ, Тарасъ Григорьевичъ, содержаніе сочиненія Вашего, я со всею откровенностію выразилъ Вамъ мою мысль о главномъ недостаткѣ его и догадывался, что оно не удастся и въ исполненіи... Теперь я убѣдился, что самый высокій талантъ падаетъ, когда избираетъ ложный путь: исполненіе ниже Вашего таланта.—Умоляю Васъ, сожгите Вашу рукопись. Горько намъ было бы, если бы мимолетное заблужденіе положило пятно на Вашу славу и вмѣстѣ съ тѣмъ и на нашу народную литературу.—Простите мою искренность, она внушена глубокимъ къ Вамъ уваженіемъ и любовью къ Вамъ и народу.

Вашъ искренній другъ В. Тарновскій.

Вѣнчаніе вокругъ „дижи“. (*Случай двукратнаго вѣнчанія одной и той же четы*). Въ концѣ 20-хъ гг. XIX ст. въ с. Колодистомъ, Звенигородск. у., появился, какъ кажется изъ Черкасскаго уѣзда, нѣкій, преклонныхъ лѣтъ священникъ Левицкій,—„дыкій попъ“ Появленіе его въ означеномъ мѣстѣ вызвано было двумя причинами: съ одной стороны, дочь его, вдовая матушка, вышла замужъ за одного изъ богачей с. Колодистаго—крестьянина Павла Зарембу; а съ другой—батюшка, не вѣдомо за какія прегрѣшенія, находился „на запрещеніи“. Явив-

[1]) См. о немъ Кіевск. Стар. 1898 г. № 4.

шись въ село, гдѣ въ то время священствовалъ Маркіанъ Доманицкій, и, не имѣя никакого занятія, священникъ Левицкій придумалъ оригинальный способъ конкуренціи съ мѣстнымъ настоятелемъ: сталъ вѣнчать по дешевымъ цѣнамъ и при томъ упрощеннымъ способомъ. Похитивши заблаговременно на клиросѣ въ церкви требникъ, о. Левицкій, гдѣ-нибудь въ коморѣ, или въ хатѣ, ставилъ брачущихся въ парѣ, читалъ надъ ними изъ требника соотвѣтствующія молитвы и, при пѣніи «Исаія ликуй», обводилъ ихъ трижди вокругъ „*дижи*“. На этомъ обрядъ и прекращался. Если же почему-либо о. Левицкому не удавалось заблаговременно припрятать требникъ, тогда онъ читалъ различныя молитвы на память, какія только приходили ему въ голову, при чемъ фантазія играла не послѣднюю роль. Слава о немъ, какъ о священникѣ, который вѣнчаетъ безъ всякихъ формальностей, прогремѣла далеко. Къ нему начали съѣзжаться крестьяне и мелкіе панки изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей Звенигородщины и Уманщины, и Херсонской губерніи—всѣ, у кого являлись затрудненія въ смыслѣ паспорта или близкой степени родства. Дошло даже до того, что Колодистскіе парафіане совершенно перестали вѣнчаться въ церкви у своего настоятеля.[1]) И не одну пару, да и не одинъ десятокъ, повѣнчалъ о. Левицкій упрощеннымъ способомъ; а тѣ и не подозрѣвали, что ихъ брачные союзы, освященные благословеніемъ священника „не законны...“

Между тѣмъ прошло почти двадцать лѣтъ. Одни изъ обвѣнчанныхъ о. Левицкимъ умерли (мы разумѣемъ только Колодистскихъ), другіе разошлись по бѣлу свѣту, немногіе остались въ живыхъ; умеръ уже и мѣстный священникъ, при которомъ совершалъ вѣнчанія о. Левицкій,—Маркіанъ Доманицкій, а на его мѣсто поступилъ сынъ его Михаилъ. Какъ вдругъ откуда-то дошла вѣсть до консисторіи (почти черезъ двадцать лѣтъ!) о «неблагополучіи» въ с. Колодистомъ. Докладываютъ архіерею, архіерей велитъ изготовить указъ, по которому всѣхъ лицъ, обвѣнчанныхъ незаконно свящ. Левицкимъ, предписывается немедленно обвѣнчать „*повторяемымъ браком*ъ“. Ко времени

---

[1]) Любопытную картину представляютъ записи метрическихъ книгъ того времени. Въ отдѣлѣ о брачующихся, число состоявшихся браковъ въ г.г. 1824—1826 и 1829—1837 въ среднемъ даетъ цифру 12, не понижаясь за 8 и не поднимаясь за 17. Между тѣмъ въ годы пребыванія свящ. Левицкаго—1827—1828—оказывается: въ 1827—3, а въ 1828—1.

полученія указа, въ нач. 1846 г., въ с. Колодистомъ оказалась, кажется, только одна чета, подлежащая „повторяемому браку". Это были: казенный крестьянинъ Яковъ Матвѣевъ Заверуха, *67* лѣтъ, и жена его – Евфросинія Ивановна—*56* л.[1])

Трудно вообразить себѣ, какія чувства испытывали престарѣлые новобрачные, потребованные къ вѣнцу послѣ почти двадцатилѣтней совмѣстной семейной жизни, имѣвшіе уже взрослыхъ дѣтей,—и теперь эти послѣдніе оказываются какъ будто незаконными![2])

Обвѣнчанная наново чета еще не скоро отошла въ иной міръ. Мужъ умеръ спустя девять лѣтъ (въ 1855 г.), а женѣ суждено было существовать еще цѣлыхъ 28 лѣтъ.

Собщилъ **В. Доманицкій.**

Къ бытовой исторіи малорусскихъ монастырей. *Письмо гетмана Разумовскаго къ кіевскому митрополиту о томъ, чтобы Максаковскій игуменъ и другія духовныя власти не брали платы на паромныхъ перевозахъ.* «Преосвященнѣйшій господинъ архіепископъ митрополитъ Кіевскій, намъ въ Духу Святомъ отецъ пастыръ. Умершого судіи генералного Лисенка жена, чрезъ поданное свое прошеніе, донесла намъ, что ігуменъ епархіи Кіевской, монастира Максаковскаго Митрофанъ Горленко, прошлого юня, первихъ числелъ, у отправленнихъ отъ еи судіинной подданнихъ, въ еи маетность, съ трема куфами простого вина, едну куфу, за неуплатку перевозного, заграбилъ былъ, и по тѣ поры въ монастырѣ содержалъ, пока требуемого платежа неуплачено. Да и въ прошломъ де мѣсяцѣ сентябрѣ онъ же, игуменъ, въ ѣдущихъ же къ ней судіинной съ естними и другимы домовимы припасы, подданнихъ же, заграбилъ же до нѣсколко десять локоть свитного сукна, которое де хотя на еи судіинной прошеніе и возвратилъ, толко къ пей, судіинной, писалъ, дабы отъ неи подданнимъ было притверждено, чтобъ подданніе еи, переезжаючіе чрезъ Максаковскій паромъ, платились, и просила въ томъ нашего разсмотренія. И хотя намъ еще неизвѣстно по какимъ крѣпостямъ оной Максаковскій монастыръ то перевозное збѣраетъ и должно-лъ собѣрать ему, и какой

[1]) По слухамъ, всѣхъ «перевѣнчанныхъ» было паръ десять. Но въ Метрич. книгахъ мы нигдѣ не нашли подтвержденія этого.

[2]) Кромѣ этихъ дѣтей, у Якова Заверуха были еще другіе дѣти отъ первой жены, большею частію уже пристроенныя.

платежъ съ купечества?—О томъ впредь надлежащіе справки учинены будутъ. Нынѣ же, яко изъ вишеписанного доношенія оказуется, что на ономъ перевозѣ и изъ подданныхъ владѣлческихъ не ради купечества, но точію зъ припасами владѣлческими изъ одной въ другую деревню переезжаючихъ, требуется платежа. А уповаю, что вашему преосвященству не безъизвѣстно о состоявшихся указахъ за жизнь блаженнія и вѣчнодостойнія памяти государини императрицы Анны Іоанновны, Самодержицы Всероссійской, въ 734 году, августа въ 8 д., имянномъ, за подписаніемъ собственнія ея импер. величества руки, въ коемъ между протчимъ повелѣно: на мостахъ, на греблихъ и на перевозахъ—зъ генеральной старшины, полковниковъ и съ полковой старшины, сотниковъ и протчихъ чиновниковъ, такожъ и зъ козаковъ зъ доношеніями въ Глуховъ и въ протчіе мѣста посилаемихъ, да и съ подданныхъ старшинскихъ и полковничихъ и протчихъ чиновниковъ—съ естними и питейними припаси въ Глуховъ къ нимъ едучихъ а изъ Глухова возвращающихся—никакого платежа не брать, по прежнему ихъ обикновенію, 2) Правительствующаго сената въ 746-мъ годѣ, генваря 20 д., съ темъ повелѣніемъ, даби со всякихъ служивихъ людей, козаковъ, духовенства и посполства, переезжаючихъ не ради своего купечества,—мостового, погребелного и перевозного отнюдь не брать, подъ взятіемъ неопустного штрафа. Того ради, ваше преосвященство, соблаговолѣте, какъ къ оному ігумену Максаковскому, такъ и къ другимъ духовнимъ властямъ, у коихъ въ Малой Россіи такіе жъ перевози имѣются, чтобъ на онихъ зъ козаковъ и посполства, переезжаючихъ не ради купечества, никакого платежа не взимано и не требовано накрепко предложить, а отъ насъ къ полковнику Чернѣговскому, чтобъ онъ наблюдать приказалъ, даби въ силѣ предписанныхъ указовъ на томъ Моксаковскомъ и другихъ перевозахъ никакого платежа зъ козаковъ и посполства, не за купечествомъ едучихъ, отнюдь не взимано, предложено.

Вашего преосвященства *послушнѣйшій слуга Графъ К. Разумовскій.* [1])

751 году, ноября 5 дня. № 2513».

(Съ подлинника).

---

[1]) Курсивомъ напечатанныя слова писаны собственноручно граф. К. Разумовскимъ.

Переселеніе малороссіянъ въ Тамбовскій край въ полов. XVIII вѣка. Сложившіяся тяжелыя условія общественной жизни для крестьянъ и козаковъ въ гетманщинѣ—заставляли ихъ,—уже съ первыхъ десятилѣтій XVIII в.,—покидать родину и уходить въ невѣдомыя мѣста для отысканія лучшихъ условій быта. По свѣдѣнію Якова Марковича, уже въ 1741 г. «мужики» Лубенскаго полка «записывались въ Оренбургъ» ... (II, 139). А вотъ любопытное свѣдѣніе о переселеніи гетманцевъ въ Тамбовскій край въ 1751 г., сообщаемое И. И. Дубасовымъ въ его интересныхъ разсказахъ „Изъ Тамбовскихъ былей".

„Въ 60-хъ годахъ прошлого вѣка у насъ все еще совершалась первобытная колонизація. Шли къ намъ цѣлыми сотнями-таборами и малороссы. Они обыкновенно «осаживались» на свободныхъ земляхъ крупныхъ тамбовскихъ помѣщиковъ и обязывались платить за это владѣльцамъ «чиншовой сборъ». Такъ, въ 1751 г. малороссы, подъ начальствомъ Якова Гуца, поселились на землѣ Нарышкиныхъ, въ Шацкомъ уѣздѣ, и основали село Новодмитріевское, Елань тожъ. Мало-по-малу колонія размножилась и усилилась вслѣдствіе естественнаго размноженія и новыхъ переселеній. Тогда Еланцы, по старокозацкому обычаю, задумали присвоить себѣ новоселитьбенныя земли. Они собрались «со всей слободы до единаго человѣка, вооруженные пришли въ домъ Нарышкинскаго управляющаго Небольсина и отняли у него Нарышкинскую казну. А затѣмъ торжественно и самоуправно объявили сами себѣ, что занятая ими земля не Нарышкинская, а казенная.»

«Иные ихъ земляки поступали гораздо хуже. Въ 1760 г. Малороссійскій таборъ, человѣкъ въ 500 и больше, самовольно поселился въ «Чураевскомъ бору», близъ р. Выши, раздѣлился на „куренп" и безпечно зажилъ козацкою жизнію. Чураевскіе козаки въ своемъ глухомъ лѣсу выбрали поляну въ нѣсколько верстъ и поставили «многія избы» и «вырыли многія землянки». Чѣмъ жили они, мы не знаемъ. Вѣроятно, про это знали лучше ихъ сосѣди и г. г. проѣзжающіе... Шацкія власти приступили къ упорядоченію Чураевскихъ самовольниковъ только въ 1771 г....» (*Русск. Арх.* 1900, № 3, *стр.* 427).

Это было *свободное* переселеніе на востокъ. *Несвободныя* переселенія крестьянъ, изъ Малороссіи, туда—случались нерѣдко въ XIX в. Объ одномъ изъ нихъ приводитъ любопытныя свѣдѣнія г. Влад. Короленко въ разсказѣ о переселеніи гр. Ал. Кир. Разумовскимъ, (бывшимъ м—ромъ нар. просвѣщенія) своихъ крестьянъ въ Лукьяновскій уѣздъ,

Нижегор. губ., (Русск. Вѣд. 1892 г., № 319 и Русск. Богатство 1893 г., № 7, стр. 170).

Къ исторіи народнаго волненія, бывшаго въ гетманщинѣ вслѣдъ за поставленіемъ Мазепы гетманомъ. Объ этомъ народномъ волненіи имѣется уже нѣсколько свѣдѣній (см. Кіевск. Стар. 1898 г., мартъ, 483). Приводимъ еще одно.

«Року 1687, мца октоврия 20 дня. На ратушу нашомъ Гадяцкомъ, предо мъною Іваномъ Озерянскимъ, на сей часъ сотникомъ Гадяцкимъ, Ѳеодоромъ Донъцемъ, атаманомъ городовимъ, при бытности значного товариства войскового, пана Тишъка Подлѣсного, пна Ехима Вечюрки, Кирила Мартиновича, Жадка Стефановича, Ѳеодора Бруховецкого, Криштопа Вѣлъчинъского, городничого Гадяцкого, а из майстрату Гадяцкого: Романа Михайловича, войта, Ігната Василевича, Івана Тимошенъка, бурмистровъ Гадяцкихъ. Станувши персоналѣтеръ Пасko Степаненко і Герасимъ Паниченко, жители Лютенъские, поручилися за трохъ чоловѣка, втожъ жителей Лютенъскихъ, іминно: за Паска Бойченка, Матвѣя Кубѣтенъка и за Куця Колесника, а то таковимъ способомъ, ижъ оние мененъние Пасko Бойченко, Матвѣй Кубѣтенко і Куцъ Колесникъ розъшарпали худобу его млсти пана Михайла Буроховича, полковника войска ихъ црского пресвѣтлого величества Запорозского Гадяцкого, подчасъ трхъ нещасливихъ рабунъковъ; теди такъ тие поручники Пасko Степаненко і Герасимъ Паниченко дали на себе таковий вирокъ, мовлячи такъ: если би который колвекъ мѣвъ ухилитись с тихъ то рабовниковъ, мы повинъни за той ихъ выступокъ, яко поручники, во всемъ що ни шкодуетъ его млть панъ полковникъ нашъ Гадяцкый—сами все тое слушне нагородити мы мѣмъ, що втожъ мы вишънаписаний урядъ оную поруку записавши, его милости пану Михайлу Боруховичу, полковникови своему, при звиклой печати наши майстратовой казалисмо видати.

Писанъ на ратуши нашомъ Гадяцкомъ, року и дня вишписаного. М. П.

Року 1688, мца февруария 18 д., данъ термѣнъ з суду Паску Степаненку и Герасиму Паниченку і назначено до середопустя на постановлене передъ судомъ Паска Бойченка, а ежели не поставятъ

на менованый термѣнъ передъ судомъ, теды всю шкоду одъ Паска учиненую, оны поручники, заплатити маютъ тисячу золотыхъ пану полк(овникови). Захария Шыйкевичъ». (*Съ подлинника*).

Походное вооруженіе гетманскаго козака въ 1735 г. видно изъ слѣд. „вѣдомости", представленной Топальскимъ сотникомъ въ „полковую Стародубскую канцелярію"—„коликое число сотнѣ Топалской козаковъ въ походъ откомандировано и что въ нихъ имѣется оружія и оружейныхъ припасовъ".

— Григорій Кириановъ имѣетъ мушкетъ, шаблю и списъ, пороху фунтовъ полтретя ($2^1/_2$), куль 50.

— Савка Махорынъ имѣетъ мушкетъ, шаблю и списъ, пороху фунт. 2, куль 70.

— Николай Гракъ имѣетъ мушкетъ, шаблю и списъ, пороху фунтовъ 2, куль 50.

— Мойсей Розумановъ имѣетъ мушкетъ, шаблю и списъ, пороху фунтовъ 2, куль 100.

— Артемъ Хаменокъ имѣетъ мушкетъ, шаблю т списъ, пороку фунтовъ 3, куль 100. И т. д.

Всѣхъ перечислено 14 козаковъ.

«На сей вѣдомости подписались: Сотникъ наказный Топалскій Михайло Янджулъ. За хоружого правящый Гаврилъ Бочокъ. Писаръ сотнѣ Топалской Хрисанеъ Околовичъ». (*Съ подлинника*).

Литература народнаго самоврачеванія въ Малороссіи. Въ 1882 г. была издана очень интересная книжка Н. В. Слюнинымъ—„Матеріалы для изученія народной медицины въ Россіи", (СПБ. 8°, 91 стр.) въ приложеніи къ которой помѣщенъ указатель *газетныхъ статей* по народному самоврачеванію. Изъ этого указатель перечисляемъ статьи, относящіяся къ Малороссіи.

1861 г. Кіевскій Телеграфъ, № 50.—1863 г. Харьковскія губ. вѣдомости, № 22—1867 г. Кіевск. губ. вѣд., №№ 2—15. Кіевлянинъ, №№ 82—89.—1868 г. Кіевск. телеграфъ, №№ 56—57—1875 г. Кіевск. Губ. Вѣд., № 7.

Два универсала Спиридону Шираю, 1688 г. (*Къ характеристикѣ Мазепы*). Въ числѣ бумагъ, поступившихъ въ б—ку университета св. Владиміра изъ собранія М. О. Судьенка, находятся, между прочимъ, слѣдующіе два универсала, *въ подлинникахъ*.

I. „Іоанъ Мазепа, гетманъ зъ войскомъ ихъ царскаго пресвѣтлого величества Запорозкимъ.

Пану полковникови Стародубовскому, зо всею его полковою старшиною, также сотникомъ, атаманомъ и всѣмъ обывателемъ тамошнимъ, ознаймуемъ, ижъ зъ певныхъ респектовъ и причынъ надаемъ в завѣдованіе и в уживаніе, до ласки нашой войсковой, селце Спинимъ прозиваемое п. Спиридонови, обывателеви Стародубскому. Вѣдаючи теди о таковой нашой волѣ, абы ему, помененному Спиридонови в держеню того пречетного села и в отбираню з него отъ тяглыхъ людей (опрочъ козаковъ) всякого послушенства, не важился якъ самъ панъ полковникъ Стародубовский, такъ и нѣхто зъ обывателей тамошнихъ жадной и найменшой чинити перешкоды, пилно мѣти хочемъ и приказуемъ. З Батурина. 26 мая, 1688. Звышъменованъный гетманъ рукою власною".

II. „Іоанъ Мазепа, гетманъ зъ войскомъ ихъ царского пресвѣтлого величаства Запорозкимъ.

Вѣдомо чинимъ симъ нашимъ писанемъ кождому, кому бы о томъ вѣдати належало, меновите пану полковниковѣ войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорозкого Стародубовскому, обозному, судіи, асаулови, сотникомъ, атаманомъ и всему старшому и меншому полку тамошнего товариству, ижъ по указу великихъ государей нашихъ, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великой государынѣ и благовѣрной царевни и великой княжны Софіи Алексѣевни, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцовъ, кгды мы справуемъ въ Малороссійскихъ городахъ належитый порядокъ, уступивъ доброволне учтивый панъ Ісаакъ Ярмоловичъ Деревянка такъ уряду войтовства Стародубовского, яко и села Озаричъ [1]), на тотъ же урядъ идучого, а на тое мѣстце отъ майстратовыхъ и обывателей Стародубовскихъ есть обранъ панъ Спиридонъ. Однакъ же ми для заслугъ его и певныхъ респектовъ, не отдаляемъ пана Ісаака Ярмоловича отъ слободки на томъ крунтѣ,

[1]) Должно быть Азаровки.

прозываемой Антоновъ Лубокъ, стоячой, але позволяемъ ему зъ людей тяглихъ тамошнихъ належитое собѣ отбирати послушенство; также и зъ трохъ млиновъ на рецѣ Ревнѣ своею працею и своимъ коштомъ въ певнихъ рознихъ мѣстцахъ, именно: на сыромъ коренѣ, подъ селомъ Демянками, урочища Гутнича и въ селѣ Понуровцѣ построенихъ, при господарской своей части отъ войсковихъ размѣровъ до ласки нашой не отдаляемъ. Тутъ же и сѣножати его, называемие Будища, межи рѣчъками Ревною и Товкачовкою, за власние свои грошѣ покупление, на которие и купчие маетъ, симъ нашимъ универсаломъ ствержаемъ. Въ якомъ прето заживаню всѣхъ тыхъ вишъ писанихъ добръ, аби нихто такъ зъ старшини и черни найменшои не важился чинить пану Ісааку перешкоди, нилно варуемъ и рейментарско заказуемъ. Писанъ въ Батуринѣ, року 1688, мѣсяця ноеврія 3.

Звышъ менованный гетманъ рукою власною".

Не имѣя предъ собою перваго универсала въ подлинникѣ можно было бы усомниться въ его дѣйствительности. Но этому универсалу Мазепа, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего поставленія, отдаетъ крестьянъ села Синина, „съ певныхъ респектовъ и причинъ", „п. Спиридонови, обывателеви Стародубскому", при чемъ отдаются крестьяне, на общемъ основаніи—„для отбиранія отъ нихъ всякаго послушенства". Кто такой „п. Спиридонъ", какія его заслуги въ «Войскѣ» (только за эти услуги гетманъ и могъ раздавать маетности)—объ этомъ въ универсалѣ не говорится ни слова, вопреки непремѣнному тогдашнему обычаю—указывать на услуги «Войску» жалуемаго.

Черезъ пять мѣсяцевъ послѣ выдачи перваго универсала, выдается другой универсалъ, извѣщающій объ избраніи войтомъ главнаго торговаго центра старой Малороссіи,—Стародуба,—тогоже «п. Спиридона», (при чемъ въ универсалѣ указывается опять одно только календарное имя новаго войта), и утверждающій за прежнимъ войтомъ маетности. Въ этомъ второмъ универсалѣ обращаютъ на себя вниманіе, какъ его редакція, такъ и тѣ обстоятельства, при которыхъ состоялось поставленіе новаго войта... Въ текстѣ универсала найдено нужнымъ указать на источникъ гетманскаго права при «устроеніи въ Малороссійскихъ городахъ надлежащаго порядка», каковыхъ указаній въ тогдашнихъ гетманскихъ универсалахъ обыкновенно не дѣлалось. Значитъ, гетману нужно было подчеркнуть значеніе своей власти... А

затѣмъ говорится, что «п. Спиридонъ» выбранъ войтомъ послѣ того, какъ прежній войтъ Исакъ Деревянка *отказался* отъ этого уряда, при чемъ за отказавшимся отъ войтовства Деревянкою—тутъ же утверждаются разныя пріобрѣтенныя имъ во время войтовства имѣнія и утверждаются въ такомъ видѣ, точно Деревянка ими вознаграждается за его отказъ отъ войтовства...

Приведенные универсалы станутъ болѣе понятными, когда будетъ добавлено, что указываемый въ нихъ «п. Спиридонъ» былъ богатый Стародубскій купецъ, который велъ обширную заграничную торговлю пенькою, сначала черезъ Ригу, а потомъ черезъ Архангельскъ. Прозывался онъ Шираемъ, но, повидимому, прозвище это у «п. Спиридона» было не родовымъ, а только личнымъ («уличнымъ»), почему онъ, быть можетъ, и стѣснялся называть себя въ оффиціальныхъ бумагахъ этимъ прозвищемъ...

Однако жъ, не смотря на свое богатство, «п. Спиридонъ» въ маѣ 1688 г. былъ только Стародубскимъ мѣщаниномъ, т. е. человѣкомъ «посполитого стану», не имѣвшимъ слѣдовательно, по своему состоянію, никакого права на владѣніе крестьянами... Но «п. Спиридонъ» былъ очень богатъ... Поэтому является логическое предположеніе, что Мазепа далъ Шираю село Синицъ—съ тѣхъ «респектовъ и причинъ», что Ширай хорошо ему за это заплатилъ... Другихъ «респектовъ и причинъ», о которыхъ нельзя было бы сказать въ универсалѣ, выискать трудно... Несомнѣнно, что *особая* помощь гетманской власти оказана была Шираю и при поставленіи его на войтовство Стародубское. И если Синицъ былъ данъ Шираю за деньги, то такія же деньги должны были быть даны и за универсалъ, которымъ закрѣплялась состоявшаяся между Деревянкою и Шираемъ сдѣлка—о замѣнѣ, для перваго изъ нихъ, войтовскаго уряда маетностями...

Приведенная здѣсь догадка для объясненія выданныхъ Мазепою Шираю универсаловъ—является еще болѣе вѣроятною, когда вспомнимъ, что именно въ это время Мазепѣ нужны были деньги, и *деньги большія*, для пополненія десятитысячной «обѣтницы» Голицыну за помощь на Коломакѣ... [1]).

---

[1]) См. Кіевск. Стар. 1898 г., мартъ, 477. Интересно, что впослѣдствіи Мазепа даже породнился съ Шираемъ, такъ какъ сынъ послѣдняго былъ женатъ на дочери Мазепинаго пасынка Кристофа Фридриковича.

Опись домашнихъ вещей бунч. тов. Григорія Фридрикевича. Отецъ Григорія Ф—ча Криштофъ Самойловичъ Ф—чъ, сотникъ Седневскій († 1700), былъ, какъ извѣстно, пасынкомъ Мазепы. [1]) Поводъ къ составленію настоящей описи не объясняется, но можно догадываться, что она составлена по случаю смерти Григорія Ф—ча, *въ пути*, и именно въ м. Воронежѣ, гдѣ поэтому опись находившихся при умершемъ вещей и была составлена тамошнимъ сотникомъ Холодовичемъ. Григорій Ф—чъ умеръ въ двадцатыхъ годахъ (XVIII в.), такъ какъ въ 1728 г. вдова его была уже за вторымъ мужемъ. Опись вещей интересна, какъ по общественному положенію ихъ хозяина, такъ и по указанію *дорожныхъ* вещей, при чемъ совсѣмъ непонятно—зачѣмъ Ф—чу въ пути нужно было имѣть три дюжины деревянныхъ ложекъ... Можетъ быть, что онъ ихъ везъ куда-то. Интересно указаніе, что въ гробъ покойному положена былъ и «хустка матеріалная», т. е. шелковый платокъ носовой...

«Реестръ покойного пана Григорія Фридрикевича позосталихъ рѣчей. Въ червоной и чорной шкатулкахъ, межъ росписками и сказками ревѣзіи Нѣжинской и между прочими письмами, нѣчого болшъ не винашлось, кромѣ крѣпостнихъ на кгрунта мунѣментовъ, якіе въ тую жъ чирвоную шкатулку зложивши, реестровне оставлены в добромъ сохраненіи у Воронежу, в мене, и при оныхъ еденъ золотій сегнѣтъ (перстень съ печатью), а другій такожъ золотій обручикъ, которіе з рукъ у покойного зняты; а тамъ-же, въ червоной шкатулкѣ былъ крестикъ позлоцаній з мощами святыхъ, и зверцадло складное, тое до рукъ отдано Івану Коваленку и Кирилу, слузѣ покойного п. Григорія, а другая шкатулка чорная, зъ нѣкоторими приватними писмами, отсилается.—Въ третой скринцѣ палубчатой: шапка баранковая. Божка срѣбная. Ложокъ деревяныхъ Московскихъ тузневъ (дюжинъ) трое. Питушокъ (рюмокъ?) кришталнихъ трое. Молитовникъ зеленый, которій взяла себѣ на память п. сотникова (мать умершаго). Ножовъ пара. Рукавицъ пара. Спалня одна. Кантурки пѣстолетныи чирвоныи, гаптованіи. Кошуль паръ трое. Фанджаловъ чаевыхъ сѣмъ. Печатка срѣбная една. Шапка лисяя. Шапка видровая. Ручниковъ два. Серветъ шѣсть. Пантоплѣ червоніи. Пуздерко з чотирма плашками кришталними и чаркою срѣбною. Въ палубѣ (повозкѣ)

[1]) См. Любецкій Архивъ, предисл.

кунтушъ тонкій шарій. Кунтушъ тонкій лисѣй. Юпка штоповая. Плащъ кгронатовый. Шабля полская. Каѳанъ едомашковый чирвоный. Шаравари суконніи вишневыи. Кулбака з платомъ гаѳованимъ. Пляшка цѣновая. Ладовница эрѣбромъ оправляная. Каѳанъ рецетовый кгранатовый. Муштуковъ два зеленыхъ. Ладовница цѣновая. Лихторъ въ кулу сложеній, мосенженій. Кавяру фунтовъ 12. Риби осятрини фунт. 8. Пуздро мѣдное з мѣсочками мѣдними и талѣркамы вусѣми. Чоботы сафяновіи новіи. Чоботи другіи старіи сафяновіи. Кандѣйка мѣдная. Вѣлчура чорная. Магерацъ блакитный. Подушечокъ шѣсть. Ковдра матеріалная. А на покойного положено шапку шитую, кунтушъ тонкій перцовый, кафтанъ жолтій) штоповій, поясъ зеленій з засновами золотими, фуста матеріалная.

Іванъ Холодовичъ, сотникъ Воронежский". (*Съ подлинника*).

Могила подъ Любарёмъ. Возникавшія въ гетманщинѣ дѣла о неправильной записке козаковъ въ крестьяне—очень часто сопровождались опросама потерпѣвшихъ о прежней ихъ службѣ; при этомъ опрашиваемые давали показанія, очень нерѣдко, заключавшія въ себѣ интересныя историческія свѣдѣнія. Спрошенный въ нач. XVIII в. козакъ Сосницкаго села Волынки Петръ Демиденко, показалъ, напр., слѣдующее: „былъ онъ подъ Чигириномъ (1678 г.), послѣ Чигирина у Кіевѣ Печерское дѣлали въ 1679 г., подъ Переяславомъ стояли и того часу дѣлали Переясловъ; подъ Чигириномъ же другій походъ, якъ Самойловича взято в 1686 г., (sic) на Запорожжу, подъ Сѣчу, подъ Самарю на роботѣ, подъ Казѣкерменомъ въ 1695, подъ Палянкою въ 1694, въ Бѣлогорщинѣ въ 1696, подъ Азовомъ въ 1696, на Ижорской баталіи съ Петромъ Матвѣевичомъ Апраксиномъ, въ Полщи съ Переяславскимъ полковникомъ бывшимъ Мировичомъ, *подъ Любаремъ* [1]) *могилу сыпали*..." О высыпкѣ этой могилы говорятъ, кромѣ Демидка, и другіе козаки, которыхъ вмѣстѣ съ нимъ спрашивали о прежней ихъ службѣ, [2]) но ни слова не прибавляютъ съ какою цѣлью сыпалась эта могила. Сыпали эту могилу, повидимому, въ 1704 г., когда по свидѣтельству

---

[1]) Мѣстечко Новгр.-Волынск. у., Волынск. губ.

[2]) Арх. генер. к—ріи по Черниговск. описи № 2570.

Самовидца, „гетманъ Мазепа съ войсками козацкими на Перепятисѣ и подъ *Любаремъ* до осени стоялъ...“ Для чего эта могила могла высыпаться и существуетъ-ли она теперь?

Справка. Въ дополненіе замѣтки моей относительно „Записей И. П. Котляревскаго о первыхъ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ въ турецкую войну 1806 года“ [1]), считаю необходимымъ сообщить, что всѣ рукописи, которыми я воспользовался въ предисловіи, равно и оригиналъ записей Котляревскаго, принадлежатъ С.-Петербургской Императорской публичной библіотекѣ; мелкіе документы хранятся въ отдѣльныхъ листкахъ, непереплетенными, „Записи“ находятся въ сборникѣ, состоящемъ изъ рукописей разнообразнаго содержанія (т. IV, № 551).

В. Срезневскій.

Текущія извѣстія.

Библіотека-читальня имени Т. Г. Шевченка. 26-го февраля исполняется сорокъ лѣтъ со дня кончины знаменитаго украинскаго поэта, автора «Кобзаря». При возвращеніи изъ ссылки, Шевченко время съ 19-го сентября 1857 г. по 8-е марта 1858 г. провелъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Въ виду этого обстоятельства, по словамъ «Ниж. Л.», среди малороссовъ, живущихъ въ Нижнемъ, возникла симпатичная мысль: ознаменовать сорокалѣтнюю годовщину кончины украинскаго кобзаря устройствомъ въ Нижнемъ библіотеки-читальни имени Т. Г. Шевченко. (Русскія Вѣдомости, № 16).

Читальня имени Тараса Шевченка въ Канадѣ. Въ Канадѣ, въ Reaver Czeek. Alta недавно открыта, какъ сообщаетъ американская „Свобода“, читальня имени Тараса Шевченка, благодаря старанію о. Заклинскаго и П. Зварича, а въ настоящее время обсуждается проектъ основанія гимнастическаго общества «Січ».

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1900 г. № 12.

Открытіе народнаго дома въ Стрыѣ. 1 янв. наст. года въ Стрыѣ, состоялось торжественное открытіе Народнаго Дома. Ко дню открытія сюда прибыли делегаты отъ многихъ русинскихъ обществъ и учрежденій; получено было нѣсколько десятковъ привѣтственныхъ телеграммъ изъ провинціи и другихъ городовъ со множествомъ подписей. Домъ, по величинѣ не уступающій „Народному Дому“ во Львовѣ, снаружи производитъ весьма благопріятное впечатлѣніе. Стѣна фронтона и окна изукрашены рельефной штукатуркой и лѣпными изъ гипса украшеніями. Подъ окнами устроено шесть нишъ, въ которыхъ поставлены бюсты: Шевченка, Шашкевича, Федьковича, Устіяновича, Котляревскаго и Лисенка; надъ окнами, на огромномъ синемъ фонѣ, надпись золотыми буквами: «Рускому Народови»; надъ главнымъ входомъ вырѣзанъ гербъ Руси. Внутри домъ еще краснѣе, чѣмъ снаружи. Въ залѣ устроена сцена. («Дѣло», ч. 1).

—

Дѣятельность общества „Просьвіта“ въ 1900 году. Дѣятельность Галицкаго русинскаго общества «Просьвіта», занимающаго первое по значенію мѣсто послѣ Наукового Товариства ім. Шевченка, выразилась въ минувшемъ году въ слѣдующемъ: 1) Издано 9 популярныхъ книжекъ (№№ 235—247), въ количествѣ 7—8 тысячъ каждая, 2) новыхъ членовъ поступило 118, 3) основано новыхъ читаленъ 106, такъ что къ концу минувшаго года всѣхъ читаленъ было 924 (филій, какъ и въ предыдущемъ году, оставались 19). (Дѣло, ч. 8).

—

Капитальный вопросъ въ школьномъ дѣлѣ. Послѣднее Полтавское губернское собраніе обратило вниманіе на одну весьма существенную потребность населенія въ дѣлѣ его школьнаго ученія, а именно на отсутствіе вполнѣ приспособленныхъ къ народному пониманію учебниковъ. Вопросъ этотъ, конечно, не новый, и въ Полтавскомъ земствѣ поднимался уже много разъ. Въ 1894 г. въ докладѣ губернской земской управѣ высказывала коммиссія по народному образованію пожеланіе, чтобы «губернское земство озаботилось пополненіемъ народной литературы книгами, соотвѣтствующими характеру и потребностямъ мѣстнаго населенія, путемъ изданія подобнаго рода книгъ на счетъ губернскаго земства, а также выдачей премій, назначеніемъ конкурсовъ» (стр. 17 доклада 1894 года). А въ

ожиданіи, пока такія книги напишутся, та-же коммиссія находила, что слѣдовало-бы обратиться съ ходатайствомъ о скорѣйшемъ расширеніи каталога книгъ, допускаемыхъ въ школьныя и народныя библіотеки, и о включеніи въ этотъ каталогъ книгъ на малороссійскомъ языкѣ (стр. 43). Въ докладахъ губернской управы за 1896 годъ проявляется та же забота о составленіи народныхъ библіотекъ «примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ Полтавской губерніи» (стр. 10, докладъ 1896 г.), т. е. имѣя въ виду прежде всего тотъ языкъ, на какомъ говоритъ мѣстное населеніе. Уѣздное же Полтавское земское собраніе въ томъ же 1896 г. возбуждаетъ передъ губернскимъ земствомъ ходатайство «о назначеніи конкурса и объ изданіи если не всѣхъ необходимыхъ для народныхъ школъ учебниковъ, то хотя бы однихъ задачниковъ, которые отвѣчали бы интересамъ мѣстнаго населанія».

Черниговское земство также обращало вниманіе на неудобство для мѣстнаго населенія учиться по чужимъ, малопонятнымъ книгамъ, и коммиссія по народному образованію, существующая при Черниговскомъ земствѣ съ 1898 г., бралась за пересмотръ всѣхъ одобренныхъ для народныхъ школъ классныхъ книгъ для чтенія. Всѣ эти пересмотры приводили къ тому общему выводу, что книгъ—букварей, хрестоматій, задачниковъ, удовлетворяющихъ современнымъ запросамъ народной школы, нѣтъ: одни устарѣли и бѣдны содержаніемъ, другіе проникнуты какимъ-нибудь односторонним узкимъ направленіемъ, третьи слишкомъ дороги, а, главное,—большинство изъ нихъ написано труднымъ, малопонятнымъ языкомъ. Уже не разъ возбуждался вопросъ о томъ, что каждый учебный округъ, на какіе подѣлена Россія, могъ бы одобрять и имѣть въ своемъ распоряженіи букварн и классныя книги, примѣненныя къ находящейся въ ихъ вѣдѣніи области. Такія книги значительно облегчили бы работу учителя и вызвали бы въ учащихся гораздо больше сознательнаго интереса къ ученію. Между тѣмъ какъ теперь, въ каждомъ земскомъ отчетѣ любой малорусской губерніи можно встрѣтить жалобы учителей на трудность для школьника-малоросса усвоить грамоту по русскому букварю.

Въ Черниговскомъ Земскомъ Сборникѣ [1]) читаемъ тѣ же жалобы.

---

[1]) См. Черн. Зем. Сборн. 1897 г., статья: «Отношеніе народа къ грамотности и къ книгѣ», стр. 28.

Задумываясь надъ этимъ печальнымъ положеніемъ дѣла, Черниговская земская коммиссія по народному образованію рѣшила обратиться къ педагогамъ и учителямъ, чтобы составить болѣе подходящія для населенія учебныя книги, гдѣ читатель изъ нашей южной области встрѣчался бы съ родными картинами и образами, а главное—видѣлъ бы слова своего родного языка.

Совершенно понятно, что земства начинаютъ считаться съ препятствіями во всѣми признаваемомъ необходимымъ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Полтавское уѣздное земское собраніе въ засѣданіи 29 сентября 1896 г. постановило возбудить передъ губернскимъ земствомъ ходатайство о томъ, «чтобы, пригласивъ желающихъ на конкурсъ, издать если не всѣ необходимые для народныхъ школъ учебники, то по крайней мѣрѣ задачники, которые отвѣчали бы интересамъ мѣстнаго населенія» [1]), мотивируя это все тѣмъ же невозможнымъ положеніемъ дѣла, при которомъ «учителю приходится объяснять ученикамъ каждое слово, переводя его на родной языкъ, а нерѣдко и самъ учитель, встрѣчаясь съ чисто народными, великорусскими выраженіями, не знаетъ, какъ малороссъ, ихъ значенія». На эту насущную нужду школьнаго дѣла, т. е. на изданіе подходящихъ учебниковъ, Полтавское губернское земство отпускаетъ уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по 750 р. ежегодно, но до сихъ поръ на конкурсъ не предъявлено никакихъ учебниковъ, и послѣднее Полтавское губерн. собраніе поручаетъ это дѣло особой коммиссіи.

Нельзя не пожелать, чтобы усилія избранной имъ коммиссіи для улучшенія преподаванія въ народной школѣ и облегченія трудной работы народнаго учителя встрѣтили полное сочувствіе отъ всѣхъ лицъ, могущихъ своими знаніями и своимъ опытомъ прійти къ ней на помощь. Только преподаваніе на понятномъ и родномъ языкѣ можетъ расширить умственный кругозоръ учениковъ народной школы и пробудить къ сознательной работѣ всѣ дремлющія способности. Извѣстный знатокъ дѣла народнаго образованія—Левассеръ—въ своемъ обширномъ изслѣдованіи народныхъ школъ культурныхъ странъ прямо говоритъ: «народная школа должна быть національна. Денаціонализировать школу—значитъ отнять у нея всѣ жизненные за-

[1]) Докл. Полт. губ. зем. упр. комм. по нар. образ. 1896 г., стр. 25.

датки, заморить ея жизнь, не давъ ей правильно расцвѣсть». (Хуторянинъ, № 52, статья С. Р.)

Важное ходатайство. Важное въ практическомъ отношеніи ходатайство возбуждено, по словамъ «Волыни», житомирскимъ уѣзднымъ комитетомъ попечительства о народной трезвости. Комитетъ хлопочетъ о допущеніи въ читальняхъ при сельскихъ народныхъ чайныхъ нѣкоторыхъ полезныхъ книгъ и брошюръ на малорусскомъ языкѣ.

«Такое ходатайство,—говоритъ «Волынь»,—слѣдуетъ признать вполнѣ мотивированнымъ, такъ какъ доказано, что крестьянское населеніе лишено возможности усвоить что-нибудь по прикладнымъ знаніямъ изъ русскихъ книгъ. Въ крестьянскомъ быту говорятъ у насъ исключительно по-малорусски, а кратковременное пребываніе въ школѣ не прививаетъ дѣтямъ относительнаго знанія русскаго языка. Въ результатѣ оказывается, что крестьяне не только ничего не выносятъ изъ русскихъ книгъ по техническимъ и прикладнымъ знаніямъ, медицинѣ и т. д., но вообще не читаютъ такого рода книгъ, уразумѣніе которыхъ для нихъ сопряжено съ большими трудностями, а чаще всего и совсѣмъ недоступно. Было бы поэтому очень цѣлесообразно прилагать всѣ старанія къ снабженію сельскихъ библіотекъ лучшими образцами русской изящной литературы, знакомство съ которой крайне полезно для учащихся въ школахъ и доступно для всѣхъ грамотныхъ крестьянъ, но наряду съ этимъ, по прикладнымъ знаніямъ и популярно-научнымъ—допустить книги на малорусскомъ языкѣ, единственно популярномъ, особенно для взрослаго населенія деревни, для котораго такого рода книги и предназначаются».

Эпитафія д-ра Владиміра Александрова. Среди бумагъ покойнаго украинскаго писателя доктора Владиміра Александрова, умершаго въ Харьковѣ, найдена, какъ сообщаетъ газета «Руслан» (№ 284 прошл. года) слѣдующая эпитафія его самому себѣ:

Володимир Александров
Доктор медицини,
Умер з тієї самої причини,
З якої й всі ті умирають,
Що медицини зовсім і не знають!

Симпатичный проэктъ. Въ «Развѣдчикѣ» сотникъ Головковъ высказываетъ нѣсколько грустныхъ замѣчаній по поводу той травы забвенія, которою среди самихъ козаковъ поросла «козачья слава».

«Попробуйте спросить *козаковъ*: откуда они взялись? какое ихъ прошлое?.. чѣмъ замѣчательно?.. и проч. И я увѣренъ, что изъ десяти-девять не сумѣютъ отвѣтить вамъ ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ... Если уже мы сами себя не знаемъ, то что можемъ требовать отъ другихъ, толкующихъ о козачествѣ. Живутъ-ли въ памяти нашихъ козаковъ имена ихъ героевъ? Нѣтъ, потому что устныя преданія старожиловъ не вѣчны, и уносятся ими въ могилу вмѣстѣ съ собою».

Въ противовѣсъ этому печальному факту, авторъ высказываетъ пожеланіе, чтобы въ станичныхъ школахъ введено было въ число обязательныхъ предметовъ «преподаваніе исторіи козачества, въ живыхъ примѣрахъ и разсказахъ; чтобы молодое, подрастающее поколѣніе, съ первыми проблесками сознанія, знало уже себя, свое прошлое и гордилось имъ, какъ дорогимъ наслѣдіемъ отцовъ и дѣдовъ, омытыхъ ихъ кровью. Вѣдь стыдно, въ самомъ дѣлѣ, и грѣшно дѣтямъ не знать своихъ родителей; не менѣе стыдно и цѣлому обществу или сословію не знать своего прошлаго, на счетъ котораго оно живетъ»!

Авторъ полагаетъ, что, при осуществленіи его проэкта, не приходилось бы зачастую натыкаться на курьезы вродѣ слѣдующаго, сообщаемаго имъ:

«Находясь въ одной изъ станицъ по службѣ, я зашелъ въ станичную школу, присѣлъ въ сторонѣ и сталъ наблюдать за ходомъ занятій, руководимыхъ инструкторомъ. Желая, по всей вѣроятности, щегольнуть передо мной занятіями своихъ воспитанниковъ, казачатъ-приготовишекъ, онъ обратился къ одному изъ нихъ, самому бойкому, съ слѣдующимъ вопросомъ:

— А скажи мнѣ, почему ты называешься казакъ, а не солдатъ?

— «По Его Императорскаго Величества, по его утвержденію, отъ судъ войскъ, отъ высшаго генерала до низшаго рядового— имени не простого, а потому я называюсь казакъ, а не солдатъ»,— скороговоркой, въ одинъ духъ, откололъ казачокъ, искоса и самодовольно поглядывая на меня. На, молъ, тебѣ! Знай нашихъ»!

«Бѣдные казачата!—съ горечью восклицаетъ въ заключеніе сотникъ Головковъ,— «родитесь вы и въ гробъ ложитесь, а все не знаете,

почему называетесь казаками. Нѣтъ у васъ ни писемъ, ни скрижалей; лавры ваши сложены въ архивахъ, и славу вашу ѣдятъ мыши».

—

Лекціи Н. И. Карѣева. Извѣстный русскій историкъ, бывшій проф. С.-Петербургскаго университета, проѣзжая черезъ Львовъ, прочелъ двѣ лекціи, въ томъ числѣ одну (вторую) въ пользу библіотеки «Наукового Товариства ім. Шевченка».

Первая лекція состоялась 13 января въ „Академичній Громаді“ на тему „Стремленія русской молодежи къ самообразованію“, а на другой день, въ залѣ „Народного Дому“—на тему «Значеніе Н. К. Михайловскаго въ русской литературѣ». Послѣдняя будетъ цѣликомъ помѣщена въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ журнала «Літературно-Науковий Вістник». (Дѣло, ч. 12).

—

Лекціи проф. Д. И. Эварницкаго. Двѣ лекціи профессора московскаго университета Д. И. Эварницкаго, прочитанныя имъ въ Екатеринодарѣ, въ залѣ женской гимназіи 10 и 11 января, привлекли значительное для Екатеринодара количество слушателей. Особенно много публики было на первой лекціи о «Запорожской старинѣ», что объясняется высокимъ интересомъ данной темы для слушателей, большинству которыхъ запорожцы прямые или косвенные предки. На вторую лекцію явилось слушателей нѣсколько меньше, чѣмъ на первую, несмотря на то, что одинъ и тотъ же билетъ давалъ право входа на обѣ лекціи. Это явленіе, въ свою очередь, объясняется заглавіемъ темы (Общій очеркъ археологіи въ Европѣ и Россіи), которая, по всей вѣроятности, показалась многимъ черезчуръ спеціальной и способной заинтересовать лишь ограниченный кругъ слушателей. (Куб. Обл. Вѣд. № 10).

—

Что дарить колядникамъ? Корреспондентъ „Кубанск. Обл. Вѣдом.», замѣчая, что колядниковъ, христославщиковъ, посѣвальщиковъ и т. д. принято награждать, ставитъ вопросъ: отчего бы вмѣсто даримыхъ денегъ и сластей, не дарить имъ книжечекъ доступнаго содержанія, т. е. на самомъ понятномъ для народа языкѣ, въ данномъ случаѣ—на малорусскомъ, родномъ языкѣ огромнаго большинства здѣшняго населенія. „Надо пользоваться каждымъ случаемъ распространенія просвѣщенія въ народѣ, а книжки на родномъ языкѣ,

конечно, наилучшее средство для достиженія этой цѣли. Такую форму благодарности за поздравленія мы практикуемъ третій годъ и убѣдились, что всѣ довольны подобными подарками, и число посѣтителей нашей хаты съ тѣхъ поръ ежегодно возрастаетъ. Народъ любитъ книжки, но не привыкъ покупать ихъ. Не пожалѣйте же, господа, хоть разъ въ годъ истратить 2—3 рубля на книжки для народа и поставьте себѣ за правило предлагаемый способъ одаривать колядниковъ и посѣвальщиковъ.

Малорусскія книжки разныхъ названій, изданныя для народа по цѣнѣ отъ одной, двухъ, трехъ копѣекъ и дороже, можно пріобрѣтать въ безплатной читальнѣ, и въ войсковомъ книжномъ складѣ". (Куб. Вѣд. № 274).

—

Памяти М. Т. Симонова (Номиса). Въ № 6 газ. «Кіевлянинъ», въ корреспонденціи изъ «Лубенъ» помѣщенъ некрологъ Матвѣя Терентьевича Симонова. Некрологъ и описаніе похоронъ помѣщены также въ газетахъ: „Биржевыя Вѣдомости", № 8 (П. Быкова), „Полтавскія Губернскія Вѣдомости" (№ 13), «Кіевское Слово» (№ 11).

Библіографія.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка, т. XXXVII и XXXVIII. *У Львові, 1900, кн. V и VI.*

«Наукове Товариство ім. Шевченка», реформированное въ 1892 г. изъ литературнаго Общества въ научное и развившее въ теченіе этого сравнительно небольшого промежутка времени необычайно энергично свою дѣятельность во всѣхъ сферахъ научной области,—издало между прочимъ по настоящее время 38 томовъ «Записок», пользованіе которыми для всякаго, кто лишь касается любого малорусскаго сюжета, является неизбѣжной необходимостью. Помимо своей огромной цѣнности, о которой неоднократно приходилось говорить на страницахъ „Кіевской Старины“ при разсмотрѣніи предыдущихъ томовъ, „Записки“ являются необходимымъ справочнымъ изданіемъ не только для лицъ, интересующихся малорусскими сюжетами, но и для всякаго: кромѣ замѣчательно полной и обстоятельной библіографіи, обозрѣвающей огромное количество книгъ, брошюръ и періодическихъ изданій, имѣющихъ то или иное отношеніе къ области изслѣдованія «Записок», здѣсь съ прошлаго года въ каждомъ томѣ дается обзоръ западно-европейской литературы по культурной и политической исторіи, исторіи литературы и искусства,—обзоръ, являющійся необычайно важнымъ и цѣннымъ пособіемъ для всякаго,—не только ученаго или историка.

Въ двухъ послѣднихъ томахъ «Записок» помѣщено 5 статей и изслѣдованій: 3 по археологіи, 1 по исторіи и 1 по исторіи литературы. Статьи по археологіи принадлежатъ—двѣ М. Грушевскому:

«*Ковтки т. зв. «київського типа» у сучасних Кавказців*» и «*Печатки з околиць Галича*» (съ рисунками), и „*Археологічний з'їзд у Київі*“ — Миколѣ Княжевичу. Въ этой послѣдней авторъ, представляя обзоръ продукціи съѣзда, указываетъ на причины, по нашему мнѣнію, вполнѣ основательныя, неудачи XI археологическаго съѣзда.

Область исторіи представлена изслѣдованіемъ Денпса Коренця «*Зносини Івана Виговського з Польщею в р. 1657—58*» (рефератъ, предназначавшійся на XI археолог. съѣздъ въ Кіевѣ).

Не давая ничего новаго въ смыслѣ новаго матеріала, авторъ, пользовавшійся исключительно печатными источниками, очень умѣло, съ полной ясностью открываетъ намъ комплексъ тѣхъ мотивовъ, которыми руководствовались Выговскій и Польша во взаимныхъ сношеніяхъ, а также выясняетъ причины ихъ соединенія, выразившагося въ «Гадяцкихъ пактахъ».

Изслѣдованіе автора, не будучи обширнымъ по объему (всего 20 стр.), благодаря своей ясности и простотѣ изложенія, является пріятнымъ вкладомъ въ сокровищницу нашей исторіи.

Наконецъ, послѣднее, наиболѣе солидное по объему (заняло 126 стр. въ обоихъ томахъ) и по внутреннимъ достоинствамъ, изслѣдованіе принадлежитъ извѣстному ученому д-ру Івану Франку. Это — «*Карпаторуське письменство XVII—XVIII віків*», — рефератъ, также предназначавшійся на XI археологическій съѣздъ въ Кіевѣ. Въ виду его несомнѣнно великой важности, остановимся на немъ нѣсколько дольше.

Изслѣдованія въ области исторіи литературы по территоріямъ, да и вообще изслѣдованія по исторіи украинской литературы, въ особенности прошлыхъ вѣковъ, у насъ понынѣ почти не начаты. Въ цѣломъ рядѣ монографій г. г. Дашкевича, Грушевскаго, Житецкаго, Сумцова и др. освѣщались донынѣ или отдѣльные вопросы, или комплексы ихъ, и лишь проф. Петровъ, а въ минувшемъ году Житецкій даютъ пробы обзора всего литературнаго пріобрѣтенія Украины въ XVIII в. Но проф. Петровъ сузилъ свою задачу, ограничившись Кіевомъ и его Академіей; въ трудѣ же г. Житецкаго видно уже желаніе разсмотрѣть различные центры литературныхъ трудовъ и различные ихъ формы, восточныя и западныя. Однако и этотъ трудъ не можетъ исчерпать темы: съ одной стороны, авторъ ограничилъ себя отысканіемъ генезиса для Энеиды, съ другой — ему не были извѣстны, благодаря отсутствію опубликованнаго матеріала, огромныя

территоріи, гдѣ существовала своеобразная духовная работа. Одной изъ такихъ невѣдомыхъ понынѣ территорій др. Франко и считаетъ Карпатскую Русь. До сихъ поръ о спеціальной письменности, которая могла бы существовать на этой территоріи въ XVII—XVIII в., не было и рѣчи. Почтенному автору въ послѣдніе годы удалось ознакомиться съ значительнымъ рукописнымъ матеріаломъ, спеціально возникшимъ въ Карпатской Руси. На основаніи этихъ матеріаловъ (детальное описаніе которыхъ помѣщено въ дополненіи къ данному изслѣдованію), авторъ опредѣляетъ, насколько возможно, характеръ и развитіе Карпаторусской письменности, физіономія которой до извѣстной степени опредѣлилась въ XVII—XVIII в. и которая должна занять подобающее мѣсто въ общей конструкціи нашей литературной исторіи, какъ одинъ изъ хорошо обрисованныхъ ея типовъ.

Какъ на характеристическій признакъ Карпаторусской письменности слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе—на его популярность, на языкъ, близкій къ народному. Этими чертами характеризуются: апокрифъ «Другій листъ небесный», составленный въ концѣ XVI в. гдѣ-то въ Перемышльской области; учительскія евангелія—Данилівське (угрорусское) (около половины XVII в.) и многія другія; «Староміський рукопис»,—гдѣ переведены зачала евангелій на всѣ недѣли года; памятники поэтической письменности: наиболѣе древній—отрывокъ изъ Рождественской вирши 1655 г., свидѣтельствующій о существованіи на галицкомъ Подгорьѣ духовной вирши въ легкомъ юмористическомъ тонѣ. Въ концѣ XVII в. на Карпаторусской территоріи произошла перемѣна во вкусахъ и духовныхъ потребностяхъ людей, занимающихся литературой: съ востока и запада появляется масса различныхъ произведеній—апокрифовъ, легендъ, апологовъ, свѣтскихъ разсказовъ; повсюду начинается популяризація этого матеріала: заимствованные изъ «Перла Многоцѣннаго», изъ «Ключа разумѣнія» «приклады» и чудеса переходятъ въ народныя уста и вплетаются въ канву старинныхъ разсказовъ, пѣсенъ, колядокъ. Какъ образецъ, авторъ приводитъ т. наз. «Кіевскую» пѣсню, найденную въ Камянскомъ рукописномъ Богогласникѣ 1734 г., отмѣчаетъ нѣкоторыя колядки и т. п. Въ концѣ же XVII и началѣ XVIII в. литературное движеніе проявляетъ себя въ различныхъ рукописныхъ сборникахъ энциклопедическаго характера. До насъ дошли четыре такихъ сборника, составленные исключительно или преимущественно на народномъ языкѣ въ концѣ XVII и нач. XVIII в.—всѣ четыре

изъ сѣверной Угорщины, и три подобные же сборника изъ Галичины, составленные или въ самыхъ горахъ, или на Подгорьи (сборники Ст. Теслевцьового и Кузикевича). Насколько свободно авторы сборниковъ обращаются со своими темами, исключительно духовнаго характера, образцомъ можетъ служить хотя бы такое мѣсто въ разсказѣ объ Іосифѣ и его братьяхъ въ Египтѣ: „ми сини патріарха Якова—може-сте чували про него".

Помимо сборниковъ—сюда же относится и „Александрія"; и она перерабатывалась такимъ же методомъ (авторъ приводитъ двѣ Карпаторусскихъ переработки начала XVIII вѣка), подобно другимъ романтическимъ повѣстямъ, легендамъ и въ особенности разсказамъ апокрифовъ, имѣющимъ отношеніе къ загробной жизни и адскимъ мукамъ. Наконецъ, сюда же относятся вирши церковныя (Угроруський сьпіванник, Дробицький збірник, Камінський Богогласник 1734 г.) и свѣтскія („Письмо о свѣтѣ", «Пѣснь о плачливомъ житіи бѣднаго студента»). Вообще, чѣмъ ближе къ концу XVIII ст., тѣмъ болѣе исчезаетъ мода списывать сборники разсказовъ, житій и т. п., и является наклонность къ списыванію пѣсенъ и виршей. Извѣстно огромное количество «сьпіванників», первоначально почти исключительно духовныхъ пѣсенъ, а впослѣдствіи съ значительнымъ содержаніемъ свѣтскихъ пѣсенъ; между прочимъ оттуда извѣстны: «Пѣснь свѣцка о ляхахъ зъ москалями» (по поводу событій 1764 г.), „вирша про війну Москалѣвъ зъ турками подъ Хотиномъ 1739 г." Наконецъ, съ конца XVII в. появляются пробы записывать народныя или полународныя (дворацькія) пѣсни,—нѣсколько образцовъ очень любопытныхъ, такихъ записей авторъ приводитъ въ дополненіи къ своему изслѣдованію (№№ XIX, XXI, XXII, XXIII). Спрашивается: если существовала столь богатая литература въ теченіе почти 3-хъ столѣтій,—какой постигъ ее конецъ? подготовила ли она почву для новой народной литературы? претворилась ли органически въ новыя высшія формы? Къ сожалѣнію, ничего этого не случилось, и когда въ концѣ XVIII столѣтія по волѣ австрійскаго императора появились для Русиновъ высшія школы, въ которыхъ Русины должны были просвѣщаться lingua patria,—въ сознаніи даже просвѣщенныхъ слоевъ русинскаго общества утерялось сознаніе, что такое этотъ lingua patria, и пришлось снова, послѣ вѣковой работы, начинать ab origine...

Въ дополненіи къ изслѣдованію авторъ приводитъ XXV драгоцѣнныхъ литературныхъ произведеній, составляющихъ весьма крупное пріобрѣтеніе для исторіи украинской литературы вообще.

Въ отдѣлѣ «Miscellanea» особенный интересъ представляетъ «Незвістний лист Мазепи до міста Львова»—копія, найденная С. Томашенскимъ въ рук. библ. Оссолинскихъ во Львовѣ за № 1447, стр. 337—8. Письмо, относящееся приблизительно къ 14 авг. 1705 г., отправлено Львовскимъ мѣщанамъ въ отвѣтъ на просьбы ихъ пословъ мириовать съ козаками Львовъ, и такъ уже разрушенный шведами. Гетманъ, милостиво принявъ пословъ, обѣщаетъ оставить въ сторонѣ Львовъ съ околицами, хотя ему и придется «in hoc passu z nakładem drogi uti circulationibus. Въ обезпеченіе города отъ отдѣльныхъ козацкихъ отрядовъ, гетманъ присоединяетъ охранный листъ изъ своей войсковой канцеляріи.

Изъ другихъ замѣтокъ отмѣтимъ «Довжанське четвероевангеліе», относящееся къ 1595 г. и съ интересными приписками на народномъ языкѣ, «Два автографа Францішка Смольки», «З віденської революціі 1848 р.», «Е. Руліковський.—В. Лукашевичъ» (некрологи).

В. Д.

А. Я. Ефименко. «На Украинѣ». Очерки и разсказы. *(Съ рисунками). Выпускъ 1, 2 и 3. Библіотека «Дѣтскаго чтенія», Москва, 1901 г., стр. 1—85, 1—136, 1—88, in 8°. Цѣна 1 и 2 вып.—30 к., 3-го—25 коп.*

Только что вышедшіе изъ печати, лежащіе передъ нами, три выпуска очерковъ и разсказовъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ принадлежатъ перу извѣстнаго историка и знатока Малороссіи—А. Я. Ефименко. Какъ можно заключить уже изъ заглавія—авторъ избралъ сюжеты изъ жизни Украины. Дѣйствительно, въ означенные выпуски вошли слѣдующіе очерки: въ первый—«На родинѣ», «Бандуристъ», «На майданѣ», «Татарскіе набѣги», «Какъ Самуплъ Кошка убѣжалъ изъ Турецкой неволи»; во второй—«Чумакъ», «Богданъ Хмельницкій», «Пасѣчникъ Чернаго лѣса», «Изъ быта Польши» и „Т. Г. Шевченко», и въ третій—«Канунъ Рождества», «Старыя книжки», «Въ куренѣ», «Цадикъ», «Сказка про жадную купчиху да про бѣдную старушку».

Особенно интересны первые два выпуска, въ которыхъ болѣе всего удѣлено мѣста популярному развитію наиболѣе интересныхъ моментовъ въ историческомъ прошломъ Украины.—Здѣсь предъ вами встаетъ, какъ живой, представитель нынѣ почти угасшей уже отрасли

музыки—украинскій бандуристъ, прошедшій тяжелую школу своей науки и скорбящій объ исчезновеніи ея; тутъ воскресаетъ мрачная страница далеко минувшаго—ужасные татарскіе набѣги, ведущіе за собой всеобщій ужасъ и разореніе; тамъ, далѣе, дается живой разсказъ о побѣгѣ Самуила Кишки, тридцать лѣтъ пробывшаго въ турецкой неволѣ; вотъ раскрывается предъ вами грандіозная картина освобожденія украинскаго народа отъ панскаго ярма при Богданѣ Хмельницкомъ, хотя и не надолго; а вотъ снова, спустя сто лѣтъ, тотъ же народъ, очутившійся въ прежнемъ тяжкомъ положеніи, подымается снова на защиту своихъ правъ и убѣжденій («Пасѣчникъ изъ Чернаго лѣса»); тутъ-же читатель мысленно переносится въ славную Сѣчь Запорожскую («Въ куренѣ», «Богданъ Хмельницкій»), хотя, надо сознаться, этотъ весьма любопытный уголокъ исторіи раскрытъ авторомъ съ меньшей полнотой и обстоятельностью, чѣмъ можно было ожидать; наконецъ, сюда же надо отвести и яркую картину состоянія польско-шляхетскаго государства передъ паденіемъ Польши. Таковы историческіе сюжеты, затронутые авторомъ. Не меньшій интересъ представляетъ и популярная, мастерски написанная біографія Шевченка. Въ остальныхъ очеркахъ, болѣе случайнаго характера—излагается процессъ гонки смолы на Полѣсьѣ («На майданѣ»), дается понятіе о внутренней (духовной) организаціи евреевъ («Цадикъ»), отмѣчается страсть къ кладоискательству, вызываемая нерѣдко «старыми книгами», въ которыхъ, молъ, прописаны всѣ клады («Старыя книги»), наконецъ, дается описаніе празднованія въ Малороссіи кануна Рождества («кути»). Есть еще одинъ очеркъ («Сказка про жадную купчиху да про бѣдную старушку»), который хотя и написанъ подобно остальнымъ очеркамъ, чрезвычайно художественно, но не совсѣмъ умѣстенъ, по нашему мнѣнію, среди цѣлаго ряда другихъ очерковъ, написанныхъ на столь интересныя и важныя темы, какъ это было указано выше.

Вообще же, очерки написаны такъ художественно, такимъ прекраснымъ, простымъ и понятнымъ языкомъ, такъ жизненно и правдиво разсказаны, что трудно представить себѣ что-либо лучшее, въ особенности если принять во вниманіе, какія трудности вообще представляетъ популярное изложеніе. Въ добавленіе къ этому авторъ постарался оживить еще болѣе свои очерки, снабдивъ ихъ соотвѣтствующими рисунками, принадлежащими главнымъ образомъ кисти худож-

ника Н. Каразина, что придаетъ еще большій интересъ прекраснымъ его очеркамъ.

Рекомендуя ихъ читателямъ, интересующимся популярными изданіями, мы питаемъ надежду, что на этомъ не ограничится почтенный авторъ и продолжитъ свои очерки въ рядѣ новыхъ выпусковъ, выбирая при этомъ болѣе серьёзныя темы изъ богатой историко-культурной жизни Малороссіи,—изъ области исторіи, исторіи литературы, соціально-экономической, юридической, этнографіи и т. п.

В. Д.

Указатель къ матеріаламъ, собраннымъ г. Чубинскимъ въ „Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ Западно русскій край“. *Составленъ студентомъ Чеславомъ Багенскимъ подъ редакціей проф. Е. Ѳ. Будде. (Прил. къ Учен. Зап. Каз. унив. за 1900 г., декабрь). Казань. 1900 г. Стр. XVII+66.*

Указатель открывается двумя объяснительными статьями: „отъ редактора“ (проф. Будде) и отъ автора (студ. Ч. Багенскаго въ его „Предисловіи“). Въ первой статьѣ г. редакторъ указываетъ на важность матеріала, собраннаго г. Чубинскимъ и его сотрудниками, важность столь извѣстную, что авторъ считаетъ излишнимъ распространяться о ней, и при томъ не меньшую какъ для этнографа, такъ и для лингвиста. Между тѣмъ, составитель указателя въ своемъ „Предисловіи“ впадаетъ въ нѣкоторое противорѣчіе съ редакторомъ и въ значительной степени ограждаетъ важность для лингвиста „Трудовъ“ г. Чубинскаго, замѣчая, что „Труды“ представляютъ записи не одного г. Чубинскаго, но нѣсколькихъ, даже многихъ лицъ. Сюда вошли записи, сдѣланныя не только лицами, понимающими необходимость фонетическихъ записей, но и лицами, для которыхъ эти требованія чужды, какъ-то: священниками, сельскими учителями, учениками духовныхъ и учительскихъ семинарій, наконецъ, писцами г. Чубинскаго. Ужъ одно это обстоятельство не позволяетъ лингвистамъ вполнѣ довѣриться транскрипціи матеріаловъ г. Чубинскаго„. Далѣе авторъ говоритъ о небрежности изданія, массѣ опечатокъ и неудобномъ для лингвиста расположеніи этнографическаго матеріала, смягчая этими выраженіями приговоръ своего учителя, по мнѣнію котораго „названія мѣстностей

часто до того *перевраны* (нашъ курсивъ) и перепутаны, что ориентироваться въ этихъ названіяхъ не было никакой возможности". Странно только, что, „въ виду всего этого", проф. Е. Ѳ. Будде не занялся самъ, а предложилъ студентамъ заняться составленіемъ алфавитнаго" (?) указателя, и только въ виду важности для науки этого указателя взялъ его редакцію на себя. Цѣлью составленія указателя являются интересы одной только „русской діалектологіи"; противъ этого ничего нельзя было-бы возразить, если бы такому указателю была придана и соотвѣтственная форма, съ указаніемъ территоріальнаго распространенія діалектическихъ особенностей малорусскаго языка; но указателю придана форма обыкновеннаго географическаго указателя; и если бы гг. редакторъ и авторъ не повторяли на каждой страницѣ о какихъ-то особенныхъ нуждахъ діалектологіи, то никто бы никогда и не догадался, зачѣмъ составленъ географическій указатель. Разъ для лингвиста нуженъ обыкновеннѣйшій географическій указатель къ «Трудамъ» г. Чубинскаго, разъ такого указателя до сихъ поръ (къ стыду южнорусовъ) нѣтъ, то не проще ли было бы составить указатель въ той формѣ, какъ принято ихъ составлять. Онъ былъ бы полезенъ и для лингвистовъ, и для занимающихся другими отраслями знанія. Между тѣмъ ограниченіе цѣли указателя нуждами одной только изъ наукъ привело къ тому, что изъ VI и VII томовъ „Трудовъ" Чубинскаго географическія имена совсѣмъ не выбирались. Такимъ образомъ, необходимость въ полномъ общемъ и обстоятельномъ географическомъ указателѣ къ „Трудамъ" осталась неудовлетворенной, а такой указатель нуженъ и для этнографа, и для лингвиста, и для историка, и для юриста.

Но оставимъ въ сторонѣ нужды лицъ, не занимающихся филологіей, и посмотримъ, насколько удобна система расположенія географическихъ именъ, принятая г. г. составителемъ и редакторомъ, для самихъ филологовъ. А система эта такова: всѣ географическія названія распредѣлены на шесть группъ или, по терминологіи автора, „отдѣловъ": 1) „съ обозначеніемъ деревни, села, мѣстечка и города"; 2) «съ обозначеніемъ волости»; 3) «съ обозначеніемъ уѣзда;» 4) «съ обозначеніемъ губерніи»; 5) «съ обозначеніемъ области» и 6, «безъ обозначенія мѣстности». Но къ чему эти мелкія группы, или отдѣлы, когда всѣ названія легко укладываются и удобнѣе отыскиваются въ краткомъ алфавитномъ порядкѣ даже лингвистомъ? При системѣ же указателя проф. Будде лицу, изучающему говоры какой-нибудь гу-

берніи или уѣзда, напр. Кіевской, надо пересмотрѣть всѣ отдѣлы—вездѣ, гдѣ находится Кіевская губернія, тогда какъ при общей алфавитной системѣ просматривались бы цифры, стоящія противъ рубрикъ «Кіевская губернія»; правда, при общей алфавитной системѣ нѣкоторыя цифры повторились бы два и три раза, за то они и при печатаніи заняли бы меньше мѣста, и при полученіи справки изъ указателя потребовали бы меньшей затраты времени. Но зачѣмъ допущенъ г. редакторомъ 6-й отдѣлъ, въ который отнесены матеріалы безъ обозначенія мѣстности»? Рѣшительно не можемъ понять. Кому и для чего потребуются въ этомъ отдѣлѣ цифръ справки? Развѣ только для того, чтобы, послѣ лингвистическаго изученія матеріала, пріурочить послѣдній къ какой-либо территоріальной единицѣ? Или можетъ быть это нужно для статистики? [1])

Однако потребность въ алфавитномъ указателѣ мѣстъ чувствовали сами и г. редакторъ, и г. составитель, и послѣдній внесъ въ свое «Предисловіе» алфавитный перечень селъ, т. е. далъ указатель къ указателю. Это-ли не путаница?

Но съ этимъ еще не конецъ. «Есть мѣстности, говоритъ составитель указателя, *не обозначенныя въ «Трудахъ» ни въ одномъ случаѣ уѣздами или обозначены невѣрно»* (курсивъ автора) и потому, представляющія затрудненія при группировкѣ мѣстностей для справокъ лингвистовъ и діалектологовъ», и сообщаетъ *«Списокъ такихъ мѣстностей»*. Но всѣ эти мѣстности легко могли бы быть опредѣлены, если бы составитель указателя пользовался «Словаремъ» г. Семенова, «Słownikiem» г. г. Хлѣбовскаго и Валевскаго, «Указателемъ г. Новицкаго, «Списками» г. Похилевича или, по крайней мѣрѣ, трехверстнаго или десятиверстнаго маштаба картами. Въ число *«такихъ мѣстностей»* внесено напр., и „Поросье". Правда, его ни на какой картѣ нельзя найти, да и искать не слѣдуетъ, потому что «Поросье» (какъ и «Поволжіе») обозначаетъ собой мѣста, расположенныя по р. Роси и могущія поэтому принадлежать къ шести уѣздамъ Кіевской губерніи, съ которыми соприкасается или чрезъ которые протекаетъ этотъ притокъ Днѣпра. И лингвистики не помогли разгадать, что это за „Поросье".

---

[1]) Статистики замѣтили, что даже количество отправляемыхъ по почтѣ писемъ безъ обозначенія адресовъ изъ года въ годъ повторяется съ удивительной правильностью

При составленіи указателя не обошлось и безъ курьезовъ: напр. с. *Говорье* въ текстѣ „Трудовъ“ г. Чубинскаго принадлежитъ къ Ушицкому уѣзду, между тѣмъ какъ по свѣдѣніямъ, добытымъ составителемъ указателя изъ Подольскаго Статистическаго Комитета, въ дѣйствительности—къ Ново-Ушицкому. Въ указателѣ это село причислено къ послѣднему уѣзду“. Изъ словъ составителя указателя выходитъ, что онъ предполагаетъ существованіе двухъ одноименныхъ, уѣздовъ въ Подольской губерніи. Между тѣмъ въ Подольской губ. есть—только одинъ Ново-Ушицкій уѣздъ, который для удобства произношенія называется просто Ушицкимъ.

Или вотъ еще курьезъ: Читатель изъ «Предисловія» съ удивленіемъ узнаетъ, что село Кривинъ лежитъ въ Овручскомъ повѣтѣ, между тѣмъ всѣмъ хорошо извѣстно, что село это—въ Острожскомъ уѣздѣ. Въ указателѣ уѣздъ этого села означенъ правильно. Ясно, что въ „Предисловіи“ опечатка. Да вѣдь какая досадная!

Таковъ-то указатель, составленный исключительно ради однихъ интересовъ лингвистической науки.

О наука, наука! Твоимъ именемъ многія чудеса творятся.

Кіянинъ.

Свящ. Игнатій Лотоцкій. Виннице-Браиловскій женскій монастырь и его святыни. *Немировъ, 1900, in 8°, 1—62 (съ 6 фототипіями).*

Настоящая, прекрасно изданная, брошюра представляетъ трудъ недавно почившаго старшаго священника Браиловскаго монастыря о. Игнатія Лотоцкаго, священствовавшаго въ послѣднемъ съ 1895—1898 годъ. Покойный авторъ, занявшись изслѣдованіемъ прошлыхъ судебъ монастыря, составилъ помянникъ благотворителей, священнослужителей, сестеръ обители, разработалъ программу юбилейнаго празднованія монастыря, по случаю исполнившаго въ 1895 г. столѣтія со времени возсоединенія монастыря съ православіемъ. Плодомъ литературныхъ занятій его и является настоящая брошюра

Вся брошюра состоитъ изъ VII главъ, освѣщающихъ историческое прошлое монастыря и его современное состояніе. Для насъ, въ данномъ случаѣ, представляютъ большой интересъ тѣ главы, въ

которыхъ авторъ касается исторіи монастыря: I „Положеніе и историческія судьбы монастыря“ и III. Рожецкая Александро-Маріинская пустынь—тѣмъ болѣе, что матеріаломъ для настоящаго очерка, помимо печатнаго матеріала, послужили также документы монастырскаго архива.

Изъ упомянутыхъ главъ мы видимъ, что начало Винницe-Браиловскаго монастыря относится къ 1635 году, когда фундаторъ его Михаилъ Кропивницкій исходатайствовалъ у короля Владислава IV грамоту на основаніе въ городѣ Винницѣ дѣвичьяго монастыря, въ видахъ поддержанія православія въ Брацлавщинѣ. Но уже въ первой четверти XVIII ст. монастырь этотъ попалъ въ руки уніатовъ, а къ 1780 году пришелъ въ такое запустѣніе, что уніатскія монахини совершенно покинули его. Около этого времени Францискомъ Салезіемъ Потоцкимъ неподалеку, въ Браиловѣ, воздвигнуты были величественныя зданія для проводниковъ латинства, монаховъ—тринитаровъ. Въ эти-то зданія, оставшіяся пустыми послѣ выселенія отсюда въ 1832 году католическихъ монаховъ, и былъ перенесенъ въ 1845 г. Винницкій женскій монастырь, гдѣ и пребываетъ понынѣ.

Другая обитель, приписанная къ Виннице-Браиловскому монастырю, это Рожецкая Александро-Маріинская пустынь, основанная въ началѣ XVIII в. въ мѣстности, гдѣ раньше, еще съ XVI вѣка, существовалъ мужской монастырь, извѣстный подъ именемъ Микулинскаго, уничтоженный въ XVII в. усиліями одного изъ пановъ Микулинскихъ и нападеніемъ татаръ. Но недолго вновь возникшая обитель оставалась православною: въ 1730 г. здѣсь появилась унія, затѣмъ случился въ обители опустошительный пожаръ, и монахини принуждены были уйти въ хозяйственный хуторъ бывшаго монастыря Рожокъ, гдѣ и устроили нѣсколько келій и небольшую часовню. Новый монастырекъ влачилъ здѣсь самое убогое существованіе, пока въ 1748 г. уніатская власть не упразднила его, а инокини и имущество Рожецкаго монастыря поступили въ Винницкій Благовѣщенскій монастырь. Однако, впослѣдствіи неоднократно возникала въ Рожкѣ монастырская обитель, переходившая отъ уніатовъ къ православнымъ и обратно, и даже въ недавнее время, въ 1891 г., построенъ и освященъ храмъ во имя князя Александра Невскаго.

Въ остальныхъ главахъ своего труда: „Храмы и другія зданія монастыря въ м. Браиловѣ“, «особенно чтимыя святыни монастыря», „просвѣтительныя и благотворительныя учрежденія Браиловской

обители и современное ея состояніе", „юбилейныя торжества Браиловской обители",—авторъ даетъ цѣльную яркую картину внутренняго и внѣшняго благолѣпія монастырскихъ храмовъ, состоянія просвѣтительнаго и матеріальнаго, представляющую большой интересъ, въ особенности для лицъ, изслѣдующихъ церковную старину.

Вообще же книга, разсчитанная на нешировій кругъ читателей, можетъ быть съ интересомъ прочтена и не спеціалистомъ.

В. Д.

Обзоръ журналовъ конца прошлаго и начала текущаго годовъ.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 1; 2) Русская Старина, № 1; 3) Историческій Вѣстникъ, № 1; 4) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 1; 5) Вѣстникъ Европы, № 1; 6) Русская Мысль, № 1; 7) Научное Обозрѣніе, № 1; 8) Книжки Восхода, № 12; 9) Літературно-Науковий Вістник, № 1; 10) Ateneum, № 1; 11) Biblioteka Warszawska, № 1; 12) Slovanský Přehled, №№ 1 и 2 (4 и 5); 13) Przewodnik naukowy i literacki, № 1; 14) Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 11; 15) Варшавскія Университетскія Извѣстія, кн. VII и VIII; 16) Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 9—12; 17) Извѣстія Общества Археологіи, исторіи и этнографіи при Имп. Казанскомъ Университетѣ, вып. 4—6; 18) Этнографическое обозрѣніе, кн. 3; 19) Wisła, кн. IV; 20) Русская Школа № 12; 21) Kwartalnik Historyczny, т. IV; 22) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, № 12; 23) Вѣстникъ Всемірной Исторіи, №№ 1 и 2; 24) Кавказскій Вѣстникъ, № 1; 25) Міръ Божій, № 1; 26) Книжки Недѣли, № 1.

Русскій Архивъ, № 1.

Первые мѣсяцы царствованія Екатерины Великой. (Изъ донесеній прусскаго посланника Гольца Фридриху Второму). Въ этихъ интересныхъ донесеніяхъ встрѣчаемъ нѣсколько строкъ, посвященныхъ гетману Разумовскому, а именно—10 августа 1762 г. въ донесеніи Гольца есть такія строки: „Одинаково (какъ и братьевъ Орловыхъ) ненавидятъ они (недовольные) гетмана. Къ нему всегда относилась съ презрѣніемъ вся здѣшняя знать за его низкое происхожденіе; недовольные-же говорятъ теперь, что во время переворота

онъ предалъ государя, обращавшагося съ нимъ, какъ съ братомъ, только затѣмъ, чтобы воспользоваться безпорядками въ государствѣ и самому захватить престолъ, но что эти замыслы не удались ему. Въ сущности они дѣлаютъ ему слишкомъ много чести; ибо, хотя онъ и способенъ на всевозможные преступные замыслы, но его дарованія слишкомъ ничтожны, чтобъ онъ могъ играть подобную роль" (стр. 32).

—

Русская Старина № 1.

К. С. Веселовскій. Русскій философъ Д. М. Велланскій (стр. 5—19). Сообщаются свѣдѣнія о томъ, какъ этотъ знаменитый философъ, родомъ малороссъ, сынъ бѣднаго Борзенскаго ремесленника Кавунника, дважды потерпѣлъ неудачу въ Академіи наукъ, въ 1812 и въ 1832 году, когда наши академики дали неодобрительный отзывъ о его ученыхъ трудахъ, а въ послѣднемъ случаѣ даже указывали на вредное направленіе подобной философіи. Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ философѣ были помѣщены въ Кіевск. Стар. 1897 года, № 11, гдѣ между прочимъ напечатаны письма его къ М. В. Бѣлозерскому.

А. Кирпичниковъ. М. П. Погодинъ и Н. В. Гоголь (1832—1852 г.). Сообщается нѣсколько очень интересныхъ страницъ изъ первоначальной дружбы, а затѣмъ почти полнаго разрыва ея между Погодинымъ и Гоголемъ (стр. 79—96).

Къ біографіи В. Н. Каразина. Напечатано прошеніе Каразина въ С.-Петербургскую цензуру объ изданіи отдѣльной брошюры „Опытъ сельскаго устава для помѣщичьяго имѣнія, состоящаго на оброкѣ". Этотъ уставъ былъ первоначально напечатанъ въ „Украинскомъ Вѣстникѣ" 1818 года (кн. 5-ая), а когда была отпечатана названная брошюра, то она вызвала замѣчаніе цензурному комитету (стр. 244).

—

Историческій Вѣстникъ № 1.

Записки Н. И. Мамаева. Авторъ записокъ, бывшій съ 1838 г. по 1842 г. адъютантомъ при волынскомъ губернаторѣ, въ 3-ей части своихъ записокъ касается этого періода. Въ настоящей книгѣ еще не напечатана эта часть, но между прочимъ дана справка, что въ бумагахъ Мамаева, кромѣ записокъ, сохранились другія рукописи, а именно: 1) Историческія воспоминанія о волынской губерніи; 2)

Два дня свѣтской жизни—повѣсть изъ временъ польскаго возстанія 1830 года (стр. 43).

Въ *отдѣлѣ «критики и библіографіи»* находимъ отзывы о книгѣ «*Józef Dunin-Karwicki*. Z zamglonej i niedawno minionej przeszlosci. Wolyńskie opowiadania historyczne. Warszawa 1901». (стр. 348).

Въ отдѣлѣ „*Смѣсь*“ есть замѣтка о диспутѣ въ С.-Петербургскомъ университетѣ приватъ-доцента В. Н. Перетца. Такъ-какъ тема его диссертаціи «Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы изъ исторіи русской пѣсни» затрогиваетъ сюжеты по исторіи малорусской пѣсни, то диспутъ представилъ особенный интересъ для насъ южанъ. (стр. 399).

Тамъ-же помѣщенъ краткій отчетъ о докладѣ В. И. Ясевичъ (Бородаевской) «Сектантство въ Кіевской губерніи», читанномъ 17 ноября 1900 г. въ этнографическомъ отдѣлѣ географическаго общества. (стр. 407).

Въ отдѣлѣ *Некрологи* помѣщенъ краткій некрологъ А. Я. Конисскаго (стр. 413).

—

Вѣстникъ Европы № 1.

Кружокъ «Круглой Башни». Изъ воспоминаній В. Д. Хрущовой (стр. 240—284). Эти воспоминанія относятся ко времени русско-турецкой войны 1877—78 гг., когда въ Кіевѣ стали формироваться разнообразные кружки для оказанія помощи раненнымъ и больнымъ воинамъ. Въ одномъ изъ этихъ кружковъ принимала дѣятельное участіе В. Д. Хрущова, жена инспектора классовъ въ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Характеристика лицъ, участвовавшихъ въ дѣлахъ помощи раненнымъ, довольно блѣдная и мало дающая типичнаго для освѣщенія жизни Кіева: подобныя картины одинаково можно было встрѣтить въ любомъ пунктѣ.

—

Русская Мысль № 1.

Въ „Библіографическомъ отдѣлѣ“ помѣщенъ отзывъ о книгахъ: 1) *Записки Наукового Товариства імени Шевченка Т.* 33—38. (стр. 17).

—

Літературно-Науковий Вістник, № 1.

Наш Альбом:

Із поезий Дніпрової Чайки, А. Б—О., Надіі Кибальчич, В. Залізняка, Із пісень Дмитренка, Івана Рекуна, Степана Петрушкевича. Стр. 1—14.

Моє слово, Василя Стефаника (стр. 15—17).

Над морем. Оповіданє Лесі Українки (конець буде) (стр. 18—33).

Мінятюри:

Я. Жарко: І. Чарп, П. Згадка, Ш. Пташки (стр. 34—38).

В. Тарчанський: Ich grolle nicht (стр. 38—40).

І. Франко: Хмельницький і ворожбит (стр. 40—44).

Перша треба. Із записок сьвященника Т. Добрянського (стр. 45—51).

Більмо. Образок із гуцульского житя Марка Черемшини (стр. 52—64).

Із поезий Вл. Соловйова (стр. 65—70).

Із циклю сцен „При столі“ Жанни Марні (стр. 71—85).

Притчі про початок авторітету, Мультатулі (стр. 86—90).

Із славянських поетів. (П. Славейкова, Чинтулова, Раковського, Вяч. Стаха, Вяч. Ганки, Я. Коляра, О. Хмеленського, Івана Коубека, Віляні, Б. Фурха, Вяч. Небеського, Анд. Сладковича, Ос. Гурбана, Анд. Зайлера)—перекл. П. Граба (стр. 91—96).

Із „Фантазий реаліста“ Лінкея (проф. Й. Поппера) (стр. 98—116).

—

Іван Раковський: Вік нашої землі (стр. 1—9). Краткій обзоръ исторіи развитія земного шара.

Роман Заклинський. Спомини про Федьковича (стр. 10—20). (Конець буде).

Матеріалы для біографіи: два посѣщенія О. Федьковича—первое, въ 1866 г. О. Олексою Слюсарчукомъ, и второе, въ 1867, др. М. Бучинскимъ.

Ф. Майкут. Дещо з сучасного росийского житя (По газетам і журналам) (стр. 21—31).

Наукові листки (стр. 32—45).

Новый отдѣлъ въ журналѣ, содержащій цѣнный научный матеріалъ: 1. Граматичний рід у аріо-европейських язиках—Бодуэна де—Куртене; 2. Остання праця Макса Міллера; 3. Рукописи Генриха Гайне, 4. Новий Грецький роман („Історія Хіони“), 5. За что ста-

рика обидѣли?—І. Ф. (по поводу статьи Свистуна въ „Галичанинѣ“ въ защиту о. А. Петрушевича) 6. Тезей „Нов. Время“ і його похід проти Мінотавра „окраін“—Ф. М. 7. Мукденські рукописи.

Олександер Яковлевич Конисъкий (18 серпня 1836—12 грудня 1900) (стр. 46—47).

Краткая замѣтка, отмѣчающая крупное значеніе почившаго въ исторіи украинской культурной жизни.

Осип Маковей. Людвік Якобовський. Посмертна згадка (стр. 48—50).

Сергій Ефремов. Останні години життя, смерть і похорон Олександра Конисъкого (стр. 51—54).

Хроніка і бібліографія (стр. 55—76). По обыкновенію, огромное количество цѣннаго матеріала для исторіи текущей культурной жизни.

—

Slovanský Přehled, № 4 и 5 (1 и 2).

Dr. Ivan Franko. K dejinam českorusinske vzájemnosti (стр. 156—160). Задавшись цѣлью указать вкратцѣ историческіе факты взаимныхъ сношеній чеховъ и русиновъ (украинцевъ вообще) съ древнихъ временъ (съ XI в.) и до нашихъ дней, авторъ попутно отмѣчаетъ имена чешскихъ дѣятелей, способствовавшихъ ознакомленію чешскаго міра съ галицко-русскимъ въ частности и съ Малороссіей вообще.

Въ отдѣлѣ „Rozhledý a zprávy“ (стр. 192—193) отмѣчены нѣкоторые факты культурной Галицко-русской жизни, какъ-то: приготовленія къ предстоящему XII археологич. съѣзду; соединеніе въ одну труппу: М. Л. Кропивницкаго—подъ управленіемъ А. К Саксаганскаго и Н. К. Садовскаго, при участіи М. К. Заньковецкой и И. К. Карпенка-Карого—лучшихъ украинскихъ драматическихъ силъ; обязательное изученіе должностными лицами восточной Галиціи украинскаго языка и др.

№ 5 (2).

Въ отдѣлѣ «Rozhledý a zprávy» (стр. 246) отмѣчены: исторія постановки памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ, юбилей Петрушевича.

—

Przewodnik naukowy i literacki, № 1.

Fr. Rawita-Gawroński. Wycieczki Historyczno—Archeologiczne po Ukrainie (стр. 45—57). (Продолженіе слѣдуетъ). Авторъ дѣлится

своими впечатлѣніями отъ посѣщенія съ научно-археологическими цѣлями нѣкоторыхъ пунктовъ, лежащихъ по Днѣпру: д. Вишенокъ и Боровицы (оба на полтавскомъ берегу). Особенно цѣннаго въ научномъ отношеніи интереса впечатлѣнія эти не представляютъ.

Dr. Eugeniusz Romer. Rola Rzek w Historyi i geografii narodów (стр. 58—68) (окончаніе слѣдуетъ). Историко-философскія соображенія о значеніи крупнѣйшихъ рѣкъ, какъ то: Волги, Вислы, Эльбы, Одра и др. въ исторіи различныхъ народовъ, между прочимъ и Днѣпра—въ исторіи славянъ.

—

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи, № 11.

Н. П. Василенко. Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Нѣжинскаго полка. (стр. 289—352). (Продолженіе).

—

Варшавскія Университетскія Извѣстія кн. VII и VIII.

Е. О. Карскій. Очеркъ славянской кирилловской палеографіи. (Продолженіе) (стр. 243—312; 313—344).

Книга VII. Писцы книгъ. Школы письма, почерки. Способъ письма. Какъ пріобрѣтались въ старину книги и гдѣ ихъ можно было купить. Записи писцовъ и разныя помѣтки въ книгахъ: послѣсловія, краткія приписки о писцахъ, разныя случайныя помѣтки. Приписки вкладчиковъ и владѣтелей книгъ. Списокъ извѣстныхъ писцовъ кирилловскихъ книгъ по 1500 годъ.

Книга VIII. Первыя типографіи и типографы: въ Краковѣ, Прагѣ, Венеціи и др. мѣстахъ. Типографіи въ западной и восточной Руси (Виленская, Несвижская, Заблудовская, Львовская, Острожская). Первопечатныя книги.—Разныя редакціи рукописей, между прочимъ и русская: рукописи новгородскія, псковскія, галицко-волынскія, западно-русскія.—Особенности языка галицко-волынскихъ и западно-русскихъ письменныхъ памятниковъ.

—

Кіевскія Университетскія Извѣстія №№ 9—12.

М. В. Довнаръ-Запольскій. Государственное хозяйство Литовской Руси при Ягеллонахъ (стр. 89—223) (Продолженіе).

Глава II. Доходы, источникомъ которыхъ служила судебно-административная дѣятельность самого великого князя: полюдіе, стація на господаря (яловщина, болкуновщина, мезлева, дары челобитья, судебныя вины, тивунщина. Глава III. Государственныя имущества:

добра «властныя» господарскія, столовыя и земскія, должностные лены. Способы управленія господарскими и земскими добрами. Господарское хозяйство: «платы» и службы населенія.

—

Этнографическое Обозрѣніе, № 3.

А. Л. Масловъ. Лирники Орловской губерніи, въ связи съ историческимъ очеркомъ инструмента «малороссійской лиры» (стр. 1—13). Послѣ краткихъ историческихъ справокъ о лирѣ на Руси до XIX столѣтія, авторъ сообщаетъ данныя о нѣкоторыхъ лирникахъ въ Ливенскомъ у. Орловской губ., существующихъ тамъ уже около 40 лѣтъ (захожихъ съ южныхъ губерній) и имѣющихъ особый языкъ, отличающійся отъ языка юго-западныхъ лирниковъ. Репертуаръ ихъ, по словамъ автора, вращается теперь около духовнаго стиха и пляски».

Въ отдѣлѣ «*Критика и библіографія*» (стр. 154) данъ отзывъ о книжкѣ проф. *Т. Флоринскаго. „Малорусскій языкъ и «украінско-русскій» литературный сепаратизмъ.* С.-Петербургъ, 1900». Рецензентъ (А. М.) заканчиваетъ свой отзывъ слѣдующими словами: «ратованію противъ этого (цитированнаго рецензентомъ изъ книжки проф. Флоринскаго) національнаго движенія и посвящена брошюра проф. Флоринскаго, свидѣтельствующая только о томъ, что люди науки иногда бываютъ очень дурными и вредными для народнаго дѣла и для самой науки публицистами".

—

Wisła, № 6.

H. L. Obrzędy weselne na Nizu Dnieprowym (стр. 743—752). Авторъ записалъ въ постепенномъ порядкѣ обряды, сопровождающіе свадьбу («весилля») въ Екатеринославской губерніи.

Въ отдѣлѣ «*Poszukiwania*» (стр. 770—786) отмѣчены: картинное письмо у Гуцуловъ и бойковъ-Верховинцевъ, изъ книги Józefa Sznaidera: «Z kraju Huculów», а также изслѣдованія Володимира Охримовича: «Останки первісного камунізму у Бойків-Верховинців— (въ Записк. Наук. Тов. т. 31—32), прибѣгающихъ къ различнымъ знакамъ взамѣнъ цифръ; представленія и понятія о природѣ въ с. Юрковщизнѣ, Звягильскаго уѣзда—различныя повѣрья о циклопахъ, кометахъ, «смокѣ» (радугѣ), громѣ, мѣсяцѣ, вѣтрѣ, землѣ, человѣкѣ, аистѣ, жаворонкѣ, «зузулѣ», павлинѣ, пѣтухѣ, гусѣ, сорокѣ, совѣ, «кажанѣ», воронѣ, голубѣ, журавлѣ, конѣ, дикой козѣ, собакѣ, котѣ, мышѣ, ужѣ, жабѣ, пчелѣ, муравьѣ, блохѣ, паукѣ и божьей коровкѣ.

Въ отдѣлѣ «Sprawozdania i Krytyka» (стр. 786—801) даны отзывы объ изданіяхъ: «Pisanki w Galicji. Ш. Lwów, 1898. Odbitka z «Ludu», str. 48», «Записки Наукового Товариства ім. Шевченка, т 31—32».

„Etnografja w Słowniku Geograficznym Królewstwa Polskiego i innych krajów slowańskich (стр. 801—807).

—

Kwartalnik Historyczny т. IV.

Adam Szelągowski. Przesilenie pieniężne w Polsce za Zygmunta Ш» (стр. 584—623). Авторъ разсматриваетъ вопросъ о финансовомъ кризисѣ въ первой половинѣ XVII ст., о причинахъ его и мѣропріятіяхъ правительства къ поднятія стоимости монеты; приводитъ свидѣтельства современной разсматриваемому имъ вопросу литературы, дающей любопытныя сравнительныя цѣны различныхъ предметовъ обстановки и потребленія.

Въ отдѣлѣ «*Recenzye i Sprawozdania*» даны отзывы объ изданіяхъ: «Списокъ населенныхъ мѣстъ Кіевской губерніи. Изданіе кіевскаго губернск. статист. комитета. Кіевъ, 1900 г.» (стр. 699—700) и «Zaleski Stanisław. Jezuici w Polsce, tom I. Lwòw, 1900» (стр. 706—711).

—

Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, № 12.

Л. Архангельскій. Образованіе и литература въ Московскомъ государствѣ кон. XVI—XVII вв. (стр. 153—198) (продолженіе).

Въ настоящей главѣ авторъ останавливается на организаціи западно-русскихъ братствъ, ихъ дѣятельности (школы, типографіи), а также на наиболѣе выдающихся четырехъ лицахъ, которыя или тѣсно примыкаютъ къ братствамъ, находясь съ ними въ постоянныхъ, тѣсныхъ сношеніяхъ, или стоятъ отдѣльно отъ нихъ, какъ-то: А. М. Курбскій, Францискъ Скорина и др. Подробно отмѣчены литературные труды доктора Скорины и А. М. Курбскаго.

—

Вѣстникъ Всемірной Исторіи № 1 и 2.

Бошнякъ. Майборода. Шервудъ. По запискамъ декабриста кн. С. Г. Волконскаго (стр. 101—115). Нѣсколько интересныхъ страничекъ изъ жизни Южнаго Общества, въ которой очень неблаговидную роль сыграли наши земляки—Бошнякъ, помѣщикъ херсонской губерніи, и Майборода, изъ мелкопомѣстныхъ херсонскихъ дворянъ.

Грузинскій пергаментный манускриптъ 1042 года объ осадѣ Царьграда русскими въ 626 году (стр. 230—233). Объ этомъ интересномъ документѣ было сообщено у насъ въ 1900 г. № 11, отд. 2-й, стр. 111-я.

№ 2.

Въ отдѣлѣ «Странички Прошлаго» (стр. 195) помѣщенъ интересный документъ *«Заготовка розогъ»*, относящійся къ 1846 году. Кіевское губернское присутствіе въ упомянутомъ году постановило заготовить въ Кіевской губерніи 20,000 пучковъ березовыхъ розгъ для Херсонской губ. и 9,000 для Таврической.

Изъ области археологіи (стр. 203—206).

Отчетъ о сообщеніи А. А. Бобринскаго въ засѣданіи Р. Арх. Общ. о раскопкахъ Зноско-Боровскаго и о засѣданіи предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ.

—

Кавказскій Вѣстникъ, № 1.

Въ отдѣлѣ «Внутреннее Обозрѣніе» (стр. 174) отмѣчено чествованіе 70-лѣтняго юбилея извѣстнаго русско-украинскаго писателя Д. Л Мордовцева.

—

Міръ Божій, № 1.

Въ отдѣлѣ „На Родинѣ“ (стр. 29—30) дано сообщеніе объ интересномъ докладѣ В. И. Бородаевской въ „Союзѣ писателей“ —„Сектанты въ Кіевской губерніи“.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 1-мъ журнала «Нива» помѣщенъ рисунокъ И. С. Шарварока, ученика И. Е. Рѣпина, подъ заглавіемъ «Думы мои, думы мои», представляющій сложную композицію разнородныхъ сюжетовъ поэзіи Т. Г. Шевченка. За эту картину И. С. Шарварокъ удостоенъ высшаго званія художника по новому академическому уставу.

—

Въ № 282 газ. „Волынь“ помѣщена замѣтка *В. К.* «Сочельникъ на Волыни и во всей Украинѣ», авторъ которой отмѣчаетъ обычаи, соблюдаемые народомъ въ сочельникъ.

—

Въ № 279 газ. „Волынь“ помѣщена малорусская сказка «Якъ почалы робыты горилку», записанная В. Г. Кравченкомъ въ м. Червонномъ, Житом. у. Сказка, повидимому, представляетъ варіантъ обработанной Л. Н. Толстымъ народной легенды о „винокурѣ“. Сказка записана съ соблюденіемъ особенностей говора разсказчика.

—

Въ № 5 газ. «Кубанскія Областныя Вѣдомости» помѣщено продолженіе изслѣдованія Е. Д. Фелицына—«Кубанскій край сто лѣтъ назадъ». Глава III. Черноморія. Административный строй.

—

Въ № 280 газ. «Кубанскія Областныя Вѣдомости» помѣщены двѣ статьи: 1) *М. Пахомова.* «Різдвяні Святки въ Черноморіи» и 2) *Ив. Гр. Иванова.* Рождественскія святки на Ланіи (народные обычаи предъ праздниками Рождества Христова и Новаго Года въ ст. Вознесенской, Лабинскаго отдѣла).

Какъ въ той, такъ и другой приводятся интересныя данныя для характеристики народныхъ обычаевъ въ Кубанской Области, приводятся также нѣсколько колядокъ и щедривокъ.

—

Въ № 2, 3, 4 и слѣд., газеты «Буковина» печатается въ переводѣ на украинскій языкъ комедія Гоголя «Ревизоръ».

—

Въ №№ 4 и 5 газ. «Дѣло» помѣщена въ фельетонѣ статья М. Лозинскаго: *«Украинсько-руска література в 1900 р.»* Авторъ отмѣчаетъ литературную продукцію на Украинѣ (журналъ «Кіевская Старина», сборникъ «Вікъ»), на Угорской Руси (календари), Буковинской (газеты: Буковина, Руска рада; отд. изданіе: «Буковинська Русь»), въ Америкѣ (газ. «Свобода») и, наконецъ, въ Галицкой Руси (Науков. Тов. ім. Шевченка, Літературно-Науковий Вістник, «Видавнича Спілка», „Просьвіта“, Молода Україна; отдѣльныя изданія).

По мнѣнію автора, «въ нашемъ литературномъ движеніи замѣтенъ съ каждымъ годомъ все большій и большій прогрессъ какъ въ отношеніи количества, такъ и качества литературной продукціи».

—

Въ № 6877 газ. „Южный край“ помѣщена въ фельетонѣ статья Ек. Гай-Сагайдачной: „Три царя“. Автору удалось видѣть три года тому назадъ въ Чугуевѣ мистерію „Три царя“, въ исполненіи бродячей труппы; запись этой мистеріи и дана ей въ упомянутой газетѣ. Въ

числѣ дѣйствующихъ лицъ, какъ-то: Иродъ, царь Максимиліанъ, Мамай, палачъ Брамбеусъ, Смерть, воины—фигурируетъ и дѣдъ гробокопатель, говорящій довольно правильнымъ украинскимъ языкомъ.

—

Въ № 5 газ. «Куб. Областныхъ Вѣдомостей» помѣщенъ учителемъ К. Ковалевымъ интересный списокъ заговора отъ лихорадки, записанный въ ст. Шапсугской.

—

«Молода Україна», ч. 12 за грудень 1900 р. Зміст: По році.—На зеленій Буковині. *Іван Брик*: Олександер Кониський (з портретом).—*Теофіль Мелень*: Григорий Савич Сковорода.—*Володимир Лідин*: На границі.—Хроніка з нашого житя.—Бібліографія.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

А. Л. Дорога до свѣдомости. I. Капиталъ и праця. Выданя часоп. «Свобода», ч. 12. Olyphant, Pa. 1900. Зъ друкарни «Свободы». Ст. 26, 8°. Ціна 10 цент.

Archiwum Komisyi Prawniczej T. VII. Nakładem Krakowskiej Akademii Umiejętności. Содержитъ «Статутъ Литовскій во второй редакціи» (1566 г.).

Balzer Oswald. Nistorya porównawcza praw slowiańskich, główne kierunki rozwoju nauki i jej istotne znaczenie. Lwów, 1900.

Бібліотека для рускои молодежи подъ редакціею проф. Юліяна Насальского. Випускъ XXVIII. Коломыя, 1900. Змистъ: 1) Позѣрка, оповѣдане Франца Мешка въ перекладѣ Илька Кузева; 2) Оповѣдане сѣльского священника.—Зъ французького; 3) Дивне письмо, дѣточа комедія въ одномъ актѣ Теофіля Медведя.

Василенко, В. И. Очерки кустарныхъ промысловъ Полтавской губерніи. Выпускъ I. Пряденіе и ткачество въ Зѣньковскомъ и Миргородскомъ уѣздахъ. Изданіе Полтавскаго Губ. Земства. Полтава, 1900, I—III, 1—111.

Въ двѣсталѣтню рочницю уніи львівскои архидіецезіи. Написавъ Т. А. Накладомъ Митр. Ординарія̀та. Львовъ, 1900. Зъ друкарнѣ Ставропигійского Института. ст. 40, 8. Ціна 10 сот.

Волынскій народный календарь (мѣсяцесловъ) на 1901 годъ. Годъ 8-ой Изд. О. Ив. Досинчука. Житомиръ, 1900, I—XXXII, 1—144. Цѣна 20 коп.

Временникъ Ставропигійскою Института съ мѣсяцесловомъ на годъ обыкновенный 1901. (Годъ изданія XXXVIII). Львовъ, 1900. Изъ типогр. Ставр. Института. Ціна 1 кор.

Gawroński-Rawita Fr. Historya ruchów Hajdamackich. Lwów, 1901.

Где есть скарбъ закопаный? Наука о томъ, якъ его выдобути. Написалъ Г. А. П(олянскій). Перепечатано зъ «Рускои Рады». Коломыя, 1900. Черенками и накладом Михаила Бѣлоуса. Ст. 74, 8°. Ціна 20 сот.

Грабина А. Т. Панъ Халявскій. Комелія-фарсъ въ 4-хъ лѣйствіяхъ. Кіевъ, 1900, 1—75. Цѣна 50 коп.

Грушевський Мих. Бех-Аль-Джугур. Оповіданє. «Літерат.-Наукова Бібліотека». Ч. 9. Львів, 1900.

Грушевський Михайло Хмельницкій і Хмельниччина. Історичний ескіз. «Літерат.-Наукова Бібліотека». Ч 4. У Львові, 1901,стр. 1—63, 16. Ціна 20 сот.

Гумористичний—ілюстрований календар «Комара» на рік звичайний 1901. У Львові, 1900. Коштом и заходом редакціі «Комара». З друкарні Уділової. Ст. 96+32, 16°. Ціна 50 сот.

Енцикліка Папи Льва XIII про робітниче питанне. Накладом «Літерат.-Науков. Товариства українськоі духовн. семинаріі у Львові». Львів, 1900. З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка, 8°, стр. 40. Ц. 15 кр.

Етнографічний Збірник. Видає етнографічна Комісия Наукового Товариства імени Шевченка. Т. VIII. Галицькі народні новели. Зібрав Осип Роздольський. У Львові, 1900. Накладом Товариства. З друкарні Н. Т. ім. Шевченка. Стор. IX+166 вел. 8°. Ціна 2 кор. Зміст: 1) Передмова (д-ра І. Франка); 2) Текст новель, ст. 1—81; 3) Покажчик важнійшних мотивів. Т. IX. Етнографічні материяли з Угорськоі Руси. Зібрав Володимир Гнатюк. Том 3-ій. 1) Західні угорсько-руські комітати. 2) Бач-Бодрогський комітат. У Львові, 1900. Накладом Товариства. З друкарні Наукового Товариства імени Шевченка. Ст. 4+284, вл. 8°. Ціна 3 корони.

Ефименко, А. Я. На Украинѣ. Очерки и разсказы. Съ рисунками. 3 выпуска. М. 1901 г. Ц. *I* и II вып. по 30 к., III—25 к.

Жерновъ Матвій Семеновичъ. Збирнык творивъ. Томъ первій. Харькивъ, Друкарня Саввы Иванченко, 1900 року, 1—87, in 16°. Цина 20 коп.

Записки И. П. Котляревскаго о первыхъ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ въ турецкую войну 1806 года. Отт. изъ журн. «Кіевской Старины». Кіевъ, 1901 г., стр. 1—15.

Zalęski St., ks. J. J. Jezuici w Polsce, t. I. Walka z różnowierstwiem. 1555—1606, część I. Lwów 1900.

Зальцманъ Христіанъ. Г. Книжка приказок про те, якъ не належиться поводитися з дітьми. Переклав Теодор Біленький. З переднім словом Івана Франка. Виданне Тов. «Просьвіта», чч. 243—244. Львів, 1900, стр. 1—48. Ціна 40 сот.

Замятченскій, П. проф. Старобѣльскій уѣздъ Харьковской губ. въ геологическомъ, гидрологическомъ и почвенномъ отношеніи. Отчетъ Старобѣльской уѣздной земской управы. Издано Старобѣльской уѣздной земской управой. Спб. 1900. Тип. К. Биркенфельда, 8 д. II+148 стр.

Zbiór ćwiczeń pisemnych polskich, ruskich i niemieckich, dla szkół ludowych typu niższego z językiem wykładowym polskim i ruskim. Nowy Sącz. 1901. Wydawnictwo Red. «Szkolnictwo». Ц. 1. 10 кр.

Ілюстрований буковинський календар на рік 1901. Виданє «Рускоі Бесіди», ч. 160. Чернівці, 1900. З друкарні «Рускои Ради», Ц. 50 сот.

Илюстрованый Календарь Пр. Дѣвы Маріи на рикъ 1901. У Винтерберзѣ, 1900. Накладомъ Ивана Штайнбренера, стр. 80, 4°. Цѣна 80 сот.

Илюстрованый календарь Общества имени Михаила Качковскаго на годъ звычайный 1901. Изданъ подъ редакціею Б. А. Дѣдицкаго. Годъ XVII. Львовъ, 1900. Типогр. Ставр. Института. Ціна 70 сот.

Інформаційний календарик Рускою педагогічною Товариства у Львові на звич. рік 1901 в двайцяті роковини Товариства. Зложив Др. Мих. Начовский, ц. к. професор акад. гімназиі у Львові. З друк. Наук. Тов. ім. Шевченка. У Львові. 1900, 1—131. Ціна 50 сот. (Виданє Рус. Тов. педагогіч., ч. 85).

К. В. Образки з Криниці. Артистично Літературні новини. Книжка IV. Перемишль, 1900. З друкарні М. Джулинського. 30. 8°. Ціна 50 сот.

Календарь для американськыхъ Русиновъ на рикъ 1901. Олифантъ (Пенсильванія), зъ друкарни «Свобода». Съ иллюстр. и портретами: Котляревскаго, Драгоманова, Гончаренка и др. и 6 фотограф. снимками: Первые помники по Т. Шевченкѣ на американск. территоріи въ Ша-

мокинѣ, вечерняя школа въ въ Олифантѣ, читальня имени Котляревскаго въ Ансоніи, Русинская школа въ Мт.-Кармелѣ, читальня имени Шашкевича въ Олифантѣ и русинская школа въ Олифантѣ.

Календар на звич. рік 1901. Накладом філіі Руского Товариства Педагогичного в Коломиі. Ц. 25 сот-

Каллашъ Вл. Изъ исторіи малорусской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX вѣка. Ш. Отт. изъ журн. «Кіевск. Стар.» Кіевъ, 1901, стр. 1—38.

Калитовскій Омелян. Учебникъ географіи для II и III класичних середніх (з 39 ілюстрациями). У Львові, 1900. Накладом фонду краевого. З друкарні Наук. Тов. ім. Шевченка. Ст. 254, 8°. Ціна 2. 50 кор.

Др. Ол. Колесса. Погляд на сучасний стан історичних розслідів укр.-руской літератури. Найдавнійший періодъ. Кілька проблем и дезідератів. У Львові, 1901 Наклад. Наук. Тов. ім. Шевченка.

Коляди и щедрівки. З додатком тропарів і антифонів на Різдво Христове і Богоявленє. У Львові, 1900. З друкарні Науков. Тов. ім. Шевч. Виданнє товар. «Просьвіта». У Львові, 1900, 1—84, 16°. Ціна 20 сот.

Короста (*Чухачка*). Якъ лічыты коросту (Отдѣльный листъ). Ананьевъ, 1900. Тип. Е. Н. Макаревича и А. А. Коняхина.

Котляревскій И. П. Собраніе сочиненій на малороссійскомъ языкѣ. 1) Москаль-Чарівникъ; 2) Наталка-Полтавка; 3) Энеида. Москва, 1900. Тип. т-ва Вл. Чичеринъ, 8 д., 338 стр. Цѣна 1 р. (3000 экз.).

Кулида Д. В. Стихотворенія. 1887—1889 г. Изд. А. Кулиды. Кременчугъ. 1900, Тип. Д. Жолковскаго, 8 д., 20+1 стр. (500 экз.).

L. Z. W. Stronnictwa polityczne w Galicyji w przedniu wyborów. Kraków, 1900.

Левицькій М. Короста (Чухачка). Чытанка для селянъ. Изданіе Врачебнаго Отдѣленія Кіевскаго Губернскаго правленія. Кіевъ, 1900, 1—8, in 16° (съ рисункомъ). Цѣна 1 коп. (10.000 экз.).

Левицкій Костъ. Пропис людности. В додатку: «Староруські оповідання», ч. V и VI (д-ра Ів. Франка). Виданнє тов. «Просьвіта», ч. 245. Львів, 1901, стр. 16+20. Ціна 20 сот.

Лепкий Богдан. Оповіданя. Накладом А. Хойнацкого. З друкарні В. А. Шийковского. Ст. 138, 12°. Ціна 2 кор. Зміст: 1) Цьвіт щастя, 2) Закутник, 3) Стріча, 4) Починок.

Лепкий Богдан. Оповіданя. Накладом А. Хойнацького. У Львові, 1900, 1—16. Ціна 2 корони.

Лясковронскій В. Прошлое м. Триполья и мѣстныя народныя преданья о немъ. Кіевъ, 1901 г. Цѣна 50 коп.

Макарь Стефанъ. Руско-англійскій провидникъ. Видавництво часописи «Свобода». Ч 11. Olyphant, Pa. Зъ друкарни „Свободы". 1900. Ст. 116, 8°. Стр. 41.

Мандичевскій Евген. З живого і мертвого. Новелі. Львів, 1901. Накладом автора. Зміст: 1) Сирітський сон, 2) Мужицьке жито, 3) Харитники, 4) Білила полотна, 5) Тайна поэта, 6) Марійка, 7) Нужда, 8) Вечір. Ціна 1 кор.

Маркевичъ, А. И. Пушкинъ и Новороссійскій край. Рѣчь, произнесенная въ торж. собр. универс. и учен. общ. 27 мая 1901 г. Одесса, 1900 г. Ц. 30 к.

Мирний Панас. Лови. Оповіданє. «Літерат.-Наукова Бібліотека», ч. 7. Львів, 1901.

Др. Іос. Мѣльницкій. Теофилъ або выкладъ гомилетичный Апостоловъ и Евангелій. Т. Ш, вып. VI. Львовъ, 1901, 8°. Стр. 41.

Наумович Володимир. Величина і будова звіздяного сьвіта. В додатку: Спомини про Володимира Наумовича, написав Іван Франко. «Літерат.-Наукова Бібліотека». 6. Львів, 1901.

М(алинякъ) Н. Д. Малая Евхаристическая книжица. Послѣдованіе къ святому причащенію. Перепечатано изъ Почаевскаго Молитвослова изъ конца XVIII вѣка. Перемышль, 1900. Изъ тип. Н. Л. Джулынскаго. Ст. 48; 12°. Цѣна 50 сот.

М(алинякъ) Н. Д. Зерна горушичны изъ сѣменца Камянина. Евхаристіка. Календарь. Семенарь. Языкъ и каѳоликъ. Епілогъ. Перемышль. 1900. Зъ печатни Н. Л. Джулынскаго. Ст. 52, 8°.

Огоновський П. Учебник арѳметики для низших кляс. Часть I (на I и II кл). 2 виданнє. Львів, 1900. Ц. 1 кор. 80 кр.

Огоновскій Іларіон. Словар до Гомерової Одиссеї і Іліяди. Накладом Науков. Тов. ім. Шевченка при підпомозі Галицкого сойму. У Львові, 1900, стр. 1—433. Ціна 4 корони.

Оркан Владислав. Скапаний сьвіт. Переклад Иосифа Стадника. Вид. Р.-Укр. Видавничої Спілки. Ч. I. Львовъ, 1900.

Остáвнтє дтéй прнходнтн ко мнѣ. Начеркъ науки религіи въ першôи клясѣ народнои школы. Уложивъ свящ. Л. Лужницкій

Львовъ, 1900. Накладомъ редакціи „Богословскаго Вѣстника". Ст. 48, 12°.

Остапенко Грыцько. „Кобзарь". Сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ. Изд. Е. Коноваловой. Москва, 1900. Тип. И. Полякова, 16 д. 144, стр. 6000 экз.

Pawiński A. Teki tom VI. Dyaryusze sejmowe, część I ч. 1581, 1681, 1726. Lwów. 1900. 4 k. 60 h.

Петеленецъ-Калитовський Герман. Вправи німецькі для IV кл., 2 видане. 1900 р.

Про сифилисъ (пранци). Перекладъ съ выданія „Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова". (Отдѣльный листъ). Ананьевъ, 1900. Типографія Е. Н. Макаревича и А. А. Конякина.

Про скарлатыну (краснуха). Перекладъ съ выданія „Общества врачей въ память Н. И. Пирогова". (Отдѣльный листъ). Ананьевъ, 1900. Типографія Е. Н. Макаревича и А. А. Конякина.

Профессоръ Николай Ѳеодоровичъ Сумцовъ. Къ двадцатипятилѣтней годовщинѣ его учено-педагогической дѣятельности. Харьковъ, 1900, 1—37, in 8°.

Познанскій Б. Симсотъ первый и симсотъ вторый законъ. Разсказъ. Отт. изъ журн. „Кіевск. Стар.". Кіевъ, 1901, 1—16.

Покрива Т. Дорога до свѣдомости. II Борба класъ. III Для чого робітники організуються? Вид. час. „Свобода". Ч. 13. Olyphant. Pa. 1900. Зъ друкарнѣ „Свобода". Ст. 24, 8°. Цѣна 10 цент.

Приятель жовніра. Календарь на рік 1901. Вінтенберг, 1900. Накладом Івана Штайнбренера. Стр. 128, 4°.

Пулюй Іван, др. Непропаща сила. „Літерат.-Наукова Бібліотека", ч. 8. Львів, 1901.

Пятка Стефанъ. На прічкахъ. Видане Руского Товариства педагогічного, Ч. 80. У Львові, 1900. З друкарні Науков. Тов. ім. Шевченка. Ст. 34, 8°. Ц. 30 сот..

Радичъ В. Запорожская Старина. Историческіе разсказы. Изд. ред. журн. „Всходы". Спб. 1900 г., 1—242. Цѣна 1 р. Содержаніе: Дѣдушка, Ссылка, Святой вечеръ, Погромъ Крыма, По синимъ волнамъ, Палій и Палійха, У гетмана, Максимъ Желѣзнякъ.

Рклицкій М. Городъ Новгородъ-Сѣверскій, его прошлое и настоящее. Изд. редакціи «Земскаго Сборника Черниг. губ.». Черниговъ, 1900. Тип Губ. Земства. 8 д., 32 стр.

Ротаръ Ив. Епифаній Славинецкій, литературный дѣятель XVII вѣка. Оттискъ изъ журн. «Кіев. Стар». Кіевъ, 1901, 1—119.

Самойловичъ Иванъ. Лѣтопись с. Разбишевки, Гадячскаго уѣзда, Полтавской губ. Полтава, 1900, стр. 1—32 (Оттискъ изъ №№ 5—6 «Полтавск. Епарх. Вѣдомостей» за 1900 г.).

Сборникъ Им. Р. Ист. Общ. Т. 107. Матеріалы Екатерининской Законодательной Коммиссіи. Т. IX. Спб. 1900. Ц. 3 р.; т. *108.* Бумаги кабинета импер. Анны Ивановны. 1731—1740. Собр. и изд. подъ редакціей А. Н. Филиппова. Т. III (1734 г.). Юрьевъ, 1900 г. Ц. 3 руб.

Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства, относящихся къ крестьянскому общественному управленію. Общее положеніе. Т. I, ч. I. Москва, 1901.

Сборникъ деклямацій, составленный изъ стихôвъ первостепенныхъ нашихъ писателѣвъ. Собравъ М. Бѣлоусъ. Коломыя, 1900. Черенками М. Бѣлоуса. Ст. 64, 8°. Ціна 30 сот.

Слово о. Генр. А. Полянского по случаю генерального собранія членовъ им. Михаила Качковского въ Сяноцѣ (18/9 1900). Черенками Михаила Бѣлоуса. Ст. 16, 8°. Ціна 10 сот.

Стефаник Василь. Дорога. Збірка нарисів (Дорога, Скін, Давнина, Вістуни, Май, Палій, Кленові листки, Похорон, Сон, Басараби, Озимина, Злодій, Такий панок). Видане «Рус.-Укр. Видавничої Спілки.» Ч. 2. Львів, 1900.

Студинський Кирило. Літературні замітки. Львів, 1901. Накладом А. Хойнацкого. З друкарні В. А. Шийковского, in 8°, стр. 131. Зміст: 1) Козацтво і гайдамаччина въ Енеїді Котляревського (стр. 1—32), 2) Характеристика поэзий Петра Гулака-Артемовского (стр. 35—131). Ціна 10 сот.

Teisseyre Wawrzyniec Dr. Atłas geologiczny Galicyji, zeszyt 9 (mapy i tekst). Kraków, 1900.

Тобилевичъ И. К. (Карпенко-Карый). Бурлака. Драма на 5 дій. Кіевъ, 1900, типографія П. Барскаго. № 16. Стр. 1—78, in 16°. Цѣна 7 коп.

Федьковичъ Ю. І. Фармазони. Красна и правдива повість для розумних господарів. II. Поэзиі Юрия Федьковича. Виданне Тов. „Просьвіта", ч. ч. 246—247. У Львові, 1900, 1—80 стр. Ц. 40 сот.

Фільотас. Старинный процес за змову на королівське житє. Оповіданє Квінта Курция Руфа. З латинської мовп переклав Іван Франко. У Львові, 1901, стр. 1—89, 16° („Літер.-Наук. Бібліотека, ч. 5).

Франко Іван. Перехресні стежки. Повість. Видане ред. „Літ.-Наук. Вістника". Львів, 1900. Ст. 320, 8⁰. Ціна 3 корони.

Хатежкинъ А. Земскый гласный. Разсказъ. Отт. изъ журн. «Кіевск. Стар.». Кіевъ, 1901, стр. 1—37.

Chronik der ukrainischen Ševčenko—Gesellschaft der Wissenschaften im Lemberg № 3. (Mai—August). Львів, 1900. З друкарні Н. Т. ім. Шевченка. Ст. 22, 8⁰. Ціна 30 сот.

Христіянский календар Місіонаря на 1901 рік. Жовква. Печатня о.о. Василіян, 1900. Стор. 110, 8⁰. Ціна 50 сот.

Часопись правнича і економічна. Під редакцією Станіслава Дністрянського. Львів, 1901. Зміст: 1) Передмова, 2) *Андрій Гошовский:* Про новий напрям в науці приватного права, 3) *Др. Станіслав Дністрянський:* Берненська унія і наше відношене до неї, 4) *Др. Іван Франко:* Грималівский ключ въ р. 1800.

Ш. Я. Пробуждающійся край (Л. Василевскій. Современная Галиція. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 1900). Отт. изъ жур. «Кіевск. Стар.». Кіевъ, 1901, 1—22.

Шабленко А. Я. Нова хатына. Збирнычокъ творивъ. С.-Петербургъ. 1900 г., in 16⁰, стр. 40. Столичная типографія. Гороховая, № 12. Цина 20 к.

Шекспір Уілліям. Юлій Цезарь. Переклад П. А. Куліша. З передмовою і поясненим д-ра І. Франка. Наклад. „Укр.-руськ. Видавн. Спілки". Ч. 3. Львів, 1901, ст. XII+132, 8⁰. Ціна 1. 60 кор.

Шпойнаровский Сергій. Руска читанка для першої класи шкіл середних. Чернівці, 1900. Накладом ц. к. книгарні університетської.

Якъ оберегты себе видъ висты. Перекладъ зъ выдания „Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова". Ананьевъ 1900. Тип. Е. Н. Макаревича и А. А. Коняхина.

Яроцкій Я. В. Изъ прошлаго Волыни. Сборникъ небольшихъ историческихъ очерковъ. Выпускъ 1-ый. Содержаніе: 1) Шереметевы валы на Волыни и ихъ историческое значеніе, 2) Парафіальныя школы на Волыни; ихъ возникновеніе и значеніе, согласно уставу 1807 г., 3) Парафіальныя школы Влад.-Волынск. у. и ихъ закрытіе въ 1832 г., 4) Изъ исторіи одного владѣльческаго города, 5) Искорость (изъ путевыхъ замѣтокъ), 6) Изъ Искорости въ Народичи (путевыя замѣтки). Житомиръ. 1900 г., стр. 1—50.

Археологическая лѣтопись.

Ученыя общества.

Воронежская ученая архивная комиссія. 1 декабря состоялось торжественное открытіе въ г. Воронежѣ губернской ученой архивной комиссіи. Къ торжеству открытія собрались въ губернаторскій домъ представители разныхъ вѣдомствъ и учрежденій, члены-учредители, а также и нѣкоторые изъ земскихъ представителей, прибывшіе въ Воронежъ на губернское земское собраніе.

Объявляя комиссію открытой, начальникъ губерніи П. А. Слѣпцовъ выразилъ благодарность кружку лицъ, иниціативѣ которыхъ принадлежитъ учрежденіе въ г. Воронежѣ губернской ученой архивной комиссіи. (Разрѣшеніе на учрежденіе комиссіи дано 23 сентября настоящаго года). Затѣмъ главный иниціаторъ учрежденія комиссіи въ г. Воронежѣ, предводитель дворянства Коротоякскаго уѣзда, извѣстный своими арехологическими работами, Савеловъ произнесъ рѣчь, посвященную выясненію вопроса: что такое ученая архивная комиссія, что она должна сдѣлать и что она можетъ сдѣлать. Указавъ, что дѣятельность архивной комиссіи распадается на три отдѣла: архивный, историко-археологическій и этнографическій, ораторъ отмѣтилъ, что, кромѣ этихъ, чисто научныхъ занятій, комиссія должна озаботиться составленіемъ музея и библіотеки. Заканчивая свою, одушевленную идеальными стремленіями, рѣчь и обращаясь къ будущимъ труженикамъ комиссіи, почтенный ораторъ выразилъ надежду, что

въ Вороженскомъ краѣ, родинѣ Евгенія Болховитинова, Н. И. Костомарова, Н. А. Сѣверцова и многихъ другихъ, найдутся Второвы и Тарачковы, а при ихъ помощи юная воронежская комиссія займетъ съ честью подобающее ей мѣсто среди комиссій другихъ губерній.

По окончаніи рѣчи Л. М. Савелова произведены были выборы. Большинствомъ голосовъ избраны были: предсѣдателемъ—извѣстный писатель, воронежецъ Евг. Льв. Марковъ, товарищемъ предсѣдателя—Л. М. Савеловъ и правителемъ дѣлъ—членъ-секретарь губернскаго статистическаго комитета мѣстный педагогъ М. Н. Быловъ.

Занявшій предсѣдательское мѣсто Марковъ поставилъ на разрѣшеніе собравшихся въ количествѣ 34 членовъ нѣсколько вопросовъ. Такъ какъ еще ранѣе открытія настоящей комиссіи была организована при воронежскомъ статистическомъ комитетѣ особая комиссія по устройству въ Харьковѣ XII археологическаго съѣзда, то рѣшено слить эту комиссію съ вновь открытой. Такъ какъ при мѣстномъ статистическомъ комитетѣ уже организованъ музей, уставъ котораго до сего времени не утвержденъ, то обсуждался вопросъ о возможности присоединенія музея къ открытой комиссіи, о чемъ и постановлено просить статистическій комитетъ въ ближайшемъ общемъ его засѣданіи. Открытая комиссія пока не располагаетъ никакими денежными средствами. Единственнымъ источникомъ такихъ средствъ являются, въ настоящее время, членскіе взносы, ежегодный размѣръ которыхъ для дѣйствительныхъ членовъ, проживающихъ въ Воронежской губерніи, установленъ въ 3 р. и пожизненный—въ 75 р. Помѣщеніе для первыхъ ученыхъ занятій комиссіи рѣшено пока отвести при статистическомъ комитетѣ.

Но съ самаго же начала архивной комиссіи, какъ извѣстно, должны образоваться историческій архивъ и библіотека: возникаетъ серіозный вопросъ о самостоятельномъ помѣщеніи для комиссіи... Затѣмъ, комиссія должна печатать свои научные труды—найдутся-ли нужныя средства?.. Какъ юное учрежденіе выйдетъ изъ этихъ затрудненій—покажетъ будущее, но, во всякомъ случаѣ, остается пожелать симпатичному дѣлу полнаго успѣха. („Спб. Вѣд.“)

—

25 ноября въ Императорскомъ русскомъ археологическомъ обществѣ состоялось засѣданіе членовъ русскаго отдѣленія, подъ предсѣдательствомъ проф. С. Ѳ. Платонова. Прочитаны рефераты: графомъ А. А. Бобринскимъ „Кіевскія древности въ раскопкахъ Зноско-Боровскаго“ и С. Л. Пташицкимъ „Нумизматика, какъ средство опредѣлить, кто былъ Лжедимитрій I“ (по поводу новѣйшихъ польскихъ изданій о смутномъ времени). По сообщенію предсѣдателя Императорской археологической комиссіи, графа А. А. Бобринскаго, посвятившаго много лѣтъ на изученіе кіевскихъ древностей, археологія Кіевской губерніи за послѣднія 20 лѣтъ оказала значительные успѣхи. Тысячи раскопанныхъ кургановъ позволяютъ сдѣлать нѣкоторые интересные выводы относительно племенъ, обитавшихъ нѣкогда въ этихъ мѣстностяхъ. Всѣ курганы кіевской области можно раздѣлить на 5 группъ. Къ первой принадлежатъ древнѣйшія крупныя насыпи, характеризующіяся скорченными костяками, бѣдностью предметовъ и находками грубо-выдѣланной посуды еще безъ помощи гончарнаго круга. Находки кургановъ второй группы, наоборотъ, отличаются изобиліемъ, разнообразіемъ и богатствомъ предметовъ. Но это богатство кургана служило приманкою грабителей, и поэтому только не болѣе двадцатой части ихъ осталось не расхищенными. Курганы эти—скиѳскаго происхожденія. Къ третьей группѣ принадлежатъ курганы римскаго времени (съ вещицами римскаго происхожденія). Четвертую группу составляютъ славянскія погребенія и, наконецъ, пятую—новый, недавно открытый типъ кургановъ—„печенѣжскій“. Характеризуются они остатками лошади при костякѣ воина. Зноско-Боровскій, о раскопкахъ котораго сообщилъ графъ Бобринскій, былъ проницательный, точный и глубоко, до фанатизма, преданный своему дѣлу работникъ. Изслѣдовано и научно-описано имъ до 105 кургановъ. Коллекція предметовъ послѣ его смерти поступила въ собственность кіевскаго музея. Изъ четырехъ, наиболѣе интересныхъ кургановъ одинъ, судя по находкамъ, Зноско-Боровскій относитъ къ числу погребеній сарматскихъ амазонокъ, другой обнаружилъ остатки воина въ полномъ вооруженіи, съ желѣзной маской, нѣкогда покрывавшей его лицо. Это типъ печенѣжскій.

Второй референтъ, П. А. Пташицкій, указалъ на нѣкоторыя любопытныя заключенія, къ которымъ пришли современные

польскіе изслѣдователи смутнаго времени. По мнѣнію одного изъ нихъ, первый самозванецъ былъ сыномъ Стефана Баторія.

17-го декабря состоялось засѣданіе *Коммиссіи по описанію и изданію памятниковъ украинской старины.* Въ немъ было доложено заключеніе гр. П. С. Уваровой о доставленныхъ экскурсантами прошлаго лѣта фотографическихъ снимкахъ, гдѣ высказаны нѣкоторыя замѣчанія, касающіяся технической стороны дѣла. Затѣмъ, по предложенію предсѣдателя комиссіи, Н. П. Дашкевича, рѣшено обратиться съ просьбой къ гр. П. С. Уваровой о разсылкѣ священникамъ чрезъ епархіальное начальство краткихъ вопросныхъ пунктовъ о времени постройки церквей и инвентарѣ послѣднихъ; такого рода свѣдѣнія необходимы для составленія маршрутовъ предстоящихъ экскурсій. Рѣшено также обратиться къ инспекторамъ народныхъ училищъ о собираніи свѣдѣній о памятникахъ старины при посредствѣ народныхъ учителей, при чемъ однимъ изъ членовъ комиссіи было заявлено, что инспекторомъ 3-го раіона Кіевской губ. В. Н. Бутовичемъ уже выражено желаніе способствовать такимъ путемъ цѣлямъ Комиссіи. Выбраны въ члены Комиссіи инженеры П. И. Голландскій и В. А. Осьмакъ—нельзя не привѣтствовать это избраніе, такъ какъ до сихъ поръ среди членовъ Комиссіи отсутствовали спеціалисты по исторіи архитектуры и по архитектурѣ вообще.

Изслѣдованія и раскопки.

Изъ журналовъ раскопокъ Н. Е. Бранденбурга. Свѣдѣнія о двухъ нижеописанныхъ раскопкахъ еще не были нигдѣ опубликованы; приносимъ искреннюю благодарность Н. Е. Бранденбургу, сообщившему намъ выписки изъ журналовъ этихъ раскопокъ,—помѣщеніе такого рода свѣдѣній составляетъ, какъ объ этомъ мы уже говорили раньше, одну изъ задачъ „Лѣтописи“.

Остатки небольшого курiана около с. Бурты, Каневскаго у. Кіевской г. Въ срединѣ, въ материкѣ, могильная яма (8×4 ар.),

глубиной $1^1/_2$ ар., въ ямѣ—остатки дубоваго гроба съ дѣтскимъ скелетомъ (послѣдній длиной $1^3/_4$ ар.,), лежащимъ головой на западъ. Кости малы и тонки и сохранились очень дурно. На шеѣ скелета найдена серебряная гривна, въ видѣ согнутаго кольцеобразно граненаго прута съ петлей и крючкомъ на концахъ. Рядомъ съ гробомъ, съ сѣверной стороны, лежалъ остовъ небольшого жеребенка въ обычной позѣ—съ поджатыми подъ себя ногами, но туловище лежитъ на боку и нѣсколько свернувшись (немного напоминаетъ положеніе спящей собаки); при остовѣ—стремя, желѣзная пряжка, въ зубахъ удила и на ребрахъ нѣсколько обломковъ какихъ-то костяныхъ оправокъ. Это единственный случай находки дѣтскаго погребенія съ конемъ, очевидно племя было кровное—кочевое.

Остатки кургана при с. Пышкахъ, Каневскаго у. Курганъ почти совсѣмъ уничтоженъ бывшей на немъ мельницей. Въ материкѣ—большая могильная яма (5×3 ар.), глубиной 5 ар.; на днѣ ямы—слѣды гроба и остатки совершенно истлѣвшаго скелета, головой почти на западъ. У головы скелета, съ правой стороны, найденъ желѣзный шлемъ и вдоль тѣла—длинная сабля, а также кучка желѣзныхъ стрѣлъ съ остатками древковъ, обвитыхъ полосками бересты; съ лѣвой стороны—длинная полоса золототканной матеріи, составлявшая, какъ видно, бортъ отъ покрова или плаща (остатки или слѣды послѣдняго совсѣмъ изъ другой матеріи); кромѣ того, при скелетѣ найдены: бронзовая пуговка, огниво съ кремнемъ, желѣзныя кольцо и пряжка и золотой прутикъ (длиной $5^1/_2$ дм. и вѣсомъ до 15 золот.),—б. м. часть разогнутой гривны. Съ сѣверной стороны скелета, но на 1 арш. выше его, находились остовы двухъ лошадей, головами также на западъ, лежащихъ на брюхѣ, съ подогнутыми ногами и съ удилами въ зубахъ. При лошадяхъ найдены двѣ пары стремянъ и три пряжки, а близъ поверхности ямы—желѣзное копье.

Всѣ находки сохраняются въ Артиллерійскомъ историческомъ музеѣ въ С.-Петербургѣ.

—

Прошлымъ лѣтомъ В. Н. Доманицкимъ начато изслѣдованіе городища, находящагося въ с. Колодистомъ, Звенигородскаго у. Кіевск. г. Городище расположено въ возвышенной

части села, почти въ центрѣ его, сохранилось не вполнѣ, но слѣды вала и рва въ нѣкоторыхъ частяхъ ясно замѣтны. Изслѣдованіе городища имѣетъ пока характеръ предварительныхъ развѣдокъ, но и при такихъ раскопкахъ удалось собрать довольно значительный подборъ предметовъ, главнымъ образомъ, остатковъ керамики. Судя по этимъ остаткамъ, можно предположить, что городище должно представлять большой интересъ. Посуда приготовлена на кругѣ, хорошо обожжена и украшена орнаментомъ изъ концентрическихъ кружковъ, углубленій и розетокъ, произведенныхъ оттискиваніемъ—орнаментъ, очень напоминающій украшенія посуды изъ погребальнаго поля у с. Триполья, относящагося ко II—III вв. по Р. Х. Кромѣ остатковъ посуды, на городищѣ найдены глиняныя пряслицы, сердоликовыя граненыя буссы, серебряныя и бронзовыя пряжки отъ узкихъ поясовъ, желѣзные ножики. Обнаружено здѣсь также и погребеніе на глубинѣ $1^1/_2$ ар., скелетъ обращенъ головой на сѣверъ.

—

Въ концѣ декабря и началѣ января, по порученію Московск. Археологич. Общества, нами производилось описаніе и фотографированіе памятниковъ украинской старины въ г. Глуховѣ, Черниговской губ. За краткостью времени осмотрѣны и сняты различные предметы церковной утвари лишь въ церквяхъ соборной и Николаевской, гдѣ хранятся прекрасные образцы серебрянаго дѣла и шитья XVII—XVIII ст. Работа велась нами при ближайшемъ участіи знатока глуховской старины П. Я. Дорошенко, въ собраніи котораго также нашлось нѣсколько очень интересныхъ памятниковъ письменной и вещественной старины.—Кромѣ Глухова, намъ удалось съѣздить въ лежащее неподалеку с. Сварковъ—родовое гнѣздо Марковичей; здѣсь сняты: церковь, постройки половины XVIII ст., церковная утварь и нѣкоторые старинные предметы, принадлежащіе семьѣ Марковичей. Всего во время поѣздки въ Глуховъ сдѣлано болѣе 40-ка снимковъ. Продолжать съемку памятниковъ глуховской старины любезно взялъ на себя А. А. Мокрицкій, и на первую очередь поставлена церковь въ части города Веригинѣ, гдѣ имѣется довольно много иконъ и утвари XVIII ст., въ большинствѣ случаевъ датированныхъ.

Случайныя находки.

Минувшимъ лѣтомъ, *возлѣ деревни Кептинецъ*, отстоящей отъ Каменца въ 7 вер., найдена гробница каменнаго вѣка. Открылъ ее крестьянинъ той деревни Химчакъ при вспашкѣ своего поля: плугъ наткнулся на большой камень и крестьянинъ, желая выкопать его изъ земли, увидѣлъ, что это большая плита, прикрывающая гробницу, устроенную въ землѣ и обложенную со всѣхъ сторонъ громадными плитами изъ известняка (длиною около 2 арш. при толщинѣ въ $^1/_4$ арш.). Съ помощью другихъ крестьянъ онъ поднялъ верхнюю плиту и сталъ выбрасывать землю, наполнявшую гробницу. Здѣсь земля оказалась очень рыхлою, мягкою; на глубинѣ двухъ аршинъ, въ гробницѣ оказалось два костяка, глиняные горшки, разбившіеся при раскопкѣ, и два кремневыхъ полированныхъ топорика. Докопавши до дна гробницы, выложеннаго камнемъ, и не найдя никакого клада, чего находчики ожидали, крестьяне все выкопанное сбросили въ яму и засыпали землей. Изъ найденыхъ двухъ кремневыхъ топориковъ одинъ былъ разбитъ нашедшимъ его крестьяниномъ на куски для огнива, а другой попалъ въ Каменецкое Древнехранилище Историко-статистическаго Комитета. Послѣдній топорикъ имѣетъ длины 8 стм., ширины 3—$2^1/_2$ стм. и толщины $1^1/_2$ стм. Найденная гробница находится на высокой ровной мѣстности, немного покатой къ рѣчкѣ Смотричу; въ томъ мѣстѣ, гдѣ найдена гробница, не замѣтно курганной насыпи. Длина гробницы внутри $2^1/_2$ арш., шир. $1^1/_4$ арш. и глуб. до 2 арш.; направленіе длины отъ ю.-з. къ с.-в.

Е. С.

На помѣщичьемъ полѣ *у с. Богдановки, Брацлавского у. Подольской губ.*, въ октябрѣ прошлаго года крестьянинъ выоралъ горшокъ съ монетами. Горшокъ отъ удара плугомъ разбился, монеты-же поступили къ владѣльцамъ имѣнія (Ярошинскимъ). Монеты оказались мелкимъ римскимъ серебромъ, въ количествѣ

770 штукъ. Относятся онѣ къ царствованіямъ императоровъ Траяна, Адріана и Антонина Пія и довольно потерты.

К. В. В.

Нѣсколько времени тому назадъ на кіевскомъ рынкѣ появился очень *интересный кладъ*, найденный въ *с. Войтовцахъ, Переяславск. у. Полтавской губ.* Кладъ состоялъ изъ слѣдующихъ предметовъ княжеской эпохи: 1) золотого перстня съ шестиграннымъ щиткомъ, на которомъ выгравированъ левъ, 2) золотого кольца изъ двухъ перевитыхъ проволокъ со спаянными концами, 3) двухъ витыхъ серебряныхъ браслетовъ, у одного изъ которыхъ головки украшены чернью, 4) двухъ широкихъ, составныхъ изъ двухъ частей, серебряныхъ браслетовъ, съ львиными головами при соединеніи; каждая изъ половинокъ украшена розеткой и птицей, исполненными чернью; типъ браслетовъ—еще неизвѣстный въ кіевскихъ находкахъ, 5) 28-ми серебряныхъ шестіугольныхъ монетныхъ гривнъ, изъ которыхъ одна вѣсила 25 золотн., 2 по 36 зол., 7 по $36^1/_2$ зол, 10 по 37 зол., 3 по $37^1/_2$ зол., 1—38 зол., 2 по $46^1/_2$ зол. и 2 по 47 зол.; на нѣкоторыхъ гривнахъ видны тонкія нарѣзки, въ видѣ царапинъ.

Музеи и собранія древностей.

Вопросъ объ устройствѣ „Музея древностей Подоліи", какъ сообщаютъ „Подольск. Губ. Вѣдомости", находится въ такомъ положеніи: проектъ устава отправленъ для предварительнаго разсмотрѣнія его въ Императорское Московское археологическое общество, которое вправѣ дать извѣстныя указанія по существу и рекомендовать учредителямъ тѣ или другія измѣненія въ проектѣ. Хотя этого, какъ надо полагать, и не случится, такъ какъ посланный проектъ выработанъ учредителями по предварительномъ сношеніи съ предсѣдательницею названнаго археологическаго общества графинею Уваровою и притомъ примѣнительно къ присланному ею нормальному уставу подобнаго рода музеевъ, тѣмъ не менѣе, до возвращенія этого проекта археологическимъ

обществомъ, представляется не удобнымъ вносить вопросъ о музеѣ на разсмотрѣніе мѣстной городской думы. Несмотря, однако, на это, подготовительныя работы, благодаря энергіи иниціатора дѣла М. А. Трублаевича, идутъ безпрепятственно; такъ, г. Трублаевичемъ получено въ пользу будущаго музея 100 рублей, пожертвованныхъ высокопреосвященнѣйшимъ Модестомъ, архіепископомъ Волынскимъ и Житомирскимъ; затѣмъ, отъ одного изъ мѣстныхъ домовладѣльцевъ, Х. Крайза,—довольно цѣнный сборникъ рисунковъ по нумизматикѣ—какъ русской, такъ и иностранной; наконецъ, раздобыта г. Трублаевичемъ для музея каменная плита съ армянскою надписью 1550 года. Такимъ образомъ, желающіе сдѣлать какой-либо посильный вкладъ свой для будущаго музея могутъ и нынѣ направлять свою лепту, вещами или деньгами, М. А. Трублаевичу. По полученіи проекта устава музея отъ Московскаго археологическаго общества, М. А. Трублаевичъ немедленно извѣститъ о томъ всѣхъ лицъ, сочувствующихъ открытію этого, въ высшей степени полезнаго для нашего края, учрежденія.

—

По иниціативѣ члена Таврической ученой архивной коммиссіи г. Иваненко, съ разрѣшенія Имп. Археологической Коммиссіи, *въ Бахчисараѣ*, въ мѣстномъ дворцѣ, *устроенъ музей* предметовъ, относящихся къ исторіи и этнографіи крымскихъ татаръ. Въ музей уже поступили: многіе историческіе предметы, собранные г. Иваненко, коллекція оружія и монетъ, пожертвованная Бедросомъ Топаловымъ, и будутъ переданы изъ Эрмитажа дубликаты ханскихъ монетъ.

—

Въ кіевскихъ газетахъ недавно было помѣщено извѣстіе, что находящійся вблизи г. Лубенъ археологическо-этнографическій музей, принадлежащій Е. Н. Скаржинской, подаренъ владѣлицей одному изъ столичныхъ ученыхъ учрежденій. Но по другимъ свѣдѣніямъ („Южн. Край"), г-жа Скаржинская, съ цѣлью усилить общественное значеніе музея, обнаруживаетъ готовность пожертвовать его правительственному или общественному учрежденію, *съ условіемъ сохраненія его въ г. Лубнахъ*. Надѣемся, что это послѣднее свѣдѣніе окажется болѣе близкимъ

къ истинѣ, чѣмъ первое, такъ какъ музей г-жи Скаржинской—музей чисто мѣстный, и съ переходомъ его въ столицу, онъ въ значительно меньшей степени будетъ служить просвѣтительнымъ цѣлямъ, чѣмъ это онъ можетъ дѣлать, оставаясь на мѣстѣ. Въ настоящее время составляется описаніе археологическаго отдѣла музея,—по окончаніи и изданіи его мы не преминемъ дать объ этомъ свѣдѣнія въ „Лѣтописи“.

14 д. **А.** 67 д. **В.** 56 д. **В** 57 д. **Г.** 25 д., 26 х. **Д.** 64 д. 75 х. Пс. 4 д. 10 х. **Кз. В.** 8 д. **Г.** 9 д. 9 х. **Д.** 7 д. 21 х. **К**—ки у Марковичей оставались до к. XVIII в.

С. Полова, руда Половая. Въ актѣ 1615 г., опредѣлявшемъ земли зачинавшагося Густынскаго м—ря, упоминается „рудка або рѣчка Половая", на которой въ то время никакого поселенія не было; возникло оно ок. 1638 г., когда возстали козаки съ Остраницею во главѣ; въ это время до Густыни дошелъ слухъ, что поляки схватили Мгарскаго игумена съ братіей за то, что будто тѣ доставляли козакамъ—аммуницію (prochi). Слухъ этотъ испугалъ Густынскаго игумена до того, что онъ убѣдилъ свою братію—бѣжать въ „Московщину"; дѣйствительно, Густынскіе монахи, „зобравъ все имѣніе церковное и монастырское, бѣжали въ Путивль, оставя м—рь впустѣ". Въ этотъ моментъ, по запустѣніи м—ря, окрестный народъ и сталъ заселять монастырскія земли: „Прилуцкіе и окрестніе жители, устремившись къ разоренію и расхищенію грунтовъ монастырскихъ, дуброву м—скую,—отъ Прилуки по Хаенкову долину и до Твердоустовой гребельки,—зрубали безъ остатка сплошъ и тую землю, пахотную и сѣнокосную, завладѣи и—*первіе, село Половая, а потомъ деревня Левки, селилась*". [1]) И когда монахи вернулись изъ Путивля въ Густыню, то „на рудкѣ Половой" застали населеніе, отнять у жителей котораго занятыя земли было уже имъ не подъ силу; тогда монахи обратились къ Хмельницкому съ просьбою отдать Половую на м—рь, доказывая, что это село, какъ сѣвшее на монастырской землѣ, монастырю и должно принадлежать. Въ отвѣтъ на эту просьбу, въ маѣ 1655 г., Хмельницкій выдалъ слѣд. универсалъ: „ознаймуемъ... ижъ мы зъ побожности нашой село Половое, столчое на кгрунтахъ м—ра Густынского, феровалисмо отцемъ въ м—ру Густынскомъ будучимъ на вижевлене, въ которомъ селѣ обывателѣ зостаючие во всемъ абы были послушними м—реви и вшелякую

[1]) Такъ показывали Густынскіе монахи при составленіи Румянцовской описи.

повинность безъ спорки жадное отдавали, тимъ писанемъ срокго напоминаемъ. До которого села п. полковникъ Прилуцкій наименшое справи аби не имѣлъ и до жадныхъ повинностей обывателей тамошнихъ потягати не важился...“[1]) **Кр. II** 20 д. **А.** 96 д. **В.** 36 д. **В.** 77 д. **Г.** 18 д. 20 х. **Д.** 49 д. 82 х. **Пс.** 1 д. 4 х. **Кз. В.** 12 д. **Г.** 14 д. 19 х. **Д.** 20 д. 77 х. Умаленіе крестьянскаго населенія въ теченіе 11-ти лѣтъ (1729—740) почти вчетверо—должно быть объяснено суровыми отношеніями къ этому населенію монастырскаго начальства, которое въ лицѣ своего тогдашняго игумена Гавріила Леопольскаго проявляло иногда случаи ужасной жестокости по отношенію къ монастырскимъ крестьянамъ.[2]) Въ ревизіи 1740 г. показаны „сшедшіе“ изъ Половы только за одинъ 1738 г., при чемъ ихъ было 7 хоз. Спасаясь отъ монашескихъ насилій, крестьяне частью расходились, а частью переписывались въ козаки, какъ объ этомъ говорятъ сами монахи въ свѣдѣніяхъ, представленныхъ въ 1766 г. для Румянцовской описи: „козаки *Половянскіе, зпрежде небываліе въ Половой, зъ подданства въ козацтво повдиравшіесь,* зъ грунтами и землею монастырскою подданическою, а иніе зъ стороны въ тое село повходившіе и всѣ оніе грунта и землю у подданныхъ поскуплявши, завладѣли въ границѣ монастырской землѣ пахатной дней на 249“ (187 дес.).

Попытка Половянскихъ кр—нъ проявилась во время замѣшательства въ краѣ послѣ измѣны Мазепы; въ это время нѣ-

---

[1]) Съ подлинника въ Кіевск. центр. арх., бумаги Густынскаго м—ря.

[2]) Въ 1737 г. монастырскій крестьянинъ изъ с. Левковъ переселился было въ Ольшаную, подъ защиту Шереметевскихъ приказчиковъ. Узнавъ объ этомъ, Густынскій игуменъ Леопольскій послалъ двухъ своихъ «экономовъ» (одного—«монастырскаго», а другого—«дворцового») для „насильнаго взятія“ обратно ушедшаго Карпенка, „котораго за привозомъ, въ монастиру, на задворку у игумена, по приказу его жъ игуменскомъ, по самой сорочки бито шеленами, т. е. плитми товстыми, гораздо, такъ что и крузь сорочку кровь показывалася, и оный Карпенко по томъ бою тамъ же въ монастиру и умре“. Такъ писалъ Ольшанскій приказчикъ Дольбергъ въ Прилуцк. полк. судъ. (Изъ бумагъ Н. А. Маркевича).

сколько крестьянъ перечислилось въ козачьи реестры, но монахи тогда же пожаловались гетману и въ 1710 г. получили отъ него такой универсалъ: „суплѣковалъ до насъ превел. въ Богу г. отецъ Іовъ Мартыновичъ, иг—нъ м—ра Густ—го, что жителѣ с. Половой, поддапніи до ихъ обители належали здавна, именно Грицко Чорномазъ и друг. (всѣхъ названо 19 чел.), села такъ тежъ Левковъ—Карпъ Левковскій (и еще 3), не хотячи обители св. Густ—ой належитого подданского отдавати послушенства, въ *реестръ козацкій повписывалися...*“ Поэтому гетманъ приказываетъ: впредь крестьянъ въ козаки не принимать, а перечисленныхъ въ универсалѣ жителей Половой и Левковъ—попрежнему „привернуть“ м—рю въ крестьяне.[1]) Позже, въ концѣ 30-хъ годовъ, Половянскіе кр—не снова стали было искать козачества, при чемъ имъ помогалъ тогдашній полк. судья Ягельницкій. Такъ, въ 1738 г., два жителя Половой, числившіеся крестьянами, при помощи Ягельницкаго были переписаны въ козаки. А когда монахи, не подчиняясь этому рѣшенію судьи, потребовали отъ „нововписныхъ“ посполитой тяглости, то на помощь послѣднимъ явился подпоручикъ Невскаго драгунскаго полка Фридрихъ Фохтъ, который, захвативъ съ собою „канцеляристовъ и козаковъ“, напалъ на монастырскій „дворецъ Заудайскій“, схватилъ тамошняго эконома да другого монаха и—били „обоихъ смертно палицями, плитми, кулаками и повидирали волосы съ головъ и бородъ обоимъ...“ Видно, что противъ монашескихъ насилій протестовали даже чужіе люди въ родѣ Фохта, офицера квартировавшаго въ Прилукѣ полка.

Д. Левки поселены, какъ видно выше, около 1638 г., на землѣ Густынскаго м—ря. Послѣ изгнанія поляковъ, Л—ки „прислушали“ Прилуцкой ратушѣ пока Г—скіе монахи не обратились къ Хмельницкому, доказывая на Левки такія же свои права, какъ и на Полову. По этой просьбѣ гетманъ выслалъ въ апрѣлѣ 1657 г. состоявшаго у него тогда „прибоку„ Петра Дорошенка, поручивъ ему вмѣстѣ съ мѣстнымъ полк. судьею дознать—на чьей землѣ сидятъ Левки. Судья Лавриновичъ и До-

---

[1]) Бумаги Густынск. м—ря въ Кіевск. центр. архивѣ.

рошенко разслѣдовали дѣло и выдали м—рю слѣдующій актъ: „Вѣдомо чинимъ, ижъ дойшла насъ скарга отъ превел. о. Иосифа Федоровича, игумена м—ра Густынского, на Костя Нечипоровича, бывшого войта Прилуцкого, же селце Левкувцѣ, человѣкъ килканадцять, которое на кгрунтѣ монастырскомъ засѣло, якъ и въ привилеяхъ отъ славной памяти ясн—осв. княжатъ Вишневецкихъ есть ограничено, неналежне и бесправне отнялъ, которому и послушество тіе людцеве отдавали, зачимъ мы, высланніе, прихиляючіеся такъ до привилеовъ, яко такъ и до унѣверсалу велможного его мил. п. гетмана, тое селце, поневажъ на кгрунтѣ монастырскомъ засѣло, отдаливши и отнявши отъ войта, до *мостира отдаемъ, приказавши тоей громадѣ, абы вшелялое послушенско* и повинности честнымъ господиномъ отдавали, а то до далшой резолюціи велможного его мил. п. гетмана...“ [1]) Дальнѣйшая исторія Левковъ одинакова съ Половянскою, только здѣсь монахи не допустили козакамъ появиться. **Кр. П.** ? **А.** 34 д. **В.** 15 д. **В.** 16 д. **Г.** 17 д. 18 х. **Д.** 19 д. 27 х. **Кз.** *нѣтъ.*

Д Сорочинцы Дальніе или **Лѣсовые,** Нежерова, получили свое названіе отъ первыхъ насельниковъ по прозвищу *Сорочъ,* какъ указываетъ на это актъ 1658 г. [2]) По свѣдѣніямъ генер.

---

[1]) Бумаги Густынск. м—ря въ Кіевск. центр. архивѣ.

[2]) Въ этомъ актѣ читаемъ: «о. Леонтій, чернецъ м—ра Густынского, родичъ Прилуцкій, сынъ небожчика Василя *Сорочи* зятя, доходилъ отчизны своей, меновите ставка греблею занятого въ *Сорочи селѣ* Прилуцкомъ...» (Бумаги Густ. м—ря въ томъ же арх.).—По другому акту, того же года, тотъ же самый «чернецъ» Леонтій, пріобрѣвъ земли въ Сорочинцахъ и тутъ поселившись, будучи уже схимонахомъ, все свое имѣніе записалъ Густынскому м—рю, по слѣдующему любопытному акту, условно, съ тѣмъ, что до своей смерти онъ будетъ вести тутъ хозяйство безъ всякаго вмѣшательства м—ря. «Я, схимонахъ Леонтій Василиевичъ, пригорнувшися подъ власть и опеку мѣстца св. м-ря Густинского, за позволеніемъ на тотъ часъ отца игумена іеромонаха Іосифа Федоровича и соборныхъ братій на тотъ часъ бывшихъ, за свою власную кону купивъши грунти в селѣ *Дальнихъ Сорочинцяхъ*, где на оныхъ взглядомъ размышляя розныхъ пожитковъ мѣсцу святому, якіе Господь Богъ презволитъ промыслити, позволили ми

слѣдствія, С—цы въ 1685 г. отданы были Самойловичемъ тогдашнему обозному Григорію Чернявскому, передавшему ихъ своему сыну Степану, полк. есаулу, по смерти котораго С—цы по универсалу 1714 г. были оставлены за вдовой его Марьей. По вѣд. 1724 г. владѣльцемъ С—цъ называетъ себя неграмотный значк. тов. Романъ Березинскій. Какъ попала въ его владѣніе населенная маетность—видно изъ слѣд. универсала Разумовскаго, 1752 г.—„Сего 1752 г., дек. 3 дня, л. гв. Преображенскаго полку сержантъ Моисей Березинскій представилъ намъ: полку Пр—го, въ сотнѣ полковой, имѣется с. Сорочинцѣ въ собственномъ его, сержанта, и родного его брата звачк. тов. Романа Березинского владѣніи, которое де село универсалами гетмана г. Скоропадского, первіе, отчиму его, сержанта, асаулу полк. умершему Стефану Чернявскому, а потомъ родному отцу просителя значк. тов. *Роману* Бер—му и матцѣ его, жъ сержанта Маріи Самойловой дочери, съ позосталими ее дѣтми, за службы онихъ его отчима и отца въ спокойное владѣніе утвержденого. А они де, сержантъ съ тѣмъ братомъ своимъ, о отдачи на владѣніе

с приданимъ братомь, або послушникомъ, по вся дни живота моего тамъ мешкати, где и келейки коштомъ моимъ побудовати усиловатиму, и помощію того-жъ Господа Бога старатимуся—сади садити, виногради кохати, ставки сипати, если можная и млинокъ який збудовати, грунти и поле разширати. Где іжъ давніе сади сутъ, прето зъ оныхъ що над вихованє мое збывати, мелъ рокъ по рокъ пожитки, до м—ра отдавати повиненъ буду, маючи теди надѣю к Господу Богу—обицю тамъ на пятъ сотъ золотыхъ пол. мѣсцу святому размножити пожитковъ, що все, по зестю моемъ з сего свѣта, оставатиметъ до м—ра Густынского вѣчними часы. А поки при тыхъ грунтахъ мешкатиму, теди ми утиску—теперешній отецъ ігуменъ и всѣ о Христѣ братія—пообицяли не чинити, шлюбуючи и за потомныхъ честныхъ гг. отцевъ игуменовъ и за всю братію мѣсця святого, же ми прикрости и утиску не чинитимутъ і если бы мимо теперешнюю увагу мѣли бы уразливе прикрости чинити, теди ми волно буде съ тими всѣми пожитками, якъ хотя поступити, на чомъ и сіе писане с подписомъ власной руки моей до мѣстца святого даю. Писано при обители святой, року 1658, мѣс. декавріи 19 дня. Схимонахъ Леонтій Васплевъ рукою своею власною." (Бумаги Густ. м—ря въ К. ц. арх.).

ему съ братомъ его—тѣмъ селомъ въ силѣ тѣхъ универсаловъ—просили подтвержденія". Въ подкрѣпленіе своего ходатайства Березинскіе представили Разумовскому слѣд. универсалы: а) 1709 г., сент. 19, значк. тов. Стефану Чернявскому на с. Сорочинцы, „до ласки войсковой", и б) 1715 г., сент. 16, товар. полку Пр—го Роману Березинскому, „кой оставшуюсь въ удовствѣ Марію Чернявскую взялъ себѣ въ жену", на то село Сорочинцы. Въ виду этихъ универсаловъ Разумовскій С—цы, „со всѣми къ оному селу принадлежащими посполитыми грунтами и угодіями", утвердилъ за братьями Мойсеемъ и Романомъ Березинскими, въ „вѣчное и безпрепятственное владѣніе". **Кр. П.** 7 д. **А.** 19 д. **В.** 22 д. **В.** 11 д. **Пс.** 1 **Г.** 3 д. 3 х. **Д.** 29 д. 43 х. **Кз. В.** 3 д. **Г.** 5 д. 5 х. **Д.** *пѣш.* Умаленіе посполитаго населенія въ 1740 г., когда еще тутъ жила вдова Ст. Чернявскаго, слѣдуетъ приписать м. б. *женскому* хозяйству, а увеличеніе въ 1780 г.—появленію здѣсь подсосѣдковъ на грунтахъ какъ козачьихъ, такъ и посполитскихъ, которыхъ Березинскіе, повидимому, не удержали за собою, такъ какъ по вѣд. 1780 г. здѣсь показаны только „разные владѣльцы", т. е. владѣльцы подсосѣдскихъ дворовъ. Вѣроятно путемъ „скупли" пріобрѣли тутъ земли и Марковичи (с. 118, 123).

Д. Стрѣльники, Удай, свободные до 1716 г., когда Галаганомъ отданы (генер. слѣдств.) п. есаулу Панкевичу на урядъ, причемъ эта „надача" была подтверждена и Скоропадскимъ, въ 1719 г. Послѣ Панкевича, С. отданы тоже на урядъ въ 1738 г. п. есаулу Никифору Носенку. **Кр. П.** 13 д. **А.** 23 д. **В.** 24 д. **В.** 19 д. **Г.** 7 д. 7 х. **Д.** 9 д. 12 х. **Кз. В.** ? **Г.** 4 д. 4 х. **Пс.** (капитана Дулова) 2 бд. х. **Д.** 3 д. 6 х.

Д. Пироговцы возникли изъ хуторовъ, селившихся поблизу Прилуки; по ревизіи 1713 г. П. значатся „селомъ Пѣрогувцями", которые отданы были, вмѣстѣ со Стрѣльниками и Будами, на рангъ Панкевичу. Послѣдній поселилъ тутъ особый свой хуторъ, какъ видно изъ слѣд. универсала: „п. Гр. Панченко прикладалъ намъ, что с. Сорочинцы, здавна на урядъ есаулства полк. належавшее, опредѣлено съ респекту нашого до ласки войсковой жонѣ вдовствуючой покойного Чернявъ-

ского, прежде бывшого асаула, чего ради просилъ насъ онъ, п. Гр. П., о конфирмаціи на людей посполитыхъ коло власного его футора, на купленномъ кгрунтѣ устроенного, въ Прилуцѣ на Зарѣчью, прозываемомъ Пирогувка, поселившихся, на которыхъ одержалъ передъ симъ одъ своего полковника листъ отвористій, зъ позволеніемъ владѣти онимъ". (1719 г.) Ходатайство Панкевича было удовлетворено. Повидимому, этотъ хуторъ затѣмъ слился съ Пироговцами, такъ какъ отдѣльно онъ не упоминается, и по ревизіи 1731 г.—посполитое населеніе Пирговцовъ показывается за Панкевичемъ безъ какого либо раздѣленія, причемъ эта перепись Пироговцовъ подписана симимъ „Панковичемъ", какъ ранговымъ ихъ владѣльцемъ. **Кр. А.** 21 д. **В.** 9 д. **Пс.** 4 **Г.** 4 д. 4 х. 3 бдх. **Д.** 18 д. 35 х. **Пс.** 3 д. 6 х. **Кз. В.** (П—цы не показаны). **Г.** 8 д. 9 х. **Д.** 8 д. 15 х. По вѣд. 1780 г. посполитые показаны „разныхъ владѣній".

Д. Сорочинцы—Ближніе, какъ и Пироговцы, возникли не позже нач. XVIII в. изъ селившихся около Прилуки хуторовъ; по ревизіи 1713 г. здѣсь было уже 27 дв. Затѣмъ, въ послѣдующихъ ревизіяхъ Бл. С—цъ почему то нѣтъ, а по вѣдом. 1780 г. здѣсь значится: **Кр.** 32 дв. 41 х **Пс.** 2 дв. 4 х. и **Кз.** 2 дв. 7 х. Кр—не показаны „разныхъ владѣльцевъ".

Д. Лапинцы (**Чернявщина**), Удай. См. с. 109. Отдѣльно отъ Прилуки Лапинское населеніе показывается лишь во втор. полов. XVIII в. Въ 1780 г. здѣсь было: **Кр.** 55 д. 64 х. (изъ нихъ коронныхъ" 17 д. 17 х.) и **Пс.** 9 д. 15 х. полковн. Горленка. **Кз.** 3 д. 3 х.

Слоб. Замостье, Удай. См. с. 109. Отдѣльно отъ Прилуки здѣшнее населеніе показывается лишь во втор. пол. XVIII. Въ 1780 г. здѣсь было **Кр.** 19 х. 31 д. (изъ нихъ коронныхъ 7 д. 17 х.) **Пс.** 3 д. 6 х. **Кз.** 37 д. 66 х.

Д. Линовица, Руда, по свѣд. генер. слѣдствія, въ пол. XVII в. была „пустымъ селищемъ", на которомъ Прилуцкій протопопъ Иванъ Магеровскій осадилъ, передъ Кизикерменскимъ походомъ (1697), „слободу", утвержденную затѣмъ за Магеровскимъ Дм. Горленкомъ; послѣ измѣны Мазепы, по универсалу 7 февр.

1709 г., Скоропадскій утвердилъ за тѣмъ же Магеровскимъ—„людей осѣлыхъ“ при хуторѣ Линовицкомъ. Но спустя нѣкоторое время, по свѣд. тоже генер. слѣдствія, Л—ца взята была Скоропадскимъ „на свою особу“, и послѣ его смерти перешла къ его вдовѣ.[1]) Послѣ гетманши владѣльцемъ Л—цы является Минихъ, за которымъ она показана по ревизіи 1740 г., подъ названіемъ *хутора*, въ которомъ все населеніе состоитъ изъ *подсосѣдковъ*. Послѣ паденія Миниха, Л—ца отдана была въ 1742 г. сербу Стоянову (см. выше с. Мамаевка), за наслѣдниками котораго значится и по вѣд. 1780 г. **Кр. А.** 26 д. **В.** 31 д. **В.** 25 д. **Пс.** 3 д. **Г.** подсосѣдки Миниха—32 бд. х. и „попа“ Мих. Лисаневича—5 бд. х. **Д.** 86 д. 115 х. **Пс.** 2 х. **Кз.** *нѣтъ*.

С. **Дубовый Гай**, руда Росошь, до измѣны Мазепы находился, повидимому, во владѣніи Дм. Горленка, потому что впослѣдствіи былъ отданъ Скоропадскимъ его сыну Андрею, въ числѣ прочихъ отцовскихъ маетностей (с. 24). А когда Скоропадскій съ женою рѣшили отдать Горленковскія маетности на Гамалѣевскій м—рь (с. 26), то Дубовый Гай—подъ именемъ „отческаго хутора“ гетманши—сдѣланъ былъ центромъ этихъ маетностей, получившихъ общее названіе *Дубогаевскаго староства*, границы котораго были установлены актомъ 1716 г.—„По высокоповажному указу яс—го е. мил. п. Іоанна Ск.—го... будучи я, Иванъ Даровскій, господарь двору его рейментарского, умислне зосланнымъ въ села маетностей его жъ панскихъ въ полку Пр—мъ знайдуючихся, именно зовеміе: въ Дубовый Гай, въ Ковтуновку, въ Сергѣевку, въ Бѣлошапки, въ Вечурки и въ прочие села до *староства Дубогаевского* належние, для власного разсмотренія и ограниченія грунтовъ ихъ.., жеби всякъ впередъ вѣдаючи свое опредѣленіе поколь его и чіе мѣетъ быти, въ чужое вступати не дерзалъ...“ [2]) За Гамалѣевскимъ м—ремъ Д. Гай

---

[1]) Днев. Зап. Якова Марковича, I, 137.

[2]) Въ этомъ актѣ интересно указаніе тогдашнихъ здѣсь рѣчекъ:—«и тоею дорожкою до руди Яблоновицѣ по-нудъ горою идучой... черезъ Туровскій шлях.. где идетъ *рѣка Переводъ*, взявши тою жъ рѣкою Переводомъ, надъ которимъ перве, сидитъ Сѣргѣевка, потомъ

остался до 1786 г. **Кр. А.** 12 д. **В.** 42 д. **Пс.** 6. Въ 1731 г.—56 д. **Г.** 18 д. 20 х. **Д.** 44 д. 63 х. **Пс.** (разн. вл.) 19 д. 24 х. **Кз.** въ 1731 г.—14 д. **Г.** 36 д. 40 х. **Пс.** 13 бд. х. **Д.** 35 д. 57 х.[1])

Д. Ковтуновка, руда Росошь. **Кр. А.** 25 д. **В.** 19 д. **Пс** 3. Въ 1731 г. 15 д. **Г.** 9 д. 10 х. **Д.** 29 д 35 х. **Пс.** 11 д. 16 х. **Кз.** въ 1731 г.—12 д. **Г.** 42 д. **Пс.** 7. **Д.** 24 д. 16 х.

С. Яблоновка, руда Яблоновица. **Кр. А.** 33 д. **В.** 73 д. **Пс.** 6. 1731 г.—85 д. **Г.** 54 д. 58 х. **Пс.** 4 бд. х. **Кз.** 1731 г.—18 д. **Г.** 22 д. 26 х. **Пс.** 37 бд. х.

С. Сергіевка, Переводъ. **Кр. А.** 59 д. **В.** 72 д. **Пс.** 4 д. 1731 г.—78 д. **Г.** 50 д. 53 х. **Д.** 109 д. 157 х. **Пс.** 25 д. 50 х. 11 бд. х. **Кз.** 1731 г.—19 д. **Г.** 27 д. 33 х. **Пс.** 30 бд. х. **Д.** 13 д. 32 х.

С. Вѣлошапки, Переводъ. Изъ исторіи этого села за перв. полов. XVII в. извѣстно, что Б—ки, по многолюдству, назывались мѣстечкомъ, въ которомъ сидѣлъ особый Вишневецкаго „державца" Сверщевскій, завѣдывавшій окрестными селами. Къ Б—камъ тогда принадлежала обширная степь отъ Перевода до Оржицы, на которой уже съ XVII в. стали возникать значительные хутора. **Кр. А.** 37 д. **В.** 50 д. **Пс.** 14 д. 1731 г.—53 д. **Г.** 38 д. 39 х. **Пс.** 2 бд. х. **Д.** 24 д. 42 х. **Пс.** 7 д. 18 х. **Кз.** 1731 г.—27 д. **Г.** 27 д. 33 х. **Пс.** 24 бд. х. **Д.** 15 д. 31 х.

хуторъ зовемий Шентовщина, а за хуторомъ Бѣлошапки и Вечурки, яки граничатъ зъ Сасоновцями и Грабовцями... у берегъ *руди* прозывалась *Росуши*, злучившойся ниже Бубновского ставу—зъ *Яблоновицею*...» Всѣ эти *руды* указываютъ, что и эта—нынѣ почти безводная—мѣстность нѣкогда орошалась нѣсколькими рѣчками, обратившимися впослѣдствіи въ болота, отъ недостаточнаго уклона въ ихъ теченія.

[1]) Монастырскія села были избавлены отъ постоя и потому въ вѣд. 1718 г. не попали; поэтому, при обозначеніи населенія маетностей Гамал. м—ря лит. **В.** не показывается, и вводится цифра другая, которую беремъ изъ ревизіи 1731 г.

Можно замѣтить, что по ревизіи 1713 г., въ послѣднихъ трехъ селахъ—въ перечнѣ посполитыхъ—отмѣчены „чиншовіе, якіе мѣсячного датку не даючи, старостѣ Дубогаевскому даютъ чиншъ"; ихъ было немного: въ Бѣлошапкахъ—1, въ Яблуновкѣ—3 и въ Сергѣевкѣ—5. Повидимому, чиншъ платили преимущественно богатые, имѣвшіе по нѣсколько воловъ и лошадей; напр., „Ганна Живилиха, удова, маетъ воловъ 4 и коней 2, а на рокъ даетъ чиншу старостѣ Дубогаевскому копъ 10.—Семенъ Трушъ маетъ воловъ 8 и коней 2, и даетъ на рокъ чиншу старостѣ копъ 7.—Тимко Черненко маетъ коня, а даетъ на рокъ чиншу старостѣ золот. 10." Послѣдній кр—нъ, какъ видно, рабочаго скота не имѣлъ, но вѣроятно былъ небѣденъ.

Всѣ эти села—Ковтуновка, Яблоновка, Сергіевка и Бѣлошапки—принадлежали Дм. Горленку и затѣмъ Скоропадскимъ отданы были Гамалѣевскому м—рю, въ составѣ *Дубогаевскаго староства*.

X. **Бубновщина** поселена въ к. XVII в. Дм. Горленкомъ, при Бубновскомъ „ставу", на которомъ устроены были его мельницы. По универсалу 1694 г., Мазепа далъ Горленку „для гаченя Бубновского ставу, три сельця: Яблуновицю, Сергіевку и Бѣлошапки". Въ 1714 г. Б—на, вмѣстѣ съ друг. маетностями Дм. Г—ка, отдана Гамалѣевскому м—рю. **Кр. Г.** 8 бд. х.

Д. **Лемешовка**, руда Святогоръ (притокъ Оржицы), поселена, повидимому, Нѣжинск. полковникомъ Толстымъ, на старомъ „селищѣ" прежняго поселенія, разореннаго татарами или по другой причинѣ изчезнувшаго. При опредѣленіи Батуринскимъ сотникомъ, въ 1703 г., границы между Прилукою и Пирятинскою сотнями, мѣстными обывателями были указаны: „рѣка Святогоръ" и около—„давно ораное поле селища Лемешувского, якъ еще люде сидѣди въ Лемещувцѣ поселеніемъ, надъ рудкою Свягоромъ". Нестеренко—„поле селища Лемешовки привернулъ для заживаня Бѣлошапскимъ обывателямъ", потому что по показанію старожиловъ—прежде бывшее село Лемешовка при Вишневецкихъ „прислушало къ Бѣлошапкамъ, бывшимъ тогда *мѣстечкомъ*". Такимъ образомъ въ Лемешовкѣ мы видимъ поселеніе, которое въ нач. XVIII в. слыло „селищемъ" т. е. мѣстомъ изчезнувшаго незадолго передъ тѣмъ села, можетъ быть—въ 60-хъ го-

дахъ XVII в., когда татарами было разорено нѣсколько поселеній въ южной Малороссіи. Въ 1752 г. Л—ка была продана сыновьями Толстого Ос. Лук. Закревскому. **Кр. В.** 32 д. 1731 г.— 25 д. **Г.** 22 д. 23 х. **Д.** 47 д. 93 х. 15 бл. х., владѣнія прапорщика Алексѣя Закревскаго.

Д. Ганзеровщина поселена, судя по названію, Гандзеровскимъ, своякомъ Скоропадскаго; затѣмъ, перешла къ Нѣж. полк—ку Толстому, сыновьями котораго продана О. Л. Закревскому. **Кр. Д.** 81 бд. х. владѣнія кол. ассес. Григорія Закревскаго.

С. Туровка, Переводъ, по универс. 12 іюня 1712 г. отдана Скоропадскимъ в. тов. Федору Марковичу „для вспоможенія его господарства". М—чъ уже раньше скупалъ около Туровки земли и устроилъ тутъ хуторъ (с. 121), который вѣроятно и былъ указанъ гетману, какъ требующій „вспоможенія" —для полученія въ подданство посполитыхъ ближайшаго села. **Кр. А.** 13 д. **Б.** 17 д. **В.** 30 д. **Г.** 10 д. 14 х. **Пс.** 16 бд. х. б. тов. Алексѣя (Александра?) Сакевича и 4 бд. х. Густынск. м—ря. **Д.** 52 д. 92 х. и 5 бд. х. владѣнія майоровъ Ивана и Ивана и б. тов. Константина Маркевичей. **Кз. Б.** 2 д. **Г.** 3 д. 7 х. **Пс.** 6 бд. х. **Д.** 1 д. 2 х. Какъ видно, козачье населеніе—почти уничтожено...

С. Погребы (Переводъ), Переводъ. Въ актѣ 1657 г. читаемъ: „я, Семенъ Касяненко, обыватель Переводскій, атаманъ на тотъ часъ козацкій, чиню вѣдомо, ижъ продалемъ до м—ря Густинсного хуторъ свой надъ рѣчкою Переводомъ, у островѣ, который занялемъ (устроилъ) самъ, своимъ коштомъ, за позволеніемъ на тотъ часъ бувшого п. Павловского, который отъ п. Еремѣя Вишневецкого, у Держикраю, въ року 1640, урядъ удержалъ..." Актъ подписанъ Переводскимъ священникомъ „Іоанномъ Стефановымъ". Названное здѣсь с. Переводъ лѣтъ нѣсколько спустя „по спустошеню татарами, лежало впустѣ" (генер. слѣдств.); но какъ только Малороссія послѣ Брюховецкаго успокоилась, Переводскія земли стали заселяться, при чемъ заселеніе шло такъ быстро, что ок. 1690 г. здѣсь уже явилось „сельце", получившее новое названіе—„Погребцовъ", которое могло быть усвоено народомъ Переводскому *селищу* по тѣмъ погребнымъ ямамъ, которыя только и оставались отъ разореннаго

Перевода.—Степь, среди которой возникли Погребцы, считалась городскою Прилуцкою, вслѣдствіе чего и возникшее здѣсь сельце—городъ считаетъ своимъ и сталъ отъ его жителей требовать „послушанія“.—Но степь, окружавшая это сельцо, представляла столько экономическихъ выгодъ, что на нее скоро обратилъ вниманіе тогдашній Нѣжинскій полковникъ Обидовскій, который и выпросилъ себѣ у Мазепы Погребцы.—Мѣстные старожилы позже разсказывали, что при передачѣ этого села Обидовскому, тогдашній Прилуцкій полковникъ Дм. Горленко, „уважая на него (Об—го), якъ въ близкомъ свойствѣ (родствѣ) будучого зъ Мазепою, опредѣлилъ до сельца Погребцовъ степи—по рудку Гнилицу да по Рядовыя Могилы, въ вершинѣ Гнилицы...“ Однако Обидовскій, не довольствуясь отведенною степью, „засягнулъ“ и на другой берегъ Гнилицы отъ Прилуки, и завладѣвъ самовластно здѣсь степью, началъ запрещать Прилучанамъ косить сѣно тамъ, гдѣ у нихъ по-надъ Гнилицею были „дѣдизныя“ и купленныя сѣножати. Такъ разсказывали въ 1715 г. старожилы сосѣднихъ селъ (Заизда, Толкачовки, Обичева и двухъ Дѣвицъ) ес. генер. артиллеріи Семену Карпѣкѣ, которому Скоропадскій поручилъ разобрать жалобы Прилучанъ, за захваты городской степи, получившей названіе Гнилицкой (с. 86) по близости ея къ рч. Гнилицѣ. А когда Обидовскій умеръ, продолжали старожилы, то вдова его продолжала владѣть захваченною степью; „и трудно было въ той часъ зъ нею судиться, поневажъ близкая кревная, по мужевѣ своему, Мазепѣ найдовалася“. Послѣ измѣны Мазепы, Погребы были у Обидовской (дочери Кочубея) отобраны и отданы тогдашнему Нѣжинскому полковнику Жураховскому, который тоже не допускалъ Прилучанъ косить сѣно на лѣвомъ берегу Перевода и Гнилицы; „и если кому зъ людей Прилуцкихъ потребно было травы, мусѣли (должны были) у старосты Погребского куповати“. Такимъ образомъ по разслѣдованію Карпѣки оказалось, что кромѣ той степи, которую Горленко отвелъ Обидовскому вмѣстѣ съ Погребцами, у Прилучанъ отнята была часть Гнилицкой степи, которая находясь на лѣвомъ берегу рѣчки Гнилицы, принадлежать къ Погребцамъ не могла. Такъ разсудилъ и Карпѣка, указавшій, что степь на лѣв. бер. Гнилицы, „взявши отъ *каменного мосту*, гдѣ *рудка* Гнилица въ Переводъ впала, въ вершину Гнилицы“ и т. д.,—

должна принадлежать Прилукѣ. Гетманъ утвердилъ такое заключеніе Карпѣки, „на що немало ратушного Прилуцкого ложено кошту“ (употреблено средствъ), какъ говорили потомъ Прилучане, конечно, желая этимъ сказать, что заплачено было и Карпѣкѣ и въ Глуховѣ... **Кр А. ? В.** 18 д. **В.** 47 д. **Г.** 38 д. 41 х. **Д.** ? **Кз** *нѣтъ.*

С. Поддубновка, Переводъ. О началѣ П—ки Густынскіе монахи въ 1766 г. писали: „владѣетъ онымъ селомъ м—рь Густынскій, яко оное село прежде небывалое, на землѣ монастырской, купленной съ хуторомъ и сѣножатью за Переводомъ, 1656 г., отъ жителя Переводского Семена Косяненка, змѣнничкою Обидовскою осажено“. Такимъ образомъ, монахи утверждали, что П—ка поселена на землѣ, купленной у Касяненка (с. 187), въ купчей котораго значится, что продалъ онъ монастырю хуторъ свой „надъ рѣчкою Переведомъ, у островѣ, тамъ же и нивя и сѣножати, поблизу хутора; а граничка того хутору—отъ селища по крайнюю рудку, а одъ рудки долиною по могилки, а нижей хутора—къ Туровцѣ селцу“ и т. д. Этотъ хуторъ у монаховъ назывался тогда Переводскимъ; подъ такимъ именемъ онъ показанъ въ универсалѣ Мазепы 1700 г., по которому за м—ремъ утверждена была купленная у Касяненка земля.[1])— Пользуясь этимъ универсаломъ, монахи объявили—своими раньше прихваченныя земли с. Перевода. Жители послѣдняго пожаловались въ 1701 г. на монаховъ Мазепѣ, который для провѣрки жалобы выслалъ „чрезвычайную особу“—Батуринскаго сотника Нестеренка. При производствѣ Нестеренкомъ слѣдствія, мѣстные старожилы разсказали ему, что Г—скіе монахи, имѣя „хуторъ подъ с. Переводомъ, немало было приняли поля внизъ рѣчки Перевода, до пахання мешканцамъ Переводскимъ належачого, власне якобы на пятери гоней добрихъ вширъ и вдовжъ; оттого немалая дѣялась Переводцамъ перешкода и утискъ отъ пастуховъ чернецкихъ—грабежемъ коней и товару (рогатого скота), и самихъ людей самоволнымъ биттемъ“. При этомъ „старинный мешканецъ“ Переводскій Фе-

[1]) Сборн. Харьк. истор.-филол. общ., IV, 102.

доръ Поддубный указалъ и свой „гай“ съ полемъ, отнятый у него монахами, при чемъ пояснилъ, что захваченныя ими земли расположены внѣ того окопа, который сдѣланъ былъ монахами около своего хутора (т. е. хутора, купленнаго у Касяненка) еще тогда, какъ „подъ Чудновомъ Шеремета розбито“. Въ подтвержденіе своего показанія Поддубный предложилъ слѣдователю „присягу выконать“, но находившійся тутъ же Г—скій игуменъ Амвросій Чечканъ съ братіей, „спустившися на Господа Бога, не допустилъ Пуддубного до присяги,“ т. е. призналъ показаніе его вполнѣ правильнымъ и безъ присяги. Убѣдившись въ правильности жалобы Погребчанъ, Нестеренко „приказалъ“ Г—скимъ монахамъ возратить Погребчанамъ отнятыя у нихъ земли, при чемъ земли эти тутъ же были отмежеваны плугомъ отъ монастырскаго хутора и монахамъ указано—не выступать изъ границъ, означенныхъ въ купчей Касяненка.—Такое рѣшеніе Нестеренка безъ сомнѣнія находилось въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что с. Пореводъ, или Погребцы, принадлежали въ это время племяннику Мазепы—Обидовскому. Неизвѣстно—живъ ли былъ послѣдній въ этотъ моментъ, такъ какъ онъ умеръ въ томъ же 1701 г., но вдова его рѣшеніемъ Нестеренка воспользовалась и тогда же на отобранной отъ монаховъ землѣ „осадила“ Поддубновку, „осадчимъ“ которой можетъ быть былъ тотъ самый Поддубный, который явился, повидимому, главнымъ свидѣтелемъ при слѣдствіи Нестеренка. Однакожъ Г—скіе монахи не забывали, что Поддубновка сидитъ на землѣ, которая разъ уже находилась въ ихъ обладаніи и если была отъ нихъ отобрана, то благодаря лишь тому, что соперникомъ явился близкій родичъ Мазепы. Но когда послѣдній измѣнилъ, монахи нашли возможнымъ обратиться къ новому гетману съ просьбою—возвратить имъ Поддрбновку, „осаженную *змѣнничкою* Обидовскою“ на монастырскихъ земляхъ. Время было такое, что всѣхъ „змѣнниковъ“ преслѣдовали и не смотря на то, что указанная „змѣнничка“ была дочерью только что пострадавшаго смертью за „вѣрность“ Кочубея, Поддубновка была отобрана у Обидовскихъ и отдана Г—скому м—рю, въ февралѣ 1709 г. [1])

[1]) Тамъ-же, IV, 193. А черезъ годъ монахи нашли нужнымъ выпросить у Скоропадскаго другой универсалъ на то же поселеніе, въ

Это была одна изъ тѣхъ большихъ несправедливостей, которыя нерѣдко чинились гетманами благодаря настойчивости монашескихъ „докукъ“ (с. 162). **Кр. А.** 27 д. **В.** 24 д. **В.** 57 д. **Г.** 23 д. 24 х. **Д.** 44 д. 58 х. 8 бд. х. **Пс.** 5 бд. х. **Кз** *ипть.* Засимъ, приводимъ отрывки изъ вѣдомости о Поддубновкѣ, составленной монахами въ 1766 г. для Румянцовской описи.—„Владѣетъ онымъ селомъ м—рь Г—скій, яко тое село прежде небывалое, на землѣ монастырской купленной зъ хуторомъ и сѣножатю за Переводомъ, 1656 г., отъ Семена Касяненка, змѣничкою Обидовскою осажено.—Всей земли купленной пахатной и сѣнокосной, съ владѣемою подданными того села, зачавъ вдлину отъ бывшого на р. Переводѣ каменного мосту икъ с. Туровкѣ до Острой Могилы, на шесть верстъ и 275 саж., а вширину отъ р. Перевода по рудку Гнилицю, называемую Крайняя Рудка, на одну версту 460 с.“ Такое пространство земли монахи присвоили себѣ подъ видомъ земли пріобрѣтенной отъ Касяненка..

С. Гнилица, рч. Гнилица. Произведенное въ 1715 г. Карпѣкою разграниченіе Погребскихъ земель мало принесло пользы Прилучанамъ; трудно было имъ—при тогдашнемъ правѣ сильнаго—удержать за собою такіе приволья, какія представляла собою Гнилицкая степь. Выше сказано (с. 188), что границею степи, отдѣленной Карпѣкою для Прилуки отъ Погребовъ, между прочимъ, было указано то мѣсто на берегу Перевода, гдѣ съ этою рѣчкою сливалась „рудка“ Гнилица, при чемъ признакомъ границы означенъ *каменный мостъ*. Изъ существованія здѣсь такой рѣдкой для того времени постройки, слѣдуетъ заключить, что около этого каменнаго моста, уже раньше существовало поселеніе и весьма вѣроятно, что это и былъ упоминаемый въ купчей Касяненка (с. 187) *Держикрай*, поселенный кн. Острожскимъ (с. 3), а затѣмъ перешедшій къ Вишневецкому. По списку Пршездѣцкаго въ Держикраѣ значится 318 „господарей“. Затѣмъ Держикрай изчезъ, вѣроятно разоренный одновременно съ Переводомъ (с. 187). Его „селище“, какъ уже разъ насиженное, не могло не

видѣ подтвержденія Мазепинскаго универсала 1700 г. на Переволскій хуторъ. Тамъ же, 104.

привлечь вниманія такого ревностнаго собирателя земель, какимъ былъ Галаганъ. Задумавъ завладѣть частью Гнилицкой степи, Г—нъ, для большей осторожности, обратился къ гетману за позволеніемъ—посадить здѣсь хуторъ, но при этомъ указывалъ не Гнилицу, а уроч. Свидовецъ, [1]) гдѣ, по его словамъ, уже и прежде былъ хуторъ *полковника* Горленка. Въ отвѣтъ на эту просьбу гетманъ выдалъ въ 1719 г. слѣд. универсалъ: „Позволилисмо п. полковнику Ігн. Г—ну для построеня хутора занять мѣстце надъ Свдовцеимъ, въ степу Прилуцкомъ, гдѣ бувшого полковника Прил. Горленка также былъ построенъ хуторъ; тилко варуемъ того, чтобы онъ, п. полковникъ, для разширеня оного мѣстца, *отведенного границею до помѣжнихъ селъ кгрунту—не принималъ*; а если для самой нужди къ тому хутору—потребно будетъ болшой степу обширности, *то ку Гнилицѣ лежачого, по слушности, а не надъ мѣру, волень есть принять степу*, обехавши сполне и ограничивши изъ тамошнею полковою старшиною..."[2]) Воспользовавшись оговоркою, Г—нъ сразу занялъ подъ хуторъ земли „надмѣру", и при томъ не у Свидовца, а на Гнилицѣ, чѣмъ тогда же вызвалъ жалобы Прилучанъ, желавшихъ оберечь Гнилицкую степь отъ новыхъ захватовъ. Вотъ эта ихъ жалоба. „Получивъ въ 1715 г. универсалъ на Гнилицкую степь, „посполство и убожь (бѣдняки) Прилуцкая, зъ того одстоянного степу, жадной (никакой) не имѣла корысти, ибо п. полковникъ Г—нъ, построивши, безъ позволенія рейментарского и *безъ вѣдома полчанъ*, надъ рѣчк. Гнилицею хуторъ, *мало не увесь* Гнилицкій тотъ степъ въ свое обнялъ владѣніе и уже нѣхто не дерзаетъ тамъ косити себѣ травы..." Скоропадскій не любилъ Г—ка и потому немедленно послалъ ген. бунч. Лизогуба разслѣдовать жалобу Прилучанъ. Осмотрѣвъ проведенныя Карпѣкою границы и распросивъ стариковъ, Лизогубъ раздѣлилъ Гнилицкую степь между городомъ и тѣми владѣльцами, которые позанимали здѣсь участки „отъ 20, 30 и 40-хъ лѣтъ". Кромѣ того, часть Гнилицкой степи отдѣлена была на Прилуц-

---

[1]) Мы не можемъ опредѣлить мѣстонахожденіе этого урочища, но, конечно, оно было гдѣ-нибудь поблизу отъ Гнилицы.

[2]) Съ подлинника въ семейн. архивѣ покойн. Г. П. Галагана.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

(2-й годъ изданія)

на большую ежедневную политическую и литературную газету

безъ предварительной цензуры

СѢВЕРНЫЙ КУРЬЕРЪ.

Въ основу своего міросозерцанія «Сѣверный Курьеръ» полагаетъ идею единства еврочейской цивилизаціи, не исключающей началъ національной самобытности и ставитъ своей цѣлью добросовѣстное изученіе русской жизни и освѣщеніе ея въ духѣ справедливости и развитія гражданственностями. Въ этомъ смыслѣ «Сѣверный Курьеръ» направляетъ всѣ усилія, чтобы быть вѣрнымъ выразителемъ прогрессивныхъ стремленій наиболѣе отзывчивой части русскаго общества. Придавая огромное значеніе совершающейся въ Россіи экономической эволюціи въ области земледѣлія и промышленности, «Сѣверный Курьеръ» внимательно слѣдитъ какъ за самымъ процессомъ эволюціи, такъ и за всѣми происходящими на этой основѣ измѣненіями въ духовной жизни народа, всюду выдвигая надъ узко-эгоистическими личными и групповыми интересами благо и интересы трудящихся массъ безъ различія сферы приложенія ихъ труда. Серьезное вниманіе удѣляется выясненію и установленію правильныхъ отношеній между центромъ и окраинами на основѣ полнаго признанія и уваженія правъ личности, національности и началъ вѣротерпимости. «Сѣверный Курьеръ» вѣритъ въ необходимость органическаго роста областного начала, желательность дальнѣйшаго расширенія сферы общественной самодѣятельности и потому отводитъ подобающее мѣсто вопросамъ земскаго и городского самоуправленія, областнымъ интересамъ и нуждамъ. Не меньшее значеніе придаетъ газета успѣхамъ русской школы и просвѣщенія и въ этой области ставитъ своей задачей сплоченіе

и объединеніе усилій разрозненныхъ дѣятелей на просвѣтительномъ поприщѣ. Серьезное вниманіе удѣлено также интересамъ науки, искусства и литературы.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ. 10 руб., на 6 мѣс. 5 руб., на 3 мѣс. 2 р. 50 к., на 1 мѣс. 1 руб. Заграницу: на годъ 16 руб., на 6 м. 8 руб., на 3 мѣс. 4 руб., на 1 мѣс. 2 руб.

РАЗСРОЧКА допускается по четвертямъ, а для служащихъ (черезъ казначеевъ) по 1 р. въ мѣсяцъ (при подпискѣ на годъ въ теченіе первыхъ десяти мѣсяцевъ). Подписка принимается только съ перваго числа каждаго мѣсяца.—Объявленія принимаются во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ редакціи: С.-Петербургъ, Бол. Морская ул., 5 (отъ 12 до 4 час. дня). Отдѣленіе Конторы въ въ Москвѣ у. И. К. Голубева, Покровка, д. церкви Іоанна Предтечи.

Издатель *Кн. В. В. Барятинскій*. Редакторы: *Кн. В. В. Барятинскій*. *К. И. Арабажинъ*.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ.

Двадцать первый годъ изданія.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ".

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Выходитъ ежедневно безъ предварительной цензуры.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, экономической и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. *Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края" и „Россійскаго Телеграфнаго Агентства"*. V. Послѣднія извѣстія (сообщенія собственныхъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). VI. Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. Маленькій фельетонъ. X. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края" и извѣстія другихъ газетъ.

XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ. XII. Извѣстія по горному дѣлу. XIII. Внѣшнія извѣстія: *письма заграничныхъ корреспондентовъ, послѣдняя почта.* XIV. Фельетонъ: научный, беллетристическій, критическій и общественной жизни. XV. Судебная хроника. XVI. Библіографія. XVII. Смѣсь. XVIII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XIX. Почтовый ящикъ. XX. Календарь. XXI. Справочныя свѣдѣнія: засѣданія учебныхъ обществъ, театръ и зрѣлища, дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, и резолюціи по нимъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. XXII. Стороннія сообщенія. XXIII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ очень многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Редакція ежедневно получаетъ извѣстія изъ Петербурга и Москвы отъ собствен. корреспондентовъ.

Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ.

Подписная цѣна на 1901 годъ:

съ доставкою въ Харьковѣ:

На 12 м. 10 р., 11 м. 9 р. 50 к., 10 м. 9 р., 9 м. 8 р. 25 к., 8 м. 7 р. 50 к., 7 м. 6 р. 75 к., 6 м. 6 р., 5 м. 5 р. 25 к., 4 м. 4 р. 50 к., 3 м. 3 р. 40 к., 2 м. 2 р. 40 к., 1 м. 1 р. 20 к.

Съ пересылкою иногороднимъ:

На 12 м. 11 р., 11 м. 10 р. 50 к., 10 м. 10 р., 9 м. 9 р. 20 к., 8 м. 8 р. 50 к., 7 м. 7 р. 80 к., 6 м. 7 р., 5 м. 6 р., 4 м. 5 р., 3 м. 4 р., 2 м. 3 р., 1 м. 1 р. 50 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ конторой.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Сумской улицѣ, въ домѣ А. А. Іозефовича, № 13.

„Южный Край“ печатается НА РОТАЦІОННОЙ МАШИНѢ МАРИНОНИ, ПОЛУЧЕННОЙ ИЗЪ ПАРИЖА, которая даетъ до 20,000 оттисковъ въ часъ.

Редакторъ-издатель А. А. ІОЗЕФОВИЧЪ.

SLOVANSKÝ PŘEHLED

(Славянское Обозрѣніе),

ежемѣсячный всеславянскій журналъ

въ III-мъ году изданія

будетъ издаваться по прежней программѣ. Журналъ выходитъ книжками въ 3 и больше листовъ, въ первую пятницу каждаго мѣсяца (исключая—августъ и сентябрь), заключая въ себѣ статьи и корреспонденціи, касающіяся культурной жизни всѣхъ славянскихъ народовъ, сверхъ того будутъ печататься переводы стихотвореній славянскихъ поэтовъ на чешскомъ языкѣ, библіографическія извѣстія изъ всѣхъ славянскихъ литературъ, свѣдѣнія о славянскомъ искусствѣ и пр.

Подписная цѣна для Россіи 3 руб. въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Подписка принимается въ конторѣ журнала «Slovanský Přehled» въ Прагѣ Чешской (адресъ: Nakladatelstvo *F. Šimáček*, Praha, Jerusalemksů ul. 11).

Издатель *Ф. Шимачекъ*. Редакторъ *А. Черны*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

1901 НОВЫЙ МІРЪ 1901

иллюстрированный двухнедѣльный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки, искусства и прикладныхъ знаній, издаваемый ТОВАРИЩЕСТВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ, подъ редакціею П. О. Ольхина.

ЗА ЧЕТЫРНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ

безъ всякой доплаты за пересылку премій, **подписчики „НОВАГО МІРА“ получатъ въ теченіи 1901 года,** съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи, слѣдующія **пять** изданій:

1) ЖУРНАЛЪ **„НОВЫЙ МІРЪ“** съ **«Всемірной Лѣтописью»** **24 выпуска** въ форматѣ лучшихъ европейскихъ иллюстрацій.

2) Иллюстриров. журналъ прикладныхъ знаній. **„МОЗАИКА НОВАГО МІРА“** (24 выпуска), вмѣщающій въ себѣ 16 рубрикъ.

3) ЖУРНААЪ Литературные **ВЕЧЕРА** новаго міра **12 ежемѣсячныхъ** иллюстриров. книжекъ романовъ и повѣстей для семейнаго чтенія.

4) 12 изящно переплетенныхъ книгъ ежемѣсячнаго журнала **„БИБЛІОТЕКА РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ“** въ составъ котораго войдетъ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ **М. Н. ЗАГОСКИНА** въ 12 изящно переплетенныхъ томахъ, съ біографіею и портретами писателя.

или

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ **ПРЕОСВ. ИННОКЕНТІЯ** въ 12 изящно переплетенныхъ томахъ, съ біографіею и портретами писателя.

Каждому подписчику предоставлено выбрать собраніе сочиненій того или другого писателя.

5) **НОВЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ**

„ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ“

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ВѢСТНИКЪ ОТЧИЗНОВѢДѢНІЯ, ИСТОРІИ, КУЛЬТУРЫ, ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССІИ, ИЗДАВАЕМЫЙ ТОВАРИЩЕСТВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ, ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ И. М. ОЛЬХИНА.

Первый русскій журналъ, посвященный исключительно изученію Россіи въ ея прошломъ и настоящемъ и выясненію и обсужденію ея нуждъ и потребностей, 52 №№ въ годъ.

Въ составъ журнала будутъ входить—въ *первомъ его отдѣлѣ* статьи и изслѣдованія по всѣмъ вопросамъ русской жизни, описанія выдающихся мѣстностей, путешествія по Россіи, историческія изслѣдованія, соединяющія, вмѣстѣ съ серьезностью научной обработки, общедоступность изложенія; во *второмъ-же отдѣлѣ*: полная лѣтопись всего, что творится изо-дня-въ-день на Руси во всѣхъ уголкахъ нашего отечества, корреспонденціи, сообщенія, замѣтки, обзоры разныхъ сторонъ русскаго быта и хроника русской жизни.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отдѣлѣ принимаютъ участіе лучшія научныя и литературныя силы, посвятившія себя изученію Россіи. Какъ тотъ, такъ и другой отдѣлы будутъ иллюстрированы преимущественно фотографическими автотипіями съ натуры—какъ наиболѣе точнымъ способомъ воспроизведенія дѣйствительности.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НОВОМУ МІРУ“ со всѣми преміями и приложеніями, съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи на годъ . . . . . **14 р.**

Роскошное изданіе—18 руб. За границу 24 руб., роскошное изданіе—28 руб. Допускается разсрочка платежа, при чемъ при подпискѣ должно быть внесено не менѣе 2 руб., остальные же деньги могутъ высылаться, по усмотрѣнію подписчика, ежемѣсячно, до уплаты всѣхъ 14 руб. При подпискѣ въ разсрочку первая безплатная премія (12 перепл. книгъ «Библіотека русск. и иностр. писателей» высылается только по уплатѣ всей подписной суммы.

Объявленія для помѣщенія въ журналахъ: „НОВЫЙ МІРЪ“ и «МОЗАИКА НОВАГО МІРА»,—принимаются съ платою: сзади текста по 40 коп. за строку петита въ $^1/_5$ ширины страницы «Новаго Міра» или $^1/_3$ ширины «Мозаики Новаго Міра»; передъ текстомъ плата двойная.

Подписка на Новый Міръ» и объявленія принимаются въ конторахъ журнала, при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ, въ С.-Петербургѣ, Гостинный Дворъ, № 18, и въ Москвѣ, Кузнецкій мостъ № 12, а также въ редакціи «Новаго Міра», въ С.-Петербургѣ, Васильевскій Островъ, 16 линія, собст. домъ, №№ 5—7.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ V-ЫЙ.

1901 г. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** 1901 г.

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

выходящую ВЪ ОДЕССѢ въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ

съ иллюстраціями въ текстѣ:

Рисунки событій дня, портреты общественныхъ дѣятелей, художниковъ, виды мѣстностей и т. под., появляющіеся на отдѣльныхъ листахъ не менѣе двухъ разъ въ недѣлю.

Съ Января 1901 г. въ иллюстр. листахъ будетъ печататься полный переводъ послѣдняго романа Эмиля ЗОЛЯ

„ТРУДЪ“.

Подписная цѣна на газету „Южное Обозрѣніе“: Въ Одессѣ съ дост. на домъ на годъ 6 р., 6 мѣс. 3 р. 50 к., 3 мѣс. 1 р. 80 к., 1 мѣс. 60 к. На города (съ пересылкой) на годъ 8 р., 6 мѣс. 4 р., 3 мѣс. 2 р., 1 мѣс. 70 к. Допускается разсрочка платежа.

Подписка принимается въ Одессѣ въ главной конторѣ газеты „Южное Обозрѣніе“, при типографіи Исаковичъ и Бейленсонъ, Гаванная ул., соб. домъ.

Редакторы: *В. Н. Маракуевъ. Н. П. Цакни.*

Издатель *Г. М. Бейленсонъ.*

Годовые подписчики „Южнаго Обозрѣнія“ имѣютъ право пріобрѣтать слѣдующія вновь выходящія въ 1901 году иллюстрированныя изданія по значительно уменьшеннымъ цѣнамъ:

„ЖЕНСКІЙ АЛЬМАНАХЪ“

подъ редакціей проф. А. Н. Деревницкаго и Н. Т. Герцо-Виноградскаго.

Въ „Женскомъ Альманахѣ“ принимаютъ участіе: А. Е. Богрова, З. А. Венгерова, П. И. Вейнбергъ, М. Л. Волкова, И. А. Гриневская, Л. Я. Гуревичъ, С. П. Даль, В. Каменская, проф. А. И. Кирпичниковъ, Е. Ѳ. Литвинова, М. П. Салтыкова, О. Н. Чюмина, О. А. Шапиръ и др.; составленіе отдѣла по женскому образованію любезно принялъ на себя проф. А. Н. Деревицкій.

Просятъ гг. годовыхъ подписчик. заявлять свои требованія на «Женскій Альманахъ» не позже 15 февраля 1901 г.

ТЕХНИЧЕСКІЙ, городск. и сельского хозяйствъ СБОРНИКЪ

подъ редакціей инженеровъ Г. М. Вольфензона и В. И. Зуева,

Просятъ гг. подписчиковъ заявлять свои требованія на „Техническій Сборникъ“ не позже 15 февраля 1901 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901-й ГОДЪ

НА ГАЗЕТУ

„ВОСХОДЪ"

выходящую *два раза въ недѣлю*

и ежемѣсячный журналъ „КНИЖКИ ВОСХОДА"

Восходъ посвященъ интересамъ еврейскаго народа. Онъ стремится къ укрѣпленію внутреннихъ силъ еврейства, подъему культурнаго уровня массы и объясненію силъ интеллигенціи на дружной работѣ на народной еврейской нивѣ; его задача—служить дѣлу національнаго возрожденія, гражданской и общественной эмансипаціи евреевъ среди другихъ народовъ.—Газета выходитъ **два раза въ недѣлю**, разм. въ 2 печ. листа, и имѣетъ слѣд. содержаніе: **руководящія статьи** по всѣмъ текущимъ вопросамъ еврейской жизни въ Россіи и за границей, **хроника** всѣхъ новѣйшихъ извѣстій, **корресп.** изъ провинціи и загран., **сенатская** и судебная **практика** по еврейскимъ дѣламъ (сен. указы), юридич. **безплатная** консультація (отвѣты на юрид. вопросы подписчиковъ въ особомъ отдѣлѣ), **обзоры** евр., русской и польск. **печати**, **фельетонъ** (разск. и проч.), **обзоры общей политич. жизни** Россіи и иностр. государствъ, критика и библіографія.

ЦѢНА ГАЗЕТЫ—**7 руб.** въ годъ (допуск. разсрочка: при подпискѣ—3 р., къ 1 марта—2 р. и къ 1 іюля—2 р.).

КНИЖКИ ВОСХОДА—выходятъ **ежежѣсячно** въ разм. до 10 печ. лист. **Повѣсти** и **разсказы** изъ евр. жизни, стихотв. и популярн. научныя **статьи по исторіи, литературѣ, религіи, философіи, критикѣ**, вопр. **обществ. жизни**. **Книжки восхода**—**единственный** журналъ, посвященный еврейской литературѣ и наукѣ, на русскомъ языкѣ. Желая способствовать его широкому, распространенію, новая редакція установила отдѣльную подписку за **крайне доступную** цѣну:

12 книгъ за 3 руб. (съ перес.).

Главная Контора «Восхода» помѣщается въ С.-Петербургѣ, Площадь Большого Театра, д. 2.

Подписчики на оба изданія, внесшіе до 1 января 1901 г. всю плату за годъ, **получаютъ** газету въ этомъ году со дня подписки **безплатно.**

Годовые подписчики на оба изданія получатъ въ 1901 годъ **безплатное приложеніе: Сборникъ повѣстей и разсказовъ** одного изъ талантливѣйшихъ современныхъ беллетристовъ **И. Зангвилля**, въ изящно изданномъ томѣ, разм. до 20 печ. листовъ.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ *(12 годъ изданія)*

На общепедагогическій журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА".

Въ теченіе 1900 года въ «Русской Школѣ» напечатаны были между прочимъ, слѣд статьи: 1) Педагогическій съѣздъ въ Одессѣ въ 1881 году. Громака-Громаченка; 2) Въ былой духовной школѣ. М. Куклина; 3) Замѣтки и наблюденія (изъ записокъ бывшаго сельскаго учителя). Дидо; 4) Вспомогательныя школы для отсталыхъ и малоспособныхъ дѣтей на Западѣ Д-ра Щеглова; 5) Положеніе естествовѣдѣнія въ заграничныхъ среднихъ школахъ. Н. Кричагина; 6) Школьный день. А. П. Нечаева; 7) Умственное утомленіе и переутомленіе. Проф. И. Оршанскаго; 8) О постановкѣ преподаванія и воспитанія сообразно естественному ходу умственнаго развитія, Проф. И. Сикорскаго; 9) Средняя школа въ Россіи тридцать лѣтъ тому назадъ. Проф. В. А. Бильбасова; 10) Соображенія школьнаго врача по поводу реформы средней школы. Д-ра А. С. Виреніуса; 11) Наши школьные вопросы. (Изъ посмертныхъ бумагъ). В. Стоюнина; 12) Школьныя противорѣчія. Старова; 13) Наши учителя, ученики и система. П. Головачева; 14) Пансіоны и общежитія А. Анастасіева; 15) Къ вопросу о матеріальномъ положеніи педагоговъ нашей средней школы. Юрія Андреева; 16) По вопросу о положеніи учителей городскихъ училищъ. И. У.; 17) По поводу толковъ о введеніи новаго устава для духовно-учебныхъ заведеній. П. Маркова; 18) Къ вопросу о пересмотрѣ

программъ классическихъ гимназій. М. Тростникова; 19) Изъ исторіи народной школы. В. А. Бильбасова; 20) Вліяніе народнаго образованія на народныя богатство, здоровье и нравственность. П. Мижуева; 21) Насущный вопросъ въ области народнаго образованія. И. Бѣлоконскаго: 22) Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію за 1899 годъ. Его-же; 23) Организація книжной помощи народнымъ учителямъ. М. Новикова; 24) На пользу русской народной школѣ. М. Страховой; 25) Вопросъ о всеобщемъ обученіи крестьянскаго населенія въ тверскомъ земствѣ. И. Красноперова; 26) Начальныя народныя училища въ Вятской губерніи. А. А. Красева; 27) Русское начальное народное образованіе на Парижской всемірной выставкѣ. И. Бѣлоконскаго; 28) О преподаваніи педагогики въ женскихъ гимназіяхъ. А. Анастасіева; 29) Критическій обзоръ способовъ обученія правописанію Ап. Соболева; 30) Объ ариѳметическихъ задачахъ алгебраическаго характера. С. Шохоръ-Троцкаго; 31) Объемъ задачи и цѣль пропедевтическаго курса естествовѣдѣнія въ средней школѣ. М. Ускова; 32) О желательной постановкѣ курса средневѣковой исторіи. Проф. Н. И. Карѣева; 33) Опытъ психологіи грамоты. Кл. Тихомирова и многія другія.

Въ каждой книжкѣ „Русской Школы", кромѣ отдѣла критики и библіографіи, печатаются: хроника народнаго образованія въ Зап. Ев. Р., хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библіотекъ Я. В. Абрамова, хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей Х. Д. Алчевской и М. Н. Салтыковой, хроника профессіональнаго образованія В. В. Бирюковича и пр.

«Русская Школа» выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—семь руб., съ доставкой 7 руб. 50 коп.; для иногородныхъ съ пересылкой—восемь руб.; за границу девять руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за шесть руб. въ годъ съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Литовская ул., 1).

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ**

1 Р. 15 коп. три мѣс.

БОЛЬШАЯ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА и ДВА ИЛЛЮСТРИРОВАН. ЖУРНАЛА

1 Р. 15 коп. три мѣс.

Второе изданіе „Биржевыхъ Вѣдомостей“ и

САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ въ своихъ сужденіяхъ, чуждый тенденціознаго извращенія фактовъ и **безусловно независимый органъ печати.** Ярко освѣщая всѣ явленія общественной жизни, имѣя огромную сѣть корреспондентовъ, эта газета, при всей своей твердости и неуклонности, справедливая и безпристрастная, уже много лѣтъ является, несомнѣнно,

наиболѣе полнымъ

ВЫРАЗИТЕЛЕМЪ НУЖДЪ ПРОВИНЦІИ.

Главные отдѣлы газеты, а въ особенности передовой, политическій, съ театра военныхъ дѣйствій, столичной и провинціальной общественной жизни,

СЪ ЕЖЕДНЕВНЫМИ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ,

телеграммъ, корреспонденцій и пр.,— по своей **полнотѣ и свѣжести** совершенно отвѣчаютъ подобнымъ же отдѣламъ другихъ **большихъ столичныхъ газетъ.** Въ ней нѣтъ ненужныхъ несвязанныхъ, случайныхъ замѣтокъ, а ихъ замѣняетъ

живое слово.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЕ ЖУРНАЛЫ

1) **„Новая Иллюстрація“**

2) **„Огонекъ“**

какъ по содержанію, такъ и по характеру своихъ иллюстрацій совершенно **НОВАГО ДЛЯ РОССІИ ТИПА.** Въ живыхъ наброскахъ нашихъ художниковъ и корреспондентовъ, въ нихъ находятъ свои отраженія всѣ

ЗЛОБЫ ДНЯ.

Въ предстоящемъ году напечатаны: **„ПЕТРОВСКІЕ ДНИ“**, историческій романъ эпохи Императрицы Екатерины Великой, **Гр. Е. А. Саліаса. „НЕЖДАННО - НЕГАДАННО“**, большой бытовой романъ **Вас. Ив. Немировича-Данченко.**

15 ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ, ПРЕМИРОВАННЫХЪ *на литературномъ конкурсѣ* высшими наградами изъ 1108 произведеній, представленныхъ на конкурсъ.

Главная контора „Биржевыхъ Вѣдомостей“, С.-Петербургъ, Невскій 28.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА второго изданія „Биржевыхъ Вѣдомостей“, **вмѣстѣ съ журналами и съ пересылкою: на годъ 4 руб. 60 коп., на 6 мѣсяцевъ—2 руб. 30 коп., на 3 мѣсяца—1 руб. 15 коп., на 1 мѣсяцъ—40 к.**

Почтовыя и гербовыя марки въ уплату не принимаются.

Въ 1900 году болѣе 125,000 подписчиковъ.

Подписка на 1901 годъ

(XIX годъ изданія)

на ежедневную политическую, экономическую и литературную газету

„ЮЖАНИНЪ".

Въ 1901 году газета вступила въ новый фазисъ своего существованія съ обновленнымъ и значительно расширеннымъ составомъ редакціи.

Являясь выразителемъ интересовъ южной окраины Россіи, газета свое главное вниманіе обращаетъ на всестороннюю разработку экономическихъ и культурно-общественныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью избраннаго ею района.

Редакція газеты направляетъ всѣ свои средства къ своевременному и возможно полному сообщенію читателямъ извѣстій о событіяхъ, останавливающихъ на себѣ въ данный моментъ вниманіе всего цивилизованнаго міра. Для этой цѣли редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ столицахъ и въ главныхъ пунктахъ юга Россіи.

Къ участію въ газетѣ приглашены также сотрудники выдающихся столичныхъ изданій.

Газета издается по слѣдующей программѣ:

1) Оффиціальный отдѣлъ; 2) Руководящія статьи по экономическимъ, политическимъ, юридическимъ, земскимъ и сельско-хозяйственнымъ вопросамъ; 3) Телеграммы собственныхъ корреспондентовъ и „Россійскаго Телеграфнаго Агенства"; 4) Земскій отдѣлъ; 5) Обзоръ жизни Юга; 6) Корреспонденціи; 7) Хроника; 8) Наша печать; 9) Письма въ редакцію; 10) Мѣстная хроника; 11) Фельетоны общественные, научные, критическіе и литературные; 12) Театръ и музыка; 13) Наука, искусство и литература; 14) Судебная хроника; 15) Спортъ, смѣсь и шахматы; 16) Торговыя свѣдѣнія (по телеграфу и телефону); 17) Справочный листокъ; 18) Объявленія.

Условія подписки на газету „Южанинъ".

Съ пересылкой и доставкой: 1 м.—1 р., 3 м.—2 р. 50 к., 4 м.—3 р., 6 м.—4 р., 8 м.—5 р. 20 к., 10 м.—6 р. 30 к., 11 м.—6 р. 70 к., 12 м.—7 р. Безъ доставки и пересылки: 1 м.—75 к., 3 м.—2 р., 4 м.—2 р. 50 к., 6 м.—3 р. 50 к., 8 м.—4 р. 50 к., 10 м.—5 р. 30 к., 11 м.—5 р. 70 к., 12 м.—6 руб.

За границу къ подписной иногородней платѣ прибавляется по 50 к. въ мѣсяцъ. Подписка принимается только съ 1-го и 15 чиселъ мѣсяца.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы, если объ этомъ будетъ заявлено при подпискѣ, въ два срока: съ доставкою: къ 1-му января—4 руб. и къ 1-му мая 3 руб.; безъ доставки: къ 1-му января—3 р. 50 к. и къ 1-му мая—2 р 50 к.

Редакторъ-Издатель *С. П. Юрицынъ*

3-3

Общественно-педагогическая и литературная еженедѣльная газета

„Жизнь и Школа"

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

„Школьное Обозрѣніе"

(г. XIII)

подъ редакціей *М. Виноградова*

Запросы современной жизни и школы съ каждымъ днемъ осложняются, становятся серьезнѣе, острѣе и требуютъ вдумчиваго и трезваго рѣшенія. Мы идемъ на встрѣчу этимъ запросамъ и по мѣрѣ нашихъ силъ служимъ выясненію и удовлетворенію ихъ. Мы не замыкаемся въ узкой рамкѣ будничной „жизни" и въ тѣсныхъ стѣнахъ „школы": шире раздвигаемъ нашъ горизонтъ и смотримъ на жизнь, какъ на школу, а на школу, какъ на жизнь. И поэтому всѣ явленія русской жизни и школы будутъ съ возможною полнотою отражаться въ нашемъ изданіи. Главное вниманіе наше, по прежнему, будетъ обращено на основные вопросы духовной жизни и идеальной школы.

Цѣна за годъ съ перес. и дост. 5 руб., за полгода—3 р. и за 3 мѣс. 2 руб.; для начальныхъ школъ и народныхъ учителей—4 р. въ годъ, за границу 6 руб. Допускается разсрочка платежа—по соглашенію съ Редакціей. №№-въ за прежніе годы „Школьнаго Обозрѣнія" не имѣется. Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные комплекты газеты 1893 г., 1894 г. можно получать по два

руб., и 1895, 1896, 1898 и 1899 г. по 3 руб. за годъ. (Новые подписчики при выпискѣ газеты за прежніе годы, сверхъ того, пользуются 50% уст.). Библіотеки и безплатныя читальни пользуются особой уступкой. Подписчикамъ предоставляется помѣщать безплатно всякія объявленія, относящіяся къ спросу и предложенію труда, а именно: по найму учителей, гувернантокъ, боннъ и т. п., а также по продажѣ изданій, книгъ и проч. Отъ учебныхъ заведеній принимаются объявленія объ условіяхъ пріема и поступленія въ нихъ, а также объ имѣющихся вакансіяхъ учащихъ и учащихся.

Доставившему подписку на десять экземпляровъ—одиннадцатый безплатно.

Подписка принимается въ главной конторѣ „ЖИЗНЬ и ШКОЛА“ и „ШКОЛЬНАГО ОБОЗРѢНІЯ“: С.-Петербургъ, Загородный пр., 34.

3—3

Открыта подписка

на ежемѣсячный литературно-научный журналъ

на 1901 годъ

„КАВКАЗСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(годъ второй),

издаваемый въ г. Тифлисѣ В. Д. Кургановымъ, подъ редакторствомъ К. Н. Бѣгичева, по слѣдующей программѣ:

1. Правительственныя распоряженія. 2. Кавказъ и сосѣднія съ нимъ страны въ историческомъ и современномъ отношеніяхъ. Мемуары, записки, воспоминанія, біографіи и некрологи выдающихся дѣятелей. 3. Статьи по различнымъ научнымъ отраслямъ, а также практическаго характера. Протоколы ученыхъ обществъ и общественныхъ учрежденій. 4. Беллетристика: оригинальные и переводные романы, повѣсти, разсказы, драматическія произведенія, поэмы и стихотворенія. 5. Обзоръ событій мѣстной и европейской жизни. Корреспонденціи изъ Россіи и за-границы, преимущественно имѣющія отношеніе къ Кавказу и сосѣднимъ ему странамъ. 6. Литературная

критика и библіографія. Статьи по искусству. 7. Смѣсь: историческіе эскизы, анекдоты, мелкія беллетристическія произведенія и т. п. 8. Справочный отдѣлъ. 9. Объявленія.

По мѣрѣ надобности статьи въ журналѣ иллюстрируются виньетками, рисунками и портретами, а также къ нимъ прикладываются карты, планы и чертежи.

Для участія въ журналѣ приглашены лучшія научныя и литературныя силы въ Россіи. Для обзора заграничныхъ событій, касающихся Кавказа и сосѣднихъ съ нимъ странъ, имѣются корреспонденты въ главныхъ городахъ Европы.

Редакція помѣщается на Авчальской ул. д. Корганова, № 28.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Городскіе: за годъ—9 р., 1/2 года—5 р., 3 мѣсяца—3 р.
Иногородніе: за годъ—10 р., 1/2 года—6 р., 3 мѣс.—3 р. 50 к.
За-границу: за годъ—12 р., 1/2 года—7 р., 3 мѣсяца—4 руб.

За перемѣну адреса взимается 50 к.

За объявленія, помѣщаемыя въ книжкахъ журнала, взимается за цѣлую страницу 20 р., за 1/2 стр. 12 р., за 1/4 стр. 7 р.

Подписка на журналъ и объявленія принимается въ Тифлисѣ, въ конторѣ журнала „Кавказскій Вѣстникъ", на Головинскомъ пр., д. № 10, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

3—3

Открыта подписка на

„РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ"

Журналъ безъ предварительной цензуры.

Цѣна съ пересылкой и доставкой на годъ 10 р., на полгода 6 р., на три мѣсяца 3 руб., на мѣсяцъ 1 рубль.

Для лицъ духовнаго званія, преподавателей среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ *пониженіе цѣны допускается по соглашенію съ редакціей.*

Правительственныя и общественныя учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя библіотеки, военныя собранія, а равно и лица, состоящія въ нихъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ объ этомъ въ конторѣ журнала.

Въ виду многочисленныхъ запросовъ, поступающихъ въ контору редакціи со стороны читателей, заявляемъ, что нынѣшнее издательство журнала ничего общаго съ прежнимъ не имѣетъ.

3—3

1901 ОТКРЫТА ПОДПИСКА **1901**

НА

иллюстрированный популярно-научный журналъ

Энциклопедія

24 книги въ годъ,

выходящихъ 10 и 25 числа каждаго мѣсяца.

Задача популярно-научнаго журнала „*Энциклопедія*“—давать своимъ читателямъ общедоступное образовательное чтеніе по всѣмъ отраслямъ знаній, слѣдить за движеніемъ современной мысли и знакомить читателей съ современной литературой и искусствомъ. Статьи будутъ иллюстрированы художественными рисунками, необходимыми для нагляднаго объясненія текста.

Особенно богатый біографическій отдѣлъ будетъ давать обстоятельные отчеты, съ необходимымъ краткимъ изложеніемъ содержанія, о новыхъ выдающихся произведеніяхъ русской и иностранной литературы, такъ что каждый читатель всегда будетъ въ курсѣ современной литературы, науки и искусства всего цивилизованнаго міра.

Такимъ образомъ журналъ „*Энциклопедія*“ представитъ собою дѣйствительную энциклопедію современныхъ знаній, давая резюме современнаго движенія науки, литературы и искусства въ общедоступномъ, но строго-научномъ изложеніи. Ничто такъ не полезно и интересно, какъ такое резюме, въ которомъ отки-

нуто все скучное и узко-спеціальное и оставлено лишь то, что представляетъ дѣйствительную важность и жизненный интересъ. Весьма важнымъ подспорьемъ для нагляднаго ознакомленія съ предметомъ являются художественныя иллюстраціи, которыми будутъ снабжены многія статьи журнала.

Не смотря на свою низкую стоимость, журналъ „*Энциклопедія*“ дастъ много весьма интереснаго и поучительнаго матеріала какъ для каждой образованной, такъ и для всякаго, желающаго пополнить чтеніемъ свое образованіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ „*Энциклопедія*“ съ пересылкой: на годъ—*6* руб.; за-границу—*10* руб.

Допускается разсрочка: при подпискѣ—*2* руб., въ Мартѣ—*2* руб., въ Іюнѣ—*2* руб., или первые шесть мѣсяцевъ по *одному* рублю.

Цѣна отдѣльной книги—*50* коп., съ пересылкой—*70* коп.

Контора журнала: С.-Петербургъ, Рижскій пр., 48.

3—3

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанскаго Университета

на 1901 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи; представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся

въ Россіи и заграницей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія: библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя зрѣнію коллекціи и состоянію учебно-воспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, библіографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники, историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованые.

Учебныя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7р. Отдѣльныя книжки можно получить изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ *Ѳ. Мищенко*

3—3

ОБЪЯВЛЕНІЕ

о продолженіи изданія журнала

Труды Кіевской Духовной Академіи

въ 1901 году.

(Годъ изданія сорокъ второй).

Журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи“ будетъ издаваться и въ 1901 г. по прежней программѣ. Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ Дух. Академіи, по предметамъ общезанимательныя и по содержанію общедоступныя большинству читателей, а также переводы

твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ „*Библіотека твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ*“

Журналъ выходитъ *ежемѣсячно* книгами отъ 10—15-ти и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 7 руб., а за границу 8 руб.

За прежніе годы „Труды“ продаются *по уменьшеннымъ цѣнамъ*, именно: за 1860—1878 гг. по 5 р., за 1879—1883 гг. по 6 р., за 1885—1897 гг. по прежней цѣнѣ, т. е. по 7 руб. съ перес. Экземпляры „Трудовъ“ за 1867—68 и 1884 гг. распроданы.

Кромѣ того въ конторѣ редакціи продаются между прочимъ слѣдующія книги: „*Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ*:“ а.) св. Кипріана, еп. Карѳ., части 1 и 2, б.) блаж. Іеронима, ч. ч. 1—15 и в.) блаж. Августина, ч. ч. 1—8. Цѣна каждой части *2 р.* съ перес., кромѣ 9-й и 15-й частей творен. блаж. Іеронима, цѣна которыхъ по *1 р. 50 к.*

«*Опытъ правосл. догматическаго Богослуженія*» еп. Сильвестра, т. 1 (изд. 3-е) ц. *1 р. 70 к.*, т. 2 (изд. 3-е ц. *3 р. 30 к.*, т. т. 3, 4 и 5 (изд. 2-е) по *3 р.* каждый.

Съ требованіями относительно журнала и книгъ редакція проситъ обращаться *непосредственно* къ ней по слѣд. адресу:

Въ редакцію журнала „Труды Кіевской Духовной Академіи“ въ г. Кіевѣ (Ильинская, д. № 5).

Редакторъ *профессоръ В. Ѳ. Пѣвницкій.*

3—3

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1901 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція „Русской Старины“ будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣ-

дованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) документы, рисующіе быть русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будетъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145,

3—3

Открыта подписка на 1901 г. (8 г. изд.)

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ"

Изданіе П. П. СОЙКИНА

подъ редакціей д-ра философіи М. М. Филиппова

„Научное Обозрѣніе" не спеціальный, но общій журналъ, имѣющій въ виду всѣхъ читателей, интересующихся успѣхами науки, а также выдающимися литературными явленіями.

Журналъ остается вѣрнымъ своимъ завѣтамъ, т. е. по прежнему будетъ органомъ прогрессивнаго направленія, исключающаго всякій школьный догматизмъ и рутину.

Вступая въ XX-й вѣкъ, одной изъ задачъ котораго является распространеніе научнаго образованія въ возможно широкихъ кругахъ общества, *журналъ нашъ посвятитъ особое вниманіе вопросамъ самообразованія.*

Съ этою цѣлью *редакція „Научнаго Обозрѣнія“ рѣшилась присоединить къ журналу* рядъ популярныхъ сочиненій по всѣмъ отраслямъ знаній, подъ общимъ заглавіемъ:

НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.

Къ концу года это прилож. сост. большой томъ въ *40 печ. лист.* т. е. *640* страницъ.

Сочиненія и статьи, напечат. въ *„Народномъ Университетѣ“ будутъ доступны* даже для читателей, обладающ. самой элементарн. подготовкой.

Завѣдываніе этимъ отдѣломъ принялъ на себя извѣстный популяризаторъ *В. В. Битнеръ.*

Для печатанія въ „Народномъ Университетѣ“ предпол., между прочимъ слѣдующее:

Происхожденіе животнаго міра.—Міръ въ каплѣ воды.—Невидимые враги.—Происхожденіе и значеніе денегъ.—Чудеса электричества.—Мозгъ, какъ органъ мышленія.—Прогулки по небу. Доисторическій человѣкъ.

Текстъ будетъ поясненъ чертежами, рисунк. и хромолитогр.

По примѣру прежнихъ лѣтъ къ „Научному Обозрѣнію“ будутъ приложены капитальныя переводныя сочиненія:

Авенаріусъ. Міропониманіе.—*Тардъ,*—Соціальный законъ, и одно сочиненіе *Джона Стюарта Милля*, еще не бывшее въ русскомъ переводѣ.

Въ историческомъ отдѣлѣ приметъ ближайшее участіе выдающійся историкъ и популяризаторъ проф. *А. С. Трачевскій.* Здѣсь, между прочимъ, будутъ печататься: Историческая хроника Меримэ и статьи по исторіи инквизиціи.

Отдѣлъ обзора журналовъ русскихъ и иностранныхъ *будетъ значительно расширенъ*, что дастъ читателямъ возможность

въ сжатомъ видѣ слѣдить за современнымъ движеніемъ человѣческой мысли, открытіями, новостями литературы искусства и науки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ безъ дост. въ Спб. 6 р. 50 к. Съ доставкою и пересылкою по всей Россіи—7 руб. За границу 10 рублей.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 апрѣля 2 руб. и къ 1 іюля остальные, или по одному рублю, начиная съ декабря.

Адресъ конторы: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Стремянная, 12, собственный домъ.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„ВОЛЫНЬ“

(Двадцать третій годъ изданія)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На 12 мѣс. . . .	6 руб.	На 3 мѣс. . .	1 р. 50 к.
На 6 мѣс. . . .	3 руб.	На 2 мѣс. . .	1 р. 10 к.
На 4 мѣс. . . .	2 руб.	На 1 мѣс. . .	— р. 60 к.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА №№ ПО 5 КОП.

Подписка принимается въ г. Житомірѣ, въ главной конторѣ редакціи, по Б.-Бердичевской ул., въ Архіерейскомъ домѣ. *Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку газеты лишь въ томъ случаѣ, если подписка принята въ Главной Конторѣ.*

Контора газеты открыта ежедневно, за исключеніемъ дней праздничныхъ, отъ 9 час. утра до 6 час. пополудни.

Редакторъ-издатель *Г. И. Коровицкій.*

3—3

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

I. КРЕСТЬЯНЕ И КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА ВЪ ВОСТОЧНОЙ АВСТРІИ. **И. Лучицкаго** . . . . . 313—351

II. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЧЕРНИГОВСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. (1861—1863 гг.). **А. Л.** . . . . . 352—367

III. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ ВЪ МАЛОРОССІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII СТ. *(Продолженіе).* **Ор. Левицкаго** . . . . . 368—395

IV. ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО ВВЕДЕНІЮ ПОЛОЖЕНІЙ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 Г. ВЪ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБ. (Къ 40-лѣтію со дня освобожденія крестьянъ). **Ник. Василенка** . . . 396—423

V. НАША ДОЛЯ—БОЖА ВОЛЯ. *(Продолженіе).* **Д. Яворницкаго** . . . . . 424—460

VI. П. А. КУЛИШЪ. Біографическій очеркъ. *(Продолженіе).* **В. Шенрока.** . . . . . 461—492

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи освобожденія крестьянъ б) Два документа къ исторіи 19 февраля 1861 г.; в) Подольская пѣсня о панщинѣ; г) Озеро Свитязь и народныя преданія о немъ. **П. Т.**; д) Къ исторіи женскаго образованія въ Кіевской губ. (Архивная справка); е) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. **А. Мёрдеръ** ж) Поправка. . . . . 131—157

Текущія извѣстія . . . . . 158—165

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Украинскія изданія 1900 года. **В. Доманицкаго**; б) Древности. Труды Имп. Моск. Археолог. Общ. изд. подъ ред. В. К. Трутовскаго, секретаря общества. Т. XVII. Б.; в) Karol Bołsunowski. Najdawniejsze pomniki chrzestianstwa na Rusi **М. К.**; г) Графиня Уварова. Матеріалы по археологіи Кавказа. Вып. VIII. Могильники сѣвернаго Кавказа. **В**; д) Ksawery Chamiec. Wśród stepów i jarów. Kultura przeddziejowa. **В.**; е) Обзоръ журналовъ текущаго года; ж) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . 166—196

Археологическая лѣтопись. . . . . . 197—205

III. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго.** Листъ 13-й . 193—208
2) Портретъ М. Т. Симонова (Номиса).